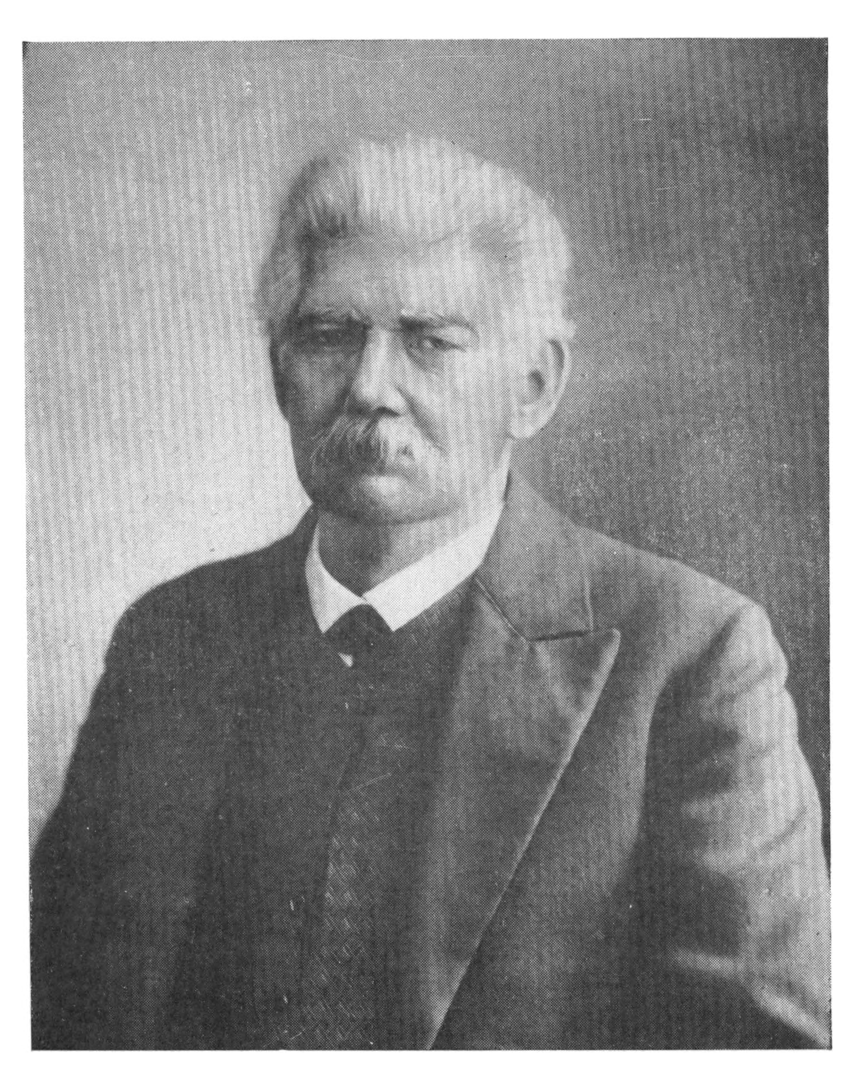
ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1971

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

1-6-3
160-71

Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

11—14 июня 1968 г. в Ленинграде состоялась Тюркологическая конференция, посвященная памяти крупнейшего русского тюрколога акад. В. В. Радлова (1837—1918).

В настоящем сборнике публикуются основные доклады Конференции, а также некоторые другие материалы, продолжающие и развивающие тюркологические темы, в разработке которых вклад В. В. Радлова особенно значителен.

А. Н. Кононов

В. В. РАДЛОВ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

К шестидесятым годам прошлого столетия, когда началась научно-исследовательская деятельность В. В. Радлова, русское востоковедение вообще и русская тюркология в частности достигли весьма значительных успехов.

Первый год XIX в. был отмечен весьма важным событием в истории изучения грамматического строя тюркских языков в России: были изданы первая «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная», СПб., 1801 и первая — его же — «Грамматика турецкого и арабского языка», СПб., 1801.

За названной грамматикой последовали другие учебные пособия по татарскому языку, составителями которых были Н. Б. Атнометов, Ибрагим Хальфин, А. Троянский, О. И. Сенковский.

Начало прошлого века в истории отечественного востоковедения ознаменовалось важным организационным решением: 5 ноября 1804 г. был введен в действие устав российских университетов, по которому в реорганизованном Московском и во вновь создаваемых Казанском и Харьковском университетах учреждались кафедры восточной словесности.

Преподавание тюркских языков удалось организовать в Казанском университете (с 1812 г.— Ибрагим Хальфин, с 1826 г.— А. К. Казем-бек) и в С.-Петербургском университете (основан 8 февраля 1819 г.), где первым преподавателем турецкого языка (с 1822 г.) был О. И. Сенковский.

В тридцатые и сороковые годы прошлого столетия появляется ряд учебных пособий по тюркским языкам, среди которых особое место занимает «Грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1839) А. К. Казем-бека, особенно ее второе издание «Общая грамматика турецко-татарского языка»

(Казань, 1846), которая надолго стала основным учебным пособием для изучения турецкого языка как в России, так и в Западной Европе.

Первый год второй половины XIX столетия в истории отечественной тюркологии ознаменовался событием эпохального значения: в 1851 г. в С.-Петербурге была издана «Грамматика якутского языка» («Über die Sprache der Jakuten») О. Н. Бётлингка (1815—1904).

В начале второй половины XIX столетия произошло еще одно событие чрезвычайного значения: 22 октября 1854 г. Николай I в Гатчине подписал указ Правительствующему Сенату об учреждении в С.-Петербургском университете факультета восточных языков, где тюркские языки стали преподавать А. О. Мухлинский и И. Н. Березин.

Шестидесятые годы прошлого столетия в истории отечественной тюркологии отмечены тремя выдающимися трудами, сохраняющими и поныне свое научное значение и перешедшими в разряд классических трудов. Появление их было подготовлено всем предшествующим развитием тюркологии в нашей стране. Речь идет о следующих трех трудах, вошедших в золотой фонд мировой тюркологии:

1) «Грамматика алтайского языка». Составлена членами Алтайской миссии (Казань, 1869); авторами грамматики были архимандрит Макарий (М. Я. Глухарев), В. И. Вербицкий, Н. И. Ильминский;

2) «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (СПб., 1869—1871) Л. З. Будагова;

3) «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868—1869) В. В. Вельяминова-Зернова.

Все упомянутое выше достаточно убедительно свидетельствует о том, что тюркология в России к шестидесятым годам XIX в. добилась очевидных успехов.

Шестидесятые годы прошлого столетия ознаменовались еще одним непреходящего значения событием: началом научно-исследовательской деятельности родоначальника новой эпохи в развитии отечественной и мировой тюркологии Василия Васильевича Радлова (1837—1918).

В. В. Радлов, питомец Берлинского университета, нашел в России, куда прибыл летом 1858 г., все необходимое для работы и жизни, которая отчетливо делится на три периода: алтайский, казанский, петербургский — петроградский[1].

[1] Основная литература о В. В. Радлове: О. Э. Ливотова, Основная литература об Азиатском музее— Институте востоковедения АН СССР (1776—1954),— ОИРВ, т. 2, М., 1956, стр. 502—503; см. еще: А. Н. Самойлович, Радлов как турколог,— «Новый Восток», 1922, № 2,

Алтайский период (1859—1871) научной деятельности В. В. Радлова был посвящен преимущественно самообразованию — изучению тюркских языков Алтая, а затем собиранию и первичной обработке материалов по языкам, фольклору, этнографии и археологии тюркских народов Алтая и Западной Сибири. Начиная с 1866 г. ежегодно издаются труды В. В. Радлова, которые составили «целую энциклопедию совершенно новых данных по тюркской лингвистике, этнографии, географии и археологии Западной Сибири, Алтая и Средней Азии» [2].

Казанский период (1871—1884) жизни В. В. Радлова прошел под знаком педагогической и административной деятельности: в конце 1872 г. он был назначен инспектором татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа.

Казанский период оказался сравнительно малопродуктивным: в 1872 г. вышел 4-й том «Образцов народной литературы тюркских племен», несколько учебников для татарских школ; в 1882—1883 гг. двумя выпусками была издана «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Phonetik» — первая сравнительная фонетика тюркских языков; в 1883 г. появился труд «Aus Sibirien», который справедливо называют энциклопедией Западной Сибири.

Петербургский — петроградский период (1884—1918) жизни и деятельности В. В. Радлова начинается с избрания его «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов» (7 ноября 1884 г.).

Этот период был самым разнообразным по тематике научных занятий и самым плодотворным по числу изданий, осу-

---

стр. 707—712; Памяти великого тюрколога акад. В. В. Радлова (К 100-летию со дня рождения: 1837—1937),— «Революция и национальности», 1937, № 2, стр. 79—81; В. А. Гордлевский, Памяти В. В. Радлова (1837—1918),— Избранные сочинения, т. IV, М., 1968, стр. 371—372; В. Munkácsi, Radloff Vilmos (1837—1918),— «Budapesti Szemle», № 176 (1918), стр. 425—461; Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837—1918). Ein Beitrag zur Geschichte der Türkologie, — «Oriens», vol. 8, 1955, № 1, стр. 51—93.

Список трудов В. В. Радлова см.: К. Г. Залеман, Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке,— в кн.: «Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова», СПб., 1907, стр. 3—25; продолжение до 1912 г. в кн.: «Семидесятипятилетний юбилей дня рождения академика В. В. Радлова», СПб., 1912, стр. 5—8; Материалы для биографии действительных членов Академии наук, ч. II, Пг., 1917, стр. 129—136; Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff, стр. 71—87; О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль, Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография, М., 1966, №№ 1338—1385; см. также наст. изд., стр. 261—279 (хронологический перечень трудов В. В. Радлова).

[2] Л. Штернберг, Из жизни и деятельности В. В. Радлова,— «Живая старина», СПб., 1909, т. XVIII, вып. II—III, стр. XVI.

ществленных В. В. Радловым, чему, конечно, в значительной степени способствовала его деятельность на Алтае и в Казани.

В. В. Радлов в течение своей шестидесятилетней научной деятельности постепенно включил в сферу своих научных интересов все области тюркологии: диалектографию и диалектологию, лексикографию и лексикологию, сравнительную и историческую фонетику и грамматику тюркских языков, тюркскую текстологию и издание памятников тюркской письменности на руническом, уйгурском, арабском алфавитах, тюркский фольклор, этнографию, историю, археологию.

Многочисленные и разнообразные материалы, собранные во время почти двенадцатилетнего пребывания на Алтае, позднее были систематизированы, изучены и изданы.

Материалы по народной литературе увидели свет в десятитомном издании «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866—1907; первые семь томов собраны Радловым, материалы трех последних томов — Куношем, Катановым, Мошковым), которые, по выражению А. Н. Самойловича, «являются первой серией капитальных трудов Радлова по возведению фундамента тюркологии» [3].

«Приступив в 1859 году к исследованию тюркских наречий собственного Алтая,— писал В. В. Радлов в предисловии к „Опыту словаря“,— я с самого начала стал собирать не только произведения народного творчества, но и по возможности объемистый лексический материал», который позднее был дополнен материалами, извлеченными из различных тюркских словарей. Так возник знаменитый «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1893—1911).

Материалы по этнографии, истории и археологии, собранные на Алтае, увидели свет в книгах «Aus Sibirien» и «Сибирские древности».

Наличие в распоряжении В. В. Радлова огромного фактического материала почти по всем тюркским языкам позволило ему перейти к синтетическому обобщению своих наблюдений над фонетическим и грамматическим строем тюркских языков, реализованных, к сожалению, только в части, посвященной фонетике, в книге «Сравнительная грамматика северных тюркских языков, ч. I. Фонетика» (Лейпциг, 1882—1883).

«Фонетика» Радлова, к сожалению необоснованно мало используемая советскими тюркологами, равно как и основанная на ней классификация тюркских языков сохраняют свое значение и поныне, с точки зрения как фактического материала, так и основных наблюдений и выводов.

---

[3] А. Н. Самойлович, Радлов как турколог, стр. 708.

Стремление глубже познать фонетический и грамматический строй тюркских языков приводит В. В. Радлова к изучению истории тюркских языков по памятникам; появляется серия работ: «Сельджукские стихи», ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга, несторианско-тюркские надписи в Семиречье, исследование языка Codex Cumanicus и, наконец, издание «Кутадгу билиг».

В интересах расширения базы для сравнительно-исторического изучения фонетики и грамматики тюркских языков В. В. Радлов после дешифровки и перевода основных памятников рунической письменности подводит итоги этой трудоемкой работы изданием завершающей книги «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge» (СПб., 1897), в которой содержатся краткое изложение фонетики, морфологии, синтаксиса (последний, впрочем, никогда не привлекал его особого внимания), текст в русской академической транскрипции, перевод и словарь.

В. В. Радлов является пионером тюркской текстологии. Кроме целой серии рунических памятников он собственноручно переписал и издал ряд памятников уйгурской письменности: «Хуастуанит» (СПб., 1909), «Тишаствустик» (СПб., 1910), «Куан-ши-им Пусар» (СПб., 1911). Венцом его деятельности в этой области было издание знаменитой «Сутры золотого блеска — Суварнапрабхаса» (СПб., 1913—1917) — уйгурской рукописи, найденной С. Е. Маловым в 1910 г. Перевод части этого памятника на немецкий язык был осуществлен В. В. Радловым и опубликован С. Е. Маловым в 1930 г. Посмертным изданием вышла работа, содержащая уйгурские тексты и переводы,— «Uigurische Sprachdenkmäler», она была опубликована С. Е. Маловым в 1928 г.

Наблюдения над грамматическим строем орхоно-енисейских и уйгурских памятников, усовершенствованные переводы изданы в серии статей, объединенных в шести выпусках «Alttürkische Studien» (I—VI, СПб., 1909—1912). Четвертая статья этой серии, «Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte» (1911) — «Вводные мысли к изучению древнетюркских диалектов», имеет особое значение для понимания многих проблем истории тюркских языков и истории тюркоязычных народов. Пятая статья серии, «Die alttürkischen Dialekte» (1911) — «Древнетюркские диалекты», представляет собой последнее по времени предпринятое В. В. Радловым краткое описание грамматики некоторых памятников рунической и уйгурской письменности; здесь же была сделана попытка представить классификацию древнетюркских диалектов (языков), которая до сих пор не заменена ничем иным.

Студенческие годы В. В. Радлова прошли в Берлине и

Галле в эпоху, когда шла напряженная разработка новой теории сравнительного языкознания.

Выдающиеся лингвисты Ф. Бопп, Г. Штейнталь и А. Потт были учителями В. В. Радлова. Жизнь в Казани, в одном из главных центров научного языкознания тогдашней России, участие в кружке И. А. Бодуэна де Куртенэ не могли не пробудить у Радлова интереса к проблемам общего языкознания, которые, однако, он неизменно рассматривал через призму хорошо известного ему тюркского лингвистического материала.

К числу работ, представляющих общелингвистический интерес, относится «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen» (1882) — «Звуковые изменения и их значение для развития языка, подтвержденные примерами из тюркских языков».

Общие проблемы тюркского языкознания обстоятельно анализируются в следующих работах В. В. Радлова: «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems» (1901), «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen» (1908).

Особое место среди работ, в которых ставились и решались Радловым проблемы общей теории тюркских языков, принадлежит большой статье «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» (1906). В этой работе, которая являлась введением ко второй части «Сравнительной грамматики северных тюркских языков», излагаются основные проблемы морфологии тюркских языков. В частности, здесь изложена, к сожалению не получившая распространения, идея о природе тюркской агглютинации и происхождении аффиксов.

«Кроме строгого соблюдения закона гармонии гласных...— писал В. В. Радлов,— происходят... еще и другие фонетические изменения в ауслауте корней и в ауслауте аффиксов», которые могут быть истолкованы как «средство связи между „предметом — содержанием“ и „предметом — формой“ (Inhalts- und Formstoff), в силу чего образуется своего рода г и п е р а г г л ю т и н а ц и я...; ...ощущение членимости утрачивается, и в результате с п л а в л е н и я корня с аффиксом возникает нечленимое новообразование» [4].

Несмотря на то что основные положения этой статьи подверглись критике со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ [5], те-

---

[4] W. R a d l o f f, Einleitende Gedanken,— ЗАН. По историко-филологическому отделению, т. VII, № 7, стр. 22.

[5] И. Б о д у э н д е К у р т е н э, Заметки на полях сочинения В. В. Радлова «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen»,— «Живая старина», СПб., 1909, вып. II—III, стр. 191—205.

перь, по прошествии более шестидесяти лет, можно сказать, что основные идеи В. В. Радлова о природе агглютинации и происхождении аффиксов заслуживают самого пристального внимания.

При оценке вклада В. В. Радлова в развитие тюркологии следует строго обязательно принимать во внимание общее состояние тюркологии как науки в шестидесятых и последующих годах XIX в. и начале XX в.

К началу деятельности В. В. Радлова тюркология в России имела бесспорные и признанные успехи. Благодаря трудам И. И. Гиганова, А. Троянского, А. К. Казем-бека, О. Н. Бётлингка, Х. Д. Френа, Б. А. Дорна, О. И. Сенковского, А. О. Мухлинского, И. Н. Березина, В. В. Григорьева, П. С. Савельева, В. И. Вербицкого, Н. И. Ильминского и др. русская тюркология заняла ведущее место.

И до Радлова в тюркологии было много хороших работ, главным образом по отдельным тюркским языкам, но не было обобщающих, фундаментальных трудов, базирующихся на большом, тщательно систематизированном материале основных тюркских языков; не было, за редким исключением, трудов, открывающих широкие научные горизонты и имеющих общетюркологическое значение.

Состояние исследовательского материала дорадловской тюркологии, его скудость и слабая изученность вынуждали тюркологов заниматься преимущественно аналитико-описательной работой на материале какого-нибудь одного из тюркских языков.

Сравнительно-сопоставительные исследования по названным причинам проводились в весьма скромных масштабах и ограничивались сопоставлением отдельных, лежащих на поверхности языковых фактов.

Первые попытки сопоставительного анализа отдельных фактов — а не системы!— грамматики тюркских языков намечаются уже в трудах И. Гиганова (1801), А. Казем-бека (1839, 1846) и в «Грамматике алтайского языка» (1869).

Сравнительное изучение тюркских языков на базе достижений тогдашней индоевропеистики начинается с «Грамматики якутского языка» О. Н. Бётлингка (1851).

Из довольно значительного числа тюркских словарей, изданных до выхода в свет «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, только «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова содержит лексику ряда тюркских языков и, следовательно, он может быть причислен к общетюркологическим словарям.

Трудами же В. В. Радлова тюркология в целом — во всех ее основных филологических и лингвистических разделах —

поднялась на новую ступень, приобрела новое качество, чему способствовало в первую очередь введение В. В. Радловым в научный обиход нового фактического материала, почерпнутого из сокровищницы почти всех тюркских языков, создание общетюркского словаря, изучение фонетики и грамматики многих живых тюркских языков и почти всех основных памятников рунической, значительного числа памятников уйгурской и отчасти арабской письменности и — может быть, самое главное — утверждение сравнительно-исторического метода в тюркологии.

Сказанное дает основание утверждать, что принятая многими тюркологами периодизация дооктябрьской отечественной тюркологии — дорадловская эпоха и радловская эпоха — соответствует объективно установленным фактам. Последнее шестидесятилетие дооктябрьского периода прошло под знаком неутомимой деятельности богатыря тюркологии В. В. Радлова.

Исключительно обширные знания и изумительная работоспособность В. В. Радлова позволили ему одному, без помощников, проделать работу такого объема, которая, без преувеличения, под силу только целому коллективу опытных исследователей.

Обзор жизни и деятельности В. В. Радлова и его заслуг перед отечественным востоковедением был бы неполным, если бы мы не сказали о нем как об администраторе, педагоге и общественном деятеле.

Организационно-административная деятельность В. В. Радлова началась еще в Казани, когда он был назначен инспектором так называемых инородческих школ. Затем уже в С.-Петербурге В. В. Радлов некоторое время занимал должность директора Азиатского музея (1885—1890); в бытность его директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (1894—1918) была проведена реорганизация музея.

В. В. Радлов был одним из инициаторов создания «Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии» (1903—1918), сыгравшего важную роль в развитии отечественной тюркологии, и его председателем.

Последние десять лет своей жизни В. В. Радлов был председателем правления «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» (1908—1918).

В. В. Радлов не преподавал ни в Казанском, ни в С.-Петербургском университетах, но учеников в петербургский период своей жизни имел; это были тюркологи Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, монголисты Б. Я. Владимирцов и А. Д. Руднев.

Его ученики-тюркологи, избрав каждый более или менее узкую область (Н. Ф. Катанов — этнография и языкознание, П. М. Мелиоранский — языкознание, С. Е. Малов — руника и уйгурика, А. Н. Самойлович — литература, этнография, языкознание), продолжали и развивали общие идеи своего учителя, внося свое, новое в понимание основных проблем тюркологии, углубляясь одновременно в области, не затронутые исследовательским вниманием В. В. Радлова; к последним относятся, в частности, среднеазиатские тюркские литературные памятники и языки огузской группы «послерунического» периода.

Все сказанное позволяет утверждать, что В. В. Радлов своими трудами заложил фундамент новой тюркологии, тюркологии радловского периода, и создал свою, радловскую школу.

Ученики учеников В. В. Радлова и их ученики в новых условиях, на основе новой методологии успешно работают во всех областях тюркологии, успехи которой в прошлом прочно связаны с именем В. В. Радлова. Память о В. В. Радлове всегда будет жить в сердцах и делах советских тюркологов.

М. С. Сильченко

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКОГО ФОЛЬКЛОРА *

Выдающийся представитель академического востоковедения, В. В. Радлов много лет посвятил собиранию образцов народной поэзии среди алтайцев, барабинских, тюменских, тобольских татар, казахов, киргизов, уйгуров, крымских татар и других тюркоязычных народов России. Его фундаментальные труды «Aus Sibirien» и «Образцы народной литературы тюркских племен» имеют основополагающее значение для исследований тюркского фольклора.

Записи В. В. Радловым материалов «в том виде, в каком они продиктованы певцами», характеристики исполнителей произведений фольклора, жанрового состава, особенностей стиля и языка устных народных произведений настолько верны и метки, что они до сих пор не утратили своего значения. Интересны сведения, сообщаемые В. В. Радловым об искусстве импровизации, об импровизаторах, о музыкальных инструментах — постоянных спутниках импровизаторов. В массовом искусстве импровизаторов, столь характерном для тюркских кочевых народов, В. В. Радлов выделяет профессиональное искусство акынов, бахши, жомокши, шаиров.

В. В. Радлов обрисовал типы певцов и отдельных исполнителей фольклора. Им, например, охарактеризован творческий облик акына-мелодиста (*сері*).

Радловские характеристики акынов-мелодистов настолько верны, что с полным основанием принимаются и развиваются современными советскими исследователями тюркского фольклора.

В «Образцах» и некоторых других работах В. В. Радлова содержится материал, по которому можно воссоздать структурный и жанровый состав тюркского фольклора.

* Публикуется краткое изложение доклада М. С. Сильченко на тюркологической конференции.— *Прим. редколлегии.*

Так, в третьем томе «Образцов» фольклорист находит записанные и опубликованные В. В. Радловым тексты казахского фольклора: пословицы и поговорки, благопожелания (*бата соз*), свадебные песни, состязательные песни (*айтыс*), песни-заклинания шаманов (*баксы*), эпические сказания «Ер Саин», «Ер Таргын», «Қозы Қорпеш и Баян-Сулу», «Едиге». Там же напечатаны сказки о *тазше* («паршивом»), «Три вора» и др.

Особенно хочется отметить публикацию В. В. Радловым «Қозы-Қорпеш и Баян-Сулу». Это высокопоэтическое народное сказание получило весьма широкое распространение среди тюркоязычных народов: «Қозы-Қорпеш и Баян-Сулу» — у казахов и барабинских татар, «Қозын-Эркеш» — у алтайцев, «Қуз-Қурпяч» — у башкир, «Бозы-Қорпеш» — у уйгуров.

Разумеется, это сказание у разных народов имеет свои отличия и в сюжете, и в трактовке образов персонажей, и в привлечении бытовых деталей, и в лексическом оформлении. Однако ведущие мотивы являются при этом общими, традиционными. В. В. Радлов встречал среди казахов, алтайцев и барабинских татар людей, которые знали и исполняли сказание о Қозы-Қорпеше и Баян-Сулу, когда он объезжал Омские и Семипалатинские степи, Бухтарму и Алатавский округ. Қонечно, ученый был осведомлен и о предшествовавших публикациях этого народного творения.

Изучение и дальнейшие разыскания вариантов «Қозы-Қорпеш и Баян-Сулу» у казахов да и у других тюркских народов продолжались и после издания «Образцов». До последнего времени, например, казахстанским фольклористам удается находить новые варианты и версии этого сказания; число их уже превышает тридцать. В 1959 г. осуществлено научное издание «Қозы-Қорпеш и Баян-Сулу» [1].

Опубликованный В. В. Радловым вариант «Қозы-Қорпеш и Баян-Сулу» при его сопоставлении с другими казахскими вариантами, с вариантами и версиями барабинских татар, башкир, алтайцев, уйгуров позволяет сделать ряд выводов и предположений об исходной сказочной форме поэтической версии, о дальнейшем развитии этой версии у отдельных тюркоязычных народов и отражении народных представлений и идеалов, о социально-эстетической окраске и исторической конкретизации произведения.

Вкладом в изучение тюркского фольклора являются и сделанные В. В. Радловым записи киргизского эпоса «Манас» [2],

[1] Ы. Дуйсенбаев, Қозы-Қөрпеш — Баян-Сұлу жырынын нусқалары туралы. Қозы-Қөрпеш — Баян-Сұлу, Алматы, 1959.

[2] В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. V, СПб., 1885.

о котором Ч. Ч. Валиханов писал: «Это нечто вроде степной Илиады» [3], подчеркивая таким образом национальное и мировое значение киргизского эпоса.

Предшествующие радловским записи «Манаса» принадлежат Ч. Валиханову. В его черновых бумагах сохранился рассказ в прозе на русском языке «Смерть Кукотай-хана и его поминки» (отрывок из героической саги дикокаменных киргиз «Манас») [4]. Характеризуя тему этого отрывка по вариантам манасчи Сагымбая и Каралаева, М. О. Ауэзов видит здесь «характерный прием новой большой темы — общий для всех без исключения частей поэмы, когда повествованию о каком-либо большом событии обязательно предшествуют пространно изложенные мотивы, поводы, вызвавшие его» [5].

Но все же запись Ч. Валиханова, опубликованная впервые в 1904 г., всего лишь небольшая часть столь монументального эпического произведения, каким является «Манас», да к тому же и не на языке оригинала. Поэтому-то, какие бы мы ни высказывали критические замечания, например об отрывочности записей В. В. Радлова или о дефектах исполнения манасчи, которого В. В. Радлову довелось слышать [6], эти записи являются одними из первых, наиболее полных и научно достоверных, вошедших в фонд востоковедения. Не учитывать их, не ссылаться на них, равно как и на предпосланное публикациям в пятой части «Образцов» предисловие, не могут ни киргизские фольклористы, ни ученые-тюркологи других народов.

В одном докладе невозможно осветить все жанры тюркского фольклора, образцы которых опубликованы В. В. Радловым и которые впоследствии стали предметом исследований фольклористов.

Следует заметить, что В. В. Радлов публиковал образцы тюркской народной поэзии, широко бытовавшие во второй половине XIX в. и имевшие не только локальное, а общенародное значение. Тексты этих образцов были довольно устойчивы в пределах жанров обрядово-бытовой и лирической поэзии и более варьировались в пределах эпических жанров.

Имя В. В. Радлова, его труды олицетворяют тот этап отечественной науки, когда в истории изучения тюркского фольклора утверждались принципы комплексного подхода к устной поэзии народа: наблюдение над бытованием фольклора, его связи с этнографией, филологические экскурсы, вопросы поэтики, исполнительское мастерство — все это давало воз-

[3] Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова, стр. 71—72.
[4] Там же, стр. 208—222.
[5] М. О. Ауэзов, Мысли разных лет, Алма-Ата, 1959, стр. 503.
[6] Там же, стр. 485—487.

можность науке накапливать значительные фонды для объективных выводов и реалистических описаний.

В. В. Радлов, как это видно из его трудов, обращал внимание и на то, что́ в тюркском фольклоре традиционно и возникало в древние времена, и на то, что́ было ему современно.

Труды В. В. Радлова — классика отечественной фольклористики,— представляя свое время, и сегодня не устарели и не потеряли значения.

С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный

В. В. РАДЛОВ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Роль В. В. Радлова в историко-этнографическом и археологическом изучении Сибири, Центральной и Средней Азии намного значительнее, чем это обычно принято считать. Наиболее полное освещение заслуг В. В. Радлова в этой области содержится в статье В. В. Бартольда, посвященной памяти В. В. Радлова, которая была опубликована в 1919 г.[1]. По существу, все позднейшие оценки В. В. Радлова не претендуют на столь глубокое изучение темы, как это сделал В. В. Бартольд. Однако и он ограничил себя в этом вопросе лишь отдельными, хотя и достаточно глубоко проработанными, аспектами изучения историко-этнографических взглядов В. В. Радлова.

Можно выделить следующие основные направления в историко-этнографической работе В. В. Радлова: а) этнографическое изучение малоисследованных тюркских народов Сибири и Средней Азии; б) реконструкция древней истории этих народов на основе изучения археологических памятников; создание эволюционной схемы развития сибирских археологических культур; в) опыты объяснения специфики исторического развития охотничьих и кочевых народов.

Интерес к малоизвестным в ту пору народам азиатской части России возник у В. В. Радлова еще в студенческие годы, когда выявилось его стремление к исследованиям в области сравнительного языкознания, как известно связываемого его основоположниками с явлениями этнической истории и общественной психологии. Непосредственное воздействие оказали на В. В. Радлова и занятия у одного из создателей урало-алтаистики, Вильгельма Шотта, и лекции выдающегося

---

[1] В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918,— ИРГО, 1919, т. LIV, вып. 1, стр. 164—189.

немецкого географа и историка Карла Риттера[2], уделявшего немало внимания этнологии Центральной Азии и Сибири. Ссылки на взгляды Риттера неоднократно встречаются в трудах В. В. Радлова, и поэтому его концепция заслуживает хотя бы краткого упоминания.

В противовес сильной тогда в Германии исторической школе права, провозгласившей обусловленность истории духовным складом народа, историко-географическая школа Риттера связывала историческое развитие народа с географическими особенностями населяемой им страны. Основная идея Риттера состояла в том, что разнообразие географической среды не позволяет говорить о людях вообще, есть лишь люди, живущие в данной стране, в данных естественных условиях, которые и определяют их историю. А поскольку географическая обстановка в каждом случае своеобразна, то вследствие этого под ее влиянием у каждого народа возникают свои специфические этнобытовые черты, которые остаются неизменными в течение тысячелетий.

Таковы были в общих чертах те научные идеи, под влиянием которых формировались историко-этнологические взгляды молодого Радлова.

В. В. Радлов выехал в Россию в надежде обратиться к изучению тунгусов, загадочной в то время народности Сибири. Силой обстоятельств очутившись в Барнауле, Радлов изменил лишь объект исследования, но не изменил цели. Научная жизнь В. В. Радлова способствовала реализации им планов исследования азиатских народов. Крупные академические экспедиции XVIII в. экспедиции Русского географического общества, образованного в 1845 г., фактически создали первую этнографическую карту азиатской части России, на которой ко времени приезда В. В. Радлова в Барнаул обширные области Южной Сибири оставались еще белым пятном.

Приехав на Алтай, В. В. Радлов намечает обширный план научных исследований, в котором наряду с лингвистическими были выделены и этнографические задачи.

Первую научную поездку В. В. Радлов предпринял в мае 1860 г. в сопровождении жены и алтайца — знатока местных диалектов[3]. Молодой ученый совершил путешествие по долинам рек Чуи и Катуни. В 1861 г. В. В. Радлов вел исследования на Западном Алтае в долинах рек Бачаты, Мрасса, Лебедь, Чулышман, на берегах Телецкого озера, изучая глав-

---

[2] Курс лекций издан посмертно: К. Ritter, Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen, Berlin, 1861.

[3] W. Radloff, Aus Sibirien. Löse Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, Bd I, Leipzig, 1884, стр. 32

ным образом телеутов и шорцев[4], а также в Туве в районе озера Кара-Холь[5].

В последующие годы В. В. Радлов уделяет большое внимание исследованиям не только алтайцев, но и живших на сопредельных с Алтаем территориях тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии, в том числе казахов и киргизов[6].

Среди этнографических вопросов В. В. Радлов особое внимание уделял выявлению почти совершенно неизвестного в то время родового состава тюркских народностей, так как считал вслед за М. А. Кастреном, что изучение родового состава того или иного народа может служить важнейшим источником для выяснения его происхождения.

В результате этих исследований В. В. Радловым была опубликована великолепная сводка, посвященная этническому составу тюркских племен Сибири и Монголии[7]. Эта работа В. В. Радлова, сравнительно небольшая по объему, но предельно насыщенная фактическим материалом и содержащая исключительно ценные выводы по этногенезу тюркских народов, явилась крупным событием в тюркологии и этнографии. В ней были приведены новые сведения по обширной группе тюркских народов от тофаларов (карагасов) в Сибири до узбеков в Средней Азии. В результате научный мир смог ознакомиться со сложной и вместе с тем в определенной мере взаимосвязанной родовой структурой тюркских народов. Отдельные выводы В. В. Радлова были позднее уточнены и даже пересмотрены, но и поныне эта работа остается, пожалуй, одной из лучших сводок по данному вопросу.

Значительное место в «Aus Sibirien» и других трудах В. В. Радлова отведено этногенетическим вопросам, относящимся к сложению тюркоязычных народов Южной Сибири. Разрабатывая этногенетическую проблематику, В. В. Радлов помимо собственно этнографических фактов привлекал также древние и средневековые письменные источники, данные языка, топонимического и этнонимического анализа, археологические и фольклорные материалы. Вместе с тем В. В. Радлов нередко переоценивал значение бытовых особенностей народа

---

[4] Там же, стр. 70—101.

[5] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 163—189.

[6] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, стр. 101—170, 406—534.

[7] W. Radloff, Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883. Русский перевод: В. В. Радлов, Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1888; впоследствии был издан новый перевод, выполненный Н. Н. Козьминым, который снабдил его заслуживающим внимания комментарием: В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929.

для этногенетических выводов, следуя в этом отношении за Риттером. Так, В. В. Радлов в своих ранних трудах относил тюркоязычных туба к самодийским по происхождению народам главным образом на том основании, что у них издавна господствовали охотничье-оленеводческие формы хозяйства и быта, характерные для самодийских племен [8].

По мнению В. В. Радлова, на территории Саяно-Алтая в древности протекали сложные этнические процессы, в которых уже с эпохи бронзы важную роль играли кетоязычные племена, распространившиеся позднее на север [9]. В степных районах Присаянья, и в частности в Минусинской котловине, процессы отюречивания, как полагал Радлов, были начаты кыргызами, взаимодействовавшими здесь главным образом с енисейскими остяками (кетами), а также с самодийцами. Позднее, в XVIII—XIX вв., линия тюркского этногенеза была продолжена здесь другими тюркскими племенами, сложившимися, впрочем, на нетюркской аборигенной основе. Вместе с тем В. В. Радлов предполагал, что непосредственные предки хакасов, за исключением койбалов, «как бы ни было различно их происхождение, говорили на турецких наречиях уже во время переселения в долину Абакана» [10].

Следует оговорить, что в известной мере продолжая в этой области дело М. А. Кастрена и солидаризируясь со многими его гипотезами в отношении аборигенного населения Саяно-Алтая, сам В. В. Радлов, по крайней мере в своих печатных трудах, не поддерживал идеи урало-алтайского родства и высказывался о ней скептически, хотя, по свидетельству Л. Я. Штернберга, в позднейшее время мнение В. В. Радлова эволюционировало в сторону сближения с некоторыми положениями М. А. Кастрена [11].

Интерес В. В. Радлова к истории тюркских народов не ограничивался этногенетическими проблемами или хорошо известными источниковедными публикациями ряда тюркоязычных исторических памятников. Его в равной мере интересовало соотношение между хозяйством и общественным бытом, между особенностями социальной организации и специфическими чертами политической истории этих народов. То обстоятельство, что эти вопросы подробно рассмотрены в

---

[8] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, стр. 191. Позднее Радлов пришел к выводу, что туба — одно из уйгурских племен. См.: В. Радлов, К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (прил. к ЗАН, т. LXXII, № 2), стр. 88—90.

[9] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 100—102.

[10] В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен, стр. 8.

[11] Л. Я. Штернберг, Кастрен — алтаист и этнограф,— сб. «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти», Л., 1927, стр. 47 (АН СССР. Очерки по истории знаний, II).

уже цитировавшейся статье акад. В. В. Бартольда, позволяет нам ограничиться сравнительно кратким обзором работы В. В. Радлова в указанном направлении.

Наиболее полно В. В. Радлов изложил свои взгляды на связь истории с хозяйством и бытом народа во вводной статье к изданию «Кутадгу билиг» (1890), впоследствии изданной на русском языке[12], статье, являющейся, кстати, первой и до сих пор не утратившей значения сводкой исторических сведений об уйгурах в древности. Теоретической основой представлений В. В. Радлова о формах развития человеческих обществ была широко распространенная тогда в этнографических трудах эволюционная триада — от охотничьего быта к пастушескому, от пастушеского быта к оседлому. Естественно, в плане собственной работы В. В. Радлова интересовали только две первые части этой триады; и страницы, посвященные их характеристике, относятся к числу сильнейших в его работе.

Говоря об охотничьих народах, он имел в виду преимущественно «народы тундры и лесов Северной Сибири»; первой ступенью перехода к кочевой жизни было, по его мнению, приручение северного оленя. Переход совершался только под давлением экономической необходимости. Без такого давления «обитатели лесов целыми столетиями остаются на той же ступени развития». В свою очередь только нужда и сокращение свободных земель заставляют кочевника обратиться к земледелию. И в том и в другом случае переход к иной форме быта означает переход в иную географическую среду, так как вслед за Риттером В. В. Радлов рассматривает эти два явления в причинно-следственной связи. В. В. Радлов утверждал, что в значительной части степи по природным условиям не может быть другой жизни, кроме кочевой. Основываясь на этой концепции, он ошибочно считал, что неизбежным последствием попытки обратить кочевников в оседлых поселенцев были бы регресс и уменьшение населения.

Останавливаясь на возникновении политической власти в кочевом обществе, В. В. Радлов, хотя и не отказывается от некоторых представлений, восходящих еще к теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо, все же заостряет внимание на двух моментах — неизбежно возникающем у кочевников имущественном неравенстве во владении скотом и пастбищами и на неизбежной узурпации власти в племени наиболее богатым и многочисленным родом[13].

Радлов первым обратил внимание на то, что основой ко-

---

[12] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах.
[13] Там же, стр. 67—75.

чевого общества является не семья сама по себе, а особый социальный организм — аул, в котором В. В. Радлов разглядел не просто совместное поселение людей, а специфическую ячейку общественной организации кочевников. Это обстоятельство отражено, в частности, в «Опыте словаря тюркских наречий», который является замечательным историко-этнографическим источником. «Аул,— пишет В. В. Радлов,— это юрты, находящиеся на одном месте. Аул образует всегда одну социальную единицу, зависящую от одного лица, по имени которого аул и называется. Кибитки разных, друг от друга не зависящих людей, хотя бы и совершенно близкие одна к другой, считаются разными аулами» [14].

На живых этнографических наблюдениях, главным образом среди казахов, основаны, по словам В. В. Бартольда, блестящие страницы исследования В. В. Радлова об уйгурах, где говорится о родовом быте кочевников, происхождении власти биев и ханов, быстром образовании и столь же быстром распадении огромных кочевых империй. «Сказанное там вполне подтвердилось, когда наука получила в свое распоряжение подлинный памятник... (тюркской.— *С. В.* и *С. К.*) империи VI—VIII вв.— орхонские надписи» [15].

Вместе с тем В. В. Бартольд, который во многом разделял представления В. В. Радлова о характере и эволюции кочевого общества, отметил и существенный пробел в его оценке социальных отношений — игнорирование момента обострения классовой борьбы как необходимого условия возникновения государства у кочевников.

В сфере этнографических интересов В. В. Радлова весьма рано отмечается особое внимание к религиозным воззрениям азиатских народов в связи с влиянием, которое оказывала религия на их язык и быт. Не избегнув характерных для университетской науки того времени преувеличений в оценке роли религиозных систем на исторические судьбы народов Азии, В. В. Радлов вместе с тем дал очень ценный, не утративший и поныне своего значения материал, конкретно освещающий ранние формы религии у тюркских народов.

За алтайский период В. В. Радлов собрал очень ценные материалы по шаманству у сибирских и среднеазиатских народов, изучением которых ему пришлось заниматься. В «Aus Sibirien» он поместил специальную работу о шаманстве — «Шаманство и его культ» [16], в которой дал сравнительно-

---

[14] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, стлб. 14.

[15] В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 179.

[16] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 1—67.

этнографическую характеристику этой формы религии. Глубокий интерес вызывали у В. В. Радлова явления религиозного синкретизма — в том виде, в котором он проявлялся при взаимодействии ранних и развитых форм религиозного мышления и культовой практики. Так, реликтовые формы шаманизма у принявших ислам казахов или ламаистские обряды в системе шаманских верований южносибирских народов были предметом научного анализа В. В. Радлова, считавшего шаманизм самой ранней и главной формой религиозного мировоззрения тюркских, тунгусских и монгольских народов[17].

Долгая жизнь в тесном контакте с тюркоязычными народами Сибири и Поволжья нашла отражение не только в трудах В. В. Радлова, но и в чертах его характера. Глубокое уважение к духовному миру и человеческому достоинству тех, кого окружающие его представители чиновничьей среды презрительно именовали инородцами, всегда выделяло В. В. Радлова и делало его в глазах этих людей наивным чудаком. Высокий гуманизм ученого, который, несмотря на огромные трудности самого разнообразного свойства, десятилетия своей жизни посвятил изучению языков и культур народов, живших в нищете и бесправии, нашел свое проявление не только в бескорыстном научном подвиге, но и в столь же бескорыстном стремлении сделать все возможное для того, чтобы приблизить эти народы к достижениям современной ему культуры.

Конечно, его усилия, вдохновляемые либерально-гуманистическими настроениями, были далеки от того реального пути, который принес народам России подлинное освобождение от нищеты и невежества, но следует отметить, что иногда проявляющееся в литературе приписывание В. В. Радлову тех или иных черт расистского мировоззрения, глубоко чуждого В. В. Радлову, по меньшей мере неоправдано. Естественно, что В. В. Радлов был далек от цельного материалистического мировоззрения и на его научных взглядах сказывалось воздействие самых различных научных школ, от гербартианства до позитивистских и эволюционно-дарвинистских концепций, применение которых к истории и этнографии получило тогда широкое распространение. Те или иные взгляды В. В. Радлова на судьбы угнетенных и вымирающих народов Сибири неизбежно отражали воздействие модного в то время социального дарвинизма, впрочем не получившего в его работах сколько-нибудь существенного отражения. Однако эти взгляды не дают оснований считать В. В. Радлова ра-

[17] Там же, стр. 1—2, 66—67.

систом, идеологом казенной великодержавной науки — оценка, получившая отражение в некоторых работах [18].

Занятиям В. В. Радлова в области истории тех народов, с которыми он повседневно сталкивался во время своих этнографических поездок, препятствовало почти полное отсутствие письменных источников. Стремясь восполнить этот пробел, В. В. Радлов обратился к изучению археологических памятников на огромной территории от Енисея на востоке до Илийской долины на западе. Несмотря на отдельные раскопки, начатые еще в петровскую эпоху, в археологическом отношении Сибирь в середине прошлого века была в полном смысле terra incognita.

Для того чтобы составить себе хотя бы самое общее впечатление о разнотипных памятниках, отражавших историческое прошлое народов Сибири, непригодны были локально ограниченные раскопки даже в районах такой их небывалой концентрации, как Минусинская котловина. Поэтому В. В. Радлов предпочел экстенсивные обследования разнообразных памятников, позволившие ему в сравнительно короткий срок создать обобщенную эволюционную археологическую схему, которая могла быть применена для обширной территории. Результаты раскопок были изложены В. В. Радловым вскоре после их завершения [19].

За годы пребывания на Алтае В. В. Радлов обнаружил в результате раскопок свыше ста различных памятников, причем наибольшее количество их — около семидесяти — в Минусинской котловине и на Алтае, двадцать шесть — в Барабинской степи.

В числе археологических открытий В. В. Радлова — всемирно известный Большой Катандинский курган, первый раскопанный памятник пазырыкского типа. В скрытой под каменной наброской ледяной линзе были обнаружены уникальные по сохранности великолепные изделия, в том числе образцы искусства древних алтайских племен, их одежда и утварь [20].

В. В. Радлов подразделил все изученные им археологические памятники на четыре периода. Медным и бронзовым периодами он датировал ряд курганов, в которых были най-

---

[18] Э. А. Масанов, Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР, Алма-Ата, 1966, стр. 182.

[19] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 68—143; В. В. Радлов, Сибирские древности,— ЗРАО, 1895, т. VII, стр. 147—216 (перевод 7-й гл. из «Aus Sibirien»).

[20] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 103—109; см. также: А. А. Захаров, Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г.,— ТГИМ, вып. 1, 1926.

дены бронзовые изделия, но не было следов железа. К этому периоду помимо курганов, раскопанных на Алтае в Кулунде, в Киргизской и Барабинской степи, были отнесены некоторые писаницы, а также горные выработки [21]. Следует отметить, что В. В. Радловым были впервые открыты в долине Абакана погребения афанасьевского времени, что, к сожалению, осталось неучтенным в специальных работах. Им же было раскопано несколько погребений карасукской культуры [22]. К древнему железному периоду В. В. Радлов отнес курганы, сочетавшие в себе бронзовые и железные орудия и оружие. К этому периоду он совершенно справедливо причислил впервые раскопанные им курганы пазырыкского типа [23]. К новому железному периоду В. В. Радлов отнес главным образом те из раскопанных им в Минусинской котловине курганов, которые местные жители считали кыргызскими [24]. Лишь некоторые из них, содержавшие трупосожжения и характерные кыргызские вазы [25], могут действительно считаться кыргызскими. Другие же курганы, отнесенные В. В. Радловым к этому периоду, были оставлены населением, жившим в другие эпохи. Наконец, В. В. Радлов выделил памятники позднейшего железного периода, к которому, по его мнению, принадлежали курганы местных племен вплоть до этнографической современности.

Следует сказать о методике полевых археологических работ В. В. Радлова. Ученый, как он писал в своих отчетах, старался полностью раскапывать курганы, снимая насыпь и целиком расчищая могилу, т. е. в ряде случаев он раскапывал курганы «на снос», как сказали бы мы теперь. Для фиксации материала В. В. Радлов пытался составлять схематические чертежи, рисующие конструкцию кургана и положение погребенных. Однако В. В. Радлов, к сожалению, не придерживался последовательно принятого им метода раскопок курганов. Так, Большой Катандинский курган был раскопан им при помощи траншеи, это привело к тому, что, с большой тщательностью раскопав огромный каменный курган и составив схематические планы насыпи могильной ямы и положения погребенных, исследователь не заметил конского захоронения, которое было почти сто лет спустя раскопано А. А. Гавриловой [26]. В целом же раскопки В. В. Радлова бы-

---

[21] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 78—103.
[22] Гос. Эрмитаж, колл. № 1123.
[23] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 103—116.
[24] Там же, стр. 116.
[25] Там же, табл. 9—1, 2.
[26] А. Гаврилова, Раскопки могильника Катанды II,— СА, 1957, т. XXVII, стр. 250—268.

ли проведены им вполне на уровне применявшихся в то время методов исследования и даже превосходили приемы многих профессиональных археологов тех лет, а в отношении комплексного подхода к археологическим источникам Радлов далеко превзошел всех других исследователей Сибири XIX в.

Реконструируя быт древних народов Сибири, он прежде всего стремился восстановить картину хозяйственной жизни отдельных племен, в особенности в те периоды их истории, которые не нашли освещения в письменных памятниках. Так, он считал, что материалы курганов медного и бронзового периодов позволяют прийти к выводу об оседлом быте южносибирских племен в то время [27]. Характеризуя эпоху раннего железа и отмечая развитие скотоводства и особенно большую роль коня, Радлов сослался, в частности, на 16 конских костяков, найденных в одном из курганов Берельской степи [28]. На основании материалов раскопок В. В. Радлов пришел к совершенно справедливому заключению, которое лишь много позднее получило общее признание, что кроме скотоводства, которое было главным хозяйственным занятием жителей степей железного века, они «занимались еще земледелием, как до сих пор делают все тюркские кочевые народы. Они обрабатывают свои поля поблизости зимних стоянок» [29].

Всемирную известность приобрели исследования Орхонской экспедиции в Монголию, возглавлявшейся Радловым. Помимо изучения рунических памятников экспедицией было проведено археологическое изучение древнеуйгурской столицы — городища Карабалгасун. Отряд экспедиции во главе с Д. А. Клеменцом по заданию В. В. Радлова провел обследование археологических памятников в Туве, давшее чрезвычайно ценные результаты [30]. Клеменц открыл и обследовал остатки городских поселений и выдвинул предположение об их принадлежности уйгурам, что нашло полное подтверждение в позднейших исследованиях советских археологов.

Особо следует отметить работу по изданию древностей Сибири, выполненную В. В. Радловым [31]. Благодаря публикациям В. В. Радлова в научный оборот было включено огромное число прекрасно изданных археологических коллекций из музейных и частных собраний. Предпринимая этот труд, В. В. Радлов неоднократно подчеркивал, что изучение

---

[27] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 97—98.

[28] Там же, стр. 132.

[29] Там же, стр. 134—135.

[30] «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. I, СПб., 1892, стр. 68—72.

[31] В. В. Радлов, Сибирские древности,— МАР, 1888, № 3; 1891, № 5; 1896, № 15; 1902, № 24.

древней культуры сибирских народов должно базироваться на сравнительном изучении археологических материалов. Это издание В. В. Радлов дополнил ценнейшими сведениями из различных печатных и архивных источников, рисующих развитие сибирской археологии от раскопок «бугровщиков» до начала исследований научными экспедициями (Ф. Страленберг, Д. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер и др.). Поныне многотомные «Сибирские древности» В. В. Радлова служат важным источником для всех исследователей сибирской археологии.

Наконец, необходимо отдать должное В. В. Радлову в связи с его выдающейся ролью в организации научного этнографического центра в Академии наук. В течение четверти века, с 1894 по 1918 г., В. В. Радлов возглавлял Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Когда В. В. Радлов принял на себя руководство музеем, это было лишь небольшое хранилище коллекций со штатом из двух служителей. Прежде всего В. В. Радлов привел в образцовый порядок коллекционные материалы, организовав их по новой системе, принятой в передовых в то время научных музеях мира[32]. Вслед за тем В. В. Радлов постепенно осуществил свою главную задачу — объединил вокруг музея все передовые научные силы в области этнографии и археологии, что вскоре привело как к стремительному росту коллекций и сложению постоянных экспозиций музея по национально-географическому принципу, так и к развитию теоретических и полевых исследований в области этнографии. В. В. Радлов пригласил в штат музея Л. Я. Штернберга, Д. А. Клеменца, Н. М. Могилянского, В. Ф. Адлера. То обстоятельство, что в штат музея были включены вернувшиеся из политической ссылки революционеры Клеменц и Штернберг, показывает характер симпатий В. В. Радлова. С музеем благодаря В. В. Радлову начинают тесно сотрудничать известные ученые-востоковеды С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, И. И. Зарубин, К. А. Иностранцев, В. В. Бартольд, В. Л. Котвич, В. М. Алексеев. Экспедициями музея были охвачены самые отдаленные уголки мира. Немалое место в экспозиции музея было уделено и тюркским народам[33].

Таким образом, работами В. В. Радлова были заложены основы для дальнейшего историко-этнографического изучения тюркских народов Сибири и Центральной Азии, а отчасти и Средней Азии. Успешное развитие этого направления тюрко-

---

[32] Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова. 5 января 1907, СПб., 1907, стр. 35—46.

[33] Там же, стр. 74—76.

логии в последующее время во многом обязано тому фундаментальному научному наследию, которое заключено в многочисленных трудах В. В. Радлова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗРАО — Записки Императорского Русского Археологического Общества, СПб.
ИРГО — Известия Русского Географического Общества, СПб.
МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией, СПб.
СА — Советская археология, М.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея, М.

Э. Р. Тенишев

В. В. РАДЛОВ — ФОНЕТИСТ И ГРАММАТИСТ

В краткой статье невозможно дать полный анализ трудов В. В. Радлова по фонетике и грамматике тюркских языков. Посильна другая, более скромная задача — определить источники общелингвистических взглядов В. В. Радлова и основные направления его идей в области тюркской фонетики и грамматики.

Будучи студентом Берлинского университета, В. В. Радлов начиная с 1854 г. слушает лекции по теории языка и сравнительному языкознанию у ранних компаративистов — Франца Боппа и будущего основателя течения «народной психологии» Геймана Штейнталя.

На полгода В. В. Радлов едет в соседний город Галле, чтобы специально заниматься у А. Потта, прославившегося трудами по этимологии и фонетике германских языков.

Концепция А. Потта и в дальнейшем была В. В. Радлову ближе, чем концепция Г. Штейнталя,— по В. В. Радлову, те или иные лингвистические явления связаны с общечеловеческой индивидуальной психологией, а не с психологией массовой, народной [1].

Под влиянием В. Шотта В. В. Радлов решает посвятить себя ориенталистике и еще на студенческой скамье с увлечением штудирует знаменитый труд О. Бётлингка о якутском языке.

Получив докторскую степень в Йене в мае 1858 г., В. В. Радлов летом того же года приезжает в Петербург.

---

[1] «Общенародный язык состоит из языков отдельных индивидуумов» (Die Lautalternation, Berlin, 1882, стр. 58); см. также возражение В. В. Радлова Г. Штейнталю по поводу «духовной инертности» как причине гармонии гласных (Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882), о наблюдениях над детским языком в выяснении «техники языка» (Einleitende Gedanken, St.-Pbg., 1906, стр. 8).

После недолгой подготовки (через год) он едет на Алтай в качестве преподавателя горного училища в Барнауле. В течение двенадцатилетнего пребывания на Алтае В. В. Радлов с горячим энтузиазмом собирает огромный материал по языкам и устному творчеству тюрков Алтая, Сибири и Средней Азии.

К концу алтайского периода научной деятельности В. В. Радлова выходят из печати четыре тома «Образцов народной литературы тюркских племен».

Совершенно новый лингвистический материал требовал скорейшего осмысления. Он увлекал мысль и волю ученого на поиски закономерностей процесса расчленения общеязыкового состояния тюркских народов, подтверждал необходимость широкой разработки фонетического и морфологического строя тюркских языков.

Для В. В. Радлова наступила пора синтеза накопленного материала. Он был возможен, разумеется, благодаря опыту, приобретенному им в результате занятий теоретической лингвистикой.

Переезд в 1872 г. в Казань помог В. В. Радлову найти сочувственную своим интересам среду. В Казани он встретился с И. А. Бодуэном де Куртенэ, который начинал профессорскую деятельность в университете.

Научное содружество и личные отношения двух ученых продолжались много лет и после отъезда их из Казани. Кроме чтения лекций И. А. Бодуэн де Куртенэ руководил кружком лингвистов-теоретиков.

Впоследствии кружок Бодуэна де Куртенэ стал называться «казанским». В него вошли Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич и др.

Наиболее усердным посетителем и участником кружка был В. В. Радлов, а в 1881—1882 гг., во время отсутствия Бодуэна де Куртенэ в Казани, даже руководил вместе с Н. В. Крушевским занятиями кружка.

Влияние И. А. Бодуэна де Куртенэ и его школы на В. В. Радлова несомненно, поэтому нельзя не коснуться взглядов самого Бодуэна и позиции Казанского кружка.

И. А. Бодуэн де Куртенэ был одним из основателей младограмматического направления в лингвистике конца XIX и начала XX в. В начале века он одним из первых выступил против господствовавших тогда идей. И. А. Бодуэн де Куртенэ подверг сомнению реальность «звуковых законов», «родословного древа» языковой семьи и реконструируемых нередко механически «праязыков».

И. А. Бодуэн де Куртенэ — основоположник фонологии, или «теории фонем». Ему принадлежит теория фонетических

альтернаций — чередований. Он развил и глубоко разработал свои фонетические идеи, тесно связанные с понятиями морфологизации и семасиологизации.

«Фонемы... становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями»,— писал И. А. Бодуэн де Куртенэ в 1917 г. во «Введении в языковедение»[2]. Эти представления, по Бодуэну, «определяются альтернациями или чередованиями»[3].

Для И. А. Бодуэна де Куртенэ постижение системы языка заключается в исследовании «фонетической структуры слов и предложений», «морфологической структуры слов» и «морфологической структуры предложений». Синтаксис он считал «морфологией высшего порядка», так как морфология в широком смысле у Бодуэна де Куртенэ — «душа» языковой системы.

И. А. Бодуэн де Куртенэ придавал большое значение исследованию живых языков, видел в этом основу общей теории языка.

Вот что он писал по этому поводу: «Для языковедения, как науки всесторонне обобщающей, гораздо важнее исследование живых, т. е. теперь существующих языков, нежели языков исчезнувших и воспроизводимых только по письменным памятникам... Только лингвист, изучивший всесторонне живой язык, может позволять себе делать предположения об особенностях языков умерших. Изучение языков живых должно предшествовать исследованию языков исчезнувших»[4]. Позиции Казанского кружка во многом определялись взглядами его главы — И. А. Бодуэна де Куртенэ[5].

Все эти воззрения импонировали В. В. Радлову и побуждали его к деятельности в духе Казанского кружка.

Это вызывало, в свою очередь, дружеское внимание к В. В. Радлову со стороны И. А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей. Не простой случайностью надо считать то, что именно Бодуэн де Куртенэ в 1876 г. первым упомянул в печати о будущей «Vergleichende Grammatik» тюркских язы-

---

[2] «Избранные труды по общему языкознанию», т. II, М., 1963, стр. 276.

[3] Там же, стр. 277.

[4] Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка,— «Избранные труды по общему языкознанию», I, 1963, стр. 349.

[5] По поводу новейших лингвистических трудов В. А. Богородицкого,— «Избранные труды по общему языкознанию», II, стр. 51—52.

ков, которая, по-видимому, была только что написана В. В. Радловым.

«Знаменитый лингвист и один из лучших знатоков туранских языков, В. В. Радлов сообщил мне весьма интересные... данные из исследованных им наречий тюркских племен южной Сибири и Дзунгарской степи. Сообщения В. В. Радлова я заимствую частью из его рукописи — грамматического очерка названных наречий,— частью же из разговоров с ним»,— сообщал И. А. Бодуэн де Куртенэ в сочинении о резьянском языке[6].

Рукопись нового труда, который сначала назывался «Grammatische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen, T. 1. Phonetische Untersuchungen», В. В. Радлов отдал в историко-филологическое отделение Академии наук. Рецензирование было поручено комиссии в составе академиков Б. А. Дорна, Ф. И. Видемана и В. Р. Розена. На заседании отделения в декабре 1879 г. комиссия рекомендовала издать труд В. В. Радлова предпочтительно на русском языке[7].

Перевод работы на русский язык потребовал бы новых напряженных усилий.

Это и было причиной того, что труд В. В. Радлова вышел в свет в Лейпциге спустя два года под несколько измененным названием «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen».

В. В. Радлов рассматривал свою работу как продолжение известного труда О. Бётлингка. В строго продуманном порядке В. В. Радлов дает изложение вокалической и консонантной систем более двадцати тюркских языков по доступным ему материалам, бóльшая часть которых добыта им самим.

В. В. Радлов не оперирует понятием фонемы — понятие фонемы у самого Бодуэна появляется только к 1880 г.

Звуки языка понимаются как антропофонетические единицы («Physiologie der Sprachlaute») и описываются в артикуляционно-акустических терминах авторитетов общей фонетики Зиверса и Лепсиуса.

Центральное место в системе вокализма тюркских языков В. В. Радлов отводит гармонии гласных. Особо подчеркивается им роль гармонии гласных в тюркском слово- и формообразовании. Мысль о связи гармонии гласных с агглютинацией после В. В. Радлова будет высказываться многими исследователями-тюркологами, да и не только ими, но и мон-

---

[6] Резья и резьяне,— «Славянский сборник», III, СПб., 1876, стр. 326.
[7] ЗАН, СПб., 1880, XXXVI, стр. 343.

голистами и тунгусо-маньчжуроведами: широкий исторический фон урало-алтайских языков, приводимый В. В. Радловым, дает достаточно пищи для размышлений.

Касаясь генезиса гармонии гласных в тюркских языках, В. В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртенэ развивает мысль о морфологическом пути. Интерес к этой гипотезе начал оживать не так давно. На тюркском материале гипотеза детально разрабатывалась в последние годы М. А. Черкасским.

В вопросе о количественной характеристике гласных В. В. Радлов высказал мнение в противовес О. Бётлингку об отсутствии в тюркских языках первичных долгих гласных. В 1924 г. Е. Д. Поливанов снова вернулся к этому вопросу.

После появления в 1929 г. русско-туркменского словаря А. Алиева и К. Бориева с обозначением долгот существование первичных долгих гласных в современных тюркских языках было доказано в работах Л. Лигети, К. Менгеса и М. Рясянена. Недавняя очень обстоятельная работа Османа Недима Туна позволяет считать весьма вероятным наличие первичных долгот в языке орхоно-енисейских и уйгурских памятников.

В разделе, посвященном тюркскому консонантизму, В. В. Радлов впервые высказал свои соображения относительно консонантизма древнеуйгурского языка, положив в его основу «алтайскую» (или южносибирскую) систему согласных. Впоследствии эту систему он применил для транскрипции «Кутадгу билиг».

В. Томсен, пользуясь рифмами «Кутадгу билиг», обосновал свою точку зрения на фонетическую структуру языка памятников уйгурской письменности, совпадающую, в общем, со структурой западнотюркских языков.

Общепринятая теперь система В. Томсена не снимает многих трудностей и непоследовательностей чтения уйгурских текстов. Определение звукового (= фонемного) состава по одной только (в данном случае конечной) позиции явно недостаточно: остается открытым вопрос о согласных в начале слов.

Многих затруднений можно избежать, руководствуясь при транскрибировании уйгурских памятников системой согласных тюркоязычных желтых уйгуров и принимая во внимание лингво-генетические и историко-культурные условия,— как того хотел в свое время В. В. Радлов.

«Фонетика» В. В. Радлова после выхода в свет вызвала далеко не одинаковые суждения в кругу специалистов. Очень благожелательные отзывы о книге дали Техмер, Габеленц, Флейшер и многие другие. Критика, порой преувеличенно резкая, раздалась со стороны В. Д. Смирнова и В. Банга. На то

были свои причины, не всегда, вероятно, продиктованные только научными интересами.

В. В. Радлов написал свою работу, впервые вносящую методику компаративизма в тюркологию, в то время, когда еще не было материалов по руническим и уйгурским памятникам, не было «Дивана» Махмуда Кашгарского и многого другого.

Но то, что было, использовано В. В. Радловым в полной мере. Богатое фактическое содержание — неувядающая ценность его «Фонетики». Ее идеи сквозь завесу времени все еще пробиваются к нам. Трудно назвать современную серьезную работу, в которой не упоминалась бы «Фонетика» В. В. Радлова. Таким образом, говорить о ней как о целиком и полностью устарелой работе было бы преждевременно.

Если в «Фонетике» нет даже намека на понятие фонемы, то в следующей работе В. В. Радлов подошел очень близко к пониманию фонемы. Полное название этой работы — «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen».

В основу статьи положено выступление В. В. Радлова на V Международном съезде востоковедов в сентябре 1881 г. в Берлине. Она была опубликована в следующем, 1882 г. в докладах съезда.

Статья появилась несколько раньше «Фонетики», но написана, конечно, после нее.

Дух и идейные устремления «казанской школы» нашли в этой статье наиболее полное воплощение. В. В. Радлов упоминает в ней «„языковедный" кружок под эгидой проф. Бодуэна де Куртенэ» и работу Н. В. Крушевского «Ueber die Lautabwechselung» (Казань, 1881) — результат исследовательской деятельности кружка.

Работа Н. В. Крушевского явилась образцом, которому В. В. Радлов в общих чертах следует.

«Перед языкознанием,— пишет В. В. Радлов,— стоит задача исследовать человеческий язык с его действующими силами и найти законы, которые управляют языковыми явлениями. Это возможно тогда, когда исходят из разговорного языка. Только исследование живых языков в их тончайших диалектальных нюансах и различиях, которые мы в состоянии наблюдать в речи отдельных индивидуумов, позволяют нам дать картину того, как общенародный язык... развивается» [8].

Изменение звуков в каждом языке происходит постепенно, но непрестанно и не везде одинаково.

Каждый язык регулируется двумя факторами: 1) физиче-

---

[8] W. Radloff, Die Lautalternation und ihre Bedeutung, стр. 58.

ским фактором (воспроизведением звуков); 2) психическим фактором (применением звуков для передачи мысли).

В «регулирующих факторах языка» В. В. Радлова кроется мысль, соответствующая бодуэновскому пониманию фонемы в начале 1880-х годов как психологического эквивалента звука.

Причинами непроизвольных звуковых перемен, по Радлову, являются: 1) комбинаторные условия; 2) позиционные условия; 3) ударение.

Звуковые изменения, наступающие при названных условиях и именуемые В. В. Радловым «combinatorische Lautwandel», соответствуют современному понятию «реализация фонем».

В результате «комбинаторных перемен» наступают чередования, которые В. В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртенэ называет дивергенцией, а чередующиеся звуки — дивергентами: *aq*~*aɣar*, *jap-*~*jabyl-* и т. д.

Те чередования, которые нельзя объяснить ни физическими причинами, ни комбинаторными условиями, В. В. Радлов, как и Н. В. Крушевский, называет корреляцией, а чередующиеся звуки — коррелятивами: начальные *j* ~ *ǰ* (в татарском языке) и начальные *č* ~ *n* (в хакасском языке).

Наконец, третий вид чередования — переменная корреляция, или звукокомпенсация, отличается от дивергенции следующим: 1) чередования происходят без видимой причины; 2) чередования связаны с определенными морфологическими категориями: *adym* ~ *älĭm*; *qylɣan* ~ *pilgän* и т. д.

Эти живые альтернации, связанные с морфо- или семасиологическими представлениями, ведут к пониманию фонемы как функциональной единицы. Здесь наметился подход к пониманию фонемы (Lautcomplex у В. В. Радлова), идущий также от Бодуэна, который позитивную функцию фонемы ставил выше смыслоразличительной.

В статье В. В. Радлова многое связано с воззрениями самого Бодуэна де Куртенэ. Даже термин «Lautalternation» Бодуэна он предпочитает термину «Lautabwechselung» Крушевского. Работа В. В. Радлова, естественно, сразу же привлекла внимание И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Бодуэн дважды обращается к работе В. В. Радлова — в очерке о Н. В. Крушевском и в работе «Опыт теории фонетических альтернаций». Он перечисляет положения В. В. Радлова и с удовлетворением отмечает совпадение их со своими собственными [9].

[9] См.: «Николай Крушевский, его жизнь и научные труды»,— Избранные труды, т. I, стр. 170, сноска 19 и «Опыт теории фонетических альтернаций»,— там же, стр. 270—271.

Оба труда В. В. Радлова — «Фонетика» и «Альтернации» — относятся в основном к статике языка.

Работа «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems», написанная в 1901 г., т. е. уже в петербургский период жизни Радлова, трактует вопрос, принадлежащий целиком к динамике языка. Эта работа В. В. Радлова появилась как ответ на утверждение К. Фоя о том, что мнение Радлова о первоначальности гласных *ä* и *i* в тюркских корневых морфемах ошибочно [10].

В. В. Радлов обосновывает невозможность соответствия *ä* ~ *i* в языке с гомогенной системой следующим образом: в живом, разговорном языке колебания *ä* ~ *i* возможны у одного и того же лица, если оно владеет не одним только, но и другим диалектом; в случае письменного языка колебания *ä* ~ *i* объясняются или влиянием литературного языка (сельджукские стихи), или воздействием языка переписчика («Кутадгу билиг»), или неустойчивостью орфографии адаптированной письменности (орхонские памятники), в остальных случаях *ä* ~ *i* не имеет места.

С этим можно было бы согласиться, если бы не обильный материал, накопленный после работы В. В. Радлова, не согласующийся с его схемой.

Колебания *ä* ~ *i* вместе с колебаниями по губному ряду (*о* ~ *и*, *ö* ~ *ü*) существуют не только в языке отдельного человека, но и в говорах и в диалектах очень многих тюркских языков. Точнее, это тенденция всех тюркских языков, как доказывает Г. П. Мельников. Сказывается общее стремление к уменьшению подъема, ведущее к частичному совмещению признаков и, следовательно, к ослаблению прежних фонологических значимостей.

Известно, что В. В. Радлов работал над второй частью сравнительной грамматики — морфологией. Рукопись в незаконченном виде была передана А. Н. Самойловичу. Судьба ее неизвестна.

В 1906 г. появилась в печати единственная работа В. В. Радлова по теории тюркской грамматики «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen», являющаяся введением к его незаконченной сравнительной морфологии.

Вся работа пронизана размышлениями Радлова о тюркской «языковой технике» — агглютинации — в связи с типологической классификацией языков.

Следуя Г. Штейнталю и А. Потту, В. В. Радлов помеща-

---

[10] K. Foy, Türkische Vokalstudien besonders 'das Köktürkische und Osmanische betreffend»,— MSOS, Berlin, 1900, III, Abt. 2.

ет «агглютинирующие» языки после «изолирующих» и перед «флектирующими».

В. В. Радлов подчеркивает, что в каждом языке можно найти следы изолированного, агглютинативного и флективного строя, но господствующим является только один вид «языковой техники».

В тюркском агглютинативном комплексе В. В. Радлов различает Inhaltsstoff (основа + словообразовательные аффиксы) и Formstoff (словоизменительные аффиксы и частицы).

В. В. Радлова занимает и генезис агглютинативных единиц — аффиксов и основ. Далеко не все аффиксы, по мнению В. В. Радлова, можно объяснить, оставаясь на тюркской почве,— большинство их являются общими и для тюркских, и для монгольских, и для тунгусо-маньчжурских языков. Наряду с процессом сращения аффиксов с основой идет процесс нарождения новых аффиксов.

В. В. Радлов приводит примеры подобных новообразований — условн. афф. *-sa* из древнего *-sar;* афф. *-dyγan* из *turγan*; афф. *-daš* из *-d* + *eš* 'товарищ'; афф. *-nyɵ* и *-ny*, обращая внимание на явления опрощения и аналогического выравнивания форм, свойственные флективным языкам.

Большое количество многосложных корней образовалось из односложных путем присоединения к ним аффиксов, теперь не осознаваемых как таковые (*jałabač, jyłqy, küskü* и др.).

Часть односложных корней возникла, наоборот, из многосложных путем фонетической модификации исходного комплекса.

Иными словами, тюркский корень — научная фикция, как декларировал за несколько лет до работы В. В. Радлова В. Грёнбек. Многие из этих суждений прочно вошли в современное тюркское языкознание.

Работа В. В. Радлова «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie» возбудила большой интерес у И. А. Бодуэна де Куртенэ и вызвала письменный отклик — «Заметки на полях сочинения В. В. Радлова»[11].

Признавая, что «в указанном труде В. В. Радлова вопрос морфологической классификации языков сведен более или менее на настоящую почву и освещен надлежащим образом»[12], Бодуэн де Куртенэ высказывает критические замечания и соображения по поводу сложившихся представлений о морфологической классификации языков, о различии флексии и агглютинации и др.

Следует сказать, что Бодуэн де Куртенэ постоянно проявлял дружеское внимание к Радлову. Сохранилось много пи-

[11] См.: Избранные труды по общему языкознанию, т. II, стр. 175—186.
[12] Там же, стр. 179.

сем Бодуэна к Радлову с 1877 по 1915 г., которыми должны заинтересоваться историки науки [13].

Общелингвистические воззрения В. В. Радлова получили отражение и в других его работах — о транскрипции для тюркских текстов, получившей потом название «радловской», о языке команов, о якутском языке в его отношении к другим тюркским языкам, о грамматике языка орхонских текстов, о морфологии чувашского языка (рукопись).

Даже из этого беглого обзора работ В. В. Радлова можно прийти к заключению о том, что В. В. Радлов как теоретик-лингвист следовал наиболее передовым взглядам своего времени, тем взглядам, которые находятся у истоков современного языкознания, и что он создал труды, сохранившие свою ценность до наших дней.

Количественно их, правда, немного. И в этом есть свой резон. Отдавая должное теории, В. В. Радлов главной своей задачей в тот период все же считал создание материального фундамента будущих лингвистических исследований. Вся энергия его уходила на неутомимую деятельность по изданию «Образцов», «Словаря», а затем и материалов по языку рунических и уйгурских памятников.

Именно это и принесло ему, по словам Л. Штернберга, заслуженную славу «Колумба тюркских языков и тюркских народов».

---

[13] За справку приношу признательность А. А. Леонтьеву.

Л. Ю. Тугушева

В. В. РАДЛОВ — ЛЕКСИКОГРАФ И ЛЕКСИКОЛОГ

«Словарь живого литературного языка не представляет собой монолитной массы, раз навсегда или даже на некоторый период времени зафиксированной. Наоборот, он все время находится в движении: создаются новые слова, старые слова начинают употребляться в новых значениях, некоторые слова исчезают из употребления, частью совсем, частью лишь в идеях или иных своих значениях, активные слова становятся пассивными и обратно».
(Л. В. Щерба, [О словарях живого литературного языка],— сб. «Современная русская лексикология», М., 1966, стр. 74).

Первоисследователь многих живых и древних тюркских языков В. В. Радлов был одновременно и первоисследователем лексики этих языков. Барнаульский учитель, собирающий и изучающий материалы по малоизученным и неизученным тюркским наречиям Сибири, Алтая, Средней Азии, и академик, исследующий памятники древних тюркских языков,— он в одинаковой мере был вынужден прокладывать путь через подчас нетронутые дебри лексики изучаемых им языков. В течение своей жизни В. В. Радлов в процессе исследовательской работы составил большое число словарей тех языков и письменных источников, которые ему приходилось изучать. Среди них имеются словари такого объема, как словарь к «Кутадгу билиг», словарь орхонских текстов, древнеуйгурский словарь, словарь османско-турецкого языка, маньчжурский словарь и др., каждый из которых имеет совершенно самостоятельное значение. Но эти словари, за исключением той части мате-

риалов, которая в дальнейшем вошла в «Опыт словаря тюркских наречий», остались неопубликованными.

Подлинным вкладом в дело изучения древних и новых тюркских языков стал изданный при жизни В. В. Радлова четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий», представляющий собой фундаментальный историко-лексикологический источник для изучения тюркских языков.

* * *

К тому времени, когда В. В. Радлов приступил к опубликованию «Опыта словаря тюркских наречий», в тюркологии был накоплен довольно значительный опыт составления двуязычных, в том числе и сравнительных словарей. Уже существовали такие словари, как «Джагатайско-турецкий словарь» В. В. Вельяминова-Зернова (СПб., 1868—1869), «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова (СПб., 1869—1871), «Этимологический словарь» А. Вамбери (Лейпциг, 1878) и др. Но в лексикографической работе В. В. Радлов пошел своим особым путем, который был подготовлен всем характером его деятельности, научных интересов и целей.

В. В. Радлов — ученик и последователь Ф. Боппа, Г. Штейнталя, А. Потта — был сторонником нового для того времени и плодотворного сравнительно-исторического направления. Пионер и новатор по натуре, он выбрал целью своих исследований малоизученные и неизученные языки.

С того времени, когда определилась сфера его научных интересов и он, решив посвятить себя изучению тюркских языков, поехал в Барнаул преподавателем латинского и немецкого языков в местном горном училище, в течение 12 лет своей жизни в Барнауле (1859—1871) он совершал длительные, сопряженные с большими трудностями путешествия в отдаленные районы Алтая, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В этот период он наряду с большим количеством этнографического, археологического и прочего материала собрал огромный языковой, фольклорный, лексический материал, который был положен в основу «Опыта словаря...».

«Опыт словаря тюркских наречий» был задуман как часть одного общего исследования по сравнительному изучению тюркских языков, которое по замыслу автора должно было состоять из трех частей: текстов, словаря и сравнительной грамматики. Из этих задуманных трех частей работы незавершенной осталась только третья часть — грамматика. Благодаря единонаправленности всей работы в словаре нашли свое воплощение морфологические, фонетические и прочие взгляды и идеи В. В. Радлова.

Первый список слов, куда в основном вошел материал диалектов алтайского языка, был составлен В. В. Радловым в 1859—1860 гг. Позднее этот список был дополнен материалами киргизского и казахского языков, материалами диалектов хакасского и уйгурского языков и в 1864 г. был представлен в первом варианте вместе с I томом «Образцов народной литературы тюркских племен» для опубликования, но опубликован тогда не был. Вплоть до 1888 г., когда словарь начал печататься, и в процессе печатания он постоянно дополнялся и перерабатывался на основе все новых и новых материалов, в общей сложности в течение 52-х лет, и этим объясняется некоторая «многослойность» в построении словаря. Несмотря на это, В. В. Радлов считал словарь неполным и писал в предисловии, что «словарь не имеет претензии на полноту» [а], «желательной полноты достичь во всяком случае невозможно» [б], и это нашло отражение в названии «Опыт словаря...».

«Опыт словаря тюркских наречий» выходил с 1893 по 1911 г. в 24-х выпусках (ок. 70 000 словарных единиц). Он представляет собой трехъязычный тюркско-русско-немецкий словарь. В нем использован материал примерно сорока тюркских языков и наречий и такого же количества других источников — как первоисточников, так и словарей. Словарь впервые ввел в научный оборот огромный лексический материал неизученных и малоизученных языков и диалектов, а также богатый материал древних письменных памятников, который был собран В. В. Радловым лично. Обстоятельный обзор источников, использованных в словаре, их характеристика и сведения о степени их достоверности даны в предисловии О. Прицака ко второму изданию словаря [в]. Здесь мы попытаемся осветить некоторые лексикологические принципы построения этого словаря, ставшего основой, на которой базировалась тюркская лексикография последующих лет.

Объединение в одном словаре с целью сравнения лексики разных тюркских языков, древних и новых, ставило перед исследователем множество разнообразных проблем. Прежде всего нужно было преодолеть противоречие, заключающееся в том, что примерно равное количество фонологически противопоставленных единиц в каждом отдельно взятом тюркском языке сочетается со значительными расхождениями в произношении (т. е. в признаках) фонем, занимающих одно

[а] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, стр. IV.

[б] Там же.

[в] W. Radloff, Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Mit einem Vorwort von Omeljan Pritsak, Bd I, Gravenhage, 1960, стр. XIV—XVII.

и то же место в фонологической системе отдельных тюркских языков (ср., например, передвижение гласных в тюркских языках Поволжья). Это обстоятельство еще более осложнялось тем, что этимологически тождественные слова в различных языках и источниках представлены не только в разных фонетических, в вышеуказанном смысле слова, но и в разных графических и диахронических вариантах. Кроме того, в словаре подобного характера требовали своего решения такие вопросы, как семантическое несоответствие этимологически тождественных слов в разных языках и многое другое. Эти вопросы получили успешное для своего времени решение в системе транскрипции и в общей структуре словаря.

В. В. Радловым на основе русской академической транскрипции была выработана для словаря особая система транскрипции, которая включает в себя 17 знаков для гласных и 34 знака для согласных звуков. Кроме того, введены специальные знаки для обозначения долготы, краткости (или беглости), пропуска гласного, зияния, полного закрытия голосовой щели между двумя согласными, палатализации. При значительно меньшем количестве гласных и согласных фонем в каждом отдельно взятом тюркском языке указанное число знаков давало возможность отразить основные произносительные варианты фонем в отдельных языках.

Структура словаря В. В. Радлова принципиально расходится с принятой в то время структурой сравнительных словарей, которые строились по преимуществу как словари гнездовые. В отличие от них «Опыт словаря тюркских наречий» — сравнительный словарь, построенный по алфавиту.

Указанная система транскрипции позволяла отразить фонетические, графические, диахронические и прочие варианты этимологически тождественных слов в разных языках, наречиях и диалектах, а алфавитная структура словаря давала возможность выделить каждый такой вариант в самостоятельную словарную статью. Например, слово со значением «верблюд» имеет в словаре варианты: *тӧ̆*, *тäвä, тӱä, тебä, дäбä, тäвä, тӱjä*; слово со значением «кость» — варианты: *сӧ̄к, сӧӊäк, сӱӊäк, сӱмäк, сӱjӧк*, *сӱjäк*; служебное имя от *ӱст* представлено в вариантах: *ӱстӱндäкі, ӱстӱндäгі, ӱстӱндӧгі, ӱстӱндӧгӱ* и т. д.

Подобная структура словаря, в которой все варианты одного гнезда слов получили самостоятельное место и разработку, позволяла отразить расхождение семантической структуры этимологически тождественных слов в отдельных языках: ср. *улан* с пометой телеутск. 'юноша, молодой человек'; *улан* татарск., караимск. 'молодой человек, ребенок'; казахск. 'взрослый'; *оҕлан* шорск., команск., ос-

м а н с к. 1) 'молодой человек, юноша, мальчик'; 2) 'слуга'; *оҕлан* ч а г а т а й с к. 'потомки и родственники царствующего дома у монголов';

копуз о с м а н с к. 1) 'музыкальный инструмент с одной струной'; 2) 'арбуз'; *кобус* ш о р с к. 'балалайка'; *кобус* у й г у р с к. 'музыкальный струнный инструмент'; *кобуз* к а р а и м с к. 'скрипка'; к а з а х с к., к и р г и з с к. 'киргизская скрипка'; т а р а н ч. 'варган';

орундук с пометой ч а г а т а й с к. 'подушка на седле'; к а з а х с к. 'скамейка, стул'; к а р а и м с к. 'одр, кровать'.

Отдельное место в словаре получили не только варианты, но и такие слова, которые представлены в адекватной форме, но несколько различаются семантическим объемом: *кäмір-*[2] 'грызть', *кäмір-*[4] 'свалить, уронить'. В этом плане вопрос о вариантах слов в «Опыте словаря тюркских наречий» тесно переплетается с вопросом об омонимах.

Омонимия понимается В. В. Радловым довольно широко. Как омонимы в разных словарных статьях в соответствующей нумерации даются не только действительные омонимы, не только омонимы, появившиеся в результате развития значения, но и совпадающие по звучанию основы имен и глаголов, варианты слов с долгими и краткими гласными в основе и указанные выше собственно адекватные слова. Например, *кäмі*[1] 'лодка, судно'; *кäмі-*[2] 'уменьшаться, убывать'; *кäмі-*[3] 'уменьшаться, ухудшаться'; *кÿlÿс*[1] 'смех, веселье'; *кÿlÿс*[2] 'ключ'; *кÿлÿс-*[3] 'смеяться вместе, смеяться друг над другом'; *кäбір*[2] 'могила'; *кāбїр*[3] 'могила'; *кäсä*[2] 'чашка', *кесä*[3] 'чашка'; *кäңäш*[1] 'совет, совещание'; *кäңäш-*[2] 'дать совет, просить совета, советоваться'; *кыјын*[2] 'мучение; наказание, розги'; *кыјын*[3] 'трудный, тягостный'; *кäцім*[1] 'род военной одежды, латы (надеваемые на людей, слонов и лошадей)'; *кäцим*[2] 'чепрак, подстилка под седлом'; *кäцä*[2] 'вечер, ночь'; *кäцä*[3] 'вчера'; *кäмпір*[1] 'старуха'; *кемпір*[2] 'старуха' и т. п. наряду с действительными омонимами типа: *ҝурбу*[1] 'выпуклая поверхность, гряды в поле, ряды скошенной травы...'; *ҝурбу*[2] 'ровесники'; *ҝурма*[1] 'установление, устройство, приведение в готовность'; *ҝурма*[2] 'деревянная чаша'; *ҝул*[1] 'раб'; *ҝул*[2] 'рука'. С другой стороны, в словаре встречаются случаи, когда в пределах одной словарной статьи даются омонимы типа: *јат-* 'лежать', *јат-* 'разостлать'; *тап* 'подражание звуку удара'; *тап* 'клякса, пятно, помарка'; *тер* 'пот'; *тер* 'женская обувь'.

В словаре В. В. Радлова в отличие от других словарей получили самостоятельное место тождественные слова с начальными глухими и звонкими вариантами согласных, как, например: *пир/бир, пош/бош, тар/дар, тала/дала, пöлÿк/бö-*

лўк. В таком делении впервые, задолго до научного осмысления этого факта, нашло отражение то обстоятельство, что по свойственной некоторым тюркским языкам системе фонетических противопоставлений глухость и звонкость не являются релевантными признаками фонем.

Взяв за основу русскую академическую транскрипцию, В. В. Радлов заимствовал и своеобразный порядок знаков этой транскрипции, построенной по артикуляционному принципу. Однако, имея некоторые преимущества в подаче материала, этот непривычный порядок оказался непрактичным и неудобным при пользовании словарем. Это сознавал и сам В. В. Радлов и писал в предисловии: «Я далек от того, чтобы считать этот порядок лучшим (я предполагал бы теперь обыкновенный порядок русского алфавита), но придерживаюсь его во избежание новой переработки словаря» [г].

Сравнение родственных слов и форм в словаре осуществляется с помощью системы отсылок: «Чтобы облегчить сравнение наречий между собой, я указываю у каждого слова на родственные и соответствующие слова всех других наречий, так что читатель имеет возможность без всякого труда проследить и отыскивать связь родственных форм» [д].

В целях облегчения сравнения слов с тождественными основами в словаре дается морфологическая схема слова в соответствии со взглядами автора на морфологическую структуру слова; в словах со сложной структурой выделяются основа и аффикс, с помощью которого образовано данное слово (ср. его деление слова на Inhaltssoff + Formstoff; Stamm + Bildungsaffixe + Biegungsaffixe) [е]. Таким образом, В. В. Радлов не уходит от сложных вопросов грамматической характеристики слов. Давая морфологическую характеристику каждого производного слова, он вносит свою лепту в становление морфологической теории в тюркском языкознании не только своими специальными работами в этой области, но и через словарь.

Словарная статья в «Опыте словаря тюркских наречий» состоит из заглавного слова, после которого следуют указание на язык или источник, из которого взято это слово, этимологическая ссылка на язык-первоисточник в нетюркских словах и морфологическая схема тюркских слов с производной основой; вслед за этим даются отсылки с указаниями вариантов, толкование слова на русском и немецком языках

[г] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, Предисловие, стр. V.

[д] Там же, стр. VI.

[е] W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen,— ЗАН, сер. VIII, т. VII, № 7, стр. 28.

и иллюстративный материал с переводом на русский и немецкий языки.

Как известно, наиболее ответственной задачей при составлении словаря, решение которой в конечном счете определяет его качество, является установление значений слов. В «Опыте словаря тюркских наречий» в громадном большинстве случаев дается обозримое и четкое представление о семантической структуре и границах слова. Перевод значения отличается точностью и краткостью без нагромождения синонимов.

Конечно, если сравнить трактовку значения слов в словаре В. В. Радлова и в других, более поздних словарях, то нередко можно видеть довольно значительные расхождения, которые либо являются следствием того, что в словаре В. В. Радлова отражены не основные, а вторичные, производные значения слов (ср.: *сіңдір-* 'переваривать', Р Сл., т. IV, стр. 689 и *сиңдир-* 1) 'способствовать впитыванию'; 2) 'способствовать перевариванию (пищи в желудке)'; 3) перен. 'способствовать усвоению, внедрению чего-л.', Каракалпакско-русск. сл., 1958), либо объясняются иной последовательностью в подаче доминирующего, основного, и производного значения (*бакыр* 1) 'мелкая монетная единица', 2) 'медь', Р Сл., т. IV, стр. 1439; *бакыр* 'медь'; 'медный'; *бакыр тыйын* 'медная копейка', Каракалпакско-русск. сл., 1958), иным членением семантики слов и многими другими обстоятельствами, включая и сугубо объективные, как, например, недостаточная изученность и ненадежность некоторых источников, которыми пользовался В. В. Радлов[ж].

Эти же расхождения при выборочном подходе приобретают огромное историко-лексикологическое значение, свидетельствуя об изменении семантической структуры слова и развитии значения. Ср., например:

баҕ	осм. 1. веревка, шнурок, узы; 2. небрежность, слепота; 3. магическая повязка для предупреждения боли в пояснице. Р Сл., т. IV, стр. 1446.	***bağ*** II	1. связь, связка, узел; 2. бандаж, повязка, бинт; 3. обойма. Турецко-русск. сл., 1945.
kубур	осм. 1. труба, свинцовые трубы водопроводов; 2. открытая галерея в осадных работах; 3. футляр; 4. узкая, длинная вещь. Р Сл., т. IV, стр. 1037—1038.	***kubur***	1. длинный сосуд в форме цилиндра; банка; 2. унитаз; 3. кобура; 4. длинный, тонкий (как труба). Турецко-русск. сл., 1945.

[ж] Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, Bd I, стр. XIV—XVII.

баісал	казахск. смиренность, мир, согласие, спокойствие. Р Сл., т. IV, стр. 1430.	*байсал*	спокойствие, покой. Казахско-русск. сл., 1954.
kумаі	казахск. 1. смирная лошадь; гончая собака туркменской породы. Р Сл., т. IV, стр. 1044.	*құмай*	уст. сказочная собака. Казахско-русск. сл., 1954.
kубалак	татарск. голубой. Р Сл., т. IV, стр. 1035.	*кубалак*	дощечка под крышей улья. Татарско-русск. сл., 1966.

Точно так же об изменении лексического состава отдельных языков свидетельствует отсутствие в словарях, изданных в позднейшее время, некоторых слов или значений, представленных в словаре В. В. Радлова (как, например, *бакалтаі* казахск. 'карлик', *бакыр* казахск. 'ковш' наряду с *бакыраш*, *kубас-* казахск. 'вертеться, вращаться кругом'; *кузыр* татарск. 'украшение или решетка у саней; щеголь' и т. п.), которые перешли в разряд малоупотребительных или вышли из употребления.

Значение словаря не исчерпывается тем, что он представляет собой системное описание лексики тюркских языков. «Опыт словаря тюркских наречий» оснащен огромным иллюстративным материалом. В. В. Радлов, который высоко ценил яркую образность, богатство, изощренность народной речи, отражающей народную мудрость, бережно зафиксировал это богатство: иллюстративная часть словаря пересыпана пословицами и речениями, ходовыми и образными выражениями народной речи; она является неисчерпаемым источником сведений реально-бытовых, этнографических, исторических и пр. и имеет совершенно самостоятельную ценность. Эти сведения, зафиксированные в словаре, тем более ценны, что со временем многие детали дореволюционного быта тюркских народов отходят в область прошлого.

Но этот материал представлен в словаре, по существу, в лексикографически не обработанном виде. В словарной статье не выделены особо устойчивые сочетания; свободные сочетания перемежаются в ней с устойчивыми сочетаниями и фразеологизмами. Богато представленная в словаре фразеология растворена в общей массе иллюстративного материала, что в полной мере объясняется общим состоянием лексикографии того времени. Но это обстоятельство неизбежно влечет за собой возможность нечеткой дифференциации значений слов, так как обусловленное значение выделяется наряду с доминирующим и, наоборот, в пределах одного нерас-

4 Зак. 927

члененного значения даются примеры, иллюстрирующие значения, выходящие за пределы указанного. Так, например, в статье на слово *јол* со значением «дорога, улица» приводятся сочетания: *јол ӓмрі*, *јол кјады*, *јол намӓ* 'подорожная, паспорт', *јол тутмак* 'следовать [по] дороге, идти по дороге'; *јолдан шашмак* 'потерять дорогу', *јол шаштыҕы јӓрдӓ* 'на том месте, где дорога разделяется', *јол аҕзы* 'место, где пересекаются две улицы', *јол вӓрмӓк* 'дать кому дорогу, пропустить; дать отпуск, отпустить (прислугу)'; *јол вурмак* 'грабить на дороге', *јол вуруџы* 'грабитель'; *јол баҕламак, капамак* 'загородить улицу', *јол булмак* 'найти дорогу, достигнуть чего'; *су јолы* 'канал, водопровод', *јол оды* 'подорожник', *кыра јолы* 'Млечный Путь', *дӓмир јол* 'железная дорога'; на другое значение этого слова — «образ» — приводятся примеры: *бу јолда* 'таким образом', *сӧзі јол ілӓ сӧiлӓр* 'он говорит путно', *іш јолуна гірді, гӓлді* 'дело устроилось', *јола комак* 'поставить в порядок', *јол билмӓк* 'знать свое дело', *адӓм јолында, ӓјі јолда* 'хорошим образом, как следует', *ватан јолында* 'на пользу отечеству', *hakk јолуна* 'ради бога!'; на слово *куш* 'птица' даются сочетания: *куш палазы* 'птенец', *су куш* 'утка', *тодык ала куш* 'павлин', *куш кулӱ* 'колонок', *кара куш* 'орел', *дӓвӓ кушу* 'страус', *куш ӓтмӓјі* 'ежовый глаз', *куш бурну* 'клюв, шиповник', *куш ӱзӱмӱ* 'мелкий виноград, коринка', *куш конмаз* 'спаржа', *куш атасы* 'Новый порт', *куш авлаiџы* 'охотничья птица', *куш тутмаҕы* 'ловля птиц, род силка', *куш јӓмі* 'крупное просо', *куш локуму* 'печенье', *куш hанӓ* 'клетка', *куш башы* 'снежинка', *гӓџӓ кушу* 'человек, который любит обращать ночь в день, ночная птица', *куш башы* 'снежинка' и т. д.

Эти моменты не снижают значения иллюстративного материала в словаре. Примеры, приводимые В. В. Радловым, отличаются естественностью и ненадуманностью и во многих случаях отражают язык устного народного творчества и живую речь носителя, а трактовка значений отличается четким представлением и точностью деталей описываемого быта. По конкретности и точности толкования деталей словарь В. В. Радлова во многих случаях остается до настоящего времени непревзойденным.

Благодаря богатому иллюстративному материалу словарь позволяет составить четкое представление о семантическом объеме и границах слов и становится неисчерпаемым не только лингвистическим, но и фольклорным и историко-этнографическим источником.

Издание «Опыта словаря тюркских наречий» послужило громадным толчком в дальнейшем развитии как тюркской ле-

ксикографии и лексикологии, так и других областей тюркологии. Раскрыв перед исследователями новые, неведомые пласты лексики, словарь стал ключом к проникновению в старые и новые тюркские языки.

Словарь зафиксировал для науки слова и значения, которые в настоящее время относятся к числу забытых и утраченных.

«Опыт словаря тюркских наречий» не утратил своего значения до сих пор. В 1927 г. под председательством акад. С. Ф. Ольденбурга была создана комиссия по переизданию словаря, в состав которой вошли В. В. Бартольд, Э. К. Пекарский, И. Ю. Крачковский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. К. Дмитриев. В апреле 1928 г. комиссией по переизданию словаря был составлен проспект, в котором отмечалось, что «спрос на „Опыт словаря тюркских наречий" Радлова продолжает возрастать»[3]. В проспекте предусматривалось внесение в новое издание словаря ряда исправлений и дополнений, в частности изменение транскрипции слов из «Кутадгу билиг» в соответствии с соображениями, высказанными по этому поводу В. Томсеном, изменение транскрипции слов из чагатайского языка, включение дополнительного количества цитат там, где слова или значения не подтверждены цитатами. Предусматривалось также пополнение словаря новыми материалами. Однако поскольку тюркская лексикология к этому времени пошла по пути составления полных словарей отдельных тюркских языков, совершенно исключалась мысль о превращении словаря в полный общетюркский словарь, и пополнение словаря ограничивалось строгими рамками: решено было ввести слова из использованных В. В. Радловым источников, пропущенные им; дополнить первые выпуски словаря данными из тех источников, которые были привлечены В. В. Радловым в более поздних выпусках, и из источников, открытых позже, имеющих общетюркологическое значение (словари Махмуда Кашгарского, Ибн Муханны и др.). Предполагалось также дополнить словарь толкованиями слов на турецком языке. Но план этот остался неосуществленным.

Потребность в словаре ощущалась столь остро, что впоследствии он был переиздан дважды без изменений: в 1960 г.[и] и в 1963 г. Издательством восточной литературы (Москва).

---

[3] Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект, Л., 1928, стр. 2.

[и] W. Radloff, Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte.

* * *

С тех пор как в 1890 г. английским офицером Боуэром в Шах-яре была найдена санскритская рукопись на березовой коре, относящаяся к IV в., Восточный Туркестан, благодаря сухому климату оказавшийся естественным музеем древностей, стал привлекать внимание ученых. В конце XIX и в начале XX в. в Восточный Туркестан направляются многочисленные экспедиции из разных стран и оттуда наряду с обильным археологическим, этнографическим и прочим материалом вывозится значительное количество рукописей, среди которых было много тюркских. Благодаря усилиям русских путешественников, коллекционеров, исследователей (Д. А. Клеменца, М. Березовского, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга, Н. Н. Кроткова, Н. Ф. Петровского, А. А. Дьякова, А. И. Кохановского, С. Е. Малова и др.) большая часть рукописей была доставлена в Петроград. Изучение тюркских рукописей из Восточного Туркестана показало, что они принадлежат уйгурам — древнему и культурному населению Центральной Азии — и представляют собой памятники более древней, домусульманской тюркской литературы, написанные на особом архаичном тюркском языке, который стал известен в литературе под названием древнеуйгурского.

«После всестороннего изучения тюркских рунических памятников в тюркологии наступила не менее знаменательная эпоха разработки рукописных и ксилографических памятников уйгурского письма»[к]. Для изучения этой культуры была создана специальная международная организация и как филиал ее — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

В. В. Радлов с присущим ему энтузиазмом одним из первых приступил к изучению восточнотуркестанских тюркских памятников. В общей сложности им опубликовано около полутора сотен текстовых памятников, в числе которых имеются такие выдающиеся, как уйгурская версия сутры Suvarṇaprabhāsa (Altun jaruq), Ṭišastvustik-sūtra, Ḳuan-ši-im-pusar (перевод XXV главы китайской версии сутры Saddharmapuṇḍarīka), манихейская покаянная молитва Хуастуанифт, большое число хозяйственных и юридических документов. Одновременно с публикациями В. В. Радлов собирает и изучает лексику вновь открытых памятников древнеуйгурского языка. Слова с пометой *uig*, которые ранее приводились им в «Опыте словаря тюркских наречий», не отражают уйгурского язы-

[к] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 96.

ка в собственном смысле слова. Они взяты из сочинения Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу билиг», язык которого в настоящее время известен в литературе под названием караханидского. Полный свод лексики по памятникам собственно древнеуйгурского языка, изучением которых в последний период своей жизни В. В. Радлов занимался, представлен в древнеуйгурском словаре, который, надо отметить с сожалением, остался неопубликованным. При жизни автора было набрано 96 страниц корректуры этого словаря.

Особое значение древнеуйгурского словаря состоит в том, что он содержит в себе пласты лексики из сочинений буддийского, манихейского, несторианского содержания и др., отражающих весьма специфическую культуру.

Принципы построения древнеуйгурского словаря в общих чертах совпадают с теми, которые имеют место в «Опыте словаря тюркских наречий», с той разницей, что в данном случае материал представлен в основном в одной системе графических знаков, что несколько упрощает задачу составителя. В древнеуйгурском словаре при каждом слове дано его оригинальное написание уйгурским письмом.

Может быть, В. В. Радлову, который «не был тюркологом с уклоном в синологию... не был тюркологом с уклоном в иранистику» [л], при том состоянии уйгуроведения, которое тогда имело место, не всегда удавалось идентифицировать и раскрыть отдельные термины, но в целом исследования В. В. Радлова в этом направлении заложили основу дальнейшего всестороннего изучения древнеуйгурских письменных памятников. Индекс слов к сутре Altun jaruq, составленный В. В. Радловым и С. Е. Маловым, и материалы древнеуйгурского словаря были использованы при составлении «Древнетюркского словаря» (Л., 1969) в Институте языкознания АН СССР.

Лексикографические работы В. В. Радлова явились базой, на которой основываются достижения современной тюркской лексикографии и могли возникнуть такие выдающиеся работы по лексике тюркских языков, получившие мировую известность, как «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина и «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского.

[л] Там же, стр. 107.

А. М. Щербак

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Как в прошлом, так и в настоящее время по вопросу об оценке деятельности В. В. Радлова на поприще тюркологии и в особенности в области изучения памятников рунической письменности высказываются разноречивые мнения. Ошибки, неудачные чтения и переводы исследователя тюркской руники вызывали довольно резкие нападки его коллег на западе, а полемика, сопровождавшая появление почти каждой работы, нередко превращалась в тенденциозное и очень придирчивое разбирательство. Едва ли необходимо специально доказывать необоснованность столь необычного отношения к В. В. Радлову со стороны зарубежных коллег, тем более что отповедь, данная одному из его критиков, В. Бангу, К. Г. Залеманом, сохраняет свою силу и в настоящее время. «Неужели критик,— с возмущением восклицает К. Г. Залеман,— думает, что отдает долг благодарности неутомимому изыскателю, когда, идя по следам проложившего дорогу, с насмешливым злорадством бросает ему вслед камни, о которые когда-то спотыкались нащупывавшие почву ноги?» [1]. Для русских и советских тюркологов большое положительное значение работ В. В. Радлова никогда не являлось предметом споров, и чрезвычайно высокая, но вполне заслуженная оценка его научного подвига в России, которая стала для него второй родиной, была дана еще в 1912 г. А. Н. Самойловичем. «Сохраняя полное беспристрастие,— писал он,— можно смело сказать, что в тюркологии с момента ее зарождения и до наших дней не было деятеля более крупного, чем Василий Васильевич Радлов» [2].

---

[1] C. Salemann, Zur Kritik des Codex Cumanicus,— ИАН, сер. VI, СПб., 1910, IV, стр. 950.

[2] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог,— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического об-ва», СПб., 1912, XV, 1, стр. 23.

I. Работы В. В. Радлова, посвященные рунике, печатались в течение последних десяти лет прошлого столетия и в начале нынешнего века, точнее, с 1891 [3] по 1911 г. Это был петербургский период его жизни, пора научной зрелости, когда на смену поискам и собиранию материалов по живым тюркским языкам Сибири и Поволжья, по этнографии и фольклору пришло стремление проникнуть глубже в древность, осмыслить исторические процессы, заняться обобщением накопленных фактов. Именно в этой связи у В. В. Радлова появляется интерес к руническим надписям Монголии, а позднее к памятникам уйгурской, манихейской, сирийской и арабской письменности.

Занятия руническими надписями сблизили В. В. Радлова с такими известными исследователями Сибири и собирателями сибирских древностей, как Д. А. Клеменц, Н. М. Ядринцев, А. В. Адрианов, Н. М. Мартьянов. Последние, сами и с помощью других лиц, добывали ценнейшие сведения о вновь открытых памятниках, снимали с них эстампажи, делали рисунки, чертежи и все это посылали В. В. Радлову [4]. Таким образом в конце прошлого века образовалось небольшое по своему количественному составу, но очень деятельное, активное содружество людей, объединенных одной целью: разгадать тайны Южной Сибири. Это обстоятельство имело важное значение для развития отечественной рунологии и в конечном итоге предопределило ее успехи.

Приступая к исследованию памятников рунической письменности, В. В. Радлов ставит перед собой задачу собрать все известные надписи, разыскать новые и сделать их доступными для широкого круга специалистов. С этой целью в 1891 г. он организует академическую экспедицию в Монголию и вскоре после возвращения публикует предварительный отчет о ее результатах [5]. В этом же году был переиздан ряд текстов [6], а в 1892 г. начинает выходить «Атлас древностей

---

[3] Обращение В. В. Радлова к памятникам рунической письменности можно датировать и более ранним временем. См.: W. R a d l o f f, Aus Sibirien, II, Leipzig, 1884, стр. 131.

[4] См.: Архив АН СССР в г. Ленинграде, ф. 177, оп. 2, №№ 128, 166 (письма Д. А. Клеменца и Н. М. Мартьянова). Многие эстампажи, например, были изготовлены для В. В. Радлова... Ошурковым.

[5] В. В. Р а д л о в, Предварительный отчет о снаряженной... Академией наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона, СПб., 1892 (СТОЭ, I), стр. 1—12.

[6] В. В. Р а д л о в, Сибирские древности. I, вып. 2,— «Материалы по археологии России», СПб., 1891, № 5, Приложения, стр. 31; I, вып. 3,— «Материалы по археологии России», СПб., 1894, № 15, Приложения, стр. 96 и сл.

Монголии»[7], включивший в себя описание и репродукции большого количества орхонских и енисейских надписей и писаниц (надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука, Онгинская надпись, Асхете I, II; Элегес, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кули-Хем ~ Куйлуг-Хем, Кара-Суг, Барык I—IV, Хая-Бажы ~ Хая-Ужу, Чаа-Холь I—IV, VI—VIII, Уйбат I—V, Туба III, Алтын-кёль I, II, Оя, Ачура, Означенная). Основным источником для составления атласа послужили материалы, собранные Орхонской экспедицией.

Важным стимулом к интенсивному изучению памятников рунической письменности явилась дешифровка в 1893 г. датским ученым В. Томсеном орхоно-енисейских рун. С этого времени все усилия В. В. Радлова концентрируются в одном направлении и характер его исследовательских поисков всецело определяется стремлением как можно скорее ввести в тюркологию новые материалы. Вот некоторые подробности, относящиеся к этому периоду. В декабре 1893 г. В. В. Радлов получил от В. Томсена письмо[8], в котором сообщалось о раскрытии тайны рунических надписей, а за несколько дней до появления знаменитого «Notice préliminaire» В. Томсена — список знаков рунического алфавита; и уже на первом январском заседании Академии наук в 1894 г., сообщая о расшифровке В. Томсеном орхоно-енисейских рун, он предложил свое чтение и перевод памятника в честь Кюль-тегина. Ввиду важности выполненной работы Академия наук разрешила размножить ее и разослать в качестве предварительного опыта различным ученым и научным обществам. Первый экземпляр был послан В. Томсену[9]. Вслед за этим появляются три выпуска «Древнетюркских надписей Монголии»[10], содержа-

[7] В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии,— «Труды Орхонской экспедиции», вып. I, СПб., 1892; вып. II, СПб., 1893; вып. III, СПб., 1896; вып. IV, СПб., 1899. В процессе собирания материалов для атласа В. В. Радлов уделял много внимания и техническим вопросам, в частности способу изготовления эстампажей (см.: В. В. Радлов, О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях,— ЗВОРАО, 1893, VII, стр. 169—181).

[8] Письмо В. Томсена датировано 29 ноября 1893 г. Оно хранится в Архиве АН СССР в г. Ленинграде (ф. 177, оп. 2, № 252). Кстати, в этом письме В. Томсен дает очень высокую оценку В. В. Радлову как тюркологу: «Что касается толкования и перевода надписей,— пишет он,— я сожалею только о том, что не являюсь Радловым».

[9] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. Das Denkmal zu Ehren das Prinzen Kül Tegin, St.-Pbg., 1894.

[10] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1. Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam, St.-Pbg., 1894 (март); 2. Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam, St.-Pbg., 1894 (май); 3. Lfg.: Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei, St.-Pbg., 1895.

щие описание и объяснение знаков рунического алфавита, текст, транскрипцию и перевод надписей в честь Кюль-тегина (стр. 4—40) и Бильге-кагана (стр. 40—83), словарь к ним, дополнения к словарю и индекс (стр. 85—148), улучшения и дополнения к изданным текстам (стр. 175—243), тексты и переводы других орхонских и енисейских надписей (стр. 243—346), словарь к енисейским надписям (стр. 347—379), список сочетаний рун (стр. 380—387), материалы по морфологии древнетюркских диалектов (стр. 388—422), хронологический справочник и указатель собственных имен, встречающихся в текстах (стр. 423—438), новые переводы памятников из Кошо-Цайдама (стр. 439—459), дополнения к словарю древнетюркских надписей (стр. 460).

В 1897 г. выходит в свет «Новое издание»[11], а в 1899 г.— «Второе издание»[12] «Древнетюркских надписей Монголии». «Новое издание», являясь в своей основной части очерком фонетики, морфологии и синтаксиса древнетюркского языка, содержит также новую публикацию надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, исправления и дополнения к другим надписям, глоссарий. «Второе издание» целиком посвящено надписи в честь Тоньюкука[13].

В 1899 г. была издана статья с текстом и переводом рунической надписи, найденной в Семиречье[14], в 1908 г.— статья о древних, домусульманских, письменностях тюрок, включая руническую[15].

Несколько позднее в связи с необходимостью учета результатов новейших в то время исследований для понимания орхонских надписей В. В. Радлов издает ряд небольших статей[16], посвящая первую из них обсуждению опубликованных

---

[11] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, St.-Pbg., 1897. См. также: В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб., 1897 (СТОЭ, IV) (описание и транскрипция текста надписей сделаны В. В. Радловым, перевод — П. М. Мелиоранским с немецкого перевода в «Neue Folge», стр. 130—157).

[12] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

[13] Предварительное сообщение о надписи в честь Тоньюкука было опубликовано В. В. Радловым в 1898 г., см.: W. Radloff, Eine neu aufgefundene alttürkische Inschrift. Vorläufiger Bericht,— ИАН, сер. V, СПб., 1898, VIII, стр. 71—76.

[14] В. В. Радлов, Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда,— ЗВОРАО, 1899, XI, стр. 85—86.

[15] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben,— ИАН, сер. VI, СПб., 1908, II, стр. 835—839.

[16] W. Radloff, Alttürkische Studien, I,— ИАН, сер. VI, СПб., 1909, III, стр. 1213—1220.

А. Лекоком восьми рукописных фрагментов из Турфана (фрагмент Т. II, Т. 20 — перечень знаков рунического алфавита, объясняемых при помощи букв манихейского письма; фрагмент Т. М. 340 — текст, написанный рунами и уйгурскими буквами), а вторую [17] — разбору фрагмента рунической надписи на бумаге (всего шесть строк), переданного ему С. Ф. Ольденбургом. В четвертой и пятой статьях изложены различные соображения по вопросу о древнетюркских диалектах [18].

II. Тематика и содержание названных выше работ разнообразны. Они включают в себя помимо текстов с переводами и глоссариями лексические и грамматические комментарии, подробные очерки графики и фонетики, описание морфологии, синтаксиса, высказывания по вопросам происхождения рунического алфавита и т. д.

II, 1. В комментариях к изданиям надписей [19] предлагаются возможные варианты чтения и перевода отдельных слов и фраз, приводятся доказательства в пользу предпочитаемого толкования текста и тщательно разбираются критические замечания В. Томсена. Следует напомнить в связи с этим, что одновременно с первыми изданиями рунических текстов начинается полемика между В. В. Радловым и В. Томсеном, которая в общем имела положительное значение, хотя и приобретала в ряде случаев несколько необычную остроту. В спорах с В. Томсеном В. В. Радлов иногда ошибался. Так, он отрицал привативное значение форм *älcipä-, älcipät-, kaҕансïра-, kaҕансïрат-, уруҕсïрат-* в тексте памятника в честь Кюль-тегина [20], без достаточных оснований подвергал сомнению правильность интерпретации В. Томсеном руны Г (*ï, i* и «нечто среднее между *ä* и *i*») и рассматривал ее как обозначение *ï, i*, с одной стороны, и *ä* — с другой [21]. Однако В. В. Радлов не упорствовал в своих ошибках и заблуждениях и довольно быстро исправлял неправильности чтения и перевода, ср., например, интерпретацию руны Г [22], толкование отдель-

---

[17] W. Radloff, Alttürkische Studien, III, 1. Ein Fragment in türkischer Runenschrift,— ИАН, сер. VI, СПб., 1910, IV, стр. 1025—1029.

[18] W. Radloff, Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte,— ИАН, сер. VI, СПб., 1911, V, стр. 304—326; Alttürkische Studien, V. Die alttürkischen Dialekte,— ИАН, сер. VI, СПб., 1911, V, стр. 427—452.

[19] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 175—187, 202—243; его же, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, стр. 28—85.

[20] Там же, стр. 204—209, 225, 226.

[21] Там же, стр. 180—183. См. также: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, стр. 5 и сл.

[22] W. Radloff, Alttürkische Studien, V, стр. 428, 429.

ных слов, составных числительных (*äкі отузунч* не «тридцать второй», а «двадцать второй»)[23].

Комментарии содержат много интересных и ценных замечаний. В. В. Радлов первым обратил внимание на употребление руны [рунический знак] *н*² в аффиксе винительного падежа, присоединяемом к форме принадлежности 3-го лица, независимо от характера вокализма основы и высказал предположение, «что *і* аффикса принадлежности еще не подчинялся гласным основы и что древние тюрки произносили *каҕані, кïзі, сачі, субі* и винительный падеж от этих слов звучал *каҕанін, кïзін, сачін, субін*»[24]. В порядке возражения В. Томсену В. В. Радлов справедливо указывает на возможность толкования *буңсïз* (~ *буңсуз*) в некоторых местах как синонима *кäргäксіз* 'безграничный', 'неограниченный'[25].

II, 2. В. В. Радлов не занимался специально рунической палеографией, тем не менее он нередко прибегает к сопоставлению начертаний рунических знаков в различных памятниках. Определенную роль в обращении В. В. Радлова к палеографии сыграло знакомство с Онгинской надписью, о своеобразном начертании рун в которой он писал дважды[26]. Сравнивая знаки Онгинской надписи с рунами на памятниках Кошо-Цайдама (ср. [рунический знак] = [рунический знак], [рунический знак] = [рунический знак], [рунический знак] = [рунический знак], [рунический знак] = [рунический знак], [рунический знак], [рунический знак] = [рунический знак], [рунический знак] = [рунический знак]) и отмечая, что составитель ее еще не имел четкого представления об употреблении парных знаков (для твердорядных и мягкорядных согласных) и часто использовал как равноценные руны [рунический знак] и [рунический знак], [рунический знак] и [рунический знак], В. В. Радлов высказывает предположение, что знаки Онгинской надписи более более древние и образуют переходную ступень от енисейских к орхонским.

Особое значение данные палеографии имели для выяснения общих вопросов развития рунической письменности. В. В. Радлов подчеркивал значительное расхождение между енисейским и орхонским алфавитами и, исходя из этого, а также принимая во внимание отсутствие на территории между рекой Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов рунических надписей, делал вывод о параллельном и независимом друг от друга развитии названных алфавитов[27].

---

[23] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, стр. XXI.

[24] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 185.

[25] Там же, стр. 236—238.

[26] Там же, стр. 245; его же, Alttürkische Studien, IV, стр. 315.

[27] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 301.

II, 3. Касаясь вопроса о происхождении рунического письма, В. В. Радлов подчеркивает свое согласие с точкой зрения В. Томсена, рассматривавшего это письмо как разновидность семитического алфавита, усвоенного через посредство иранцев [28].

II, 4. Значительное место в работах В. В. Радлова занимают разделы, посвященные языку рунических надписей, в которых уточняются значения отдельных слов и фразеологических сочетаний, анализируются грамматические особенности и в которых, что наиболее существенно, дано первое довольно подробное описание фонетики, морфологии и синтаксиса древнетюркского языка.

Фонетический раздел [29] состоит из очерков, содержащих характеристику гласных и согласных в начале, середине и конце слова, а также разбор фонетических явлений, и прежде всего гармонии гласных. В. В. Радлов, в отличие от некоторых современных исследователей, не поддался иллюзии в отношении бедности древнетюркского вокализма под влиянием данных графики и с самого начала был глубоко убежден в полифонности соответствующих знаков. Спор с В. Томсеном, рассматривавшим руны 𐰕, 𐰓 как обозначения межзубных согласных [30], не был решен ни в пользу В. В. Радлова, ни в пользу В. Томсена, тем не менее он вызвал поиски аргументов, новых фактов, сделал необходимым более тщательный анализ рунической графики. Еще в конце прошлого столетия В. В. Радлов сделал правильный, по существу, вывод относительно основной тенденции в эволюции тюркского консонантизма, заявив, что тюркские согласные постоянно развивались от глухих к звонким или от сильных к слабым, но ни в коем случае не в противоположном направлении и что начальные звонкие шумные в языках южной группы вторичны [31].

В результате тщательного исследования В. В. Радловым были выделены необычные или довольно редкие для современных тюркских языков морфологические элементы, такие, как аффикс орудного падежа *-ïн ~ -iн,* аффикс винительного падежа *-ïҕ ~ -iг,* аффикс парности *-лï ~ -li,* ср. *кÿнli тÿнli* 'день и ночь', *бäгli бодунлï* 'беки и народ'; аффикс *-kï ~ -кi* в составе порядковых числительных, например: *ilкi* 'первый', *jäгiрмiкi* 'двадцатый', *отузkï* 'тридцатый'; аффиксы, образую-

[28] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, стр. 836.

[29] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, стр. 27, 28.

[30] Там же, стр. 27, 28.

[31] Там же, стр. 39, 40.

щие наречия, *-ра* ~ *-рä*, *-ja* ~ *-jä* и *-тï* ~ *-ті*, ср. *ічрä* 'внутри', *асра* 'внизу', *jïpaja* 'налево (~ на север)', *бäрijä* 'направо (~ на юг)', *äдгÿті* 'хорошо', *тÿкäті* 'совсем, полностью', *kaтïӷдï* 'крепко'; аффикс отыменных глаголов *-ïk* ~ *-ік*: *ічік-* 'подчиняться', *ташïk-* 'выходить наружу, распространяться'; аффиксы причастных и деепричастных форм *-ӷлï* ~ *-гli*, *-тачï* ~ *-тäчі*, *-ӷма* ~ *-гмä*, *-пан* ~ *-пäн*, *-у* ~ *-ÿ* ~ *-ï* ~ *-і* и многие другие. В. В. Радлов обратил внимание на своеобразие составных числительных, обозначающих десятки и единицы, ср. *отуз артукï бір* 'тридцать один', *kïpk артукï jäті* 'сорок семь'[32]. Бесспорной заслугой В. В. Радлова следует считать выделение «качественного» и направительного падежей, соответственно имеющих аффиксы *-ча* ~ *-чä* и *-ӷару* ~ *-гäрÿ*, например: *субча* 'словно вода', *таӷча* 'как горы (размером с горы)', *табӷачӷару* 'в сторону табгачей', *оӷузӷару* 'на огузов'.

II, 5. Важной областью лингвистического исследования рунических надписей для В. В. Радлова являлись древнетюркские диалекты. Проблеме диалектных различий посвящены небольшие разделы в издании «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» и два специальных очерка в цикле «Alttürkische Studien»[33]. В. В. Радлов неоднократно отмечал важность и значительность размеров смешения древнетюркских диалектов, рассматривая данный процесс как основную причину, обусловившую смешанный характер современных тюркских языков[34]. Итогом кропотливых разысканий явилось создание классификации древних диалектов, в основу которой были положены как фонетические, так и морфологические признаки. Были выделены три диалекта: 1) северный (die Sprache des Türk-Sir-Volkes), 2) южный (die uigurische Sprache) и 3) смешанный, который в свою очередь подразделялся на западный и восточный.

К северному диалекту В. В. Радлов отнес все рунические памятники, общими признаками которых, по его мнению, являются: наличие в анлауте только глухих шумных согласных, кроме *б*; сохранение *б* в словах, оканчивающихся на *ң* или *н*; употребление аффикса притяжательного падежа *-ïң* ~ *-ің*, аффикса местно-исходного падежа *-да* ~ *-дä*, аффикса направительного падежа *-ӷару* ~ *-гäрÿ*, аффикса дательного падежа *-ka* ~ *-кä* (для формы принадлежности 1-го лица единственного числа возможно *-а* ~ *-ä*), аффикса *-дïӷ* ~ *-діг* во 2-м ли-

---

[32] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 388—422; его же, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge, стр. 45—129.

[33] W. Radloff, Alttürkische Studien, IV, стр. 304—326; V, стр. 427—452.

[34] W. Radloff, Alttürkische Studien, IV, стр. 306.

це единственного числа и аффикса *-дïӈïз* ~ *-дiгiз* во 2-м лице множественного числа глагольных форм прошедшего времени.

Южный диалект в классификации В. В. Радлова представлен памятниками уйгурской письменности, и в числе основных признаков его названы следующие: возможность перехода *б* в *м* в словах, оканчивающихся на *н* или *ӊ*; наличие особой формы исходного падежа; употребление аффикса притяжательного падежа *-нïӊ* ~ *-нiӊ*, аффикса 2-го лица единственного числа глагольной формы прошедшего времени *-дïӊ* ~ *-дiӊ* и т. д.

Смешанный диалект, как полагал В. В. Радлов, отразился в манихейских текстах, написанных буквами уйгурского и манихейского алфавитов, в каирской рукописи «Кутадгу билиг» и в некоторых других. Он обнаруживает особенности, свойственные и северному и южному диалектам.

Хотя впоследствии были предложены другие классификации древнетюркских диалектов, разработанные с учетом новых материалов и новых исследований, классификация В. В. Радлова не утратила своего научного значения и может быть использована в качестве одного из исходных пунктов дальнейших поисков.

II, 6. Большую осторожность проявлял В. В. Радлов при датировке рунических памятников. Вопрос о датировке — необычайно трудный, так как ни на одном из памятников дата составления текста не указана. Опираясь на анализ содержания и учитывая результаты исследования палеографических особенностей, а также свидетельства исторических источников, В. В. Радлов считал наиболее правильным и в достаточной мере обоснованным относить составление первых рунических надписей к концу VII или началу VIII в.[35]. Эта датировка, пожалуй, и в настоящее время является общепринятой.

III. Данные, полученные в результате исследования руники, были использованы В. В. Радловым в статье о тюркских гласных[36], лексика рунических надписей вошла в «Опыт словаря тюркских наречий», печатание которого началось в 1888 г. и завершилось в 1911 г. Все то, что было достигнуто в указанной области, стало достоянием и других тюркологов, способствовало дальнейшему развитию тюркологии и во многом предопределило ее современное состояние, структуру и характер.

IV. Подводя итог краткому обзору научной деятельности

---

[35] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 3. Lfg., стр. 301—303.

[36] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems,— ИАН, сер. V, СПб., 1901, XIV, № 4, стр. 425—462.

В. В. Радлова, связанной с изучением памятников рунической письменности, необходимо воздать должное ему не только как ученому, создавшему фундаментальные труды и обогатившему тюркологию рядом открытий, но и как первоискателю, одному из пионеров современной отечественной тюркологии. Под влиянием В. В. Радлова и его работ формировалась ленинградская школа тюркологов, научные идеи В. В. Радлова нашли отражение в трудах крупнейшего советского тюрколога С. Е. Малова и в трудах его многочисленных учеников.

В. В. Радлов — выдающийся ученый, неутомимый исследователь и большой труженик науки. С именем В. В. Радлова связана целая эпоха в нашей науке, но для того чтобы справедливо оценить его заслуги, не следует никогда забывать, что это была эпоха зарождения тюркологии, эпоха «интенсивного собирания и издания материалов по живым турецким наречиям и письменным языкам и первоначальной, только предварительной обработки наличных материалов» [37].

Благодаря почину В. В. Радлова и его усилиям в среде советских тюркологов никогда не ослабевал интерес к тюркским древностям, руника прочно заняла подобающее ей место в исследованиях лингвистов, историков, литературоведов. Долг советских тюркологов — поддержать и развить дух больших творческих исканий В. В. Радлова, продолжить начатую им работу, выявить новые памятники, углубить изучение изданных текстов, наконец, создать корпус рунических надписей, представляющих огромную научную и вместе с тем культурно-историческую ценность.

---

[37] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, стр. 32.

Д. М. Насилов

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Последнее десятилетие прошлого века в истории развития тюркологии ознаменовалось двумя выдающимися событиями: расшифровкой памятников орхоно-енисейской письменности и первыми находками в Восточном Туркестане многочисленных тюркоязычных письменных памятников. Введение в науку памятников рунического орхоно-енисейского письма отодвинуло нижнюю границу точно датированных памятников одного из древнейших тюркских языков до VIII в. Памятники из Восточного Туркестана давали богатейший материал по истории тюркских языков другого географического района, прежде всего древнеуйгурского языка.

Открытие в Центральной Азии древних памятников архитектуры, искусства и письма, а в особенности материалы, доставленные из Турфанского оазиса в 1897 г. русскими путешественниками П. К. Козловым и В. И. Роборовским, естественно, не могли не привлечь к себе внимание такого энтузиаста науки, каким был акад. Василий Васильевич Радлов. По его инициативе уже в 1898 г. при Академии наук была создана комиссия в составе В. В. Радлова, К. Г. Залемана, В. П. Васильева, С. Ф. Ольденбурга, А. А. Куника, В. Р. Розена и Д. А. Клеменца, которая разработала план новой русской экспедиции в Турфан для историко-археологических исследований. Возглавил эту экспедицию Д. А. Клеменц. Несмотря на малый состав участников и ограниченные сроки, ее результаты оказались прекрасными [1].

Эта экспедиция положила начало другим плодотворным

---

[1] См.: «Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», H. 1, St.-Pbg., 1899; С. Ф. Ольденбург, [рец. на:] «Nachrichten über die... Expedition nach Turfan»,— ЗВОРАО, 1900, т. XIII, стр. 065—068.

экспедициям в Восточный Туркестан как русских, так и зарубежных ученых [2].

Интерес со стороны востоковедов к изучению Средней и Центральной Азии, вызванный новейшими открытиями, был настолько велик, что на XII конгрессе ориенталистов в Риме (1899 г.) было принято решение об организации международного органа, координирующего планомерное изучение этого района. На следующем, XIII конгрессе в Гамбурге (1902 г.) при активном участии В. В. Радлова были утверждены устав и рабочие органы Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии. В начале 1903 г. в Петербурге был организован Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях, который явился национальным и в то же время центральным органом этого международного союза. Создание центрального органа именно в России было признанием заслуг и научных достижений русских исследователей Востока.

Этот комитет сыграл известную положительную роль в дальнейшем изучении истории и культуры Восточной Азии. Поскольку комитет получал государственную субсидию, он самостоятельно мог организовывать экспедиции и поездки ученых, а также приобретать ценные этнографические, лингвистические и другие материалы, которые пополняли фонды различных русских музеев. Здесь достаточно упомянуть такие его предприятия, как две экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909—1910 гг. и 1911—1915 гг.), финансирование и организация командировок С. Е. Малова к уйгурам и саларам, К. Г. Залемана в Среднюю Азию, В. И. Анучина по Алтаю, Е. Д. Поливанова и Н. И. Конрада в Японию, командировок А. Н. Самойловича, Б. Я. Владимирцова, В. В. Бартольда, И. И. Зарубина и др., а также помощь немецким турфанским экспедициям и отдельным зарубежным ученым [3]. Вдохновителем, организатором и бессменным председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии был крупнейший тюрколог В. В. Радлов. Таким образом, с именем академика В. В. Радлова связаны

[2] См.: С. Ф. Ольденбург, Русские археологические исследования в Восточном Туркестане,— КМВ, 1921, 1—2, стр. 25—30; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925; С. Е. Малов, Уйгуры и их изучение,— в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.— Л., 1951, стр. 95—104.

[3] См.: ИРКИСВА, 1903—1910, №№ 1—10; сер. II, 1912—1914, а также фонд Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии... в ЛО Архива АН СССР: ф. 148, оп. 1, №№ 1—108 («Делопроизводственные материалы»).

не только лингвистическое изучение древнеуйгурских памятников, но и организация экспедиционной работы и приобретение рукописей, в результате чего наша страна имеет одну из богатейших коллекций этих памятников.

Последние двадцать лет своей жизни В. В. Радлов отдал в основном исследованию памятников древнеуйгурского языка. В эти же годы он много работает и над расшифровкой и изданием памятников орхоно-енисейской письменности. Исследование этих двух больших групп древнетюркских памятников для В. В. Радлова явилось естественным продолжением его работы над письменными памятниками тюркских языков.

Интерес к истории тюркских языков возник у ученого в то время, когда он при осуществлении своего грандиозного замысла — дать материалы по разным тюркским языкам, составить словарь, написать сравнительную грамматику тюркских наречий — работал над «Фонетикой северных тюркских языков». Эта работа показала, по собственному признанию В. В. Радлова, что «правильного понимания развития языковых форм собранный материал не дает, и лишь внимательное исследование письменных памятников позволяет понять развитие новых языков»[4]. Поэтому В. В. Радлов обращается к древнейшим из известных тогда тюркским памятникам письма[5]. Результаты этих исследований нашли отражение также в издании «Тюркского языкового материала Codex Comanicus'a»[6], публикации ханских ярлыков[7], семиреченских надгробных надписей[8], раннеосманских памятников[9] и в староузбекском (чагатайском) лексическом материале в «Опыте словаря тюркских наречий»[10].

Следует особо остановиться на предпринятом В. В. Радловым издании крупнейшего литературного памятника XI в. «Кутадгу билиг», которое занимает почетное место в истории мировой тюркологии.

---

[4] W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bālasagun, T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, Lfg. 1—2, St.—Pbg., 1900—1910, стр. 549.

[5] W. Radloff, Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus,— Mél. As., 1888, t. IX, 2, стр. 87—92.

[6] W. Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St.-Pbg., 1887.

[7] В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, 1889, т. III.

[8] W. Radloff, Über das türkische Sprachmaterial dieser Grabinschriften,— ЗАН, сер. VII, 1890, т. XXXVII, № 8.

[9] W. Radloff, Über alttürkische Dialekte. I. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâmeh,— ИАН, нов. сер., 1890, т. I (XXXIII).

[10] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, вып. 1, СПб., 1888, стр. IV—V.

Так сложилось, что первой стала известна науке рукопись «Кутадгу билиг», интерпретация которой представляла собой трудности не только языкового, но прежде всего палеографического характера. Небрежный почерк, обилие описок и ошибок еще более затрудняли дешифровку и без того сложного текста, написанного на уйгурском алфавите. Эта рукопись, которая известна теперь как Венская, была доставлена в начале XIX в. в Императорскую придворную библиотеку г. Вены. Она была вывезена из Константинополя среди других восточных рукописей австрийским востоковедом Й. Хаммер-Пургшталем (Joseph von Hammer-Purgstall, 1774—1856), который состоял в то время на службе при посольстве в Константинополе[11]. Краткая аннотация этой рукописи содержалась в составленном этим же ученым каталоге арабских, персидских и тюркских рукописей Венской библиотеки, который был позднее опубликован (правда не полностью)[12]. Составляя каталог, Й. Хаммер заинтересовался списком «Кутадгу билиг» и предложил его вниманию французских ориенталистов.

В первых двух тетрадях французского журнала «Journal asiatique» за 1825 г. появилась статья «Заметка о турецкой рукописи уйгурскими буквами» П. А. Жобера (P. A. Jaubert, 1779—1847)[13]. Этот ученый и политический деятель возглавлял тогда кафедру персидского, турецкого и арабского языков в Collège de France, крупном центре востоковедения в Европе XIX в. Он был известен также и как исследователь турецкого языка, написавший «Eléments de la grammaire turque».

Это была первая научная публикация, посвященная поэме «Кутадгу билиг». Она содержала следующие разделы: вступительные замечания о рукописи, транскрипция арабскими буквами и французский перевод предисловия к поэме, перевод оглавления-фихриста, краткое изложение содержания первых двенадцати глав с приведением перевода некоторых отрывков из них (например, о созвездиях Зодиака), пересказ основных идей поэмы о добродетелях, скромности, мудрости, нравах, список слов с персидскими глоссами, список некоторых часто встречающихся слов, замечания о дате со-

---

[11] I g. F r. v. M o s e l, Geschichte der Kais.-königl. Hofbibliothek zu Wien, Wien, 1835, стр. 211.

[12] J. H a m m e r, Codices arabicos, persicos, turcicos bibliothecae caesareo-regio-palatinae vindobonensis recensuit..., Vindobonae, 1820; см. также: «Fundgruben des Orients», Bd VI, Wien, 1820.

[13] P. A m é d é e J a u b e r t, Notice d'un manuscrit turc, en caractères ouïgours, envoyé par M. de Hammer, à M. Abel-Rémusat,— JA, 1825, t. 6, № 31, стр. 39—52; № 32, стр. 78—95.

ставления поэмы и списка. Статья Жобера давала достаточно ясное представление о «Кутадгу билиг» как об одном из интереснейших и важных тюркских литературных памятников дидактического содержания. Кроме того, к ней было приложено литографическое воспроизведение текста предисловия и отдельных стихов поэмы.

Как известно, первое прочтение памятника бывает наиболее спорным и часто ошибочным, к тому же П. Жобер был преимущественно туркологом, поэтому его издание отрывков из «Кутадгу билиг» не может удовлетворить современного исследователя. Но все же мы не должны умалять заслуги этого ученого, познакомившего тюркологический мир с новым памятником.

Публикация Жобера позднее была использована Густавом Флюгелем в его описании восточных рукописей Венской библиотеки, где в третьем томе в разделе этических произведений под № 1864 помещена статья о Венском списке поэмы, причем ошибки чтения Жобера попали и в это описание рукописи [14].

Литографическое воспроизведение Жобером текста предисловия позволило и другим ученым использовать его для публикаций.

В 1857 г. И. Н. Березин включил в «Отделение джагатайское или восточное» своей «Турецкой хрестоматии» текст предисловия к «Кутадгу билиг» по изданию Жобера как образчик уйгурского диалекта [15].

В 1861 г. отрывок из предисловия «по своему чтению, в самодельной транскрипции» и с русским переводом привел Н. И. Ильминский во «Вступительном чтении в курс турецко-татарского языка» [16], причем он уже указывал, что Жобер «ошибочно дешифровал уйгурское письмо, его впоследствии поправил г. Березин, но не вполне» [17].

Сто лет назад, в 1870 г., появилось издание, которое можно определить как первую научную публикацию текста «Кутадгу билиг» [18]. Венгерский ориенталист Герман Вамбери обладал достаточными познаниями в тюркологии для предприя-

---

[14] G. Flügel, Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kais.-königl. Hofbibliothek zu Wien, Bd 3, Wien, 1867, стр. 296—297.

[15] И. [Н.] Березин, Турецкая хрестоматия, т. I, Казань, 1857, стр. 2—7.

[16] Н. [И.] Ильминский, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка,— «Ученые записки Казанского университета», Казань, 1861, кн. III, стр. 3—42.

[17] Там же, стр. 27.

[18] H. Vámbéry, Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurischer Text mit Transscription und Übersetzung nebst einen Uigu-

тия этого издания: более 15 лет изучал он тюркские языки и народы; ему был близко знаком не только турецкий язык, но и среднеазиатские тюркские языки; он и до «Кутадгу билиг» занимался чтением и изданием памятников тюркской письменности [19]. И все же издание «Кутадгу билиг» сам Вамбери рассматривал как «результат той первой попытки, которого... удалось достичь в этом направлении» [20], и указывал, что перед ним возник ряд трудностей: неразборчивое письмо (между прочим, Вамбери работал непосредственно с рукописью «Кутадгу билиг», которая была предоставлена ему в личное пользование), отсутствие других списков, незнакомый мертвый язык, сложное содержание,— которые не всегда успешно преодолевались. Вамбери пошел по линии наименьшего сопротивления: непонятные, сложные стихи он просто опускал, полагая, что эти купюры можно восполнить после открытия других списков поэмы [21], а поскольку таких мест в поэме оказалось немало, издание получилось весьма неполным: приблизительно шестая часть поэмы [22].

Книга Вамбери открывается введением, состоящим из ряда отделов. Первый из них посвящен имени «уйгур», а также родине уйгуров, их социальным отношениям и языковым памятникам, далее дается общая характеристика уйгурского языка, письма и объяснение знаков уйгурского алфавита, потом приводятся сведения о возникновении «Кутадгу билиг» и о дате написания памятника и Венского списка, после этого дается характеристика почерка списка, его особенностей. Значительное место занимает также раздел о некоторых грамматических формах и лексическом своеобразии уйгурского языка, причем грамматика дается в сопоставлении с фактами чагатайских памятников или турецкого языка. За введением следует текст «Кутадгу билиг», представляющий собой транслитерацию оригинала маньчжурскими буквами, латинскую транскрипцию и немецкий перевод. К книге приложен словарь, который включает в себя преимущественно уйгурские слова, отсутствующие в европейских словарях османского и чагатайского языков, с подтвердительными цитатами из всего текста поэмы и в сравнении их с данными языков якутского, чагатайского, османского, монгольского и венгерского. В качестве приложений были приведены отрывки из позд-

---

risch-deutschen Wörterbuche und lithografierten Facsimile aus dem Originaltexte des Kudatku Bilik, Innsbruck, 1870.

[19] См.: H. Vámbéry, Čagataische Sprachstudien, Leipzig, 1867.

[20] H. Vámbéry, Uigurische Sprachmonumente, стр. III.

[21] Там же, стр. III.

[22] Там же, стр. 181—182; ср.: Э. И. Фозилов, Қадимги обидалар ва Алишер Навоий тили, Тошкент, 1969, стр. 12.

нейших уйгурописьменных памятников — ярлыка Тимура Кутлуга и «Бахтияр-наме», а также факсимиле 11-й страницы рукописи «Кутадгу билиг», между прочим, одной из самых плохо читаемых во всей рукописи.

Несмотря на неполноту издания, выход в свет книги Г. Вамбери явился новым шагом в деле изучения поэмы «Кутадгу билиг». В качестве оценки уместнее всего привести слова самого Г. Вамбери, сказанные им во введении: «Оковы загадочности и таинственности, в которых оставил Жобер „Кудатку билик“ и из которых так звал девиз этой книги, разрушены; бо́льшая подготовка, многолетние практические занятия восточнотюркскими диалектами и, наконец, бо́льшее богатство вспомогательных средств увенчали мои усилия бо́льшим успехом, чем у моего предшественника, и все же я далек от утверждения, что источник можно исчерпать до дна: он все еще утаивает многие бесценные богатства тюркологии и жаждет более искусных рук, чем являются мои» [23].

Таким ученым, который смог принять на свои плечи тяжесть нового, исчерпывающего издания поэмы «Кутадгу билиг», и явился академик В. В. Радлов. Поскольку в издании Г. Вамбери «приводятся лишь извлечения из древнейшего памятника турецкого языка, да и то с пропусками, и все издание носит на себе слишком субъективный характер...», а также потому, что «...изучение Кудатку Билика в качестве единственного обширного памятника давно уже исчезнувшего древнейшего тюркского диалекта дает ключ к истории развития тюркских диалектов вообще...» [24], В. В. Радлов с помощью Академии наук приступает к новому изданию «Кутадгу билиг» [25], работа над которым продолжалась более четверти века.

План издания таков: по возможности точное воспроизведение текста, т. е. факсимиле, транскрипция уйгурского текста уйгурскими буквами, перевод текста с примечаниями, словарь-индекс к памятнику.

В 1884 г. Радлов командируется в Вену для снятия копии с рукописи [26], и в 1890 г. выходит факсимильное издание: «воспроизведенный текст по величине вполне соответствует оригиналу и отличается удивительной четкостью. Кроме того, в снимке удалены пятна на бумаге, причем, однако, самый

---

[23] Там же, стр. 32. Ср. оценку этого издания М. Хартманом: M. Hartmann, Die metrische Form des Qudatqu Bilik,— «Orientalistische Litteratur-Zeitung», Berlin, 1902, № 8/9, стр. 349.

[24] В. В. Радлов, Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи, СПб., 1890, стр. I.

[25] См.: ЗАН, 1884, т. 49, стр. 54.

[26] См.: ЗАН, 1885, т. 50, стр. 24—25; 123.

текст остался нетронутым»[27]. Здесь же Радловым дается подробнейшее описание Каирского списка рукописи.

Нужно заметить, что В. В. Радлов как бы следовал изданию Г. Вамбери. Чтобы показать место рукописи среди других уйгурописьменных памятников, он привел также факсимиле отрывков из «Огуз-наме», «Тезкере-и-Эвлия», «Мирадж-наме», «Бахтияр-наме», двух ханских ярлыков и уйгуро-китайского послания.

В предисловии к транскрипции памятника В. В. Радлов поместил известное свое сочинение «К вопросу об уйгурах», написание которого преследовало цель ответить на вопрос: можно ли «Кутадгу билиг» отнести к памятникам уйгурского языка, так как в рукописи название «уйгур» не встречается[28]. На основании тюркских, персидских, арабских и монгольских источников Радлов анализирует термин «уйгур», излагает сведения по истории уйгуров. Богатство материала, глубина анализа источников, исторические выводы В. В. Радлова не идут ни в какое сравнение с материалом, изложенным Вамбери.

Для транскрипции-транслитерации В. В. Радлов использовал маньчжурский алфавит с добавлением некоторых знаков, чтобы облегчить чтение и расшифровку рукописи. В предисловии приведены также сведения об уйгурском письме и об обозначении отдельных звуков в нем.

Эта транскрипция В. В. Радлова явилась в известной мере критическим изданием текста, поскольку он старался исправить ошибки переписчика, а также устранить инновации, внесенные, по мнению Радлова, переписчиком под влиянием его родного диалекта. Для проверки все особенности оригинала издатель помещал в подстрочных примечаниях.

В 1897 г. начинает печататься радловская транскрипция и перевод «Кутадгу билиг» на немецкий язык. Однако в этом году становится известно о второй рукописи этого памятника. В. В. Радлов приостанавливает печатание (к этому времени было напечатано 64 страницы) и предпринимает шаги к изучению нового списка.

В марте 1897 г. немецкий арабист проф. Эдуард Захау (E. Sachau) пересылает В. В. Радлову копию части предисловия из рукописи, которую обнаружил в Каире директор правительственной библиотеки арабист проф. Бернгард Мо-

---

[27] В. В. Радлов, Кудатку-Билик, стр. I.

[28] W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. I. Der Text in Transscription, St.-Pbg., 1891; перевод: В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (приложение к ЗАН, т. LXXII, № 2).

риц[29]. Радлов сразу откликнулся и через посредство Э. Захау немедленно установил связь с Б. Морицем. И уже 30 марта 1897 г. Б. Мориц сообщал из Каира русскому ученому, что по правилам Каирской библиотеки рукопись «Кутадгу билиг» в С.-Петербург отправить нельзя, и предложил для экономии времени, избегая дипломатических каналов, изготовить копию с рукописи, причем он брал на себя труд выверить ее по оригиналу[30]. Он сообщал также краткие сведения о рукописи и обещал выслать несколько фотографий с нее[31]. Однако поиски переписчика затянулись, так как Мориц не мог найти тюрка-переписчика, который взялся бы за это дело. Только в июле 1897 г. ему удалось найти араба, который, не зная по-тюркски, копировал рукопись букву за буквой[32]. В августе Морицу стала по частям поступать копия текста, и он начал ее сверку с оригиналом. Как он указывал, работа оказалась трудоемкой и шла медленно, ибо сам Мориц, не владея тюркскими языками, тоже делал только механическую сверку, которой мог к тому же уделять лишь свободные от работы часы[33]. Рукопись начала поступать В. В. Радлову в конце 1897 г., ее последние тетради были получены уже в середине 1898 г.[34]. Поскольку в Каире страницы оригинала были перепутаны, Радлову пришлось их подбирать уже в Петербурге, после чего рукопись была переплетена в новый переплет и хранится поныне в рукописном фонде ЛО ИВАН под шифром Д-12 (а 281).

Эта копия того же формата, что и оригинал, имеет одинаковое с ним расположение страниц и строк, а также применение красной и черной туши. Однако Б. Мориц писал В. В. Радлову, что «писец, несмотря на все старания, допускал ошибки»[35], что эта копия и сверка точны настолько, насколько они возможны при незнании текста[36]. Результаты этой работы Морица видны на полях рукописи[37]. Как из-

[29] См. письмо Э. Захау от 14.III.1897 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 110, л. 22.

[30] См. письмо Б. Морица от 30.III.1897 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 183, л. 3.

[31] Там же, л. 4.

[32] Там же, л. 7—8.

[33] Там же, л. 1, 9, 11, 13.

[34] W. Radloff, Über eine in Kairo aufgefundene zweite Handschrift des Kudatku Bilik,— ИАН, сер. VII, т. IX, № 4, 1898, стр. 307—319.

[35] См. письмо Морица от 25.XI.1897 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 183, л. 13; ср. также письмо от 16.I.1898 г.,— там же, л. 1.

[36] См. письмо от 4.VIII.1897 г.,— там же, л. 9.

[37] В связи с этим нельзя не заметить, что даже при наличии теперь и факсимильного воспроизведения Каирской рукописи не следует при работе над критическим текстом «Кутадгу билиг» игнорировать эту копию, поскольку она содержит много полезной информации об оригинале рукописи.

вестно, Б. Мориц обнаружил каирский список «Кутадгу билиг» в виде пачек или отдельных листов в огромной куче рукописных фрагментов, сваленных в углу, конец рукописи так и не был найден.

В. В. Радлов начал сразу же работать над этим списком и убедился, как важна рукопись для толкования текста поэмы. Он писал: «...позволю себе заметить, что мое издание Кудатку Билик (т. е. транслитерация маньчжурскими буквами.— *Д. Н.*) есть только первая попытка часто испорченный текст этой книги сделать в какой-то мере читаемым. Имеющиеся у меня две рукописи доказывают, что хотя у меня и много правильного, все же в моем тексте есть бесполезные улучшения и многое следует теперь давать по-другому» [38].

В 1900 г. появился первый выпуск его транскрипции и перевода «Кутадгу билиг». Здесь, начиная с 65 страницы, издатель пытается в транскрипции представить реконструируемый текст поэмы, вынося все разночтения по двум рукописям в примечания, а текст Каирской рукописи, соответствующий отпечатанным 64 страницам, был помещен в начале выпуска [39]. Таким образом, читатель имел возможность сопоставлять рукописи с самого начала.

Издание затянулось до 1910 г.[40], так как в это время после дешифровки орхоно-енисейских памятников и открытия древнеуйгурских памятников в Восточном Туркестане В. В. Радлов отвлекся на их издание [41]. Во втором выпуске содержится «Послесловие к Кудатку Билик», где В. В. Радлов изложил свои взгляды на язык этого памятника, сложившиеся в результате последних его разысканий в области тюркских памятников [42].

Издание и перевод такого обширного памятника были не только крупным достижением в творческой биографии ученого, но и являлись шагом вперед для всей отечественной тюркологии. Это особенно видно из сравнения с предшествующим изданием «Кутадгу билиг» Г. Вамбери. Работа с уйгурской

---

[38] См.: W. Radloff, Zum Kudatku Bilik,— ZDMG, Bd LII, H. 1, 1898, стр. 152.

[39] W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, St.-Pbg., 1900.

[40] W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. II, 2. Lfg., St.-Pbg., 1910. Отрывок из Каирской рукописи В. В. Радлов опубликовал еще и в качестве образца тюркской литературы (характеристика всей поэмы, отрывок о встрече Огдульмиша и Одгурмыша арабскими буквами и немецкий перевод), см.: J. Baensch-Drugulin, Marksteine aus der Weltlitteratur in Originalschriften..., Leipzig, 1902, стр. 94—108.

[41] W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 549.

[42] Там же, стр. 549—560.

рукописью «Кутадгу билиг» несомненно помогла В. В. Радлову в дальнейших его занятиях с памятниками из Восточного Туркестана. Несмотря на то что за длительное время, в течение которого издавалась поэма, взгляды В. В. Радлова на язык и диалектную принадлежность этого памятника в известной мере менялись, следует отметить, что основная его мысль о характере языка, близкого по своим фонетическим особенностям к восточнотюркским диалектам, не только сохранялась, но и проявлялась в концепции ученого относительно древних языков Восточного Туркестана. Это явственно видно в радловской классификации древнетюркских диалектов и в транскрипции издаваемых им древнеуйгурских текстов.

Из замыслов В. В. Радлова осталось неосуществленным написание очерка грамматического строя уйгурского языка и составление словаря-индекса к «Кутадгу билиг».

В течение полувека радловское издание «Кутадгу билиг» оставалось наиболее полной и квалифицированной публикацией памятника, и тюркологи в своей практической работе пользовались исключительно им [43].

Исследование различных письменных памятников тюркских языков, многолетние занятия поэмой «Кутадгу билиг», а также обширные и глубокие познания в живых тюркских языках позволили именно В. В. Радлову стать во главе исследователей вновь открытых древнетюркских памятников. «В. В. Радлов никогда не боялся вступить первым в неизведанную страну, не боялся ошибок, памятуя о старинном речении „ошибками учимся“» [44]. Так было и на этот раз. И характерно, что именно В. В. Радлов предложил науке первое чтение и первый перевод памятника в честь Кюль-Тегина [45],

---

[43] О последующих исследованиях и публикациях «Кутадгу билиг» см.: فيترەت، قوتادغو بيلياك، — مەعارف ۋە ئوووقتغوچى Ташкент, 1925, № 2, стр. 68—74 (немецкий перевод статьи см.: UJ, 1926, Bd VI, H. 1/2, стр. 154—158); R. R. Arat, Ḳutadġu bilig,— IA, II, 2, 1950, стр. 1038—1047 (здесь же важнейшая аннотированная библиография, стр. 1045—1047); его же, Ḳutadgu Bilig. Tıpkıbasım, I. Vijana nüshası, İstanbul, 1942; его же, Ḳutadgu bilig. I. Metin, İstanbul, 1947, стр. V—XLII; его же, Ḳutadgu Bilig. II, Tercüme, Ankara, 1959, стр. VII—X; С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.— Л., 1951, стр. 97—99, 224, 299—304; А. А. Валитова, Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-Билик. Автореф. канд. дисс., М., 1951, стр. 5—7 и др.

[44] С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов (Некролог),— ИРАН, сер. VI, 1918, т. XII, № 12, стр. 1235.

[45] П. М. Мелиоранский в одном из писем к В. В. Бартольду так писал об этом событии: «Радлов засел и в один месяц (!) напечатал в транскрипции и в переводе 3 больших и 2 маленьких надписи... в количе-

а также первое издание древнеуйгурских памятников из Восточного Туркестана.

Первыми им были изданы в сентябре 1899 г. четыре письменных памятника, написанных на древнеуйгурском алфавите[46]. Они были среди других привезены в Петербург осенью 1898 г. экспедицией Д. А. Клеменца. Два из них являются юридическими документами, скрепляющими торговые сделки (обмен рабыни на материю и продажа сына). Это была первая публикация, положившая начало плодотворному научному освоению многочисленных уйгурских юридических и хозяйственных документов, имеющих огромное значение для изучения не только языка древних уйгуров, но и истории их государства[47]. Кроме двух юридических документов здесь же были изданы два религиозных фрагмента, причем один из них — фрагмент из буддийской сутры «Сäкіз јÿкмäк». Текстам предпосланы сведения о их содержании, говорится о важности их для науки, а также дается краткое их описание: характеристика бумаги, сохранность, размеры, расположение строк, тип письма и т. п. Далее следует текст, набранный маньчжурскими буквами,— точная копия орфографии оригинала. После наборного текста В. В. Радлов дал транскрипцию и перевод, снабженный лексико-грамматическими примечаниями.

В этой работе В. В. Радлов также издал четыре образца настенных надписей, выполненных на орхоно-енисейском алфавите. В одной из них ученый прочитал имя Шакья-Муни, на основании чего он сделал вывод о том, что турфанские тюрки-буддисты знали и применяли орхоно-енисейский алфавит[48].

Уже в данной работе В. В. Радлов указывал, что он «передает уйгурские слова по звуковой системе современных восточных диалектов», хотя он и отмечал различие между разговорным языком юридических документов и литературным языком религиозных фрагментов, считая последние более древними по языку, чем первые[49]. Язык всех этих текстов он

стве 50 экз. и разослал по России и по Европе» (Письмо от 26.II.1894 г.,— ЛО Архива АН СССР, ф. 68, оп. 2, № 153, л. 7).

[46] W. R a d l o f f, Altuigurische Sprachproben aus Turfan,— в кн.: «Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», H. 1, St.-Pbg., 1899, стр. 55—83.

[47] Д. И. Т и х о н о в, Древние уйгурские документы — важнейшие источники для изучения общественного строя Центральной Азии,— в кн.: «Историография и источниковедение истории стран Азии», вып. 1, Л., 1965, стр. 31—43.

[48] W. R a d l o f f, Altuigurische Sprachproben, стр. 82.

[49] Там же, стр. 63, 79.

относил к древним восточнотюркским диалектам и называл тогда «уйгурским диалектом», который можно рассматривать как предварительную ступень к языку «Кутадгу билиг». Эти мысли были в дальнейшем развиты и углублены В. В. Радловым в последующих работах по древнетюркским языкам.

Издание уйгурских материалов экспедиции Д. А. Клеменца выдвинуло В. В. Радлова в число видных исследователей памятников древнеуйгурского языка. Поэтому ему была доверена первая публикация текстов, привезенных А. Грюнведелем из археологической экспедиции 1902—1903 гг. в окрестности Идикут-Шари (Восточный Туркестан) [50]. В. В. Радлову было передано 46 текстов, однако из-за плохого качества фотографий ему удалось подготовить для печати в отчете экспедиции лишь 23 текста [51]. Здесь дается только транскрипция и перевод, которым предпосланы пояснения А. Грюнведеля о месте находок или приобретения текстов и самая общая их палеографическая характеристика. В то время среди тюркологов уже шел спор о фонетике языка «Кутадгу билиг», вызванный докладом В. Томсена о системе консонантов [52]. Поэтому примечательно замечание В. В. Радлова о транскрипции текстов: «Чтобы избегнуть спора о произношении взрывных и щелевых звуков, я транскрибирую уйгурские буквы соответствующими г л у х и м и (разрядка наша.— *Д. Н.*) согласными латинского алфавита» [53].

Получив новые фотокопии, В. В. Радлов продолжил работу и тогда же подготовил и начал печатать все 46 текстов, однако их выход в свет после смерти В. В. Радлова в 1918 г. задержался до 1928 г., когда появилась книга «Памятники уйгурского языка», изданная С. Е. Маловым [54]. Тексты в этой книге воспроизведены в наборе уйгурскими буквами, даны транскрипция, перевод и небольшие комментарии. Транскрипция отражает раннюю точку зрения В. В. Радлова на фонетику древнеуйгурского языка.

---

[50] Следует отметить, что успеху этой экспедиции способствовала помощь Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, см.: ИРКИСВА, 1903, № 1, стр. 3; А. Г р ю н в е д е л ь, Отчет об археологическом исследовании Турфана и его окрестностей,— там же, 1904, № 3, стр. 17—24.

[51] W. R a d l o f f, Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung,— в кн.: A. G r ü n w e d e l, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1906 (ABAW, Kl. I, Bd XXIV, Abt 1).

[52] См.: V. T h o m s e n, Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure,— KSm, 1901, t. II, № 4.

[53] W. R a d l o f f, Uigurische Schriftstücke, стр. 182.

[54] W. R a d l o f f, Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. M a l o v herausgegeben, Leningrad, 1928.

В эту работу В. В. Радлова включены также уйгурские тексты, доставленные в Азиатский музей русскими исследователями Восточного Туркестана, и, кроме этого, некоторые тексты берлинской коллекции, фотографии которых имел в своем распоряжении В. В. Радлов. С. Е. Малов при подготовке к изданию этой книги внес исправления в чтение и перевод отдельных мест, дал свое чтение текстов из Азиатского музея, для которых В. В. Радловым были сделаны только переводы, и составил словарь.

Книга «Памятники уйгурского языка» до сих пор не потеряла своей ценности как источник материалов по древнеуйгурскому языку и как наиболее полное собрание юридических документов уйгуров. Следует, правда, отметить, что почти все тексты в этой книге были подготовлены В. В. Радловым еще в начальный период его занятий древнеуйгурским языком и поэтому в его чтении и переводах встречаются неточности. Сам В. В. Радлов исправлял их в ходе дальнейшей работы [55]; многие исправления внес и С. Е. Малов при издании книги [56]. Однако работу над этими текстами, особенно над юридическими и хозяйственными документами, нельзя считать оконченной. Было бы желательно осуществить новое издание таких документов с учетом всех достижений современного уйгуроведения, пополнив его другими ценными материалами из наших коллекций [57].

Обильный приток новых текстов из Восточного Туркестана заставлял В. В. Радлова быстро их обрабатывать и публиковать, ибо ученый всегда стремился как можно быстрее сделать ценнейший языковой материал достоянием мировой науки.

В августе 1909 г. из печати выходит в издании В. В. Радлова крупнейший из сохранившихся текст манихейского содержания — «Покаянная молитва манихейцев» (X^{u}astvanift) [58]. Петербургский список выполнен уйгурским письмом и содержит 160 строк этого памятника (из 338 ныне известных науке). Значение X^{u}astvanift В. В. Радлов видел в его содержании, дающем своеобразный катехизис вероучения манихеев [59], и в особенностях языка, близкого к языку орхоно-енисейских текстов. Хотя этот список, как и два других спи-

---

[55] W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, стр. 73—75.

[56] Там же, стр. 217—259.

[57] Ср.: R. R. Arat, Eski türk hukuk vesikaları,— JSFOu, 1964, 65, стр. 11—77.

[58] Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer, hrsg. u. übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1909.

[59] Ср.: J. P. Asmussen, X^{u}āstvānīft. Studies in Manichaeism, Copenhagen, 1965; P. Zieme, Beiträge zur Erforschung des X^{v}āstvānīft,— MIOF, 1966, B. XII, H. 4, стр. 351—378.

ска манихейским письмом, был доставлен из Восточного Туркестана, В. В. Радлов полагал, что перевод текста на тюркский язык сделан на западе и отражает язык западных тюрок (возможно, тюргешей), отличающийся от уйгурского языка других памятников.

Издание Xᵘastvanift было встречено русскими тюркологами весьма положительно. Так, в частности, оценивал его в своей рецензии А. Н. Самойлович, хотя и указывал на неприемлемость употребляемых В. В. Радловым терминов для обозначения разновидностей уйгурского и манихейского письма [60]. Однако Ф. В. К. Мюллер и А. Лекок выступили с резкой и не всегда справедливой критикой на это издание, позже к ним присоединился и В. Банг [61]. Особенно много возражений вызвал у них перевод В. В. Радлова, хотя тот и указывал, что свой перевод он рассматривает «как предварительный, поскольку с манихейской литературой знаком только в общем» [62].

Следует отметить, что серьезную критику со стороны зарубежных коллег вызвал не только этот перевод В. В. Радлова. Ученого критиковали и за ранее изданные переводы других памятников, например «Codex Cumanicus». Особенно с резкой критикой последнего выступал В. Банг [63], обвинявший В. В. Радлова не только в небрежности, но даже и в некомпетентности в переводе подобных памятников. Как указывали современники, В. В. Радлов вообще очень терпимо относился к критике, сам сознавая, что его работы не свободны от недостатков, которые, кстати сказать, он всегда стремился устранить в последующих своих изданиях. С. Ф. Ольденбург так писал об этой черте характера ученого: «У В. В. была черта, свойственная вообще большим людям: он не боялся критики и не обижался никогда на нее, ему можно всегда прямо в лицо сказать все, что думаешь, как бы рез-

[60] А. Н. Самойлович, [рец. на:] «Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer», hrsg. u. übers. von W. Radloff...; «Tišastvustik. Ein in türk Sprache bearbeit. Buddhist. Sūtra». Transscr. u Übersetz. von W. Radloff,— ЖС, 1910, вып. 1—2, отд. 3, стр. 167—171.

[61] См.: F. W. K. Müller, Uigurica. II,— APAW, 1900, Abh. III; A. v. Le Coq, Ein christliches und ein manichäisches Manuscriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan,— SPAW, 1909, XXXIII, стр. 1202—1218; его же, Dr. Stein's Turkish Khuastuanift from Tun-huang, being a Confession-prayer of the Manichæan Auditores,— JRAS, 1911, april, стр. 276—314; W. Bang, Manichaeische Laien-Beichtspiegel,— «Le Muséon», 1923, t. XXXVI, стр. 137—242.

[62] W. Radloff, Chuastuanit, стр. V; его же, Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer),— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 12, стр. 867—896.

[63] См.: W. Bang, Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus,— BAB, 1911, стр. 13—40; его же, Komanische Texte,— там же, стр. 459—473.

ки и отрицательны ни были в ту минуту мысли и слова. Он спорил, но никогда не чувствовал и не помнил обиды»[64]. Однако резкие слова В. Банга, видимо, задели В. В. Радлова, и он в письме А. Н. Самойловичу от 1(14).VII.1910 г. писал: «В. Банг в трех журналах напал на меня и просто ругается. Хочется не отвечать ему. Если хотите, вышлю Вам эти журналы»[65]. Очевидно, тогда и подготовил А. Н. Самойлович «Записку в защиту В. В. Радлова против выступлений В. Банга»[66]. В ней он, как и К. Г. Залеман, также откликнувшийся на эти статьи В. Банга[67], ратует за ведение достойной научной полемики на высоком научном и этическом уровне. «Никто,— писал А. Н. Самойлович,— не может считать себя свободным от проявления человеческой слабости в виде недостаточности сдержанного и беспристрастного отношения к недостаткам и ошибкам других, хотя каждый должен всемерно стремиться сохранять и поддерживать добрые, доверчивые отношения в семье ученых работников... Как я уже заметил, недостатков в многочисленных и капитальных трудах акад. Радлова не мало. Прибавлю, что отыскать их и обнародовать — дело почетное, самоотверженное и несомненно полезное. Понятно, что если человек посвящает себя этому делу, он должен исполнить его по возможности настолько аккуратно и исчерпывающе, чтобы потом не пришлось это дело еще доделывать... Сколько бы промахов, прекрасно, впрочем, понятных каждому туркологу и в том числе и самому Радлову, ни отыщется в его трудах... Радлов останется творцом новой, блестящей радловской эпохи в тюркологии»[68]. С этими словами А. Н. Самойловича перекликаются справедливые слова другого крупнейшего русского востоковеда, В. В. Бартольда, которые полезно привести полностью, ибо они относятся ко всей научной деятельности В. В. Радлова: «Только в последние годы жизни Радлову пришлось испытать на себе отрицательные стороны долголетия. Условия, при которых создавались его труды, стали забываться; среди народившегося, в значительной степени благодаря этим трудам, нового поколения ученых неизбежные недостатки работ пионера науки обращали на себя больше внимания, чем их достоинства. Вместо прежнего, почти единодушного одобрения его труды стали подвергаться критике, далеко не всегда справед-

[64] С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов (Некролог), стр. 1236.

[65] ЛО Архива АН СССР, ф. 782, оп. 2, № 37.

[66] Рукописный фонд ГПБ, ф. 671 (А. Н. Самойлович), № 152.

[67] С. Salemann, Zur Kritik des Codex Comanicus. I. Türkisches. II. Persisches,— ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 12, стр. 950; см. также: А. Е. Кримський, Тюрки, їх мови та література. I. Тюркські мови, вип. II, Київ, 1930, стр. 161—165.

[68] А. Н. Самойлович, Записка в защиту В. В. Радлова, л. 1—4.

ливой: предметом резких нападок были не только вновь выходившие работы Радлова, но даже труды, выпущенные в свет полвека тому назад, при совершенно ином состоянии науки и уровне ее требований»[69].

Что же касается существа радловских переводов древнеуйгурских текстов, то следует также помнить, что их выполнял тюрколог-лингвист и рассчитаны они были прежде всего на тюркологов[70], интересы которых сосредоточивались исключительно на языке. Грамматический строй тюркских языков, их морфология, формы слов, их фонетический облик, которые можно почерпнуть из текстов,— вот что интересовало В. В. Радлова в первую очередь. Издание текстов и лексикографическая работа были лишь составной частью его стремлений, и не в них видел ученый главное в своей научной деятельности. И с этой точки зрения радловские переводы, если исключить явные ошибки ученого в передаче религиозных терминов и выражений, не только вполне стояли на уровне своего времени, но и были известным вкладом в развитие тюркологии, в дело изучения древнеуйгурских памятников. В. В. Радлов, собственно, и не ставил перед собой задачу толкования текста как определенного религиозного памятника, ему важно было представить новый тюркский материал, снабдив его первым переводом. А известно, как «трудны, очень трудны пути первых исследователей, и давать вторые уже переводы каких-либо текстов, пользуясь переводами, как бы ни были они несовершенны,— этих самых пионеров, разумеется, является делом значительно более легким»[71]. Думается, что эти слова С. Е. Малова с полным основанием можно отнести и ко всей издательской деятельности В. В. Радлова.

В январе 1910 г. В. В. Радлов издает перевод на древнеуйгурский язык буддийской сутры, именуемой «Дишаствустик-сутра»[72]. В тексте этой сутры некоторые слова снабжены глоссами на письме брахми, что представляет большой интерес как для тюркологов, так и для санскритологов. В издании В. В. Радлов дал транскрипцию, перевод и лексико-грамматические примечания к переводу, а глоссы на брахми детально исследовал санскритолог А. Сталь-Гольстейн.

---

[69] В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918,— ИРГО, 1918, т. LIV, вып. 1, стр. 188.

[70] См.: А. Н. Самойлович, Радлов как турколог,— «Новый Восток», М., 1922, кн. 2, стр. 707; С. Е. Малов, Памятники, стр. 100.

[71] С. Е. Малов, [рец. на:] A. v. Le Coq, Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan (—Túrán, 1918, I),— ЗКВ, 1925, I, стр. 555.

[72] Ţišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes Buddhistisches Sūtra. I. Transscription und Übersetzung von W. Radloff. II. Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Ţišastvustik-Manuscripts von Baron A. von Staël-Holstein, St.-Pbg., 1910 (BB, XII).

В феврале 1911 г. выходит из печати «Куан-ши-им пусар» — уйгурский перевод главы о бодисатве Avalokiteśvara из буддийской сутры «Лотос истинного закона»[73]. Начиная с этого издания, В. В. Радлов отказывается от транскрипции текста, дает его только в наборном воспроизведении, сопровождая переводом с комментариями. Кроме текста «Куан-ши-им пусар» он издает еще четыре буддийских фрагмента из фондов Азиатского музея. В этой работе В. В. Радлов, используя опыт Ф. В. К. Мюллера по строфическому делению древнеуйгурского текста[74], предпринял попытку разбить на строфы с определенным количеством слогов некоторые места уйгурского перевода «Куан-ши-им пусар»[75]. Хотя эта версификация была сделана, может быть, не совсем квалифицированно, что и вызвало резкое замечание В. Банга[76], тем не менее ее следует отметить в числе первых попыток в этой области изучения уйгурских текстов, сославшись на последующие достижения в исследовании поэтических средств памятников языка[77].

Венцом издательской деятельности В. В. Радлова явилась осуществленная им совместно с С. Е. Маловым публикация крупнейшего древнеуйгурского памятника — сутры «Золотой блеск» (Suvarṇaprabhāsa)[78]. Издание текста продолжалось с ноября 1913 г. по июнь 1917 г., причем в это же время В. В. Радлов выполнил немецкий перевод всего памятника, произвел роспись и словарную обработку его лексики, включив ее в уйгуро-немецкий словарь. Текст печатался со сделанной лично В. В. Радловым копии рукописи, при корректуре издатели еще раз сверили набор с оригиналом, внеся исправления, в результате чего все издание стало идентично рукописи[79]. Радловское издание «Золотого блеска» до сего времени остается самым полным и точным изданием памятника. Радловский перевод был частично опубликован лишь в 1930 г. под наблюдением С. Е. Малова[80]. В архиве В. В. Рад-

[73] Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapuṇḍarīka. Herausgegeben und übersetzt von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 (BB, XIV).

[74] F. W. K. Müller, Uigurica. I,— APAW, 1908, Abh. II, стр. 20—24.

[75] Kuan-ši-im Pusar, стр. 59—61.

[76] W. Bang, Komanische Texte,— BAB, 1911, стр. 459—461.

[77] R. R. Arat, Eski türk şiiri, Ankara, 1965 (TTKY, VII. ser., № 45).

[78] Suvarṇaprabhāsa. (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, СПб. — Пг., 1913—1917 (BB, XVII).

[79] Suvarṇaprabhāsa, стр. 708; а также корректурные листы и списки слов в ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 7 (1—3), № 13.

[80] Suvarṇaprabhāsa (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übersetzt von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov herausgegeben, Л., 1930 (BB, XXVII, вып. 1—3).

лова хранится остальная часть перевода, которая осталась в рукописи,— три тетради в коленкоровых переплетах, заполненные убористым почерком ученого[81].

«Радлов сам сознавал, что цепь капитальных его трудов замкнулась, когда завершилось издание уйгурского текста сутры „Золотого блеска“ и когда были закончены в рукописях перевод этой сутры и обширный уйгуро-немецкий словарь»[82].

В. В. Радлов работал еще над одной довольно значительной по объему буддийской сутрой, которую он называл «Восемь светов» или «Der acht Erd- und Himmels-Sammlungs-Lichter»[83]. Она была полностью подготовлена к печати — составлен сводный текст, перевод с комментариями, но по каким-то причинам публикация не состоялась. В основу сводного текста положен список из Японии, фотокопии которого, видимо, передал В. В. Радлову японский ученый Т. Ханеда, приезжавший в те годы в Петербург[84]. В сводном тексте использованы и материалы из коллекций Азиатского музея. Часть из них была уже опубликована ранее В. В. Радловым в других изданиях[85].

Как справедливо отметил С. Ф. Ольденбург, В. В. Радлов был «фанатиком научной работы и работы вообще, он был исключительным по работоспособности и производительности ученым»[86]. До последних дней своей жизни В. В. Радлов не прекращал работу над расшифровкой и подготовкой к изданию новых древнеуйгурских памятников. Смерть застала его, когда он занимался подготовкой к публикации большой записи хозяйственных дел — свитка из 220 строк, где имеются записи уйгура в течение почти 20 лет. В. В. Радлов успел сделать транскрипцию этого текста и приступил к его переводу на немецкий язык[87].

В. В. Радлов своими публикациями древнеуйгурских памятников ввел в науку богатейший и обширнейший языковой материал. Он всегда считал, что одной из важнейших задач

---

[81] ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 11/1—6.

[82] А. Н. Самойлович, Радлов как турколог, стр. 707.

[83] ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 1—3.

[84] Там же, ф. 177, оп. 1, № 4, л. 1; ф. 782, оп. 2, № 37а.

[85] См.: W. Bang, A. v. Gabain, G. R. Rachmati, Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk,— SPAW, 1934, VIII—X.

[86] С. [Ф.] Ольденбург, Памяти В. В. Радлова,— газ. «Новый день», 1918, № 40 (14.V.1918), стр. 2.

[87] См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 21; Э. Р. Тенишев, Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке,— в кн.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965, стр. 37—77; Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966, стр. 241—251.

исследователя древнего текста является задача ознакомления с ним научной общественности, чтобы объединить усилия ученых для его исследования, так как «части общего находятся часто в разных местах» [88] и только совместными усилиями «можно внести ясность в новонайденное» [89]. Им изданы все самые крупные тексты, хранящиеся в рукописном отделе Азиатского музея (ныне в Центральноазиатском фонде рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР). К сожалению, публикация древнеуйгурских материалов из этого фонда сейчас почти прекратилась, и многие интересные тексты остаются пока неизвестными науке. Продолжение их публикации — одна из насущных задач советской тюркологии.

Следуя указанному принципу, В. В. Радлов живо откликался на публикации текстов его коллегами. Он давал новую транскрипцию, улучшал перевод, толковал различные слова или отдельные словоформы и т. п. Уже в статье «Доисламские письмена тюрков и отношение их к тюркскому языку» (1908 г.) В. В. Радлов разбирает издания текстов из Восточного Туркестана, осуществленные Ф. В. К. Мюллером и А. Лекоком [90]. И почти во всех последующих своих работах В. В. Радлов так или иначе рассматривает появившиеся публикации. Об этой стороне деятельности ученого очень хорошо написал С. Е. Малов в своей книге «Памятники древнетюркской письменности» [91]. Все новые материалы В. В. Радлов использовал в своей работе. При составлении своего большого уйгуро-немецкого словаря, в основу которого легла лексика сутры «Золотой блеск», он включал в него и лексику текстов, изданных немецкими учеными в различных статьях и в первых выпусках «Уйгурики» Ф. В. К. Мюллера и «Манихеики» А. Лекока [92], а также и «Истории о царевичах», опубликованной П. Пельо [93].

Этот радловский уйгуро-немецкий словарь был крупней-

[88] W. R a d l o f f, Chuastuanit, стр. 51.

[89] W. R a d l o f f, Kuan-ši-im Pusar, стр. VIII; е г о ж е, Alttürkische Studien. VI,— ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, № 12, стр. 747; см. также: В. В. Б а р т о л ь д, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918, стр. 189.

[90] W. R a d l o f f, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben,— ИАН, сер. VI, 1908, т. II, № 10, стр. 848—856.

[91] С. Е. М а л о в, Памятники, стр. 100—101.

[92] W. R a d l o f f, Alttürkische Studien. II,— ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 3, стр. 217.

[93] См.: рукопись уйгуро-немецкого словаря в ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, №№ 81, 82, 90, а также чистые листы 96 стр. этого словаря (Библиотека ЛО ИЯ АН СССР); В. В. Р а д л о в, Уйгурские фрагменты, открытые в Восточном Туркестане,— ЗВОРАО, 1910, т. XIX, вып. 4, стр. XIX—XX.

шим сводом лексики известных к тому времени древнеуйгурских памятников. В словарной статье давалось написание слова в уйгурской графике, затем его радловская транскрипция с отражением некоторых особенностей оригинального написания, далее шла под арабскими цифрами разработка значений, которые подкреплялись несколькими цитатами с переводом из одного или нескольких памятников. При толковании значений В. В. Радлов обычно давал для уточнения несколько переводов-синонимов, например: *алkан* (v) [von *алkа* + *н*] Segenssprüche, Gebete sprechen...; *алk'ын*, ***алkын*** (v) = ***алkын*** zum eigenen Nutzen, für sich vernichten... Для слов заимствованных он приводил указание на язык — источник заимствования, а для санскритизмов давал санскритский оригинал, например: *најут* Nayuta (eine grosse Zahl, zehntausend). Фразеологический материал в словарной статье специально не выделялся, однако многие устойчивые словосочетания встречались в иллюстративном материале словаря. Слова, начинающиеся с гласных, были вынесены в начало словаря. Внутри каждой буквы словарные статьи были расположены в обычном порядке русского алфавита. Омонимы и совпадающие именные и глагольные основы разрабатывались в разных словарных статьях. При производных основах указывалась производящая основа и выделялся аффикс, что позволяло устанавливать связи слов между собой. В некоторых случаях для сравнения приводились слова из орхоно-енисейских памятников или ссылка на соответствующее слово в современных тюркских языках по «Опыту словаря тюркских наречий». Таким образом, слово получало в уйгуро-немецком словаре В. В. Радлова достаточно полную и глубокую лексикографическую разработку. Этот словарь стоял на уровне достижений лексикографии того времени, продолжая также традиции русской тюркской лексикографии, высшим достижением которой был радловский «Опыт словаря тюркских наречий».

Уйгуро-немецкий словарь начал печататься в количестве 413 экземпляров в 1914 г., когда было завершено издание текста сутры «Золотой блеск» [94]. К январю 1918 г. было набрано и отпечатано шесть печатных листов, или 96 страниц, этого словаря, включающих часть слов на *а, ä, ы, і*.

В чтении корректур В. В. Радлову помогал С. Е. Малов. Работая уже в Казани, он в письме к А. Н. Самойловичу от 4.VII.1918 г. писал: «Я всегда, а последний раз незадолго до смерти В. В. Радлова, получал от него и посылал обратно, исправив, корректуру уйгурско-немецкого словаря... Будет ли

---

[94] См.: Отчет о деятельности имп. АН по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 г., СПб., 1914, стр. 28, 415.

продолжаться набор уйгурско-немецкого словаря и будут ли изданы уйгурские документы?»[95]. Но, к сожалению, после смерти В. В. Радлова дальнейший набор и печатание этих работ прекратилось. Позднее в связи с планами переиздания «Опыта словаря тюркских наречий» еще раз ставился вопрос об издании древнеуйгурского словаря и в расширенном виде, и без изменений, однако эти замыслы остались неосуществленными[96]. Ныне древнеуйгурскую лексикографию достойно представляет вышедший из печати «Древнетюркский словарь», корни которого тянутся к радловскому словарю[97].

Деятельность акад. Радлова в области лингвистического изучения памятников древнеуйгурского языка кратко охарактеризована нами в статье «Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении»[98]. Поэтому ниже целесообразно остановиться лишь на некоторых сторонах ее, представляющих, с нашей точки зрения, наибольший интерес как в связи с научными взглядами самого В. В. Радлова, так и в отношении дальнейшего развития тюркологии. Следует рассмотреть вопрос о принципах так называемой радловской транскрипции древнеуйгурских текстов и связанных с ней взглядах ученого на фонетику древнеуйгурского языка. Интересно еще раз вернуться к классификации В. В. Радловым древнетюркских языков и диалектов и к его концепции о языке различных древнеуйгурских текстов, а также обратить внимание на некоторые его положения и замечания об орфографии и графике этих текстов.

При издании древнеуйгурских текстов В. В. Радлов придерживался в общем единой схемы, применяемой им и ранее при публикации различных письменных памятников: текст памятника в оригинальной графике наборным типографским шрифтом, транскрипция текста, перевод и комментарии. Отражение лексики предполагалось либо в индексе, либо в специальном словаре к одному или к нескольким памятникам. Только при переиздании текстов или памятников он ограничивался либо транскрипцией и переводом, либо одним новым переводом, либо, наконец, пояснениями и толкованиями отдельных спорных мест памятника. Само же переиздание памятников В. В. Радлов считал вообще «полезным для дела», особенно если вновь поступающие материалы дают

[95] Рукописный фонд ГПБ, ф. 671, № 221, л. 1—2.

[96] См.: ИАН, сер. VI, 1927, № 18, стр. 1684 и сл.; W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, стр. III.

[97] Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. III—IV.

[98] Д. М. Насилов, Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении,— «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970, стр. 93—110.

что-то новое для прежнего толкования или если «коллеги первое издание считают неудовлетворительным и поверхностным» [99].

Работу над памятником В. В. Радлов начинал обычно с его копирования, потом он делал первую транскрипцию текста и перевод. Затем неоднократно прорабатывал текст, улучшая каждый раз чтение и перевод, и только убедившись в правильности своего чтения, транскрипции и перевода, ученый сам готовил полностью рукопись для печати. Так он работал над «Кутадгу билиг», так же шла, судя по архивным материалам, и обработка всех письменных памятников из Восточного Туркестана [100].

Сначала все древнеуйгурские тексты, а также и «Кутадгу билиг» набирались маньчжурскими буквами с добавлением нескольких знаков для обозначения характерных уйгурских графем. Впоследствии в одной из лейпцигских типографий для типографии Академии наук по эскизам В. В. Радлова, оформленным художником С. М. Дудиным, был изготовлен уйгурский шрифт, применяющийся и поныне во всех русских изданиях уйгурских текстов. Впервые новый шрифт был применен в 1907 г. К. Г. Залеманом в его статье «Манихеика. I», где он при издании списка слов из манихейского текста (фрагмент X^{u}astvanift?) дал для сравнения слова из «Кутадгу билиг» в уйгурском начертании [101]. Этот шрифт напоминает собой упрощенный полукурсив, приближающийся по облику к шрифту, употребляемому уйгурами для ксилографов. Создавая такой шрифт, В. В. Радлов стремился к наиболее четкому различению сходных букв, чтобы облегчить правильное понимание текста; и это ему удалось, кроме серединного «н», а также сходных «с» и «k», правда, потом начертанию последнего была придана более округлая форма. Этот вид шрифта был также более удобен в наборе, чем тот, который применяли в своих изданиях немецкие ученые и который приближался по форме к естественному начертанию знаков в рукописях.

Такая форма шрифта вызвала возражения со стороны немецких ученых, и в частности А. Лекока [102]. В. В. Радлов, отвечая на критику, справедливо указывал, что никакое типографское воспроизведение не может заменить собой рукопись, а поэтому цель такой передачи текста — дать удобный

---

[99] W. Radloff, Chuastuanit, стр. 51.

[100] W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 559—560; см. также: ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, №№ 1, 4, 6, 12, 21 и др.

[101] C. Salemann, Manichaica. I,— ИАН, сер. VI, 1907, т. I, № 7, стр. 179—183.

[102] См.: A. v. Le Coq. Ein christliches und ein manichäisches Manuskriptfragment... aus Turfan..., стр. 1214.

для чтения и использования материал памятника, который ясно отражал бы характерные особенности его орфографии[103].

Транскрипция древнеуйгурских памятников давалась В. В. Радловым на основе русской графики, только при издании материалов экспедиции А. Грюнведеля был применен латинский алфавит. Принципы этой транскрипции и раскрытие значений используемых букв и диакритических знаков были изложены в известной записке В. В. Радлова, В. П. Васильева и К. Г. Залемана «Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв»[104]. Большим ее достижением было провозглашение важнейшего принципа: каждый отдельный звук или «характеристическая точка звукового ряда» должен изображаться одной определенной буквой, и, наоборот, каждая буква в транскрипции должна употребляться только с одним значением[105].

Относительно формулировки «характеристическая точка звукового ряда» следует заметить, что она является своеобразным определением понятия фонемы и, несомненно, отражает точку зрения И. А. Бодуэна де Куртенэ, помогавшего в составлении данной «Азбуки».

Эта так называемая русская академическая транскрипция применялась с известными отклонениями и оговорками во всех лингвистических работах В. В. Радлова.

Но если применение этой транскрипционной системы к живым тюркским языкам не вызывало затруднений, то при передаче звукового строя памятников письменности возникли трудности прежде всего теоретического характера. К сожалению, ни один из используемых древними тюрками алфавитов не был специально приспособлен к передаче тюркских звуков. Даже орхоно-енисейский алфавит с его многими знаками для консонантов не давал в то же время ясного ответа о качестве гласных, не были удобны для фонетической системы тюркских языков и другие являющиеся тюркской адаптацией иноязычные алфавиты. В связи с этим исследователь, если он хочет дать текст в транскрипции, должен так или иначе отразить свое понимание его фонетики, восполняя на основе косвенных данных компоненты этой системы, ко-

---

[103] W. R a d l o f f, Chuastuanit, стр. 44; е г о ж е, Alttürkische Studien (I),— ИАН, сер. VI, 1909, т. III, № 18, стр. 1219. В. Томсен писал В. В. Радлову об этом новом шрифте: «Ваш новый шрифт, в отличие от прежнего, сочетает ясность с большей красотой» — письмо от 5.XI.1909 г. (ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 252, л. 15).

[104] В. В. Р а д л о в, В. П. В а с и л ь е в, К. Г. З а л е м а н, Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв, СПб., 1887.

[105] Там же, стр. 11.

торые не находят отражения в той или иной графике или орфографии.

В тюркологии исторически сложилась, начиная с первых издателей древнетюркских памятников, именно эта система воспроизведения текста памятника, которую А. Габен назвала, видимо очень удачно, интерпретирующей транскрипцией [106]. Данная система как раз и базируется на упомянутом выше принципе, совмещая в себе в известной пропорции транслитерацию имеющих определенное звуковое содержание знаков письма и интерпретацию исследователем полифонных знаков или буквенных конъектур при различных приемах орфографии. Таким образом, момент субъективного подхода к тюркскому тексту находится уже внутри самого принципа интерпретирующей транскрипции, поскольку выбор приписываемых характеристик во многом определяется факторами, лежащими вне данной графической системы и зависящими от параметров фонетической и фонологической системы, заданных для определенного памятника самим исследователем. Принцип же чистой транслитерации при издании древнетюркских памятников ранее почти не применялся [107], мало он используется и в современных работах по тюркологии [108].

При указанной системе транскрипции древнетюркских памятников, естественно, особое значение приобретает отправная точка исследователя при интерпретации им фонетики памятника. Это также отчетливо понимал В. В. Радлов. Он указывал, что «всякая фонетическая транскрипция старого текста есть, безусловно, субъективное понимание фонетического значения данного знака письма». Однако, исходя из этого положения, он шел дальше и пытался реконструировать живое произношение древнего тюрка. Он писал о своей транскрипции сельджукских стихов следующее: «Моя фонетическая транскрипция... преследовала только цель показать, как представляется мне фонетическое развитие тюркского языка, на котором произносили сельджуки те стихи... я представлял, что автор мог говорить, наверное, так...» [109]. Тому же принципу он следовал и при транскрибировании орхоно-ени-

[106] A. v. Gabain, Türkische Turfantexte. X. Das Avadāna des Dämons Āṭavaka bearbeitet von T. Kowalski,— ADAW, 1958, № 1 (1959), стр. 8.

[107] Ср.: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Pbg., 1895; V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon,— MSFOu, 1896, V; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль Тегина, СПб., 1899; N. H. Orkun, Eski türk yazıtları, I—IV, Istanbul, 1936—1941.

[108] O. Pritsak, Zum Parallelismus im Alttürkischen,— StO, 1964, XXVIII, 6, стр. 4—5.

[109] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems,— ИАН, сер. V, 1901, т. XIV, № 4, стр. 452.

сейских надписей, на этой основе пытался представить и язык «Кутадгу билиг» и древнеуйгурских памятников.

Следует, однако, отметить, что на том этапе развития в тюркском языкознании не существовало еще четкого различия понятий фонетической и фонологической транскрипции, и то, что В. В. Радлов называл фонетической транскрипцией, является, по существу, фонологической интерпретацией звуковой системы определенного памятника. Очевидно, что представить речь древнего тюрка в фонетической записи невозможно, правда, В. В. Радлов в предисловии к «Кутадгу билиг» попытался дать отрывок текста, показав в транскрипции и некоторые позиционные изменения звуков в потоке речи [110].

Какие же моменты определили подход В. В. Радлова к фонетике языка древнеуйгурских памятников?

На первое место следует поставить изучение В. В. Радловым графики и орфографии этих памятников, прежде всего «Кутадгу билиг» и многих памятников из Восточного Туркестана, написанных на уйгурском алфавите. Изучение приемов письма на этом алфавите, имеющем только 14 знаков, привело В. В. Радлова к предположению о том, что уйгуры «при адаптации алфавита не видели необходимости различать глухие и звонкие взрывные и шипящие звуки специальными знаками, хотя эти звуки определенно существовали в их языке» [111]. Указанное обстоятельство можно было объяснить тем, что качество этих звуков определялось их позицией как в слове, так и в потоке речи. Возможность такого объяснения подсказывали современные тюркские языки — алтайский, хакасский, тувинский, карагасский, чувашский,— хорошо знакомые В. В. Радлову. Данные уйгурской графики, а также некоторых живых языков укрепили ученого во мнении, что в древнеуйгурском языке существовали фонетические законы, сходные с законами в восточнотюркских языках. Так возникла известная радловская транскрипция «Кутадгу билиг», относимого ученым в то время к памятникам древнего уйгурского языка или диалекта [112].

О своей транскрипции он писал следующее: «Когда я решил опубликовать в транскрипции „Кутадгу билиг“, я полагал, что меньше всего проведу насилие над уйгурским языком, если я его транскрибирую по произношению восточных диалектов», и еще: «...я убежден, что я в своей фонетической транскрипции уйгурского текста „Кудатку билик“ дал, в общем, правильную картину языка уйгуров, как они го-

---

110 W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. I, стр. XCII.
111 W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 840.
112 W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 558.

ворили в XI в. в Восточном Туркестане... Моя транскрипция текста должна была доказать, что в языке уйгуров произношение взрывных и сибилянтов определялось их местом в слове...»[113]. В связи с приведенными словами В. В. Радлова представляется спорным замечание С. Е. Малова о том, что «В. В. Радлов, встретившись в „Кутадгу билиг" с языком „д", естественно, сблизил его с сойонским (теперь тувинским), изученным им», и поэтому «обалтаивает» язык этого памятника[114]. Хотя В. В. Радлов указывал на соответствие *д//т//j//з*, он не придавал ему решающего значения, и поэтому, видимо, не данное обстоятельство было ведущим в определении основ его транскрипции.

Радловская транскрипция «Кутадгу билиг» и реконструкция фонетической системы этого памятника вызвала известную критику со стороны В. Томсена, который опровергал ее на основе анализа поэтических средств поэмы. К доводам В. Томсена присоединились К. Фой, Ф. В. К. Мюллер, А. Лекок и другие тюркологи, привлекавшие для доказательств памятники, написанные на разных алфавитах, и данные живых тюркских языков. Однако В. В. Радлов и в последних своих работах указывал, что его точка зрения все же верна для древнейшего периода уйгурского языка, на который затем оказали влияние различные древние языки и диалекты, что привело к изменению его фонетической системы[115]. Если с течением времени и особенно после открытия второго, каирского списка «Кутадгу билиг» взгляды ученого на язык этого памятника претерпели изменения, то в отношении своих взлядов на фонетику языка многочисленных памятников из Восточного Туркестана В. В. Радлов оставался всегда последовательным, придерживаясь тезиса о близости фонетики древнеуйгурского языка к фонетике северо-восточных тюркских языков и диалектов. Поэтому во всех изданиях, где давалась транскрипция, В. В. Радлов все анлаутные и ауслаутные взрывные и шипящие согласные передавал как глухие, а интервокальные — как соответствующие звонкие. По мере накопления материала и увеличения количества публикуемых разными учеными текстов становилось явственнее своеобразие радловской транскрипционной системы и несоответствие ее принципов с системой передачи древнетюркских текстов, складывающейся в тюркологии. Видимо, это и заставило В. В. Радлова вообще отказаться от транскрибирования издаваемых новых древнеуйгурских текстов, ограни-

---

113 Там же.

114 С. Е. Малов, Памятники, стр. 97.

115 W. Radloff, Alttürkische Studien, V,— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 6, стр. 437—438.

чиваясь их наборным воспроизведением. Он писал позже: «Транскрипцию текста русскими буквами я считаю не нужной, даже вредной, так как она может внести неясности, ибо мы не можем знать, к какому времени относится перевод [этой сутры.— *Д. Н.*], а поэтому можно легко внести в текст искажения»[116]. При издании крупнейших древнеуйгурских памятников, в том числе и сутры «Золотой блеск», вопрос об их транскрибировании уже не ставился. Последний крупный текст в транскрипции был представлен в издании «Дишаствустик-сутры», однако здесь В. В. Радлов ввел дополнительные буквы с диакритикой, чтобы свою транскрипцию сблизить насколько можно с транслитерацией текста[117].

Изучая орфографию турфанских текстов, В. В. Радлов пришел к предположению, что на раннем этапе развития древнеуйгурского языка в последнем наблюдались два переднеязычных звука, качество которых определялось их местом в слове и которые передавались на письме первоначально разными уйгурскими буквами «т» и «д». Через «т» передавались альвеолярные взрывные *т* и *д*, а через «д» — интердентальные ϑ и δ. Подтверждение этой гипотезы он видел в соответствиях орфографическому «д» [т. е. ϑ ∼ δ] орфографического ذ в более поздних текстах на арабском алфавите, которое выступает в словах *öд* «время», *äдгÿ* «хороший», *адаk* «нога» и др. Позднее интердентальные ϑ и δ совпали с альвеолярными *т* ∼ *д*, и поэтому знаки «д» и «т» в поздних уйгурских текстах могли смешиваться и употребляться бессистемно[118]. Представляется, что указанная гипотеза В. В. Радлова в дальнейшем так и не нашла своей проверки.

Остались также без внимания мысли ученого об особенностях орфографии некоторых манихейских текстов, выражающихся в написании в ряде аффиксов широких негубных гласных вместо узких. Первоначально В. В. Радлов объяснял это влиянием норм орфографии, когда в писавшихся отдельно от основы аффиксах с гласным анлаутом, а также и с узким гласным в инлауте иногда выписывался только начальный алиф, а сам узкий гласный не обозначался или вообще отсутствовало всякое обозначение гласного. По предложению К. Г. Залемана В. В. Радлов обозначал его через ʼ[119]. В слу-

---

[116] W. Radloff, Ḳuan-ši-im Pusar, стр. IV.

[117] W. Radloff, Ṭišastvustik, стр. V; его же, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 842.

[118] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 839; его же, Alttürkische Studien. IV,— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 5, стр. 317; его же, Alttürkische Studien. V,— ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 6, стр. 438.

[119] W. Radloff, Alttürkische Studien. III.— ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 13, стр. 1032—1034.

чае наличия алифа Радлов называл его «алифом, несущим гласный» (Vokalträger Elif). Таким образом, подобные написания ученый тогда рассматривал не как фонетическое своеобразие какого-либо диалекта, а как орфографический прием, ссылаясь также на их непоследовательность и частые колебания с *а* и *ы* в одном и том же тексте. Позже В. В. Радлов частично изменил свою точку зрения и допускал, что в основе данного явления лежат «фонетические причины — качество гласных *ĭ* и *ы̆* в аффиксах. У манихейцев это были звуки со слабой артикуляцией — неопределенные слабые гласные, которые они обозначали через алиф, несущий гласный, или просто пропускали»[120]. Для доказательства он приводил отдельные, сделанные им подсчеты пропусков знаков (для *ы* 11 раз) и наличия алифа (для *ы̆* 33 случая, для *ĭ* — 12), а также случаи, когда алиф употребляется и при огубленном гласном. Интересно, что в эти же годы аналогичные мысли высказывал В. Банг в связи с отражением узких гласных в «Codex Cumanicus». Он писал: «В Codex Cumanicus писали *chex* для *qyz, bager* для *baγyr* и т. д... Я считаю эту передачу заслуживающей внимания, так как она для нас является, возможно, поводом к объяснению своеобразного уйгурского написания с *а* и *ä* вместо ожидаемого *y: tartap* вместо *tartyp.* Я бы хотел видеть в этом своеобразном написании остаток от того времени, когда уже нельзя было передавать *y* (из-за изменения его качества.— *Д. Н.*) через знак для *i*. Чтобы никак не предрешать звуковой смысл знака, я бы предложил во всех случаях, где вместо *y* выступают *а, ä,* обозначать их через *е* или *ə*...»[121]. Таким образом, оба ученых придавали этим своеобразным написаниям фонетический смысл, считая их способом отражения редукции узких гласных, особенно *ы,* в последних слогах слов или в аффиксах, но никак не чередованием *а/ы*. Кстати, именно как чередование объяснял это явление А. Лекок: «уже рано встречаются чередования *а/ï — yarlaγ, savaγ*»[122]. В современных классификациях древнетюркских диалектов наличие в данной позиции широкого *а/ä* вместо *ï/i* безоговорочно считается одним из фонетических классификационных признаков так называемого *н*-диалекта[123].

В вопросе о наличии первичных долгих гласных в древ-

---

[120] W. Radloff, Alttürkische Studien. VI, стр. 479.

[121] W. Bang, Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste,— BAB, 1911, стр. 94—95.

[122] A. v. Le Coq, Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde,— MSOS, 1919, XXII, Abt. I—III, стр. 119.

[123] См.: A. v. Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 5; ее же, Das Alttürkische,— PhTF, I, стр. 25.

неуйгурском языке В. В. Радлов придерживался своего предположения, что «тюркские языки первоначально не имели долгих гласных в корнях, а встречающиеся долготы — явления гистерогенные»[124]. Поэтому все двойные написания букв для обозначения гласных в словах *сӱӱ* 'войско', *оот* 'огонь', *коош* 'пара' и др. он объяснял как способ различения омонимичных слов[125], т. е. так же, как и в языке орхоно-енисейских текстов[126].

Как известно, В. В. Радлов не успел написать очерка фонетического и грамматического строя древнеуйгурского языка. Сведения по фонетике в самом общем виде представлены лишь в статье «Старотюркские заметки. V»[127], но многие интересные замечания об отдельных фонетических явлениях встречаются в примечаниях В. В. Радлова к текстам и переводам. То же самое можно сказать и об описании морфологии и синтаксиса древнеуйгурского языка. Только самые важные морфологические черты включены ученым в качестве классифицирующих при распределении им древнетюркских диалектов по группам. Более углубленную разработку эти вопросы должны были получить, по замыслу В. В. Радлова, в специальных работах[128]. Об этом говорят также и сохранившиеся наброски восьмой статьи «Старотюркские заметки», где В. В. Радлов рассматривает образование имен, склонение и некоторые послелоги в древнетюркских языках в сопоставлении с чувашским языком[129]. Так же как и по вопросам фонетики, многие сведения по древнеуйгурской морфологии и синтаксису содержатся в радловских комментариях к текстам. По опубликованным работам, а также по некоторым архивным материалам можно все же составить целостное представление о взглядах ученого на язык древнеуйгурских памятников из Восточного Туркестана и на его место среди других древних тюркских языков и диалектов. Их, по-видимому, можно свести к следующим основным положениям.

Прежде всего, В. В. Радлов все тюркские языковые памятники относил к двум большим периодам и ареалам: 1) древнетюркские памятники Восточной Азии домонгольского времени; 2) среднетюркские памятники Средней и Западной

[124] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, стр. 431.

[125] W. Radloff, Kuan-ši-im Pusar, стр. 66; его же, Ţišastvustik, стр. 53.

[126] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, стр. 458—459.

[127] См.: W. Radloff, Alttürkische Studien. V, стр. 427—452.

[128] W. Radloff, Alttürkische Studien, I, стр. 1213.

[129] См.: ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 36.

Азии и Европы после распада монгольской империи; «образование монгольского государства является естественной границей обоих периодов» [130], ибо с этим связано значительное перемещение и смешение тюркских племен.

Далее, для ученого было обязательным признание того, что «языковой продукт народа состоит из двух стоящих рядом языковых миров: разговорные диалекты отдельных племенных групп, подвергающиеся взаимному влиянию, и письменный язык (или языки), который имеет независимое от диалектов развитие в возвышающихся в течение времени различных культурных центрах. Поэтому разговорный язык в своих диалектах и искусственный (т. е. литературный.— *Д. Н.*) язык, зафиксированный на письме, суть собственно несоизмеримые величины, которые должны рассматриваться с разных точек зрения» [131].

Из указанных положений следуют два важных вывода. Первый состоит в том, что, как правило, в языке существует система диалектов, находящихся в различной степени близости между собой. Последнее В. В. Радлов неоднократно подчеркивал, особенно в своих возражениях К. Фою и А. Лекоку, которые для доказательства своих фонетических построений приводили данные из самых разнообразных памятников. В. В. Радлов писал: «К. Фой придерживался иной точки зрения, он понимал древнетюркский язык как единый язык и хотел... с помощью памятников на эстрангело-шрифте, принадлежащих манихейцам из Турфана, определить звуковое содержание уйгурских букв. Теперь работу Фоя намерен продолжить Лекок... Он хочет через сопоставление тюркских слов, которые он взял из разных манихейских фрагментов на эстрангело, доказать правильность взглядов Томсена и Фоя и обещает после изучения брахми и тибетских тюркских рукописей представить точнее вокализм древнетюркского языка (и опять-таки потому, что это единый неизменяемый язык!). Я считаю такие исследования не очень плодотворными и довольно безнадежными, так как, во-первых, никогда не существовал единый древнетюркский язык, а имелся только ряд древнетюркских диалектов» [132], а во-вторых, еще не установлено, где и когда написан каждый памятник.

С этим связано и второе положение об изменчивости и своеобразном развитии каждого отдельного диалекта [133]. Не был исключением из этого правила и тюркский язык (точ-

[130] W. Radloff, Alttürkische Studien. IV, стр. 306.
[131] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, стр. 426.
[132] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 842—843.
[133] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, стр. 407, 427.

нее, языки Восточного Туркестана), который «на протяжении более 600 лет постоянно изменялся» [134].

Из указанных посылок В. В. Радлова следовал важный вывод, который сохраняет свое значение и для современного исследователя древнеуйгурских памятников. В основе литературного языка лежит какой-нибудь определенный диалект, но с течением времени они все более и более расходятся, поскольку нормы литературного языка фиксируются и сохраняются в силу традиции, а также и из-за особенностей памятников письма, представленных в своем большинстве сакральной литературой, в то время как разговорный язык продолжает развиваться по своим законам. Однако и тогда между ними происходит своеобразное взаимодействие, выражающееся в проникновении новых языковых норм при составлении последующих копий текста и их редакции. Поэтому каждый текст (а то, что тексты относятся к разному времени, совершенно ясно) по-особому и только по-своему отражает какие-то стороны данного процесса. В. В. Радлов так писал об указанном явлении: «Из этих [турфанских] памятников можно видеть, как сохранялись в позднее время древние формы, но между тем появились многие новые фонетические явления, новые грамматические формы и слова, которые явно заимствованы из разговорного языка. Появляются явные доказательства, что тюркский язык Турфана благодаря своим связям с западными тюркскими племенами и благодаря передвижению тюркских племен постоянно изменяется, и разговорный язык автора (и переписчика рукописи тоже.— *Д. Н.*) уже более не совпадает с письменным языком» [135]. В памятниках к тому же представлен не единый литературный язык, а ряд его разновидностей, объясняемых принадлежностью памятников не только разным религиям (манихейство, христианство, буддизм), но и различным местным литературно-религиозным школам и традициям [136].

Вот почему В. В. Радлов, стоя на указанной точке зрения, настоятельно требовал всегда внимательно относиться к каждому тексту из Восточного Туркестана, тщательно изучать его орфографию, грамматические и лексические особенности, чтобы глубже разобраться в том языке, который он отражает, и не допустить смешивания различных текстов между собой. Именно поэтому он не всегда отказывался от своих взглядов на тот или иной текст, считая, например, что «Ку-

---

[134] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten, стр. 842.

[135] Там же.

[136] Там же, стр. 843—845; ср.: A. v. Gabain, Buddhistische Türkenmission,— «Asiatica», Leipzig, 1954, стр. 161—173; ее же, Das uigurische Königreich von Chotscho. 850—1250, Berlin, 1961, стр. 16—19.

тадгу билиг» или хозяйственные документы отражают совершенно определенный тип языка, не представленный в других памятниках, и что ссылки на последние поэтому неубедительны. Между тем В. В. Радлову не всегда удавалось провести в жизнь свои взгляды. В тот период интенсивного накопления и освоения нового материала не было возможности подвергнуть все тексты детальному изучению, и новые находки часто рушили старые концепции, подрывали казавшиеся правильными доказательства. Не избег этого и сам В. В. Радлов. Следует также заметить, что ряд вопросов он решал поспешно и в категоричной форме, не располагая для этого достаточным количеством фактического материала. Однако, несмотря ни на что, радловские мысли имели и продолжают сохранять свое большое научное значение. До сих пор остается актуальной разработка объективных критериев для анализа древнеуйгурских текстов. Для правильной периодизации памятников, для установления хронологии и для определения их языковой принадлежности требуется углубленное всестороннее изучение большого количества языкового материала на основе принципов, полностью исключающих субъективный подход исследователя. Эти задачи, которые ясно сформулировал еще В. В. Радлов, остаются во многом не решенными.

При определении языковой принадлежности памятников, а также при классификации языков и диалектов В. В. Радлов отводил немалое место и учету сложной этнической истории, постоянного взаимодействия и взаимовлияния тюркских племен, расселявшихся в разное время на территории Восточного Туркестана и Западного Китая [137].

Указанные выше принципы легли в основу составленной впервые в тюркологии В. В. Радловым развернутой классификации древних языков и диалектов. Возникшая на основе изучения древнетюркских памятников, эта классификация охватывала лишь первый, т. е. домонгольский, период истории тюркских языков. Она представлена в пятой статье В. В. Радлова «Старотюркские заметки» (1911 г.). Основные ее положения, касающиеся памятников древнеуйгурского языка, изложены также в докладе В. В. Радлова, прочитанном им в Восточном отделении Русского археологического общества осенью 1910 г.[138].

[137] W. Radloff, Alttürkische Studien. IV, стр. 305—306, 314.

[138] В. В. Радлов, Турфанские тексты в лингвистическом отношении (изложение реферата),— ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. 1, стр. XIV—XVI. План-конспект этого доклада,— ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 41, лл. 1—4. К сожалению, протоколы заседаний Восточного отделения Русского археологического общества с 1907 по 1913 г. не сохранились (см.: Архив ЛО Ин-та археологии АН СССР, ф. 3, РАО, «Указатель предметный») и поэтому не представляется возможным восстановить

Радловская классификация базируется прежде всего на установлении особенностей фонетики и морфологии отдельных памятников. Кроме того, обращается внимание на тип письма, некоторые моменты истории и географические данные.

В. В. Радлов выделяет три древнетюркских диалекта. Первый — северный диалект, или язык тюрок-сиров. Его отражают все памятники, написанные на руническом, орхоно-енисейском алфавите[139]. Северному диалекту противопоставляется древний южный диалект, или уйгурский язык, который нашел отражение в некоторых рукописях на уйгурском алфавите. Именно с этим диалектом связывал В. В. Радлов свою точку зрения на фонетику древнеуйгурского языка, которую он постоянно отстаивал. Он считал, что уйгурский алфавит первыми адаптировали для записи своей речи как раз носители данного диалекта. Этот язык зафиксирован, по мнению В. В. Радлова, в гератской рукописи «Кутадгу билиг», в курсивных документах из Турфана и в фрагменте из коллекции Н. Н. Кроткова, который был издан в книге «Куан-ши-им пусар». В колофоне, частично сохранившемся в этом фрагменте, тюркский язык назван «ујƃур тіл(і)».

В то же время в большинстве памятников, которые В. В. Радлов относил к третьей группе диалектов — группе смешанных диалектов[140], тюркский язык обозначался как «тӱрк тіл(і)» или «тӱрк ујƃур тіл»[141]. К ним В. В. Радлов причислял кроме больших буддийских текстов Suvarṇaprabhāsa, Maitrisimit, Ṭišastvustik-sūtra, Kuan-ši-im Pusar также многочисленные религиозные фрагменты на манихейском и уйгурском алфавитах. Язык этих памятников характеризовался смешением черт северного и южного диалектов. Это был литературный язык религиозных текстов, который «обслуживал тюрок различных диалектов»[142] и который «окончательно выработался между VIII и X столетиями и потом уже употреблялся в монастырях без всякого изменения, между тем как разговорный язык подвергся впоследствии сильным изменениям»[143], однако во всех этих памятниках «отчетливо

ход обсуждения доклада В. В. Радлова, где кроме А. Н. Самойловича выступали Н. И. Веселовский и К. Г. Залеман.

[139] Характеристику этого диалекта см.: А. М. Щербак, В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности,— наст. изд., стр. 54—63.

[140] W. Radloff, Alttürkische Studien. V, стр. 437.

[141] В. В. Радлов и С. Е. Малов, Suvarṇaprabhāsa, стр. V; A. v. Gabain, Maitrisimit. Faksimile der alttürkischen Version eines Werkes der buddhistischen Vaibhāšika-Schule..., Wiesbaden, 1957, стр. 13—14, 27; ее же, Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie,— SPAW, 1938, XXIX, стр. 388.

[142] W. Radloff, Ṭišastvustik, стр. V.

[143] В. В. Радлов и С. Е. Малов, Suvarṇaprabhāsa, стр. XV.

видны следы особенностей, которые могут проистекать только от разговорного языка их автора» [144].

Как указывал В. В. Радлов, памятники смешанного диалекта распадаются на два языковых типа, или поддиалекта: западный и восточный. Первый представлен в языке «Покаянной молитвы манихейцев» и в примыкающем к нему в отдельных своих чертах языке каирской рукописи «Кутадгу билиг», а второй, восточный, или буддийский литературный язык,— в прочих памятниках [145]. Отличительной особенностью последних памятников является единая орфография, совпадающая с орфографией манихейско-тюркских текстов.

Так В. В. Радлов классифицировал древние тюркские языки и диалекты и распределял памятники, их отражающие. Проделав эту работу для древнейшего периода истории тюркских языков, он призывал своих молодых коллег-тюркологов предпринять подобное систематическое и тщательное исследование материалов среднетюркского периода (XIII—XVI вв.), следующего в развитии тюркских языков [146].

Конечно, эта классификация В. В. Радлова не является исчерпывающей. Языковая действительность сложна и с трудом может быть втиснута в рамки какой-либо классификации. Видимо, и сам В. В. Радлов признавал это, когда указывал, что дальнейшее изучение памятников может внести больше ясности в его работу [147]. На недостатки радловской классификации обращали внимание уже его современники и ученики. Несколько замечаний к ней сделал А. Н. Самойлович. Они представляют несомненный интерес, ибо сам А. Н. Самойлович внес заметный вклад в дело классификации тюркских языков. В «Некоторых дополнениях к классификации турецких языков» он указывал, что для отнесения памятников енисейско-орхонской и уйгурской письменности к двум разным группам языков домонгольского периода нет достаточных оснований и что он «не склонен резко разграничивать эти языки», хотя, конечно, в них нельзя не видеть некоторых особенностей [148]. «С другой стороны, группировка турецких языков в домонгольский период была более сложной, чем та, какую намечал Радлов во второй редакции своей классификации» [149]. Несколькими годами раньше в своих заметках,

[144] W. Radloff, Alttürkische Studien. V, стр. 443.
[145] Там же, стр. 446, 448.
[146] Там же, стр. 451—452.
[147] Там же, стр. 449.
[148] А. Н. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922, стр. 7.
[149] Там же, стр. 7.

большей частью неопубликованных, А. Н. Самойлович также неоднократно обращался к радловской классификации и высказывал в связи с ней некоторые заслуживающие внимания мысли. Как и В. В. Радлов, он считал образование монгольской империи важным рубежом в истории тюркских языков. Для домонгольского периода А. Н. Самойлович устанавливал тогда две основные группы диалектов: огузскую и уйгурскую. Каждая из них подразделялась на две подгруппы: первая на восточноогузскую и западноогузскую, вторая на восточноуйгурскую и западноуйгурскую[150]. Смешанный западный литературный язык он называл соответственно огузо-уйгурским[151]. Одним из первых А. Н. Самойлович высказал предположение о принадлежности «Кутадгу билиг» тюркам-карлукам[152]. В. В. Радлов не поднимал вопроса о племенной принадлежности этого памятника, как и вообще всех древнеуйгурских текстов. В другом месте А. Н. Самойлович делил историю среднеазиатских турецких языков на три периода[153]. Первый он называл древнетурецким, когда господствовала енисейско-орхонская письменность. Второй, уйгурский, период он связывал с распространением других видов письменности. Его конец он относил к XI—XIII вв., когда полностью утвердилась мусульманская культура и начинался уже третий период. «Язык памятников (этого периода.— *Д. Н.*) в общем одинаков с языком предшествующего периода, или обнаруживает существенные особенности и тогда может называться литературным уйгурским языком»[154]. Несмотря на то что интересы А. Н. Самойловича все же сосредоточивались на изучении памятников среднеазиатского литературного языка более позднего периода, содержащиеся в его работах неоднократные замечания о языке древнетюркских памятников показывают, как живо в то время интересовали тюркологов вопросы о месте языка последних в ряду других тюркских языков, а также связи и взаимовлияние древних языков. Этот интерес был, несомненно, в значительной мере определен научной деятельностью В. В. Радлова в данной области. Нельзя не отметить, что вся последующая

---

[150] А. Н. Самойлович, Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями [1918 г.],— Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, № 126, л. 16.

[151] Там же, л. 22.

[152] Там же, л. 19; ср. его же, К истории литературного среднеазиатского турецкого языка,— в кн.: «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 19—21.

[153] А. Н. Самойлович, Турецкие этюды. Исследования по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков [1917—1918 гг.],— Рукописный отдел ГПБ, ф. 671, № 100.

[154] Там же, л. 854.

работа в этом направлении так или иначе испытала на себе благотворное влияние идей В. В. Радлова [155].

Выше были затронуты лишь отдельные стороны многолетней многогранной и плодотворной работы акад. В. В. Радлова по изучению им памятников древнеуйгурского языка. Его деятельность по изданию этих памятников была неотъемлемой частью того «интенсивного собирания и издания материала... и первоначальной, только предварительной обработки наличных материалов» [156], чем и характеризовался «радловский» этап развития нашей тюркологии. В. В. Радлов первым предпринял попытки научного осмысления древнеуйгурских текстов из Восточного Туркестана и в сопоставлении с орхоно-енисейскими и другими письменными памятниками стремился представить их языки в определенной системе, что нашло отражение в его классификации, а также в серии статей по древнетюркским языкам. В. В. Радловым заложены и основы грамматического изучения этих памятников, а также произведена систематизация их лексического богатства.

Сам же Василий Васильевич Радлов, оценивая свою работу в этой области тюркского языкознания, скромно писал: «Я же постоянно рассматривал себя только как работника, который ищет правду, но, к сожалению, часто вступает на ложный путь...» [157], и «поэтому мои работы не могут представлять собой ничего другого, как строительные камни к возведению этой науки (т. е. тюркологии. — *Д. Н.*). Другие должны по мере сил продолжить ее развитие» [158]. И ныне мы видим, из каких прочных камней был сложен крупнейшим тюркологом фундамент нашей успешно развивающейся науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ — Вопросы языкознания, М.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л.

---

[155] См.: Э. В. Севортян, Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР,— сб.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков», Ашхабад, 1961, стр. 15, 24; Б. А. Серебренников, К проблеме классификации тюркских языков,— ВЯ, 1961, 4, стр. 63; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 177, 180—182.

[156] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог,—ТТКО ИРГО, 1912, т. XV, вып. 1, стр. 32.

[157] W Radloff, Chuastuanit, стр. 48.

[158] W. Radloff, Das Kudatku Bilik, T. II, 2. Lfg., стр. 560.

ИРКИСВА — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, СПб.— Пг.
КМВ — Казанский музейный вестник, Казань.
ТТКО ИРГО — Труды Троицко-Кяхтинского отделения имп. Русского географического общества, СПб.

ADAW — Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin.
APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
BAB — Bulletin de L'Académie royale de Belgique, Bruxelles.
BB — Bibliotheca Buddhica, СПб.—Пг.—Л.
JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors — Helsinki.
MIOF — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung an der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin.
MSFOu — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors — Helsinki.
MSOS — Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Friedrich-Wilhelms Universität zu Berlin, Berlin.
PhTF — Philologiae Turciacae Fundamenta, t. I, Wiesbaden, 1959.
TTKY — Türk Tarih Kurumu yayınları, Ankara.
SPAW — Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
StO — Studia Orientalia, Helsinki.

Г. Ф. Благова

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ*

I. Василий Васильевич Радлов не оставил и не мог оставить после себя специальных топонимических работ. Это естественно: топонимика как самостоятельная дисциплина оформляется буквально на наших глазах. Тем не менее труды В. В. Радлова насыщены богатейшим фактическим материалом по топонимии, собранным им преимущественно в полевых условиях. Понятно, что уже самый сбор топонимии, ее подача в тюркологических публикациях ученого подразумевали постепенно складывающуюся систему топонимических взглядов. Воззрения В. В. Радлова на топонимию выявляются в отдельных метких наблюдениях, как блестки, разбросанных в его многочисленных тюркологических трудах.

Имея великолепных учителей в области общего и ориентального языкознания в лице Ф. Боппа, А. Потта, В. Шотта, Г. Штейнталя, а по географии — в лице К. Риттера, одного из основоположников научной географии, автора четырехтомного «Землеведения Азии», В. В. Радлов со студенческой скамьи привык придавать решающее значение собиранию и описанию любого материала в избранной им широчайшей зоне исследования, любые сведения о которой в то время изобиловали белыми пятнами. Прежде всего не были изучены в географическом отношении местности, например Алтая, удаленные от городов. Существовавшие во времена Радлова топографические карты Сибири не отражали многих крупных географических объектов, не говоря уже о прочих подробно-

---

* Работа над темой «В. В. Радлов и топонимика» была начата автором по предложению Топонимической комиссии МФГО; о начальных результатах разработки доложено на совещании по проблеме «История топонимики в СССР» (см.: «История топонимики в СССР. Тезисы докладов», М., 1967).

стях рельефа местностей; сильно страдали карты и неточностью[1]; «...о некоторых местностях, как о юго-восточной части Чуйской степи, дневники Радлова были для Семенова и Потанина самым ранним источником»[2].

В течение 12 лет (с 1859 по 1871 г.) молодой доктор наук Радлов, сначала учитель Барнаульской гимназии, потом — преподаватель Барнаульского горного института, почти ежегодно один с проводником, иногда в сопровождении нескольких казаков, систематически совершал поездки по неизведанным и малоизученным областям Юго-Западной Сибири, по прилегающим районам современных Казахстана, Узбекистана, Киргизии — «до Тобольска на север, до Самарканда на юг, до Тюмени на запад и до Канска (Енисейская губ.) на восток»[3], а также по Северной Монголии (на юг от Томской и Енисейской губерний). Интересуясь народами, «живущими между Тян-Шаном и рекою Енисеем»[4], прежде всего как носителями урало-алтайских языков, повышенное внимание к которым возникло у молодого ученого под влиянием В. Шотта[5], В. В. Радлов жадно фиксирует все, что касается настоящего и прошлого этих народов, и в то же время ведет подробнейшую запись своих маршрутов. Описания этих путешествий, планомерно расширявших изыскательские горизонты ученого, он охотно печатает в русских и немецких изданиях.

Эта сторона деятельности В. В. Радлова не остается без внимания — Совет имп. Русского географического общества уже зимой 1867 г., оценив по заслугам не только лингвистические исследования Радлова, но и его статьи географического содержания, просит молодого ученого быть корреспондентом Общества и снабжает его специальной инструкцией[6]. С этого времени Радлов становится активным сотрудником Общест-

---

[1] Радлов, например, не только подробно описал весь маршрут возглавляемой им Орхонской экспедиции, но внес также необходимые исправления в современную ему карту Монголии; см. об этом: В. В. Радлов, Предварительный отчет о результатах... экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона,— «Сборник трудов Орхонской экспедиции», I, СПб., 1892, стр. 10.

[2] В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова,— ИРГО, 1919, т. LIV (1918), стр. 172.

[3] Там же, стр. 164.

[4] В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. I, СПб., 1866, стр. XII.

[5] См. об этом: «Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук», ч. II, Пг., 1917, стр. 122.

[6] См. вступление от редакции при публикации: «Письма г-на Радлова в Географическое общество, во время поездки его в Туркестанский край»,— ИРГО, 1869, т. IV (1868), стр. 324.

ва — он тщательно и добросовестно исполнял возложенные на него ученые поручения, а в ряде случаев по собственному почину осуществлял географические исследования. Дважды ему присуждались награды Общества — серебряные медали в 1870 г. (за этнографические исследования в Туркестанском и Заилийском краях) и в 1871 г.[7] (за статью «Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность»[8]). С 1886 г. В. В. Радлов — действительный член Русского географического общества, причем, по замечанию П. П. Семенова, «постоянный и деятельнейший его член»[9], описанию поездок и географических трудов которого отведено достойное место в «Истории полувековой деятельности имп. Русского географического общества» П. П. Семенова[10]. Позднее В. В. Радлов станет инициатором создания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии[11]. В свете этих сведений В. В. Радлов предстает перед нами не как любитель — собиратель местных названий, но как специалист высокого класса: редкий географ мог похвастаться глубоким знанием языка населения описываемой местности, народной словесности, этнографии, истории, археологии, экономики и статистики изучаемого края. Глубокие познания В. В. Радлова в области тюркского языкознания были залогом лингвистической точности топонимических записей ученого; именно «в возможно-правильной передаче местных географических названий» П. П. Семенов усматривал одно из «главных достоинств» географических трудов В. В. Радлова[12] — достоин-

---

[7] См. об этом: П. П. Семенов, История полувековой деятельности имп. Русского географического общества. 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, прим. 1 к стр. 166; ч. II, 1896, прим. 1 к стр. 485.

[8] Эта статья опубликована в «Записках РГО». По отд. статистики, II, СПб., 1871 (далее сокращенно: «Торг. снош.»).

[9] П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. III, 1896, стр. 1262. Из числа ранних публикаций В. В. Радлова в изданиях РГО назовем еще: «Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г.» [ИРГО, 1871, т. VI (1870)] и очерк «Средняя Зерафшанская долина» («Зап. РГО по отделению этнографии», 1880, т. VI; далее — «Ср. Зерафш.»), к которому была приложена составленная Радловым с помощью топографов «довольно подробная специальная карта посещенной местности» («Письма г-на Радлова в Географическое общество...», стр. 327, далее в тексте — «Письма Радлова...»).

[10] Ч. III, «Алфавитный указатель личных имен», стр. 1363.

[11] БСЭ[2], 35, стр. 582.

[12] П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 295. Разумеется, и в топонимические записи Радлова порой вкрадывались неточности и неправильности. Это происходило главным образом на территориях, заселенных носителями еще не изученного исследователем языка,— например, в долине среднего течения р. Заравшана, где «военные обстоятельства,— по его собственным словам,— не позволяли ему удаляться хотя бы на несколько верст от армии или отдельных отрядов. Не могло быть речи ни о записывании текстов, ни вообще о лингвистиче-

ство тем более важное, что среди части географов, к числу которых принадлежал и Риттер, было распространено «произвольное, совершенно не считавшееся с требованиями лингвистической и филологической науки толкование географических названий и других разноязычных терминов»[13]. Значительная часть географических сочинений В. В. Радлова этого времени впоследствии вошла в его двухтомный труд «Aus Sibirien»[14].

II. В «Aus Sibirien» топонимические интересы В. В. Радлова охватывают достаточно широкий ареал Западной и Юго-Западной Сибири с прилегающими областями. Для многих районов этого ареала им составлены топографические описания; в полевых условиях путем сплошного обследования местности и визуального опроса местных жителей записан ценнейший и обширнейший материал по топонимии и микротопонимии. Это, не говоря уже о детальных фиксациях названий населенных пунктов вплоть до деревень и «татарских» улусов,— оронимы и микрооронимы, гидронимы и микрогидронимы; не забыт, например, даже такой микротопоним, как название одного кедрового дерева Бай-агач, к которому «издревле приезжали ежегодно к 25 числу 6-й луны тюрбецы и приносили жертвы» («Торг снош.», 345). Освещен, таким образом, тот самый раздел топонимии, по которому до сих пор часто отсутствует всякий материал.

При ближайшем рассмотрении топонимических материалов «Aus Sibirien» особенно полно обнаруживается методика собирания, вполне отвечающая требованиям современной науки: почти столетие тому назад на вооружении ученого были

ских исследованиях» (В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 185). Вполне понятно поэтому, что в тех условиях «даже географические названия турецкого происхождения передаются Радловым неправильно» (там же). См., например, «р. Қатты-сай», «г. Қаттыкурган» вместо *Катта-сай, Қаттакурган,* «Қатырчи» вместо *Хатирчи* («Ср. Зерафш.», 4, 2, 12), хотя и такая передача была шагом вперед по сравнению с уже имевшейся — «Қати-Курган», «Қатарджи» («Азиятский вестник», 1825, апрель, стр. 237), или первоначально не понятый родительный падеж в топониме-словосочетании — «Нуратаным-Қара-Тау» («Письма Радлова...», стр. 326), позднее исправленный на «Нуратанынг-таг» («Ср. Зерафш.», 3). В целом же В. В. Радлов был весьма точен в своих топонимических записях и, исходя из живого произношения тюркоязычных народов, не раз вносил коррективы в передачу топонимов другими востоковедами (см., например: W. Radloff, Alttürkische Studien. III,— ИАН, сер. VI, т. IV, № 13, стр. 1025, прим. 2, где в топониме *Kara Khodscha* утверждается чтение *хоџа*, а не *хоџо* и принимается чтение *Tujуk мазар,* но никак не *Tojok мазар).*

[13] В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 169.

[14] См.: W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I—II, 2. Ausgabe, Leipzig, 1893 (1. Ausgabe — 1884); далее — Aus Sib., I или II.

почти все те приемы полевого сбора материала [15], которые выдвигаются и разрабатываются современной топонимикой [16].

Попробуем выделить рабочие приемы В. В. Радлова, суммировать и систематизировать разрозненные наблюдения ученого с позиций современной топонимической науки, в связи с ее нынешними интересами и задачами.

1. Прежде всего В. В. Радлов прекрасно сознавал всю ценность местных названий географических объектов Сибири, на смену которым в районах заселения ее русскими (а этот процесс активизировался на глазах исследователя) все чаще приходили и русские же названия или русская адаптация местных названий. Отсюда — стремление ученого зафиксировать не только распространенный среди русских топоним, но также и название, имеющее хождение среди коренного населения тех мест: г. Кузнецк — по-телеутски *Aba-tura,* г. Бийск — *Jasch-tura* или *Pī-tura* (Aus Sib., I, 74, 75), станция *Iliinsk* — и более раннее ее название *Idola* (Aus Sib., I, 101).

Производя свои записи на территориях с разноязычным местным населением, исследователь фиксировал все, как теперь бы сказали, «топонимические эквиваленты» для одного и того же географического объекта, бытующие у разных народов и народностей. Таковы, например, эквивалентные названия рек — *Катунь* и *Куркечу* («Торг. снош.», 377), *Ssussulan* и сойонск. (resp. тувинск.) *Jajlyg* (Aus Sib., II, 209), сагайское и качинское названия р. Туба — *Туба̄-суҕ* и *Ўпсӱ* [17]. Населенные пункты в Илийской долине и в прилегающих к ней районах также имеют по два, а то и более эквивалентных названий, например, *Kuldscha* по-татарски (resp. по-уйгурски) именуется *Kürä,* а у шибэйцев — *Ili;* одно из поселений солонов называется у них *Samar*, а у киргизов — *Dschar Kent*; другое поселение также имеет два названия — у солонов *Tschedschi* и у киргизов *Ak kent* (Aus Sib., II, 378).

Особенно примечательны тюрко-монгольские эквивалентные пары топонимов: они сходны по своей структуре, а подчас имеют и тесные соприкосновения в части своих лексических строевых единиц, которые могут отличаться только фо-

[15] В плане владения методикой полевого сбора не лишним будет упомянуть о составленной В. В. Радловым «Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов степного генерал-губернаторства» (СПб., 1895).

[16] Ср., например: Б. А. Ларин, Вопросник по топонимике,— «Очерки истории языка», Л., 1960 («Уч. зап. ЛГУ», № 267. Серия филол. наук, вып. 52); С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории,— «Исторические записки», [М.], 1945, 17, стр. 29 и сл.

[17] См.: «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», ч. IX, 1 полутом, СПб., 1907, стр. XXXVII и XXXVIII (далее — «Образцы...», IX).

нетически; например: *Koschagatsch* (в русском переводе — «Торг. снош.», 345: *Кожо-агач*) и монг. *Choschamodun (Хоша-мудун)* — название местности (она «находится верст 15 ниже того места, где Чуя образуется из соединения речек Юстут, Сайлу-кем, Кокорю и Кызыл-чин» — Aus Sib., II, 238); киргизск. *Ku Ertis* и монг. *Ku Irtsis* (Aus Sib., I, 8). Подобные эквивалентные пары, совпадая в основной своей части, могут различаться разноязычными географическими терминами, входящими в состав этих топонимических эквивалентов, например: гидронимы-эквиваленты *Kā-кäм* и *Kā-köl* («Образцы...», IX, стр. III), *Успа-köl* и *Успа-талай* «озеро Убса» («Образцы...», IX, стр. XV). Наблюденные В. В. Радловым эквивалентные топонимические пары типологически близких языков можно рассматривать как еще одну градацию в ряду топонимических эквивалентов (разноязычные параллели для обозначения одного и того же географического объекта) и топонимических вариантов (они существуют у народов — носителей близкородственных языков и диалектов для обозначения одного и того же природного объекта).

В. В. Радлов с его повышенным интересом к фонетике тюркских языков неизменно уточнял, какую фонетическую форму имеет топоним у той или иной родственной народности, т. е. (если прибегнуть к современной терминологии) записывал все топонимические варианты. Такие топонимические варианты могут иметь своей основой неодинаковое качество одних и тех же согласных (например: *Karassu, Karasu, Karassa* — Aus Sib., I, 44, 52, 55; *Sossula, Sossulan, Ssussulan* — Aus Sib., II, 194, 195, 209) или гласных в разных тюркских языках и диалектах (ср. сагайск. «*Мадар-суḫ*, речка Мàтур» и бельтирск. «*Мāдыр* и *Мадыр-суḫ*, речка Мàтур» — «Образцы...», IX, стр. XXIX), а также неодинаковое отношение этих языков к конечному *-г* (ср. гидроним *Äil ḭ-кäм* и *Äilḭг-кäм* — «Образцы...», IX, стр. II). Особенно характерны для топонимических вариантов консонантные соответствия *п* ~ *м* (река *Mrass/Myras*, «называемая татарами *Pras*» — Aus Sib., I, 7, 213), *б* ~ *п*, *ч* ~ *ш* (ср. названия местностей «*Шынā*, реже: *Чынā*» и «*Шыра-пулak*, реже: *Чыра-пулak*, *Шыра-булak*» — «Образцы...», IX, стр. XVII), *j* ~ *дж͡* (ср. *Jarkent* и кирг. *Dschar Kent* — Aus Sib., II, 378, 383), *ч* ~ *т* (ср. солонск. *Tschischkan* и кирг. *Tischkan* — там же, 379), как и различные мены сонорных (поселение солонов в Илийской долине Радлов записал в формах *Samar* и *Samal* — Aus Sib., II, 378, 383; ср. сибирский гидроним «*Пajан-кол*, обыкновенно: *Пajаӊ-kol* и *Пajаӊ-ḫол*» — «Образцы...», IX, стр. IX), осложненные иногда чередованиями гласных (например, для

«урочища *Булунтагай*» записан вариант с оканьем *Болунтогай,* а «по-киргизски *Бурул-тогай*» — «Торг. снош.», 358, 361).

В топонимических вариантах представлена также регрессивная ассимиляция согласных (ср. качинск. *«Аскыс-суҕ,* речка Аскыс» и сагайск. *«Аккыс-сиҕ, сӯг,* речка Аскыс» — «Образцы...», IX, стр. XXI и XIX) и явления метатезы (*«Сäскäгä,* также *Сäксäгä,* хребет» — «Образцы...», IX, стр. XII), иногда осложненной вставкой или, наоборот, утратой гласного. Так, для гидронима *Абакан* приводились также варианты *Абыҕан, Аҕбан*[18], *Аҕыбан* («Образцы...», IX, стр. XVII).

2. Записывая наряду с местным топонимом его русскую адаптированную форму, Радлов дает современным исследователям богатый материал для установления путей и способов этой адаптации. Особенно много сведений можно почерпнуть у него по части фонетического освоения местных топонимов русскими.

В области вокализма при адаптации чаще всего происходит утрата гармонии гласных и по губному, и по небному притяжению, причем один губной гласный может сохраняться — либо в начальном слоге, либо в конечном, а иногда — и в серединном слоге. Например, телеутск. *Улулӯ* превращается в русск. *Улала* «селение и река, прав. приток р. Катуни в Бийском округе Томской губернии» (Катанов, I, 30); ср. алтайск. *Kütschü Ülögön, Jān Ülögön* и русские наименования тех же рек *Малый Улгемен* с вариантом *Улёгон* («Торг. снош.», 377) и *Большой Улгемен* (Aus Sib., I, 50, 51). Алтайск., телеутск. *Ӯркӱт* адаптируется «р. *Иркут,* лев. приток Ангары» (Катанов, I, 30); алтайск. *Kongodoi* — русск. *Angodai*[19] (Aus Sib., I, 325, 326). Иногда же русский *у* возникал на месте нелабиализованных гласных, например: сагайск. *Мадар-суҕ* и бельтирск. *Мāдыр, Мадыр-суҕ* превратилось в русское название речки *Мàтур* («Образцы...», IX, стр. XXIX). Сингармонический ряд заднего образования в ряде случаев мог частично палатализоваться: телеутск. *Ыӊырҕы аіл (су)* — «селение и река Инирга в Томской губ.» (Катанов, I, 34); кызыльск. *Сарас* — *«Сереж, Сераж* (по карте А. Ильина), имя одной речки в Ачинском округе Енисейской губ.» (Катанов, II, 68). Нарушения гармонии гласных по небному притяжению отмечены при адаптации сагай-

---

[18] См.: Н. Ф. Катанов, Алфавитные указатели собственных имен, встречающихся в I и II томах Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым, СПб., 1888 (далее — Катанов, I или II), II, стр. 8.

[19] У Сапожникова («Пути по Русскому Алтаю», стр. 61 и сл.) отмечен вариант с сохранившейся лабиализацией — *Онгудай* (приводится по кн.: В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 173).

ских топонимов русскими: «*Чабал суг̄* — русск. *Чебалсўк*», «[село] *Чалбарты* — русск. *Челбарты*»[20].

В консонантизме осваиваемых топонимов также происходили разнообразные изменения. Это чаще всего озвончение начального *п-*, переход инлаутного *-j-* в *-ч-* или *-дж-*, например, алтайск., телеутск. *Пajат* — «*Бачат, Пачат* или *Баджат,* имя телеутской реки, селения, местности в Томской губ.» (Катанов, I, 21); сагайск. *Паза сӯг* — русск. *База, Пі суг̄* — русск. *Бея, Пӱрäсуг̄* — русск. *Бюра.* Иногда озвончение *п* сопровождается метатезой: *Успа-köl, Успа-талаі* в русском языке превратились в озеро *Убса* («Образцы...», IX, стр. XV). Конечный *-п* субституируется иногда посредством *-k,* а начальный *н-* переходит в *м-,* например: сагайск. *Нōнып* превратилось в «деревню *Мóнок*» («Образцы...», IX, стр. XXIX). Наблюдается также замена *с* и *з* посредством русского *ш,* например, сагайск. *Сус*>русск. *Шуш, Шушенское; Тазōба суг̄* — русск. *Ташеба* (Katanoff, **51,** 52, 53).

При освоении местных топонимов русскими происходят также процессы стяжения непонятного словосочетания в одно слово: например, из *Pasch-Köbüsĭ* («der „Vielquellige“») возникает *Baschkaus* — р. *Башкаус* (Aus Sib., I, 97), из алтайск. *Улан-Пыратты* — название реки *Уландрык* или *Улан-бура* (Катанов, I, 29). То же стремление к слиянию словосочетания в одно слово в результате максимального опрощения его (опущение «излишних» формантов, стяжение похоже звучащих слогов)[21] можно заметить при сравнении топонимических записей В. В. Радлова с показаниями современной литературы. Так, В. В. Радлов в своем описании «Средней Зерафшанской долины» (стр. 3) отме-

---

[20] N. F. Katanoff, Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung der Askys) bilden,— «Bull. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Pétersbourg», XXXII, 1, 1887, стлб. 53 (далее — Katanoff). В этой работе, осуществлявшейся параллельно с составлением «Алфавитных указателей», Н. Ф. Катанов систематизировал значительную часть топонимов, приведенных в I и II томах «Образцов...» В. В. Радлова.

[21] Ряд исследователей отмечают как общую черту топонимов их стремление к наиболее краткой, удобопроизносимой форме (см.: Д. Х. Кармышева, Об отрицательных последствиях частых переименований населенных пунктов Средней Азии и Казахстана,— «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 169; М. М. Маковский, Реконструкция диалектных лексических моделей методом топонимического анализа,— «Вопросы географии», сб. 70, М., 1966, стр. 80). Сам Радлов для гидронима *Aschjaktu* восстанавливает его полную форму *Apschyjaktu,* снабжая ее переводом «где Старик [медведь] обитает/живет» (Aus Sib., I, 42).

чает «горы хребта *Нуратанынг-тага»* [22], на недавней карте Узбекской ССР находим: *Нурота тизмаси* [23], т. е. в топониме произошла утрата аффикса родительного падежа. Русская передача этого топонима санкционировала также утрату одного из одинаково звучащих слогов, оказавшихся теперь в непосредственном соседстве: «хребет *Нуратау*»[24] (т. е. *Нура* [*та*]*тау*), хотя этот слог удерживается в случае перевода географического термина *тау/таг*: «*Нуратинские* горы» [25].

«Славянизация» местных топонимов осуществлялась и морфологическим путем — в результате присоединения к ним тех или иных русских топоформантов: 1) *-а, -я, -ь* — телеутск. *Пī су* — русск. р. *Бия* (Катанов, I, 20), алтайск. *Чӱi* — русск. *Чуя* (там же, 32), качинск. *Нīн* — русск. р. *Ниня,* левый приток Абакана (Катанов, II, 60), сагайск. *Ка̄с* (или *Ка̄ш*) — русск. р. *Ка́ча, Тес* — русск. р. *Тесь;* 2) *-ы* — *Со̄с* — русск. дер. *Сосы;* 3) *-инское/ая, -енское, -ское* — *Ут* — русск. деревня *Утинская, Тес* — русск. село *Тесинское, Сус* — русск. село *Шушенское* (Katanoff, 50, 52, 53); качинск. *Таштып* — русск. село *Таштыпское* в Минусинском округе Енисейской губ. (Катанов, II, 75).

В материалах В. В. Радлова вполне четко прослеживается «семантическая преемственность топонимов при изменении языковой их принадлежности» [26]— многие, казалось бы, совсем русские географические названия Сибири оказываются кальками с дорусских топонимов, этимология которых еще была жива [27]. Сюда относится «русское поселение *Тепло-Ключинская,* киргизами именуемое *Arassan»,* т. е. «теплый или минеральный источник (ключ)» (Aus Sib., I, 112); г. *Красноярск* из качинск. «*Кызыл Чар* (красный берег)» (Катанов, II, стр. 46, 80) [28]. Материалы В. В. Рад-

[22] См. также в «Истории полувековой деятельности...» (ч. I, стр. 295): «...между хребтами *Нуратанынг-Ак-Таг* и *Нуратанынг-Кара-Таг»*. Здесь, как и в передаче Радлова, опущен посессивный показатель при определяемом.

[23] «Ўзбекистон ССР» картаси, Тошкент, 1964 («Ўзбекистон географияси», 8. синф, Тошкент, 1964).

[24] БСЭ^2, 44, стр. 8 (ср.: В. М. Четыркин, Средняя Азия, М.—Л., 1958, стр. 95: «хребет Нура-Тау»). При русской адаптации такая тенденция, видимо, проявилась довольно рано — о «горах *Нура-тау*» см.: «Россия», т. 19. «Туркестанский край», СПб., 1913, стр. 75.

[25] См.: Н. Л. Корженевский, Средняя Азия, Ташкент, 1941, стр. 69; «Средняя Азия», М., 1958, стр. 82.

[26] Э. М. Мурзаев, Топонимика и география,— «Вестник МГУ», Серия V. География, 1963, 3, стр. 15.

[27] См.: В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965, стр. 124.

[28] Позднее точно так же рассматривал этот топоним и А. П. Дульзон в статье «Дорусские топонимы Средней Сибири» («Вопросы географии», сб. 70, стр. 41).

лова показывают, что топоним *Кызыл Чар* не был единичным среди местных названий поселений в Сибири: недалеко от устья р. Мрассы была расположена деревня под таким же названием *Kysyl-jar* (Aus Sib., I, 346); ср. еще название местностей *Āры-чäр, Öбур-чäр, Торгӱн-чäр* и *Öс-черị* («Образцы...», IX, стр. II, IX, XIV, XXXI). Недавно И. А. Воробьева указала на то, что «...до XIX в. в сибирской топонимике существовали названия поселений, данные по высокому красному берегу реки — яру, ... д. *Красноярская...,* д. *Краснояро*-*ва*», «*Красный Яр»;* она считает топонимы этого рода «довольно поздними образованиями»[29]. Материалы В. В. Радлова позволяют изменить эту датировку и рассматривать эти топонимы как кальки с местных названий поселений или местностей. По-видимому, кальками с соответствующих тюркских топонимов являются и многочисленные русские названия сел *Красный Яр* в Саратовской, Волгоградской, Астраханской и Куйбышевской областях РСФСР[30]. Нередко случалось, что калькирование было частичным — в местном топониме, представлявшем собой определительное словосочетание того или иного типа, переводился лишь один его компонент, в одних случаях — определение (например, кызыльск., кюэрикск. *Ak Ӯс* — русск. р. *Белый Юс* или *Июс, Кара Ӯс* или *Āргі Ӯс* соответственно имел двойной перевод *Старый* или *Черный Июс* — Катанов, II, 7, 79), в других — определяемое — географический термин (качинск. *Ес Пелтїрї* — русск. «село *Усть-Есь* в Минусинском округе Енисейской губ.», Катанов, II, 21).

Таким образом, для топонимики Сибири, района, сравнительно поздно заселенного русскими, материалы В. В. Радлова представляют дополнительную ценность еще и тем именно, что в ряде случаев помогают вскрыть самый механизм возникновения русского наименования[31].

3. Почти каждый приводимый топоним В. В. Радлов со-

---

[29] И. А. Воробьева, Словообразование русской топонимики Западной Сибири,— «Филологические науки», 1965, 1, стр. 157. Во всяком случае уже П. С. Паллас упоминал о деревне *Красноярской,* около которой «имеются высокие песчаные берега со слоями булыжника наподобие морского дна», и о деревне *Белой Яр,* близ которой «состоит реки берег из мелового суглинка» (П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 2, кн. 1, СПб., 1786, стр. 425). Ср. в Челябинской обл. пос. *Крутоярка,* узб. *Қизил жар қишлоғи* в Сурхандарьинской области.

[30] См., например: БСЭ [2], 23, стр. 280.

[31] Как писал Д. Н. Егоров в книге «Славяно-германские отношения в средние века» (т. I, М., 1915, стр. 463—464), «Ценно не столько самое имя [имеется в виду топоним.— *Г. Б.*], сколько дача имени, если этот момент, по счастливой случайности, зафиксирован в каких-либо наших источниках»

провождал посильной попыткой этимологизации его, подчас давая смысловой перевод топонима, в отдельных случаях поддержанный описанием реальных свойств самой географической реалии (например, «горная гряда *Ulan Ola*» сопровождается переводом «Красные горы» и тут же добавляется: «они действительно имеют красноватую окраску» — Aus Sib., II, 215). Иногда смысловой перевод поддерживается косвенным указанием на отношение местного населения — скотоводов и охотников — к природным объектам; таковы оронимы: небольшая гора под названием *Etschki Turū* («стоянка, местопребывание коз»), высокая гора *Kotschkorok* (Радлов помечает: «там должно жить очень много горных козлов»,— Aus Sib., I, 60). Иногда же смысловой перевод поясняется бытующей среди местного населения легендой; так, при упоминании о броде через р. Катунь, имеющем название *Kör-Kötschü* «мостовой брод», приводится легенда о сказочном богатыре, использовавшем в качестве моста две огромные скалы, которые находятся друг против друга по обоим берегам р. Катуни (Aus Sib., I, 53). Не пренебрегает В. В. Радлов и народной этимологией, почти всегда сразу же критически оценивая ее [32]. Так, сообщая, что «татары называют Кузнецк *Aba-tura*», Радлов тут же поясняет: «Это имя, очевидно, произошло от речушки *Aba*, которая недалеко от Кузнецка впадает в Томь». И добавляет далее: «Народная же этимология выводит его [название *Aba-tura.— Г. Б.*] из *Aba-Stadt* „Vaterstadt" (от *Aba* „отец") и называет в противоположность *Aba-tura* (Vaterstadt) город Бийск *Jasch-tura* „die junge Stadt"» (Aus Sib., I, 74). Пример более развернутой этимологии топонима — в Aus Sib., I, 70 *(Алтай)*.

III. Труд «Aus Sibirien», как и другие географические и историко-археологические труды ученого, позволяет проследить самый топонимический анализ у В. В. Радлова — как он его производит, какие результаты получаются.

1. Топонимический анализ исследователя состоит, прежде всего, в выделении географической номенклатуры внутри изучаемой топонимии. В результате выявлено, например, употребление слова *баш/бас* «голова» в качестве географического термина «начало/исток (реки)»; примечательно, что, сочетаясь с соответствующим гидронимом, этот термин функционирует то (у телесов, resp. алтайцев) как название озера [33]

[32] В отдельных случаях В. В. Радлов все же отдает дань наивной этимологии, например: «После слияния [Бии и Катуни.— *Г. Б.*], река стала называться *Obj* (т. е. Beide [обеи.— *Г. Б.*])» (Aus Sib. I, 6).

[33] Именно в связи с местным принципом названия озера по реке, в бассейн которой оно входит, следует рассматривать и соответствующие русские названия озер (ср.: И. А. Воробьева, Русские названия озер Западной Сибири,— «Лингвистический сборник», Томск, 1964, стр. 76).

(*Sai Konysch Bashy, Arsajak Bashy* — Aus Sib., II, 167, 166; ср. *Abakanyng Bashy* — там же, 169), то как ороним (*Saldschas bashy* «Saldschar Quelle — Aus Sib., I, 55).

Надо сказать, что всегда, где бы ни путешествовал В. В. Радлов, к гидронимам он проявлял особенно пристальное внимание. Если проследить и суммировать его наблюдения в этой части топонимии, получается, что В. В. Радлов первым заметил особо важную роль гидронимов в сибирской топонимии — позднее В. Б. Шостакович, не знакомый с работами В. В. Радлова, назовет эту особенность сибирской топонимии «ориентировкой по гидрографической сети края»[34]. Из материалов, собранных В. В. Радловым, видно, что многие местные оронимы собственно представляют собой название протекающей близ реки плюс соответствующий номенклатурный термин, например: «вершина р. Чулышмана», «вершина р. Чулчи», «вершина р. Чуи» («Торг. снош.», 353, 380). См. также *«Кандаҕаїт,* речка, также находящаяся при ней гора, караул и местность», *«Кäрбіс,* речка и гора» («Образцы...», IX, стр. IV, VI); известную связь гидронимов и оронимов можно заметить и в монгольской топонимии, ср. оз. *Tsagan-Nor* и горный хребет *Tsagan Burgasun Daba,* р. *Boroburgasun* и горы *Boroburgasun-u-Chürün-Chairan* (Aus Sib., II, 213, 197). Позднее это же соотношение гидронимов и оронимов будет наблюдено В. Б. Шостаковичем на материалах Сибири, Э. М. Мурзаевым у киргизов Тянь-Шаня и в топонимии Синьцзяна, М. А. Абдрахмановым и А. А. Бонюховым в топонимии Шории[35].

С помощью Н. Ф. Катанова было установлено также, что ряд местностей в Сибири одноименен с протекающими там реками, например: *«Аjаңҕат,* также: *Аjаңҕатты,* речка, местность», *«Кäнд įргä,* речка и местность», *«Кöлџÿктÿг,* речка и местность», *«Кöндäлäң,* речка и местность», *«Тӱргäн-орӯ,* течение речки Т. и местность при ней», *«Чыланнаҕ,* местность и речка» и особенно показательное *«Чаҕанар,* обыкновенно: *Чаҕан-арыҕ,* речка и местность» («Образцы...», IX, стр. I, VI, VII, XV, XVI).

Из материалов В. В. Радлова с очевидностью явствует, что многие населенные пункты Сибири также названы по

---

[34] В. Б. Шостакович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири,— «Известия ВСО РГО», т. XLIX — Сб. секций землеведения и экономической, вып. 2, Иркутск, 1926, стр. 117.

[35] См.: Э. М. Мурзаев, К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня,— «Известия ВГО», 1940, т. 72, вып. 3, стр. 318; его же, Топонимика Синьцзяна,— «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 20; М. А. Абдрахманов, А. А. Бонюхов, Топонимические названия Шории,— «Язык и топонимия Сибири», I, Томск, 1966.

8 Зак. 927

именам рек, на которых они расположены, см. называвшиеся выше *Aba-tura* и *Pī-tura,* речка и «татарская» деревня с одним названием *Taschtū* «Каменистая» (Aus Sib., I, 101), «деревня *Kydshy aly* на реке *Kydshy,* притоке р. *Psass*» (там же, 355); ср. также «*Ноныn-суҕ*, речка Монок» и «*Нōныn*, деревня Мòнок» («Образцы...», IX, стр. XXIX). Этот же принцип именования распространился и на русскую топонимию Сибири и прилегающих районов Казахстана — например, русские пикеты, одноименные с соответствующими гидронимами, *Sary Bulak* (Aus Sib., I, 115 и 466), *Kara Bulak* (там же, I, 466), *Sōk* (Aus Sib., II, 147); деревня *Безрукова* имела другое название — *Протока,* так как она «находится на рукаве р. Томи» (Aus Sib., I, 75), не говоря уже о таких названиях сибирских городов, как *Томск, Иркутск, Селенгинск, Бийск, Абакан.* Безусловно, этот принцип применим и к сообщаемым И. А. Воробьевой фактам, когда русские «заимки и деревни получают названия по рекам» [36]. Русские топонимы г. *Красноярск* и упоминаемые И. А. Воробьевой деревни *Красноярская, Красноярова, Красный Яр* также гидронимичны по самой своей сути, представляя собой кальки с тюркских названий населенных пунктов, при именовании которых учитывалось их положение по отношению к реке (*jар, чар, д͡жар* «высокий берег реки») — ср. поселения под именем *Kysyl jar* (Aus Sib., I, 346), *Кызыл Чар* (Катанов, II, 46, 80); ср. также названия местностей «*Сыр черį,* местность при речке Сыр: сагайск.», *Обӱр-чäр, Тöргӱн-чäр* («Образцы...», IX, стр. XXXV, IX, XIV). Называние населенных пунктов по именам рек свойственно и монгольской топонимии (например, г. *Kobdo* и р. *Kobdo* — Aus Sib., II, 217), причем даже и те кочующие *ürtö* («станицы»), которые давно покинули берега рек, чьими именами они названы, продолжают сохранять это название — таково ürtö *Boroburgasun* (там же, 238), а ürtö *Kongyr Ölöng,* одноименное с рекой, при Радлове находилось на реке *Namyr-jang* (там же, 210).

Сибирские гидронимы, как отметил В. В. Радлов, активно участвуют в образовании местной этнонимии: алтайцы (Aus Sib., I, 257) и шорцы Северного Алтая «называют сами себя по рекам, на берегах которых они живут,—*Pysas kishi* (Psass-Leute), *Myras-kishi* (Mrass-Leute), *Tom kishi* (Tom-Leute)» (Aus Sib., I, 213).

2. В итоге оказывается, что совершенно исключительное место наименований рек в топонимии Сибири было обнаружено В. В. Радловым уже во второй половине прошлого ве-

[36] И. А. Воробьева, Словообразование русской топонимики Западной Сибири, стр. 156.

ка. В то же время ученый и в этом случае отчетливо видел, как при наличии главенствующего принципа топонимического названия рядом с ним уживаются и другие, менее распространенные способы именования. Он приводил, например, названия «татарских» улусов, имеющих прямую связь с соответствующим микрооронимом: Ulus *Ak kaja* («белая скала»), Ulus *Kysyl kaja* («красная скала») (Aus Sib., I, 81, 351); ср. также «местность *Қая-баш* (голова утеса)» в 100 *км* от устья р. Кемчик по правому берегу Енисея [37]. Иногда с микрооронимом оказывался связан и этноним в Сибири: «*кызылҕаја* [Schor. W., von *кызыл* + *kaja*] инородческое племя на р. Мрасе у устья реки Кобарсу» [38]; Радлов отмечал, что «жители Алтая и восточные соседи их... называют себя по горам и рекам, при которых живут» [39]. Подобные же соотношения оронимов и названий населенных пунктов прослеживаются и на сопредельных с Сибирью территориях, ср. горный хребет *Altyn Emel* и русск. пикет *Altyn Emelski* (Aus Sib., II, 373) или в северной части «киргизской степи» хребет «Алджан-тау или *Аркат*-тау у пикета *Аркат*» («Письма Радлова...», стр. 325).

3. Вскрывая самый механизм топонимического именования, В. В. Радлов подводит нас собственно к исследованию соотношений и взаимодействий между разными отделами топонимии. Продолжая свои наблюдения над гидронимией и ее взаимодействиями с названиями других групп географических объектов в только что занятой русскими долине среднего течения р. Зеравшан (современный Узбекистан), ученый своими материалами показал, что соотношения и взаимосвязи гидронимов внутри топонимии разных территорий, хотя бы и населенных народами, говорящими на родственных языках,— разные. Первым из европейских исследователей географии и топонимии Средней Азии В. В. Радлов в работе, написанной в конце 1868 г., заметил, что «река или ручеек носит у всякого селения название самого селения или селение название речки, вследствие чего река в разных местах носит различные названия. Так, например, называется *Кара-абдал* в своем верхнем течении *Кара-абдал-булак,* потом *Яр-булак,* потом *Чарык-булак,* наконец *Джума-базар-булак,* всегда по

---

[37] См.: И. С. Боголюбский, Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губ. в 1881 г.,— «Изв. Вост.-Сиб. отдела РГО», 1882, т. XIII, № 3, стр. 45.

[38] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1899, стлб. 828.

[39] В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. III. Киргизское [т. е. казахское.— *Г. Б.*] наречие, СПб., 1870, стр. XIII.

названиям селений, находящихся на ее берегах» («Ср. Зерафш.», 6)[40]. Стремясь зафиксировать все многообразие языковой действительности и сложные переплетения в топонимии, Радлов был чужд навязывания материалу каких-либо априорных схем. Как правило, он чутко регистрирует и факты, казалось бы, противоречащие уже описанным. И в рассматриваемом случае он сразу же отметил в среднеазиатской топонимии противоположную тенденцию в названии географических объектов, конкретизируя ее так: «Напротив того, селения *Катты-сай* (большой овраг), *Тас-кечю* (весенний брод), *Саук-булак* (холодный ключ), *Орта-булак* (средний источник) получили непременно свое название от протекающих по ним ручьев» («Ср. Зерафш.», 6). Аналогичное «столкновение» противоположных тенденций называния в монгольской топонимии видно из записанного В. В. Радловым случая, когда река, обычно именуемая *Borochudsir*, называется по имени селения, расположенного на ее берегах, *Turgen* (Aus Sib., II, 382). В сибирской топонимии им отмечен случай необычного названия речки по орониму — *Kysyl-tasch*[41] (Aus Sib., I, 42).

На основании материалов В. В. Радлова напрашивается вывод о том, что внутри топонимических систем близкородственных или типологически близких языков допускается совмещение разных принципов называния одних и тех же географических объектов, хотя удельный вес совмещающихся

---

[40] То, что «реки в мусульманской Средней Азии часто называются по именам городов, лежащих или на берегах их, или их притоков, или же в некотором отдалении», а также вытекающая отсюда множественность названий одной реки были известны еще и древним арабским и среднеазиатским географам: «Так, Сейхун (древн. Яксарт) называется, например, у Масуди (X в.), Якута (XIII в.), Абульфеды (XIV в.) Ходжендскою рекою, рекою Шаша (Ташкента), Ферганы и т. п.» (Н. Н. Пантусов, Фергана, по «Запискам» султана Бабера,— «Зап. РГО по отделению этнографии», СПб., 1880, VI, стр. 183). То же самое наблюдается в географических описаниях Средней Азии, содержащихся в «Бабур-наме» (рубеж XV—XVI вв.). В наше время на материалах гидронимии Синьцзяна и шире — всей Внутренней Азии — подобные же наблюдения сделал Э. М. Мурзаев (см. его кн. «Средняя Азия», М., 1947; его же, Топонимика Синьцзяна, стр. 19, 20; его же, Топонимика и география, стр. 14). Чрезвычайно примечательно то, что в топонимии эстонского языка, который, как и все финно-угорские языки, обнаруживает типологические схождения с тюркскими языками, зафиксирован тот же способ называния озер, речек и ручьев по именам поселений, та же множественность названий для одной реки (материалы по этой части эстонской гидронимии см.: В. Палль, О названии рек и озер в северной части бывшего уезда Тартумаа,— «Emakeele Seltsi aastaraamat», VII, Tallinn, 1961, русск. резюме, стр. 85).

[41] В этой связи можно указать приводимые В. В. Радловым гидронимы, имеющие, конечно, совсем иной характер, но точно так же связанные с некоей микротопонимической приметой: речки *Jangys Kaing* («одинокая береза»), *Jangys Agasch* («одиночное дерево») — Aus Sib., I, 116,

принципов совсем не одинаков в каждой из таких топонимических систем — ср. преобладание «гидронимической ориентировки» в Сибири и Монголии и почти регулярное называние реки по селениям в Средней Азии.

IV. Современные топонимисты подчеркивают обязательность комплексного применения приемов лингвистического, исторического и географического анализа при изучении топонимии. Надо сказать, что уже в 60-х годах прошлого века В. В. Радлов с его комплексным историко-филологическим образованием и живым интересом к исторической этнографии, которая, по его мысли, «должна основываться на лингвистических началах» [42], к археологии Сибири, всестороннему изучению настоящего и прошлого которой он самоотверженно посвятил лучшие годы своей жизни, первым сделал попытку интерпретировать своеобразие гидронимии Северного Алтая, бассейна рек Томи и Чулыма во всем контексте найденных им лингвистических, этнографических (Aus Sib., I, 188—189) и историко-археологических данных (Aus Sib., II, 142). Там, где это удавалось, он привлекал сохранявшиеся порой в устных преданиях аборигенов Сибири или в научной литературе сведения о миграциях сибирских народностей, сообщения о том, какие народности и племена были тюркизованы лишь впоследствии, а по своему этногенезу принадлежали к иноязычным группам: такими были, в частности, саянцы, койбалы [43], а также камасинцы, о которых, как напомнил Радлов, М. А. Кастрен писал, что они еще говорят на своем языке; В. В. Радлов застал «лесных камасинов» говорящими уже на «качинском наречии», т. е. на хакасском языке (Aus Sib., I, 205, 209, 210). В результате своих изысканий В. В. Радлов проникся уверенностью, «что енисейцы, совершенно отличающиеся по языку от урало-алтайских племен, собственно самые древние жители Сибири» и «именно угро-самоеды оставили нам все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовому периоду» [44]. Отмечая, что в XIX в. котты, «арины и ассаны совершенно исчезли», он подчеркивал в то же вре-

[42] В. В. Радлов, А. А. Куник, рец. на монографию Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», СПб., 1887 (отд. отт.), стр. 3.

[43] В. В. Радлов, Древние аборигены Сибири,— в кн.: «Живописная Россия», под общ. ред. П. П. Семенова, т. XI, СПб.— М., 1884, стр. 9. В отношении «абаканских татар» он писал, что они «представляют собою смесь самых разнообразных и разнородных племен, но долголетним обращением между собою они слились в отношении языка и обычаев почти в одно целое, отмечая в их составе «бельтиров, ... койбалов и маторов, ... аринов и ассанов» (В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. II, СПб., 1868, стр. X).

[44] В. В. Радлов, Древние аборигены Сибири, стр. 8, 9.

мя: эти племена «только оставили следы своего прежнего существования в названиях притоков Томи и Чулыма»[45]. Комплексный подход к изучению вопроса позволил В. В. Радлову увязать гидронимию на *-sas/-säs* и на *-tat/-tät, -dat/-dät* с разными диалектами кетоязычных (или, как он писал, енисейско-остяцких) народов — коттов, аринов и кетов (Aus Sib., I, 188—189): «окончания *zas, zäs, zos, dat, dät*» в гидронимии Северного Алтая (*Pyzas, Pyrzas; Añzas, Künzäs, Iñzäs, Oñzos*) и в названиях притоков р. Чулыма (*Ardat, Čardat, Irdät*), по его мнению, «образовались из енисейско-остяцкого слова *säs* (вода) посредством воздействия гармонии гласных»[46]. Идеи В. В. Радлова развиты в многочисленных трудах А. П. Дульзона, который первым ввел в научный обиход эти интереснейшие и вполне научно обоснованные наблюдения[47]. Из сказанного ясно, что начало формантному изучению гидронимии Сибири положил В. В. Радлов, а не В. Б. Шостакович, как иногда это утверждается[48].

V. Таким образом, своим «Aus Sibirien» В. В. Радлов положил добротнейший фундамент для дальнейших топонимических разысканий. На следующем этапе своей работы В. В. Радлов углубляется в исследование истории тюркских языков — он принимает участие в расшифровке енисейско-орхонских рунических надписей древних тюрков. Многие из этих надписей, повествуя о военных походах древних тюрков, содержали значительный топонимический материал. В работе Радлова «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei», как и в его трудах о древних памятниках уйгурского языка, представлены все ступени работы по дешифровке также и топонимического материала. Разгадывается написание слова, по большей части не имеющее огласовки, предлагается вероятное или допустимое чтение с восстановлением гласных звуков слова; это чтение впоследствии не раз уточняется; устанавливается значение слова.

Глубокое исследование сибирской и монгольской топонимии, географической номенклатуры, выявление принципов

---

[45] Там же, стр. 9.

[46] W. R a d l o f f, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882, стр. 42.

[47] В своей статье «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимии» («Уч. зап. [Томского пед. Ин-та]», VI — Серия физико-математ. и естественно-географ. наук, 1950, стр. 178 и сл.) А. П. Дульзон подробно излагает идеи и материалы В. В. Радлова, ссылаясь на его «Aus Sibirien», «Phonetik der nördlichen Türksprachen», «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» (St.-Pbg., 1895).

[48] См.: В. А. Н и к о н о в, Топонимика в историко-географической этнографии, М., 1964 («VII Международн. конгресс антропологических и этнографических наук, М., август 1964»), стр. 5.

топонимического наименования помогло В. В. Радлову выделить многочисленные топонимы при дешифровке древнетюркских рунических надписей с Орхона и Енисея, а в ряде случаев — идентифицировать выделенные топонимы с ныне существующими, фактически демонстрируя неизменность отдельных топонимов на протяжении тысячелетия. Таким неизменяющимся оказался ряд географических имен, сохранившихся в монгольском языке, как письменном, так и в живых говорах [49], и среди них такие, например, как гидронимы *Сäлаң̣ä* [50] — р. Селенга, *Тоҕла* (Altt. Inschr., 2, стр. 127; 1, стр. 61; 3, стр. 191) — р. Тола (приток р. Орхона). Большинство таких названий было отождествлено почти сразу В. В. Радловым и другими первыми исследователями орхонских памятников благодаря обстоятельному знакомству с монгольской топонимией.

При выделении и опознании топонимии в текстах древнетюркской письменности исследователю помогала выработанная им методика. Так, неизменное внимание В. В. Радлова к фонетике топонимии позволило ему отождествить как топонимические варианты принадлежащие родственным языкам и диалектам формы *Кäң̣ӱ-тарбан* [51] (X 18, 1) и *Кäң̣ӱ-Тарман* (К 21, 11) которые встречаются в разных рунических надписях (Altt. Inschr., 1, стр. 15, 53; 2, стр. 111, 123). Точно так же отождествляются топонимические варианты *Ӓртіш ӱгӱзін* в памятнике в честь Кюль-тегина и *Ӓртіс ӱгӱзін* в памятнике в честь Бильге-кагана и идентифицируются как р. Иртыш (Altt. Inschr., 1, стр. 21, 61; 2, стр. 92). Основываясь на обычном для тюркской топонимии использовании терминов цветообозначения, В. В. Радлов выделяет топонимы *Кара-кӧл* (Kb 2_{16} — Altt. Inschr., 2, стр. 106) и *Кара-Сäң̣ир* (КК 5_3, $5_{4,11}$, 1_4 — Altt. Inschr., 3, стр. 361).

[49] См.: Б. Я. Владимирцов, Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском,— ДАН, Серия В, 1929, № 10, стр. 170.

[50] См.: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lfg. 1—3, St.-Pbg., 1894—1895 (далее — Altt. Inschr.), 3. Lfg., стр. 197.

[51] Впоследствии С. Г. Кляшторный идентифицирует Кäң̣ӱ Тарбан и Тарбанд, резиденцию царя Шаша, локализуя Кäң̣ӱ Тарбан между восточной границей Согда (Сыр-Дарья) и западными областями тюркского каганата (С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1962, стр. 157). Из отечественных востоковедов идентификацией выделенных В. В. Радловым древнетюркских топонимов занимались, например, П. М. Мелиоранский («Памятник в честь Кюль Тегина»,— ЗВОРАО, 1898, XII, стр. 85, 98 и сл.), В. В. Бартольд («Новые исследования об орхонских надписях»,— ЖМНП, 1899, ч. CCCXXV, стр. 235 и сл.), Б. Я. Владимирцов («По поводу древнетюркск. Ötüken yïš),— ДАН, Серия В, 1929, № 7 и «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском»).

От выпуска к выпуску «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» изменялась, иногда и совершенствовалась подача и толкование топонимов — потому, что «последующие находки документов постепенно давали все более и более ясное понятие о начертании того или иного слова и в таком контексте, из которого легко можно было догадаться также, наконец, и о значении прежде неразгаданного слова»[52]. Это можно проиллюстрировать нижеследующим примером. Выделив топоним *Чуш,* употреблявшийся в надписях, как правило, в составе словосочетания *Чуш башында,* которое вначале В. В. Радлов переводил «bei der Quelle des Schusch/Tschusch» (Altt. Inschr., 1, стр. 27, 63), ученый колебался, отнести ли его к гидронимам или оронимам: *«Чуш* — Name eines Flusses oder eines Berges (Kb 6_{20}); *Чуш башында* — an der Quelle (auf dem Gipfel) des Tschusch» (Altt. Inschr., 2, стр. 132), все более склоняясь, однако, к переводу *Чуш башында* как «auf dem Gipfel des Tschusch» (там же, стр. 137). Окончательное решение вопроса пришло благодаря привлечению материалов сибирской и монгольской топонимии, где гидронимы и оронимы обнаруживают тесную взаимосвязь. В. В. Радлов принимает оронимическое значение *Чуш башында* — «auf dem Gipfel des Tschusch» (Altt. Inschr., 3, стр. 192, 193); точно так же переводит он и сходные топонимические словосочетания: *Сöklän aiдyk башда* «auf dem Sökläp genannten Berge» (Altt. Inschr., 1, стр. 59), *Тамаҕ aiдyk башта* «auf dem Gipfel des Tamag» (Altt. Inschr., 1, стр. 25, 61, стр. 125).

Богатое собрание древних топонимов сосредоточено в словаре, который приложен к посмертно изданной С. Е. Маловым книге В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка». Среди остальной приведенной там древнеуйгурской лексики топонимы выделяются специальной пометой «п. pr. геогр.», которая, правда, довольно часто сопровождается еще знаком вопроса — он относится не только к условности чтения слова, но и к контекстуальной неопределенности выделения его в качестве топонима.

Имея в своем активе ряд правильных отождествлений древних топонимов (в том числе — правильное определение Ӯтӯкенской черни, по Б. Я. Владимирцову,— Ӧтӯкенской черни, как «горной страны к западу от Орхона, между Хангаем и Кэнтэем»[53]), В. В. Радлов очень дорожил любыми историко-географическими сведениями и стремился разыскать со-

[52] С. Малов, Предисловие,— В. В. Радлов, Памятники уйгурского языка, Л., 1928, стр. V.

[53] См. об этом: В. В. Бартольд, Новые исследования об орхонских надписях, стр. 235.

ответствия топонимам исторических документов в современной тюркской или монгольской топонимии. Так, названия китайских источников р. *So-lin* он истолковал как Селенга (Aus Sib., I, 132), *Pa-he-na* — как Фергана (Altt. Inschr., 2, стр. 170, прим. 8), оз. *Kian-chai* — как Байкал (Aus Sib., I, 132), р. *Ki-mu* — как местное название *Кет* для Енисея [54] (Aus Sib., I, 139, см. также стр. 2). Рассматривая древнейшие «известия об уйгурах у европейских писателей», В. В. Радлов также стремится географически локализовать упоминаемые там топонимы и привести эквивалент из тюркской топонимии. Говоря, например, о сведениях, сообщаемых Клавдием Птолемеем (Serica, Liber, IV, Cap. 16, 3), Радлов пишет: «Река, называемая здесь Οἰχάρδης, может быть только Тарим, хотя он помещен тут ошибочно на $47^1/_2$° широты, т. е. далее на юго-запад, чем он лежит в действительности» [55]. В сообщениях арабских и иранских историков и географов (в их числе и Джувейни) исследователя привлекают эквивалентные топонимы разных эпох: «*Урду-Балык,* теперь называют *Мару-Балык»,* «город *Биласагун,* который теперь называют *Гыр-Балык»* [56].

Из сказанного можно составить весьма неполное представление о вкладе В. В. Радлова, одного из первых исследователей древнетюркской топонимии, в дело ее выявления, собирания, истолкования и отождествления с существующей местной топонимией и топонимами историко-географических документов.

VI. Монументальное десятитомное издание «Образцов народной литературы тюркских племен», предпринятое В. В. Радловым, осуществлялось в течение более чем 40 лет (с 1866 по 1907 г.). «Образцы...», за исключением частей османско-турецкой (ч. VIII, собранная И. Куношем), урянхайской (ч. IX, собранная Н. Ф. Катановым) и гагаузской (ч. X, собранная В. Мошковым), содержали материалы самого В. В. Радлова. Семь компактных томов «постепенно охватили народную литературу самых разнообразных племен тюркского происхождения, живущих в Сибири, северной и южной, и в Дзунгар-

---

[54] М. И. Казанин во вступительной статье к книге: Избрант Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695) (М., 1967, стр. 31) истолковывает «реку Кемь» как «приток Енисея». Ср.: N. F. Katanoff, Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme..., стлб. 51: «*Кет* — Fluss Jenissei. Russ. Енисей»; Б. Я. Владимирцов, Географические имена орхонских надписей..., стр. 171: «Орх. *Кет* ʻр. Кем — верховье Енисея' = монг.-письм. *kem*...».

[55] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах (Прилож. к LXXII т. «Записок Имп. Академии наук», № 2), СПб., 1893, стр. 102.

[56] Там же, стр. 57, 59.

ской (Джунгарской) степи...»[57], в том числе и на территориях современной Киргизии («на р. Текесе..., к западу от Иссык-куля... и к югу и востоку от города Токмака»[58]) и Казахстана («в восточной части степи, особенно около Семипалатинска, Сергиополя, Копала, укрепления Верный и на реке Бухтарме» — «Образцы...», III, стр. XVIII), а также в г. Кульдже и в Крыму[59].

Из десяти частей «Образцов...» только ч. IX, составленная Н. Ф. Катановым, снабжена «Указателями собственных имен» (стр. I—XLVIII), среди которых добрая половина — топонимы. О богатстве топонимии, заключенной в каждом из остальных девяти томов, можно судить по «Алфавитным указателям собственных имен, встречающихся в I и II томах Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым». Составитель этих указателей — Н. Ф. Катанов — продолжил все линии радловского исследования, применяя радловскую же методику. Он проделал большую работу по выявлению топонимов в двух томах «Образцов...», по локализации этих топонимов, установлению их языковой принадлежности и выявлению всех топонимических вариантов, в том числе и зафиксированных в других источниках (например, на карте А. Ильина, в этнографических описаниях И. Каратанова, Н. Попова), отмечая при этом искажения, допущенные на русских картах (например, *Джулу-кул* у А. Ильина вместо *Уылдыс кöl* — Катанов, I, 15).

Катанов стремился дать перевод или посильную этимологию каждого топонима; приводя русский эквивалент местного названия, он рельефно показывал в ряде случаев преемственность русского топонима и характер освоения местного названия русскими.

«Алфавитные указатели» Катанова, как и его «Указатель собственных имен» к ч. IX, представляют собой ценнейшую

[57] Э. П[екарский], [рец. на:] «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», ч. IX,— «Сибирские вопросы», СПб., 1908, год IV, №№ 17—18, стр. 87. Традиционно «...границы Чжунгарии определялись линией, идущей от озера Балкаш у устья р. Лягуз на сев. до Иртыша, по Иртышу до его истоков, далее на юг до восточной оконечности хребта Тянь-шаня, на запад по этому хребту до Алая, отсюда по Ферганскому хребту до его сев.-зап. конца, затем к тому месту, где ныне стоит г. Аулье-та; пересекая среднее течение р. Чу и идя вверх по последней, граница оканчивалась у южного берега озера Балкаш» («Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXVIII[A], СПб., 1903, стр. 805).

[58] В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, СПб., 1885, стр. II.

[59] См.: В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. VI. Наречие таранчей, СПб., 1886; ч. VII. Наречие Крымского полуострова, 1896.

выборку материала, в том числе и топонимического, все еще остающегося вне сферы внимания современных топонимистов. Достаточно сказать, что объем собственных имен, в том числе и топонимов, выбранных только из двух томов «Образцов...», превышает 7 печ. листов, а ведь В. В. Радловым изданы 10 томов «Образцов...». Можно представить себе, какие топонимические богатства, еще никем не распознанные, таят в себе остальные тома этого монументального издания[60].

Работа Радлова над изданием «Образцов...» сильно расширила изучаемый топонимический ареал. Теперь это, по существу, почти весь тюркоязычный регион — от Алтая до западных окраин Турции включительно.

VII. Параллельно с изданием «Образцов...» Радлов работает над составлением четырехтомного «Опыта словаря тюркских наречий» (1893—1911)[61]. В этом труде — итоге полувековой работы выдающегося ученого, «драгоценнейшем, необходимейшем пособии не только для каждого турколога [т. е. тюрколога.— *Г. Б.*], но и для представителей иных отраслей востоковедения»[62],— сконцентрировалось «единственное в своем роде богатейшее собрание лексики и фразеологии многочисленных живых и древних тюркских языков»[63]. Столь же уникальны по своему охвату обширного тюркоязычного региона и по детальности подачи топонимические материалы, сосредоточенные в «Опыте словаря тюркских наречий».

Среди специалистов, изучающих тюркскую топонимию, обычным считается использование радловского «Опыта словаря тюркских наречий». Однако материалы этого словаря привлекаются, как правило, для выяснения значения либо географического термина, либо корневого слова, входящего в состав топонима. Между тем «Опыт словаря...» буквально насыщен собственно топонимией. Целый ряд топонимов дается в качестве заглавных слов самостоятельных словарных

---

[60] С. Кондучалова, работавшая над V томом «Образцов...», не проявила специального интереса к сосредоточенным в нем топонимам и ограничилась скромным перечнем из 9 общеизвестных и поэтому легко выделяемых топонимов, которые она извлекла из радловской записи «Манаса» (см.: С. Кондучалова, Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата — Фрунзе, 1964).

[61] В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб., т. I—1893, т. II—1899, т. III—1905, т. IV—1911 (далее — ОСТН).

[62] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, СПб., 1914, стр. 31.

[63] См. предисловие «От издательства» к фотомеханическому воспроизведению «Опыта словаря тюркских наречий» Издательством восточной литературы.

статей обычно с пометой, к какому языку принадлежит этот топоним; в том же случае, когда топоним малоизвестен, поясняется местоположение соответствующего географического объекта; приводится и соответствующий русский топоним. Например: «*Аідархан* [Ķir.] город Астрахань, *Аідархан деңізі* Каспийское море» (ОСТН, I, стлб. 50); «*Андіцан* [Dsch.] город Андиджан» (ОСТН, I, стлб. 240); «*Андуҕы* [Osm.] имя города», «*Анталjа* [Osm.] Анталия» (ОСТН, I, стлб. 238); «*Аjагӧз* [Ķir., von *аjа*+*гӧз*] город Аягуз (Сергиополь) в восточной киргизской степи» (ОСТН, I, стлб. 209) и мн. др. Радлов ввел топонимы и в качестве «производного» значения соответствующего нарицательного имени (вернее — теперь уже омонима), например: *ахал* «1) болезнь языка; 2) место, где живут теке-туркменцы» (ОСТН, I, стлб. 132), *аралых* «1) промежуток..., 2) имя перевала между малым и большим Араратом» (ОСТН, I, стлб. 257). Внутри словарной статьи приводятся топонимы и как иллюстрация топонимического функционирования заглавного нарицательного имени — это функционирование то представлено в качестве самостоятельного значения, например: *арал* «1) остров..., 3) *Арал дӓңізі* Аральское море» (ОСТН, I, стлб. 252), то дается в ряду примеров на уже выделенное конкретно вещественное или качественное значение, например: *аҕу* «1) (Kas. Osm. Ad.) яд..., 2) (Osm. Ķrm.) горький..., *Аҕу даҕы* (Osm.) горный хребет в окрестностях Брусса» (ОСТН, I, стлб. 172); *аkынты* «течение реки, моря»—*Аkынты бурну* (Osm.) «мыс на Босфоре» (ОСТН, I, 99).

Радловский «Опыт словаря тюркских наречий» с полным основанием можно назвать первой попыткой собрать в словаре тюркскую топонимию всего региона расселения тюркоязычных народов. И, надо сказать, эта попытка до наших дней остается единственной в своем роде. Как богат «Опыт словаря...» топонимическими материалами, можно показать на одном лишь примере. Словарные статьи *аk*, *kара* содержат в себе развернутые этюды о топонимах — словосочетаниях с одним из этих прилагательных, среди которых можно найти и гидронимы, и оронимы, и названия населенных пунктов, разбросанных по всем тюркоязычным территориям. Этюды эти до недавнего времени оставались вне поля зрения топонимистов. Между тем достаточно сказать, что различные фонетические варианты *kара су* получили здесь перевод «источник, родник, ключ (разрядка моя.— *Г. Б.*), ручей» (ОСТН, II, стлб. 133—134, 136). Такой перевод, естественно, позволял уже в конце прошлого века сделать вывод о преобладающем значении подобных гидронимов как вод, имеющих источником ключи и родники,— вывод, к которому не-

давно пришла наша топонимика после разъяснений А. Н. Кононова[64].

По вопросу об использовании терминов цветообозначения в тюркской топонимии[65] «Опыт словаря...» Радлова, равно как и другие работы ученого, сконцентрировал значительный материал. Этот материал, дополняемый сведениями современных топонимистов, в сумме дает любопытнейшие межтерриториальные топонимические параллели на территории почти всего тюркоязычного региона. Названия хребтов *Ак-таг* и *Кара-таг*, о которых В. В. Радлов упоминал при описании Нуратинских гор («Ср. Зерафш.»), имеют топонимические параллели на разных территориях этого региона — ср. *Карa-таҕ* на Алтае («Образцы...», IX, стр. IV) и *Карадаг* в Крыму, *Ak-тау* в Киргизии (ОСТН, I, стлб. 93)[66]. Точно так же оронимические названия населенных пунктов, имеющие в своем составе прилагательное *ak*, встречаются на противоположных концах этого района, ср. «татарский» ulus *Ak kaja* в Сибири (Aus Sib., 1, 81, 351) и город *Ak-kaja* в Турции (ОСТН, 1, стлб. 92). Современная топонимика отмечает, что прилагательное *ала* «пестрый, пегий» сочетается с географическим термином *таг* «гора» (с вариантами по разным языкам), образуя тем самым, по мнению Г. К. Конкашпаева, более детализованный географический термин — «общее название снежных гор», которое «часто входит в состав собственного названия горных хребтов: Джунгарский, Заилийский, Киргизский Алатау и др.»[67]. В. В. Радлов же сообщил об употреблении этого сочетания в качестве самостоятельного топонима на весьма удаленных друг от друга территориях тюркоязычного района, ср. алтайск. *Ала тӯ*, сагайск. *Ала таг̄*, кирг. *Ала-тау*, турецк. *Ала даҕ* (ОСТН, I, стлб. 351, 352);

---

[64] См.: А. Н. Кононов, О семантике слов *ҫара* и *аҫ* в тюркской географической терминологии,— «Изв. Отделения обществ. наук [АН ТаджССР]», 1954, 5, стр. 84 и сл. Ср.: Э. М. Мурзаев, К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-шаня, стр. 319, 323; Н. Г. Маллицкий, О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии,— «Изв. ВГО», 1945, т. 77, вып. 5, стр. 283; Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины,— «Изв. АН КазССР», № 99. Серия географическая, 1951, 3, стр. 5, 20.

[65] По этой теме уже много писалось и в отечественной и в зарубежной литературе (см., напр., работы И. Зиртаутас, Э. М. Мурзаева и др.).

[66] О смысловом противопоставлении *ak — kara* в тюркской топонимии писали И. Зиртаутас, М. Рясянен и др. См. также: Э. М. Мурзаев, К географической терминологии туркмен,— «Изв. ВГО», 1939, т. 71, вып. 6, стр. 880; его же, Топонимика и география, стр. 14. К этому можно было бы добавить подобное же противопоставление в тюркской этнонимии, например: *ак-ногайцы* и *кара-ногайцы* (БСЭ², 43, стр. 548).

[67] Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, стр. 6.

там же приведены случаи топонимического использования этого цветового прилагательного в сочетании с другими географическими терминами — *Ала шäһäр*, *Ала-чам* (турецк.).

Другое цветообозначающее прилагательное *сары*, *сарыг* «желтый» отмечено Радловым в основном в географических терминах — кирг. «*сары дала* сухая степь»[68], сагайск. «*сарыг чазы* желтая степь», «*сарыг тала* желтое море» (ОСТН, IV, стлб. 319, 322), а в «Aus Sibirien» (I, 115, 466) неоднократно упоминались гидроним и название русского пикета *Sary Bulak* (на территории современного Казахстана)[69]. О широком использовании прилагательного *сары* в субстратной тюркской топонимии районов Поволжья писал старший современник В. В. Радлова — И. Н. Березин. Вскрывая субстратную тюркскую основу ряда русских топонимов, он определял таким образом «место кочевания Золотой (желтой صاری) Орды» и подчеркивал, что «присутствие во всех этих названиях термина صاری желтый, не есть только необходимая характеристика местности, точно так же, как Царев, Царевка, Царицын, суть удачные переделки термина „Сары“ — желтый, напоминающий былую знаменитость этих мест»[70]. Русскому *Саратов*, этимологизируемому И. Н. Березиным как тюркск. *Сары таў*, можно найти топонимическую параллель в Южном Алтае — это гора *Сары-Тау*[71].

Другой термин цветообозначения — *кызыл* «красный» — также используется в гидронимах и оронимах, а также в названиях населенных пунктов, например: географический термин *кызылсу*[72], озеро *Кызыл-Баш*[73], «*Кызыл-Шäкпäр*, реч-

---

[68] Ср. также: Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, стр. 32.

[69] Ср.: Г. К. Конкашпаев, Словарь казахских географических названий, Алма-Ата, 1963, стр. 98. Гидроним *Сарысу* и ороним *Сарыарка* приводятся в его работе «Казахские народные географические термины» (стр. 33, 6).

[70] И. Березин, Внутреннее устройство Золотой Орды (По ханским ярлыкам), — ЖМНП, 1850, ч. LXVIII, № 10, стр. 2, 3. Справедливость этих слов И. Н. Березина подтверждается и активным участием *сары* «желтый» в тюркской этнонимии: достаточно назвать сарыг югуров (*сарыҕ йуҕур*) в Китайском Туркестане, «*сарыҕ сојан*, желтых урянхайцев», «*сарыҕлар*, колено абаканских татар и урянхайцев: бельт., саг.» («Образцы...», IX, стр. XXXIV), «племя *Сары Багыш* (желтый лось) по южному и западному берегам Иссык-куля» («Образцы...», ч. V, стр. I); ср. также «бельтирское мужское имя» *Сарыҕ* («Образцы...», IX, стр. XXXIV).

[71] См.: П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 299.

[72] См. о нем: Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, стр. 27.

[73] П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 263 («между озером *Кызыл-Башем* и Черным Иртышем»).

ка и хребет» и «*Кызыл-таiҕа*, хребет» («Образцы...», IX, стр. VI), ulus *Kysyl Kaja* (Aus Sib., I, 81, 351) и населенный пункт *Кизил-Кия* в Средней Азии, «*Кызыл алма* (*älma*) (Osm.) город Рим (собственно, шар на куполе собора св. Петра)» (ОСТН, II, стлб. 827)[74]. Из топонимических применений других терминов цветообозначения можно отметить зафиксированное Радловым «сагайское» название сопки *Кöк тасkыл* (ОСТН, II, стлб. 1219).

Для того чтобы продолжить попытки В. В. Радлова наметить пути к исследованию общетюркского использования терминов цветообозначения в топонимии, необходимо прежде всего выявить объем применения этих терминов и глубину их проникновения в топонимические системы отдельных тюркских языков. В частности, важно исследовать вопрос о смысловом соответствии географического термина и цветового прилагательного, выясняя при этом, в каких отделах топонимии и какие именно термины цветообозначения наиболее употребительны, с какими географическими терминами наиболее охотно сочетаются те или другие из них и, напротив, в каких отделах топонимии термины цветообозначения встречаются ограниченно или совсем не встречаются. Разумеется, не менее важно установить семантическое назначение (или специализацию) тех или иных терминов цветообозначения в топонимии. Здесь необходимо указать на разнообразие и различия существующих оппозиций при использовании этих терминов. Например, помимо известных оппозиций *Аk-таг— Кара-таг* или *аk-су — кара-су*, существует и иное цветовое противопоставление, например, *Аk kaja — Кызыл kaja* (Aus Sib., I, 81, 351); в контекстах конкретных топонимических систем, вероятно, займут свои места в более разветвленном противопоставлении и *Ала-тау*, *Сары-тау*. Существование разветвленного противопоставления целой «топонимической радуги» можно продемонстрировать на примере казахских гидронимов и названий населенных пунктов, представляющих собой сочетание апеллятива *булаk* «источник, родник» с прилагательным цветообозначения: *Акбулак*, *Карабулак*, *Кокбулак*, *Сарыбулак*[75]; здесь сам материал подтверждает смысловое несоответствие апеллятиву остальных

---

[74] «Опыт словаря...» дает материалы и по участию прилагательного *kызыл* в тюркской этнонимии, см., например: «*kызыл-баш* (Osm. Ķas. Ķir) персиянин» (ОСТН, II, стлб. 827) и «*kызылҕаja* [Schor. W., von *kызыл+kaja*] инородческое племя на р. Мрасе у устья реки Кобарсу» (там же, стлб. 828).

[75] Топонимы извлечены из «Словаря казахских географических названий» Г. К. Конкашпаева (стр. 12, 58, 72, 98).

двух прилагательных топонимического цветового спектра — *ала* и *кызыл*: с ними апеллятив *булак* не сочетается.

VIII. Таким образом, В. В. Радлов заложил основу для последующих топонимических исследований во всем тюркоязычном регионе и особенно — в Сибири[76]. А это заставляет нас поставить среди других и такую проблему: наследие В. В. Радлова и наша современность.

Как это ни парадоксально, географические и топонимические разыскания Радлова прочно забыты, хотя уже первая и отнюдь не исчерпывающая попытка выделить и систематизировать топонимические материалы, собранные и осмысленные В. В. Радловым, явственно показывает, как велик вклад ученого в этой отрасли науки, которая как таковая еще и не воспринималась в его время. Имя Радлова не упоминается среди тех «наших востоковедов, многие из которых и сами занимались топонимикой»[77]. Не назван В. В. Радлов и среди исследователей Средней Азии, хотя сообщенные им «подробные сведения о гидрографии и топографии Зерафшанской долины, подробности о водоорошении и каналах», равно как и составленная им с помощью топографов карта долины среднего течения р. Зеравшан, в свое время были высоко оценены Советом Русского географического общества[78], причем особо подчеркивалось, что ученый «исчислил пункты оседлости, о которых представил топографические известия, большею частью совершенно новые...»[79] (разрядка наша.— *Г. Б.*). Сведения В. В. Радлова по гидронимии описанной им «Средней Зерафшанской долины» имеют в наши дни чисто исторический интерес. Ученый называет такие притоки Зеравшана с южной стороны, как Чарвак, Чурча, Кум-арык, Кара-су, Инам-яхши, с северной стороны — Кара-абдаль, Тюрсюн, Пшат (берут начало с южных склонов Кара-

---

[76] Уникальная ценность «Aus Sibirien», труда, сконцентрировавшего богатейшие этнографические, историко-археологические, географические, топонимические и прочие материалы, давно понята в Турции, где еще в 1954 г. был издан турецкий перевод: W. Radloff, Sibiryadan, İstanbul, 1954.

[77] В. А. Никонов, Вопросы топонимики Востока,— «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 12—13. В этом перечне необходимо было бы вспомнить и Н. Ф. Катанова, чьими трудами накоплен и систематизирован значительный материал не только по топонимии Сибири, но и по антропонимии и этнонимии сибирских тюркоязычных народов.

[78] П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 295.

[79] Там же. Э. М. Мурзаев (см. его рецензию на книгу Г. Ярринга «Some notes on Central Asian Turkic place names» в журн. «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 225, прим. 4) полагает, что «первая попытка показать топонимию Средней Азии» сделана Г. Вамбери «в словаре, опубликованном еще в конце прошлого века».

тага) и Джисман (течет из Ак-тага); в описании этих притоков Зеравшана отмечается все иссякающий режим этих рек — «только при высокой воде доходят они до самого Зерафшана» («Ср. Зерафш.», 5). По современным географическим данным, «на территории Узбекистана Зеравшан не принимает притоков»[80], а «реки, стекающие с невысоких горных хребтов Нуратау и Актау, в большинстве своем имеют характер временных водостоков»[81]. Имея в виду постепенное иссякание описанных В. В. Радловым притоков Зеравшана, было бы любопытно на месте проверить, какие из собранных им гидронимов сохранились, какие утрачены, какие продолжили свое существование в связи с уже иными географическими объектами.

Насколько прочно забыты исследования В. В. Радлова в области географической и топонимической, видно из одного только примера. В своем «Кратком отчете о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-куль летом 1859 г.», опубликованном в «Известиях РГО», т. VI в 1870 г. (стр. 99), Радлов, упоминая о «Бомском ущелье», подчеркивает: «никак не Буамское» и поясняет в примечании: «Бом называется на черно-киргизском наречии, как и на алтайском, *проход по отвесным к реке скалам*. Северные киргизы вместо длинного *о* выговаривают *уа*; и потому вместо *бом*, выговаривают *буам*; отсюда-то и произошло очень некрасивое истолкование этого невинного названия (haec Vulva)». В русской географической литературе закрепилось чтение *Боамское ущелье*[82]. Однако ложное толкование оказалось живучим, и через 75 лет после объяснения В. В. Радлова в том же самом издании — «Известиях ВГО» (т. 77, вып. 5, 1945, стр. 284) — Н. Г. Маллицкий, казалось бы, корнями связанный с отечественной востоковедческой традицией, почти слово в слово повторяет Радлова без ссылки на его работу: «Боамское ущелье больше известно у местных русских жителей под именем Уланской щели; кстати, распространившееся одно время в недостаточно осведомленных кругах мнение о якобы неприличном значении этого слова неосновательно. Слово „боам“ (на Алтае и в Саянах „бом“) значит „ущелье у реки“; это древнее тюркское слово, сохранившееся в киргизском языке» (стр. 284).

[80] БСЭ ^{2}, 44, стр. 9.

[81] «Средняя Азия», М., 1958, стр. 581.

[82] См. там же. *Буамское ущелье* — в 19-м томе «России» («Туркестанский край», СПб., 1913), вышедшем через 43 года после предупреждения Радлова. В «Истории полувековой деятельности...» (ч. I, стр. 297) П. П. Семенов, принимая чтение В. В. Радлова, не отказывается и от факультативного использования получившего распространение искаженного варианта: *«Бомское (Буамское)* ущелье».

Возвращение к жизни незаслуженно забытых материалов В. В. Радлова позволит правильно осветить историю изучения топонимии всего тюркоязычного района и прежде всего — Сибири.

Для того чтобы призыв не забывать, а, напротив, всесторонне изучать богатейшее наследие классика отечественной тюркологии не выглядел неким отвлеченным и довольно банальным стандартом, попытаемся поставить некоторые вполне практические задачи, касающиеся прежде всего топонимии Сибири, которую В. В. Радлов исследовал наиболее полно и детально.

В связи с сосредоточенным в книге В. В. Радлова «Aus Sibirien» и других его работах обширнейшим топонимическим и микротопонимическим материалом, который фактически представляет собой почти сплошной синхронический срез вековой давности по многим районам Западной и Юго-Западной Сибири, Западного Алтая, перед топонимистами Сибири встает задача перехода от накопления топонимической картотеки по картографическим и литературным источникам (как это осуществлялось под руководством А. П. Дульзона) [83] к полевому сбору топонимии и микротопонимии. Целесообразно, повидимому, чтобы этому предшествовала роспись на карточки того топонимического богатства, которое содержится в двух томах «Aus Sibirien» (составление «картотеки Радлова»). Следующим этапом работы может быть проведение экспедиций по местам, обследованным В. В. Радловым, с целью записать современную топонимию этих районов и проверить по «картотеке Радлова», что́ изменилось в топонимии (изменения, очевидно, в наибольшей степени затронули названия населенных пунктов), что́ осталось неизменным, какие варианты из конкурировавших (параллельно употреблявшихся) разноязычных или разнодиалектных топонимических пар сохранились, какие утрачены, а какие (имеются в виду русские названия), возможно, приобретены за истекшие сто лет [84]. Проведение та-

[83] См. об этом: Е. М. Поспелов, Современное состояние топонимики в СССР,— «Известия АН СССР. Серия географическая», 1966, 4, стр. 10.

[84] Для многих местных сибирских гидронимов В. В. Радлов (и Н. Ф. Катанов в своих указателях к «Образцам...») не приводил русских эквивалентов — это наводит на мысль, что, быть может, не для всех сибирских топонимов такие эквиваленты существовали. Поэтому вдвойне интересно выявить сейчас такие эквиваленты, вскрывая, по какому принципу они построены; представляется, что таким путем можно было бы максимально приблизиться к процессам становления топонимов. Этому же могло бы способствовать и ретроспективное сопоставление материалов В. В. Радлова с топонимическими сведениями более старых источников (например, «Чертежной книги Сибири»).

кой работы обеспечит получение сразу двух срезов местной топонимии и микротопонимии, отделенных друг от друга более чем вековым периодом. Можно надеяться, что в результате такой работы удастся весьма наглядно наметить пути и тенденции освоения местных топонимов русскими, а также внести коррективы во взгляды на происхождение некоторой части русской топонимии в Сибири и реконструировать механизм возникновения таких русских топонимов, в основе которых лежат субстратные географические названия. При выявлении субстратной основы русской топонимии и разных путей и способов воздействия местной топонимии на складывавшуюся русскую невозможно будет обойтись без привлечения того неисчерпаемого кладезя материала, который накоплен В. В. Радловым [85].

Введение в полноценный научный обиход всех ныне забытых материалов В. В. Радлова поможет более точной интерпретации некоторых уже изученных и описанных фактов русской топонимии в Сибири. Рассмотрение же этих материалов, в совокупности составляющих широкое топонимическое полотно Сибири, Средней Азии, наконец — всего тюркоязычного региона, в кругу современной топонимической проблематики, несомненно, будет способствовать разработке более общих лингвистических и исторических вопросов, решение которых позволит в конечном итоге топонимике, в частности, внести вклад в публикуемую многотомную «Историю Сибири» [86].

Умело черпая и осмысляя собранные В. В. Радловым факты, современный исследователь получает тот необходимый топонимический фон, благодаря которому единичные и разрозненные наблюдения можно будет объединить как черты общетюркского характера. Это тем более важно, что тюркской топонимике пора переходить от конкретных описаний отдельных топонимических систем к сравнительному изучению топонимии в масштабах всего тюркоязычного региона и тем самым с честью продолжить дело, начатое В. В. Радловым.

---

[85] Характеризуя один лишь «алтайский» период деятельности В. В. Радлова, Л. Штернберг писал: «В общей сложности все опубликованное Радловым за годы пребывания на Алтае представляло целую энциклопедию совершенно новых данных по тюркской лингвистике, этнографии и археологии Западной Сибири, Алтая и Средней Азии...» (Л. Штернберг, Из жизни и деятельности В. В. Радлова, СПб., 1910, стр. XVI).

[86] См.: В. А. Никонов, Вопросы топонимики Востока, стр. 10.

Э. В. Севортян

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНИЕ СЛОВА В СВЯЗИ С ДРУГИМИ ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКАМИ
(по данным тюркских языков)

Вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках не нов. Как известно, еще в начале нашего века этот кардинальный вопрос был принципиально рассмотрен в классической работе создателя современной тюркологии В. В. Радлова[1] и до последнего десятилетия тюркология не располагала другим специальным исследованием, посвященным данной проблеме. Все имеющиеся в грамматических описаниях разработки, относящиеся к строению слова в различных тюркских языках, как у нас, так и за рубежом, повторяют с незначительными модификациями построение В. В. Радлова.

С середины 50-х годов положение стало меняться. В тесной связи с резким ростом в советском языкознании интереса к многочисленным вопросам, относящимся к строению языков различных генеалогических единств, был проведен целый ряд конференций, дискуссий и т. д., в том числе специальная дискуссия о строении слова в языках различной морфологической и генеалогической принадлежности. Среди участников дискуссии о морфологическом строении слова были также тюркологи, отметившие некоторые особенности в строении тюркского слова.

В последние годы начали появляться специальные монографии на рассматриваемую тему. Среди них — оригинальная по замыслу работа С. У. Усманова[2], в которой предпринята попытка разграничения языковых и речевых элементов слова

---

[1] W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen, St.-Pbg., 1903.

[2] С. У. Усманов, Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. Автореф. докторск. дисс., Ташкент, 1964.

в узбекском языке; работа А. И. Искакова[3] о строении слова в казахском языке и другие.

В описательных грамматиках последнего десятилетия заметно стремление многих авторов более углубленно рассматривать главные особенности строения слова в разных тюркских языках. Короче — налицо расширение и углубление исследований по проблеме строения слова в указанных языках.

Признавая положительное значение научных результатов, достигнутых в этой области, нельзя вместе с тем закрывать глаза на то, что данный вопрос как в целом, так и в его существенных частях пока не получил всестороннего освещения и фундаментального решения, из чего вытекает необходимость дальнейших исследований.

Цель настоящего сообщения — обратить внимание специалистов на некоторые — по мнению автора, существенные — моменты при рассмотрении вопроса о морфологическом строении слова в тюркских языках.

Из перечня таких моментов могут быть названы следующие: 1) выяснение того, что́ входит в морфологическое строение слова; 2) соотношение структурных частей слова; 3) морфологическое строение слова и его морфемный состав; 4) морфологическое строение слова и часть речи; 5) морфосемантическое строение слова и последовательность морфем; 6) связь фонетического строения слова с его морфологическим строением; 7) парадигматический облик слова и его синтагматическая позиция; 8) морфологическое строение слова в статике и динамике, или иначе: в языке и речи; 9) морфологическое строение слова в синхроническом и диахроническом планах.

Для рассмотрения морфологического строения слова в тюркских языках имело бы весьма существенное значение общее учение о слове, в частности его определение. Несмотря на многочисленность попыток в этом направлении, в языкознании пока еще нет разработанного учения о слове, как нет и его общепринятого определения.

Не предлагая здесь какого-либо нового определения слова, мы будем под ним понимать в дальнейшем мельчайшую языковую единицу, обладающую лексико-семантической и грамматической, соответственно функциональной, следовательно, информативной самостоятельностью. Естественно поэтому, что здесь и дальше речь идет именно о слове, а не о лексической основе. При первом, самом поверхностном, подходе к слову в нем обнаруживаются, как известно, две части,

---

[3] А. И. Искаков, Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. докторск. дисс., Алма-Ата, 1964.

различные и неравноценные в фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом отношениях, различные и неравноценные по своей информационной роли и своей автономности в указанных планах, наконец, различные по признаку постоянства — непостоянства.

Первую часть слова образует его лексическая основа, вторую часть — его грамматическое оформление.

В принципе так же строится аналог слова — модель аналитического глагольного формообразования, тоже состоящая из двух частей, двух или более лексем, в первой из которых сосредоточена лексическая часть сочетания, во второй — грамматическое оформление всего сочетания в целом.

В фонетическом отношении грамматическая часть слова всегда или почти всегда зависит от лексической, так как, за немногими исключениями, в подавляющем большинстве тюркских языков она подчиняется действию небного или небно-губного сингармонизма. Исключения из данного правила единичны, так как асингармонистические грамматические морфемы в тюркских языках нетипичны.

Известен, однако, ряд единичных фонетических условий, при которых фонетический облик лексической основы слова изменяется под влиянием первого слога грамматической части. Сюда относятся, например, так называемый умлаут в новоуйгурском языке типа *ат* 'конь' — *ети* 'его конь'; сужение широкого гласного глагольной основы под действием следующего за ним приаффиксального соединительного *й* типа тур. *başlı-y-an*< *başla-y- an*; целый ряд регрессивных ассимилятивных процессов в области гласных и согласных на границе между лексической и грамматической частями слова в туркменском, тувинском, хакасском, якутском, караимском и некоторых других языках и др.

Однако все подобные отступления не отменяют господствующей роли прогрессивной палатальной или лабио-палатальной ассимиляции гласных или прогрессивной ассимиляции согласных по звонкости и другим признакам в рамках слова — или, иначе, определяющей в фонетическом плане роли лексической части слова.

Таким образом, можно сказать, что между морфологическим строением слова и его фонетическим обликом имеется структурный параллелизм: и в том и в другом плане основа — лексическая часть слова — является независимой, а оформление — грамматическая часть — зависимой величиной.

Различие и неравноценность рассматриваемых секторов слова в лексическом плане очевидна: основа слова — величина независимая, его морфологическое оформление — величина зависимая.

Хотя и выбор основы слова, и выбор его оформления зависят в конечном итоге от содержания и цели речевого акта, но в отличие от основы оформление слова зависит от содержания и цели речевого акта не прямо, а через структурные особенности языка, коему слово принадлежит.

В тюркских языках эти структурные особенности сосредоточены в системе частей речи.

Поэтому оформление основы и тем самым структура слова зависят от принадлежности основы к определенной части речи. Так как изменяемые части речи (существительное, известные разряды местоимений, глагол) имеют каждая свой перечень грамматических морфем, то морфологическое строение слова распадается по крайней мере на три типа: именной, местоименный и лично-глагольный, из коих первые два типа в некоторых своих разновидностях совпадают (номинативные и некоторые местоименные слова в форме множественного числа, или какого-либо падежа, или того и другого вместе; номинативные и вопросительно-местоименные слова в форме принадлежности). Если к названным трем типам присоединить еще неличные формы глагола, то количество типов морфологического строения слова сильно возрастет. При учете же конкретных разновидностей указанных типов морфологической структуры слова мы уже получаем большой перечень структурно-морфологических моделей, число и детали которых к тому же варьируют от языка к языку.

Различна и неравноценна также роль обеих частей слова в информационном отношении. Основную информационную нагрузку в слове несет его основа, тогда как грамматическая часть выполняет в общем коммуникативную функцию (функцию связи), или функцию отношения.

По этой причине также и в семантико-грамматическом плане между основой и ее оформлением сохраняются в принципе те же соотношения, что и в плане информационном. Они выражены в этом случае даже, пожалуй, еще яснее, так как употребление того или другого перечня грамматических морфем обусловлено грамматическим значением основы: она может быть именной или глагольной, и, следовательно, набор грамматических морфем должен соответствовать этому различию.

«Власть» основы над оформлением простирается и дальше и выражается главным образом в том, что под влиянием семантики основы может сократиться морфемный состав грамматической части слова. Например, в некоторых тюркских языках определенные разряды существительных не имеют формы множественности (аффикс *-лар*). Ср., например, названия процессов или состояний в турецком: *terbiye* 'воспи-

тание', *sevinç* 'радость', *inan* 'вера' и т. п. То же наблюдается при именах действия на *-ма, -ув/-у* и др. При других именах действия аффикс множественности неупотребителен вообще, даже при наличии посессивного аффикса. Таков инфинитив в турецком, азербайджанском, узбекском, уйгурском, крымскотатарском языках (аффикс *-мақ*). Невозможен показатель множественности в обозначениях сторон предмета: *ич* 'внутренняя часть', $\frac{т}{д}$*аш* ~ $\frac{т}{д}$*ыш* 'наружная часть, сторона', *алт ~ аст ~ түп* 'низ', 'нижняя часть, сторона' и т. д. По чисто семантическим причинам невозможна передача во множественном числе названий уникальных предметов, например, *йер* 'земля' (в смысле 'Земной шар'), географических названий, например, тур. *Akdeniz* 'Средиземное море', *Isparta* 'Спарта' (город) и т. п.

Опять же по чисто семасиологическим причинам ряд глагольных основ не может употребляться в настоящем времени, в повелительном или желательном наклонениях.

Перечень случаев сокращения инвентаря грамматических формантов под давлением семантики основы слова можно продолжать дальше, но в этом вряд ли имеется необходимость, так как определяющее положение лексической части слова в семантико-грамматическом плане и без того ясно.

После сказанного выше не требует объяснений и иллюстраций автономность основы в рамках слова и неавтономность, зависимость его грамматической части.

Ясен также постоянный характер основы и непостоянный, переменный характер грамматической части слова.

Основа слова может оказаться непостоянной в истории конкретного языка, но она постоянна в границах определенной ступени грамматического и лексико-семантического развития языка. Грамматическая же часть слова всегда непостоянна, так как непостоянны связь и отношение данной основы к другой в процессе речи.

Обратимся к морфосемантическому строению слова и последовательности морфем в нем.

Как известно, существительное и субстантив имеют три грамматические категории: множественности, принадлежности и падежа. Кроме того, вместе с остальными именными частями речи существительное имеет категорию сказуемости.

Взаиморасположение формальных показателей всех грамматических категорий не свободно, а, как известно, подчиняется строгому порядку. В существительном или субстантиве за основой следует на первом месте показатель множественности, затем показатель принадлежности и далее показатель

падежа. Аффикс сказуемости расположен на последнем месте. При отсутствии одного из перечисленных аффиксов сохраняется тот же порядок. В результате получается ряд морфологических схем, которые читатель найдет в конце настоящей статьи.

Морфологическое строение лично-глагольного слова также характеризуется определенной последовательностью морфем, а именно: глагольная основа (положительная или отрицательная) + показатель грамматизованной залоговой категории (при отрицательной основе этот показатель предшествует показателю отрицания) + показатель наклонения или времени + показатель лица. В личных формах глагола показатель лица не может следовать за чистой глагольной основой, но лишь за аффиксом наклонения или времени.

Приведенная выше схема морфологического строения именного слова не может, однако, считаться безраздельно господствующей в тюркских языках. То же можно сказать и о морфологическом строении лично-глагольного слова.

Обе схемы в целом ряде случаев нарушаются, притом неизменно в одном пункте — в отношении аффикса множественности.

В именном слове указанный показатель в некоторых тюркских языках может следовать после посессивного аффикса. Ср., например, в кр.-тат. *баба-м-лар* в выражении *тюневин бабамларгъа бардыкъ* 'вчера мы были (букв. 'ходили') у отца' (в смысле 'в дом, семью отца'). То же предложение в азербайджанском: *дүнән атам-кил-ләр-ә кетдик,* так же в турецком: *dün baba-m-gil-ler-e gittik.* В этих соответствиях аффикс множественности также следует за аффиксом принадлежности и отделен от него элементом *кил* — словообразовательным аффиксом со значением 'семья', 'окружение'. Необычная позиция словообразовательного аффикса (он должен входить в состав основы) объясняется тем, что элемент *кил* — еще и поныне живая основа со значением 'семья' во многих турецких диалектах (а также в некоторых других языках) — не полностью подвергся формализации, не стал еще окончательно словообразовательным аффиксом и внешне продолжает сохранять позицию определяемого, т. е. *babam-gil*<**babam(ın) gil(i).*

Исторически размещение показателей принадлежности и множественности было, по-видимому, сходно с тем, что мы видим в форме *баба-м-лар,* т. е. сначала шел аффикс принадлежности, а затем множественности. Так позволяет думать строение посессивных и предикативных показателей первых двух лиц во множ. числе **-би-з* — **-си-з* и **-ми-з* — **-ң-из,* где **-би* и **-си* восходят к показателям 1-го и 2-го лица, **-з*

является показателем множественности (возможно, двойственности) [4].

Реконструированные выше предикативные и посессивные показатели первых двух лиц во множественном числе относятся к давно прошедшим эпохам в истории тюркских языков. В современных же языках названные аффиксы выражают нераздельно лицо и число. Раздельное выражение того и другого можно видеть, например, в алтайском языке в форме 2-го л. мн. числа прошедшего времени и повелительного наклонения. Ср. *алдың-ар* (<*алдың-лар*) ~ *алдыгар* 'вы взяли'; *алың-ар* (<*алың-лар*) ~ *алыгар* 'возьмите', где последний элемент (*-ар*), восходящий к показателю множественности *-лар*, замещает историческое **-з*. Приведенная форма повелительного наклонения известна также в узбекском (*олинглар*) и ряде других языков.

Наоборот, в другой, так называемой «вежливой» форме принадлежности мы видим противоположную современным тюркским языкам последовательность: аффикс множественного числа + аффикс принадлежности: *ат-тар-ың* 'Ваш конь', где *-тар* — аффикс множественности, *-ың* — аффикс принадлежности 2-го л. ед. числа. Иными словами, в этой форме выдержана та же последовательность грамматических морфем, что и в обычном имени существительном: основа + аффикс множественности + аффикс принадлежности. Только в существительном показатель *-лар* в большинстве тюркских языков обозначает множественность предметов обладания, в алтайском же (в принципе так же в турецком, азербайджанском и некоторых других языках) *-лар* относится к лицу.

Нарушения указанной последовательности морфем (аффикс множественности + аффикс принадлежности) читатель найдет в достаточном количестве в узбекском, тувинском, хакасском, чувашском, якутском, чулымском и некоторых других тюркских языках.

Едва ли во всех этих нарушениях размещения показателей множественности и принадлежности следует видеть проявление процессов структурного порядка. Поскольку все нарушения связаны только с двумя названными грамматическими категориями, представляется естественным причины нарушений искать в них самих. По-видимому, дело здесь в

---

[4] Сказанное о формах *-биз, -сиз* может, однако, быть справедливым, если их рассматривать как аффиксы. Но генетически *-биз* и *-сиз* не аффиксы. Они скорее местоименные формы, образовавшиеся от личных местоимений **б*$\frac{и}{е}$ 'я' и **с*$\frac{и}{е}$ 'ты' с помощью грамматического показателя множественности (или двойственности) **-з*.

категории множественности, семантический объем и состав которой в современных языках значительно шире рамок простой множественности. Формы типа приводившихся кр.-тат. *бабамлар* (где *-лар* указывает на 'семью, окружение') и алт. *аттарың* (где *-тар* выражает лишь учтивое отношение к лицу обладателя) подтверждают высказанное предположение.

Обратимся к семантическому строению грамматической части слова.

В советской тюркологии уже были попытки установить закономерности или правила расположения морфологических показателей в грамматической части слова. Указывалось на то, что морфемы в грамматической части слова расположены в порядке возрастающей конкретности их значения, как, например, в слове *ат-лар-ым-ның* 'моих коней', где значение показателя принадлежности *-ым* будто бы более конкретно, чем значение множественности, а значение показателя родительного падежа более конкретно, чем значение показателя принадлежности. Другой пример: лично-глагольная форма *йаз-дыр-ды-ң* 'ты заставил написать', где показатель прошедшего времени *-ды* имеет будто бы более конкретное значение, чем показатель понудительного залога *-дыр-*, а показатель лица *-ң* по значению конкретнее, чем показатель прошедшего времени.

На деле, однако, трудно доказать, что значение грамматического лица менее конкретно, чем значение падежа, или что значение времени более конкретно, чем значение залога. Трудно потому, что подобные сравнения строятся не на основании каких-то определенных критериев, а субъективно, так сказать, «на глазок».

О самих значениях грамматических морфем в слове принято говорить, что они в речи моносемантичны, как того требует агглютинативный строй тюркских языков. Особенно настаивают на этом языковеды, не имеющие дела с агглютинативными языками. Между тем фактическое состояние тюркских языков в этом отношении довольно далеко от идеальных представлений об агглютинативных языках. Наряду с однозначностью аффиксов в речи — например, аффиксов падежа, множественности, залога, наклонения и времени — налицо неоднозначность посессивных и предикативных форм. Исторически эти аффиксы двухморфемны, и каждая из морфем исторически имела, по-видимому, одно значение. Но их современный семантический состав иной. Аффиксы принадлежности имеют в каждой из форм по три значения. Например, в слове *ат-ың* 'твой конь' показатель *-ың* передает комплексно само значение принадлежности, второе лицо обладателя и единственное число последнего. Предикативные

показатели также передают комплексно по три значения. Например, в форме *алды-қ* 'мы взяли' показатель *-қ* передает: саму предикативность, первое лицо и множественное число этого лица. Показатель *-(й)алым* в языке енисейско-орхонских надписей, в турецком и некоторых других языках передает желательность — побудительность, предикативность, первое лицо носителя действия и его множественность. Подобные примеры можно, естественно, продолжить.

Таким образом, в принципе в агглютинативных языках, как и во флективных, число передаваемых значений в грамматическом секторе слова может быть больше числа грамматических морфем. Следовательно, это еще один пункт, сближающий агглютинативные и флективные языки в структурном отношении.

Морфологическое строение слова, проявляясь в речи, сохраняет, как и другие структурные элементы языка, свой системный характер. Но если в языке все подчинено лишь законам его строения, то в речи вступают в действие и другие факторы, например, постоянная тенденция к экономии речи, благодаря чему избыточные для информации элементы могут сокращаться. Эта тенденция распространяется также и на строение слова.

Характерным результатом экономии речевых средств можно считать, например, сокращение конечных грамматических показателей у однородных членов с сохранением полного морфологического строения слова только у последнего члена — прием, который по почину Н. К. Дмитриева нередко именуется в грамматических описаниях тюркских языков «выведением за скобки» общего грамматического показателя.

Сокращение конечного грамматического показателя в строении слова возможно как в имени, так и в глаголе. Ср., например, кр.-тат. *ашлыкъны биз башта бичер, ондан сонъ топлармыз* 'сначала хлеб мы скашиваем, затем собираем'; тур. *bütün duygu ve fikirlerimi bir araya topladım* 'я собрал воедино все мои чувства и мысли'. Среди однородных членов предложения полное морфологическое строение слова в первом примере имеет *топлармыз,* сокращенное —*бичер,* у которого сократился показатель лица; полное строение однородного члена во втором из примеров — *fikirlerimi,* сокращенное — *duygu,* у которого отсутствует грамматическая часть слова целиком.

В сущности к подобной же грамматической редукции слова за счет сужения или даже оголения его грамматического сектора относятся случаи типа тат. *мин Казан бардым* (вместо полной формы *Казанга*) 'я поехал в Казань'. Сюда же относится широко известное в разных тюркских языках со-

четание *ат* $\frac{б}{м}$*ин-* вместо *ат*$\frac{ка}{а}$ $\frac{б}{м}$*ин-* 'ездить на коне', букв. 'садиться на коня' и др.

Возможность подобных стяжений компонентов морфологического строения слова кроется в их информационной избыточности, поскольку: 1) смысловая сторона подобных словесных связей без труда выясняется из контекста, из речевой ситуации, при которой сокращение грамматической морфемы в слове не отражается на его коммуникативной функции; 2) в информационном плане лексическая часть слова, основа, несет наибольшую нагрузку.

Приведенные факты, иллюстрирующие различие слова в языке и речи, в статике и динамике, не единичны и не разрозненны. Их перечень можно продолжить.

Однако более важны, как представляется, некоторые уточнения, которые можно внести на основании приведенных и подобных им фактов в привычные представления о морфологическом строении слова, о его парадигматическом облике в тюркских языках.

Принято считать, что парадигматический облик слова в речи зависит от его синтагматической позиции. В общем виде как тенденция, регулирующая отношение слова к другим словам в процессе речи, это верно. Но действие этой тенденции может быть нейтрализовано, если, как говорилось выше, для восприятия информации парадигматический состав слова оказывается избыточным. Более того, морфологическое строение слова может быть независимым, или иначе — слово может быть синтагматически независимым в речи, и тогда его морфологическое строение становится автономным. Таково, например, морфологическое строение обстоятельственных дополнений времени, места и т. д., вводных слов или словосочетаний.

В то время как слова, обозначающие главные члены предложения и дополнения, оформляются в зависимости от их синтагматического положения и в потоке речи меняют свое оформление в связи с изменением их синтагматической позиции, обстоятельственные члены очень часто отбираются из хранящегося в языке готового набора обстоятельственных слов. Главные члены предложения и дополнения каждый раз конструируются в речи, многие же обстоятельственные дополнения вводятся в речь уже готовыми. Поэтому в таких словах, в отличие от остальных слов в составе речи, нет деления слова на постоянную часть — основу и переменную часть — грамматическое оформление. В силу этого они приближаются к лексическим единицам.

Обращаясь к строению слова в синхроническом и диахро-

ническом планах, мы видим, что отношения между синхроническим и диахроническим состояниями морфологического строения слова зависят от той ступени языкового развития, на которой происходит наблюдение. В качестве общего процесса, свойственного строению слова вообще, следует считать колебание границы между лексической основой и грамматической частью слова.

Если рассматривать отношения между этими частями на современном уровне морфологического развития тюркских языков, то можно отметить расширение в ходе языковой эволюции лексической основы в одних типах морфологического строения и, наоборот, сокращение лексической основы — в других типах.

В морфологических строениях первого типа граница между основой и грамматической частью слова начинается после первого по порядку грамматического аффикса, который тем самым включается в состав основы. Иллюстрацией к этому типу — с передвижением границы в зону грамматической части — является номинализация именных словоформ с показателями древних направительных падежей на *-ғару/ар* $\frac{у}{ы}$, древнеуйгурская и современная уйгурская или узбекская диалектная форма склонения на генитивной основе — типа *мениңдин* (<*мен-иң-дин*), *мениңде* (<*мен-иң-де*) и т. д.

В морфологических строениях второго типа граница лексической и грамматической частей слова отодвигается в зону основы, в результате чего грамматический сектор слова расширяется. Иллюстрацией к данному типу морфологического строения слова может служить явление полной грамматизации форм понудительного и страдательного залогов в огузских и части кыпчакских языков, грамматизация формы учащательности-интенсивности (показатель *-қ* $\frac{а}{ы}$ *ла-*) в ряде кыпчакских языков и аналогичные процессы, представляющие собой передвижение морфем из сферы словообразования в сферу формообразования.

В качестве прямого вывода из сказанного следует, что для морфологического строения слова в тюркских языках в момент наблюдения не имеет значения историческое прошлое морфем, образовавших лексическую часть слова, его основу, равно как и историческое прошлое морфем, входящих в состав грамматической части слова. Следовательно, для выяснения морфологического строения слова не имеет существенного значения его исторически засвидетельствованный морфемный состав. Для выяснения морфологического строения

слова необходимо знать лишь его продуктивные в момент наблюдения элементы: реальную лексическую основу — единицу определенной части речи и состав, а также взаимоотношения продуктивных грамматических морфем, образующих грамматический сектор слова. Что же касается того, ка́к в изучаемом нами данном типе морфологического строения слова исторически передвигалась граница между обоими секторами слова, то для понимания актуального морфологического членения слова данное обстоятельство значения не имеет.

Изложенные выше факты и соображения, несмотря на их неполноту, позволяют, однако, признать, что морфологическое строение слова в тюркских языках всегда является продуктом той ступени лексического и грамматического развития, которой достиг конкретный тюркский язык в момент наблюдения, является, так сказать, фотографией этой ступени.

Сказанное на предшествующих страницах не исчерпывает, конечно, вопросов, возникающих при изучении морфологического строения слова в тюркских языках. Оно тем более недостаточно, если принять во внимание все многообразие типовых фонетико-морфологических структур по частям речи в различных тюркских языках (специального рассмотрения заслуживают, например, сложные прошедшие времена, образовавшиеся с помощью формализованного глагола *иди* ~ *-ди*; причастные и деепричастные формы и т. д.).

Своим сообщением мы хотели обратить внимание специалистов лишь на некоторые общие вопросы, освещение которых целесообразно при рассмотрении конкретных типов и видов фонетико-морфологического строения слова в тюркских языках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕКОТОРЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЕНИЯ СЛОВА

I. 1. Именная или номинализированная основа:
1) + аффикс принадлежности;
2) + падежный аффикс;
3) + аффикс множественности;
4) + аффикс принадлежности + падежный аффикс;
5) + аффикс множественности + аффикс принадлежности;
6) + аффикс множественности + аффикс принадлежности + падежный аффикс;

2. Именная или номинализированная основа + аффикс

сказуемости. Все перечисленные в п. 1 виды морфологического строения именного слова + аффикс сказуемости;

II. 1. Положительная или отрицательная глагольная основа:

1) + аффикс инфинитива;
2) + аффикс грамматизованной залоговой категории + аффикс инфинитива;
3) + аффикс категории невозможности действия + аффикс инфинитива;
4) + аффикс учащательности-интенсивности + аффикс инфинитива (для отдельных языков);
5) Положительная или отрицательная глагольная основа с аффиксом невозможности действия или без него, с аффиксом учащательности или без него, с различными сочетаниями переименованных форм + аффикс наклонения или времени + аффикс лица;

2. Положительная или отрицательная глагольная основа + перечисленные в п. 5 многообразные грамматические показатели или их сочетания:

1) + показатели различных причастий;
2) + показатели различных деепричастий;
3) + показатели различных имен действия;
4) + показатели различных глагольных имен [на *-(й)ан, -қан, -дық, -(й)аж̧ақ, -ар* и др.]:
   а) + аффикс принадлежности;
   б) + показатель одного из пространственных падежей.

Л. П. Потапов

ТЮЛЬБЕРЫ ЕНИСЕЙСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ

В 1895 г. акад. В. В. Радлов опубликовал текст енисейских рунических надписей, впервые сопроводив их переводом [1] (на немецком языке). Эти древние тюркоязычные надписи В. Радлов приписал енисейским кыргызам [2], которые с 840 г., после того как они разгромили государство уйгуров (с центром в Монголии), установили свое политическое господство в восточной части Центральной Азии к северу от пустыни Гоби. Политическая гегемония енисейских кыргызов, длившаяся до первых десятилетий X в., как известно, распространялась и на территорию современной Тувы [3]. Более того, в период своего господства енисейские кыргызы кочевали на территории Тувы, свидетельством чего является большое количество их погребальных памятников, многие из которых исследованы советскими археологами [4]. Помимо специфических погребальных памятников в Туве к настоящему времени обнаружено более 50 рунических надписей [5], представляющих собой своеобразные эпитафии, которые принято считать кыргызскими. Отнесение их к кыргызам согласуется со свидетельством летописи *Таншу,* где в разделе, посвященном государству древних кыргызов, сказано: «Письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими» [6] (т. е. уйгурскими.— *Л. П.*). Выдающийся советский тюрколог С. Е. Малов, наиболее полно опубликовавший

---

[1] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895.

[2] Там же, стр. 300.

[3] «История Тувы», т. I, М., 1964.

[4] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949.

[5] Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I. Под редакцией И. А. Батманова и А. Ч. Кунаа, Кызыл, 1963, стр. 7.

[6] Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I М.—Л., 1950, стр. 353.

енисейские надписи (с переводом на русский язык), также относил эти письменные памятники к енисейским кыргызам[7].

В тексте енисейских рунических надписей В. В. Радлов отметил ряд этнонимов, в частности и таких, которые он считал названиями кыргызских племен[8]. Из них наше внимание привлек термин *тюльбери* (в академической транскрипции В. Радлова — *tÿlbäri*). Он содержится в надписи на камне, найденном на территории современной Тувы по правобережью речки Туран, впадающей слева в р. Уюк[9]. Этот каменописный памятник получил в литературе название «Уюктуранский» и опубликован заново уже в русском переводе С. Е. Маловым[10].

В целом надпись на нем представляет своеобразную эпитафию, посвященную какому-то богатому высокочиновному лицу государства кыргызов, по имени Учин Кулюг-Тириг, носившему, как следует из надписи, «золотой пояс» (знак чиновного достоинства) и обладавшему шеститысячным табуном лошадей. Из текста следует также, что Учин Кулюг-Тириг умер на 63-м году жизни «на своей земле Эгюк-катун», что значит в долине реки Эгюк. Эта река, правый приток Бий-Хема, ныне называется лишь слегка измененно, а именно Уюк. Термин *Уюк* представляет собой стяженную форму от названия Эгюк — Угюк[11].

Расшифровывая третью строку надписи, нанесенной на задней стороне камня, В. В. Радлов дал ее перевод, который по-русски читается следующим образом: «...с моим ханом, народом тюльбери, с доблестными товарищами, с вами моими, моими соплеменниками (Folksgenossen), героями, многочисленными героями, героями воинами (юношами), моими зятьями, моими дочерями и невестками не смог пребывать (т. е. умер.— *Л. П.*)»[12]. Отсюда следует, что В. В. Радлов термин *tÿlbäri* считал этнонимом. Он поместил это слово в составленный им перечень названий племен енисейских кыргызов, со значением «Volksname», и включил его также еще в особый список трехсложных названий племен и в общий словарь енисейских надписей[13]. Правда, в более позднем издании

---

[7] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952, стр. 4.

[8] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 428.

[9] Там же, стр. 305.

[10] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 16—20.

[11] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 306; Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности,— «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 109—110.

[12] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 307. У Малова эта строка обозначена шестой.

[13] Там же, стр. 428, 390, 371—372.

древнетюркских надписей В. В. Радлов, переводя *тӱlбäрі* как «народ», сопровождает свой перевод вопросом [14].

Из вышеизложенного следует еще и то, что В. В. Радлов не считал термин *тӱlбäрі* связанным с предшествующим ему словом *каным*, которое он переводил «мой хан».

Как известно, в конце 30-х годов нашего столетия была предпринята попытка издать свод выявленных древнетюркских рунических надписей, принадлежащая турецкому ученому Х. Н. Оркуну [15]. В этот свод попала и интересующая нас надпись. В турецком переводе Х. Оркуна она читается, если дать ее по-русски, таким образом: «Мой хан Тюльбери; (мой) простой народ, мои знаменитые товарищи; вы, мои... мужи; (мои) молодцы (молодые люди), мои зятья, мои дочери (девицы) и (?) невестки — (всеми вами) я не удовлетворился» [16]. Следовательно, *каным тӱlбäрі* здесь переведено как «мой хан Тюльбери», т. е. как собственное имя хана [17].

Первым ученым, попытавшимся дать русский перевод рассматриваемого текста, оказался А. Н. Бернштам. Пользуясь изданными В. В. Радловым текстами енисейских надписей, А. Н. Бернштам предложил такое чтение интересующей нас строки (невзирая на немецкий перевод В. В. Радлова): «...от хана Тульбар, черного народа, счастливых сообщников в отношении вас, эля, товарищей, мужей, всех мужчин, сыновей и зятей, невесток я не насладился» [18]. Не вдаваясь в оценку перевода всей этой строки, мы констатируем, что А. Н. Бернштам *каным тӱlбäрі* перевел как «хан Тульбар».

Издавая заново енисейские рунические надписи в 1952 г. с учетом вновь открытых к этому времени памятников, С. Е. Малов шестую строку Уюктуранской надписи перевел так: «В отношении дач (от) моего хана, народной массы, славных моих героев, в отношении вас моих народных героев, многих мужей, солдат и моих зятьев, моих молодушек я не насладился (и умер)» [19]. С. Е. Малов также связывает *ка-*

---

[14] Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, St.-Pbg., 1897, стр. 176.

[15] H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, c. I—IV, İstanbul, 1936—1941.

[16] Там же, с. III, стр. 39—42. Эту выписку из работы Х. Оркуна и перевод ее с турецкого языка на русский любезно предоставил мне С. Г. Кляшторный, которому я приношу мою благодарность.

[17] Слово *тюльбери* Х. Оркун не включил в общий словарь, приложенный к его работе. Между прочим, стоит заметить, что и в известном «Опыте словаря тюркских наречий» В. Радлова слова *тӱlбäрі* также не оказалось, хотя вслед за В. Вербицким (Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884, стр. 383) Радлов включил сюда слово *тӱlбäр* со значением «жаворонок» (т. III, стр. 1567).

[18] А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 155.

[19] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 19.

ным тÿlбäрi в одно понятие и трактует как «дача (от) моего хана».

Наконец, в последнем по времени издании эта строка предложена И. А. Батмановым в таком переводе: «В отношении... даров моего хана, простого народа, моего знаменитого сподвижника, вас, государство, мой друг герой, многочисленные герои, витязи, мои зятья, мои невестки, я не насладился»[20]. Вместо «дача (от) моего хана», как у Малова, *kaным тÿlбäрi* здесь переводится: «даров моего хана», т. е. почти по Малову, но несколько логичнее.

Несмотря на то что транскрипция всей этой строки, особенно слов *каным* и *тюльбери,* почти у всех авторов одинакова, перевод же строки и рассматриваемых нами двух терминов предлагается различный. Это обстоятельство не может не вызвать удивления, тем более что каждый из переводов согласуется с тюркским синтаксисом и грамматикой.

Во всех переводах, за исключением первого (принадлежащего В. В. Радлову), термин *тюльбер* не признается этнонимом. Особенно отрицательно относился к попыткам прочесть этот этноним С. Е. Малов, который отверг радловское толкование термина *тюльбер* как название народа и заменил его словом «дача» (=«дар»). Автор замечает: «По переводу этой строчки у В. В. Радлова (см. здесь мой „Указатель" под словом *тÿlбäрi*) С. В. Киселев сообщает, что на территории современной Тувинской области в бассейне Улукема и Бейкема в VII—VIII вв. обитало племя тюльбари (Древняя история, стр. 316)»[21]. Однако С. В. Киселев, опираясь на перевод этого термина В. В. Радловым, как увидим дальше, был прав. Напротив, перевод, предложенный С. Е. Маловым, не может не вызвать возражения с историко-этнографической точки зрения, основанной на соответствующем конкретном материале из этнической истории Саяно-Алтайского нагорья. Мы полагаем, что решить этот вопрос можно при помощи исторических и этнографических источников.

Дело в том, что термин *тюльбер* в значении этнонима хорошо прослеживается, по крайней мере на протяжении последних трех с половиной столетий, у ясачного населения Кузнецкого уезда. Еще до построения Кузнецкого острога в 1618 г. в русских исторических документах данный этноним выступает в названии Тюлюберской ясачной волости, население которой обитало по р. Томи на западных склонах Кузнецкого Алатау. Числящаяся по ясачным книгам Тюлюберская волость изредка (в отдельных документах) называется искаженно Тулубердской.

[20] Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I, стр. 59.

[21] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 20.

В XVII в. наименования ясачных волостей в Томском, Кузнецком или Красноярском уездах отражали обычно названия родо-племенных групп местного ясачного населения, причем передавались эти названия русскими служилыми людьми того времени, как правило, довольно точно. Этот факт неоднократно отмечался в историко-этнографической литературе [22]. Но наряду с названиями ясачных волостей, поименованных по названию рода или племени, встречаются еще наименования ясачных улусов по имени князца, их возглавлявшего. Обычно такие улусы составляли лишь часть той или иной ясачной волости. В качестве примера можно привести Итиберскую волость телеутов, которая до сего времени сохранилась у кузнецких телеутов и среди северных шорцев как сеок, т. е. род, Четибер (*jетибер* или *четибер* — фонетические варианты). В XVII в. в ясачных книгах Кузнецкого уезда значится как сама Итиберская волость, так и два улуса этой волости под названиями Когудеев улус и Озылбаев улус. Оба улуса названы по имени телеутских князцов.

Наиболее ранний из документов, в которых упоминается ясачная Тюлюберская волость, датируется 1616 г. В этом году томский казак Иван Теплинский был послан для получения ясака в так называемые «Кузнецкие волости», население которых славилось кузнечным делом. Волости эти перечислены в его сообщении, посланном на имя царя Михаила Федоровича. В донесении сказано, что его, Ивана Теплинского, посылали из Томска «в Кузнецкие волости: в Тюлюберскую, в Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорскую, да в Елескую, да в Каргу, да в Ковы, да в Кобы ко князькам и к лутчим людям для твоего государева ясаку и к шерти приводить» [23]. И. Теплинского постигла тогда неудача, ясаку и присяги ему не дали, а самого его ограбили, «раздели и санапал и саблю отняли». В цитированном документе И. Теплинский довольно правильно сообщил названия перечисленных им волостей. Переданные им наименования волостей — это названия местных родов телеутов и шорцев, которые сохранились в тех же местах до наших дней. У современных телеутов и шорцев мы находим их в качестве именно родовых названий, а в официальных документах (вплоть до XX в.) в качестве названий административных волостей. В. Радлов нашел и записал пе-

---

[22] См.: Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, Л., 1936; его же, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Этнический состав и происхождение алтайцев, М.—Л., 1969; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960, глава «Кузнецкий уезд».

[23] Цит. по: Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 321.

речисленные (а также и другие) названия как роды шорцев в начале 60-х годов XIX в.[24].

Лично нам также удалось их записать на месте в конце 20-х годов нашего столетия. Не касаясь пока Тюлюберской волости, отметим, что в составе сеоков-родов у шорцев, из перечисленных Теплинским, мы записали: Аба (Абинская волость), Сары-шор (Сары-чорская волость, которая у Теплинского названа искаженно Сачаровской), Шор (Чорская), Елеская (официально Елейская, а по произношению некоторых телеутов и шорцев — Челейская), Карга (Каргинская), Ковы (Кивинская), Кобы (Кобыйская) и др.

Возвращаясь к материалам о тюльберах (или тюлюберцах), следует указать, что до построения Кузнецкого острога они входили в состав феодальных улусов телеутов, возглавлявшихся князем Абаком, кочевавших по Оби в пяти днях езды от Томска. Это следует не только из того, что район обитания тюлюберцев по р. Томи (ниже впадения в нее р. Кондомы) входил в кочевья телеутов, но и подтверждается рядом русских исторических документов. В одном из них, относящемся к 1646 г., когда тюлюберцы уже в течение примерно 30 лет были ясачной волостью Кузнецкого уезда и платили ясак в Кузнецк, говорится о том, что телеутские феодалы продолжали считать тюльберов своим улусным населением. В этом документе, адресованном томскому воеводе, жители Тюлюберской волости сообщали следующее: «Приказывал-де к ним в Тюлюбери белых калмаков (т. е. телеутов.— *Л. П.*) князец Кока Абаков (сын телеутского князя Абака.— *Л. П.*), велел-де им Битюгечку, да Бучайку приехать к себе в улус от Тюлюберской волости с ясаком. А только-де... они дней в 7—8 в калмаки не приедут, а Кока-де хочет приехать со своими улусными людьми к ним в Тюлюбери и ячмень у них татар выжечь и их, тюлюберских татар, хочет пограбить и побить»[25].

Обратимся к хронологическому обзору исторических русских источников, содержащих упоминания о тюльберах.

В документе 1618 г. рассказывается, что группа томских казаков была направлена на устье р. Кондомы, чтобы заложить Кузнецкий острог. Так как казаки вышли из Томска поздней осенью, то им пришлось, не доходя до Кондомы, «зазимовать в Тюлюберской волости», где они, дождавшись еще одной группы конных и лыжных томских казаков, пошли затем на устье Кондомы и поставили острог[26]. С 1629 г. Тюлю-

---

[24] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, Leipzig, 1884, стр. 213—214.

[25] СПб., Приказ. Кн. № 202, л. 101, цит. по: С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, Л., 1936, стр. 48.

[26] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 451—452.

берская волость неизменно фигурирует в ясачных книгах вплоть до 1715 г. с количеством ясачных от двух до четырех десятков[27]. В 1636 г. эта волость подверглась нападению со стороны кыргызских феодалов, кочевавших в Минусинской котловине. Согласно документу, тогда было убито «12 ясачных людей, а жен и детей в полон имали, всего полону взято 20 человек»[28].

Позднее, когда со стороны местных властей были приняты меры для охраны ясачного населения Кузнецкого уезда от грабительских набегов кыргызских феодалов, Тюлюберская волость иногда служила даже убежищем от таких набегов для населения некоторых других волостей Томского уезда. В документах 1661 и 1681 гг. сообщается, например, что в указанные годы ряд горных порубежных волостей Томского уезда (Шушская, Камларская, Тастарская) спасались бегством от кыргызов на р. Томь, в частности в Тюлюберскую волость[29].

Обитали тюльберы в XVII в. по р. Томи ниже г. Кузнецка. В этих местах они продолжали жить и в XVIII в. В «Описании Кузнецкого уезда», составленном Г. Ф. Миллером в результате его экспедиции в Сибирь, Тюлюберская волость значится по р. Томи от впадения в Томь р. Ускат и до Мунгатского острога, построенного в 1715 г. (на левом берегу Томи) в окрестностях речки Мунгат. В Тюлюберской волости во времена Миллера (1734 г.) платило ясак всего четыре человека. Она была соседящей с Баянской волостью, где ясачных плательщиков числилось 28 человек[30].

Необходимо обратить внимание на свидетельство Г. Ф. Миллера о том, что название «баянских татар» в то время в обычной речи было почти неизвестно и обе волости обозначались «общим именем Тюлюберды»[31]. Отсюда можно заключить, что бóльшая часть тюльберов жила смешанно с жителями Баянской волости, а территория, занимаемая обеими группами, называлась по имени тюльберов. Несомненно, что жители обеих волостей характеризовались общностью культуры и быта, возможно, и общностью происхождения. Те и другие, как мы предполагаем, входили в состав телеутов, что доказать в отношении тюльберов нетрудно. Обе назван-

---

[27] Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 106.

[28] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. II, М.—Л., 1941, стр. 441.

[29] Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 100.

[30] Г. Ф. Миллер, Описание Кузнецкого уезда (рукопись на нем. яз.),— ЦГАДА, ф. 199, д. № 1, л. 21.

[31] Г. Ф. Миллер, Описание Кузнецкого уезда, л. 21.

ные волости одновременно числятся в ясачных книгах с 1629 г. как соседние[32].

Тюлюберская волость упомянута в составе волостей, находящихся по р. Томи, и в ответах, присланных из г. Кузнецка на вопросы анкеты В. Н. Татищева. Ответы основаны на данных «переписи 1719 и по свидетельству 1723 годов»[33].

Благодаря дошедшему до нас «Дорожному журналу» С. П. Крашенинникова, представляющему собой дневник его путешествия в 1734—1736 гг., который он вел в составе Великой Северной экспедиции (в отряде, возглавляемом Г. Ф. Миллером), мы имеем возможность составить более подробное представление о тюльберах того времени. Автор дневника именует их «тюлиберскими татарами». Он посетил их во время своего пути по р. Томи от Кузнецка до Томска. Из этих записей (1734 г.) становится известным, что «тюлиберские татары», которых встретил на своем пути С. П. Крашенинников, жили в селениях, или «юртах», расположенных по берегам р. Томи, под названиями: Мамышевы или Ширины юрты, в районе впадения в Томь речек Средний и Нижний Терс, Кокошниковые юрты, ближе к месту впадения р. Нижнего Терса, затем Сустанаковы юрты неподалеку от впадения в Томь р. Ташту[34]. Но самое главное из того, что дают нам дневниковые записи нашего знаменитого соотечественника,— это некоторые этнографические характеристики тюльберов, сделанные им столь умело и метко, что они могут служить надежным свидетельством этнической принадлежности тюльберов. В Мамышевых юртах, где заночевал путешественник, он обратил внимание на жилище. «У сих татар, записал он, юрты очень худо построены, иные на подобие русских изб, а иные из досок зделаны, круглые и на подобие башни в верху сведены, и все землею так осыпаны, что издали никак не можно за юрту признать, двери так малы, что немалому человеку почти полском лесть в них надобно. А полу в них нет, а на средине их зделан комель, в котором днем и ночью, зимою и летом огонь безпрестанно кладут. Мы, в сии юрты приехавши, ни единой почти бабы не видали, понеже они думают, что к ним неприятели идут, все в лес разбежались»[35].

---

[32] Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 106, 114.

[33] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 152. Рукопись под названием: «Города Кузнецка суплемент, сочиненный в Кузнецкой канцелярии по силе указов ее императорского величества из Сибирской губернии канцелярии и географическим описаниям», лл. 252—281.

[34] «С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы». Составил Н. Н. Степанов, М.—Л., 1966, стр. 40—41.

[35] Там же, стр. 49—50.

Из приведенных заметок следует, что тюльберы жили уже оседло, небольшими селениями. У них сохранялся характерный для «лесных» народов Саяно-Алтая конический шалаш, который раньше, при кочевом образе жизни, служил сезонным, именно летним, жилищем, в то время как войлочная юрта была зимним. В связи с переходом на оседлость и новыми формами хозяйства войлочная юрта исчезла, но традиционный летний шалаш «аланчык» остался и подвергся утеплению для зимнего обитания, как это описано путешественником. Вместе с этим появился и новый срубный тип постоянного жилища, представлявший собой примитивное подражание русской срубной избе.

Особенно интересные наблюдения были сделаны С. П. Крашенинниковым в Сустанаковых юртах. Вот одно из них: «Тут видели мы девку, которая 4 косы имеет, по две на стороне. Вины спрашивая, для чего сия девка от девок и от баб разнствует, понеже у девок кос по 10 и по 20 имеют, а у баб только по две, по одной на стороне заплетаются, узнали, что эта девка заговорена и для того 4 косы имеет, а когда уже замуж выйдет, то ей те 4 косы в две заплетают. Бабы татарские и девки сверх волосов муские шапки надевают»[36]. Данная этнографическая особенность связывает тюльберов с телеутами, качинцами, некоторыми группами западных тувинцев и южными алтайцами. Но это еще не все, что можно почерпнуть из наблюдений ученого.

Следующий отрывок из его дневника имеет особенно существенное значение. Он гласит: «Тут же видели мы у трех дворов по 4 березки поставлены, на восток наклоненные, из которых на трех обрески китайчетые, стамедные, хамовые и зенденные навешены, а на четвертой, передней из них, повешена заячья кожа, на всех лапах его, близ лап, лоскутки красные привязаны. У сих березок оные татары по всякой год жертву приносят богу, наваривши браги великую кадь, и, к тем березкам вынесши, на них льют, и сами пьют, и таким образом бога молят... Они так же... камов имеют, у них всех есть инструмент, которой русские бубном, а они тюрю называют, обод у него как у сита, на одной стороне кожа как на барабане натянута. Внутри его вдоль зделана толстая палка, а посредине его, где рукою держать, тоне выделено. Сквозь оную палку поперег продет железный прут, на котором железцы повешены, на одной стороне 4, а на другой пять, внутри ж на ободе также некоторые железцы повешены.

В сей инструмент бьют колотушкою зайчинною, а иные

---

[36] Там же, стр. 50.

собольею, неведомо чем набитою, а бьючи в него, камы призывают чорта. У него во всем помощи просят» [37].

С. П. Крашенинников весьма толково описал жертвенники из березок, характерные, как известно этнографам, для телеутов. Их ставили позади юрты. Между березками натягивался обычно волосяной шнур, на котором висела шкурка зайца с цветными ленточками (*јалама*) и куски различных тканей. Все это, как выяснено по этнографическим данным XIX—XX вв., является специфической особенностью религиозного шаманского культа у телеутов. Этот тип «жертвенника», известный под общим названием *јайык (дьайык, джаик),* характерен именно для телеутов и родственных им одноименных сеоков южных алтайцев. Под групповым названием «ерень» данный вид изображения зафиксирован у группы тувинцев, которые представляют собой часть теленгутов — телеутов и обитают в верховьях р. Қобдо, где монголы назвали их «кокчулутунами» [38]. Этот жертвенник хорошо описан в литературе [39]. Нам лично приходилось видеть, фотографировать и описывать его с натуры еще в конце 20-х годов у телеутов Горного Алтая. Он представлен частично и в коллекциях крупнейших этнографических музеев страны [40]. По нашим наблюдениям, у правобережных катунских алтайцев, которых раньше (начиная с XVII в.) в русских исторических документах называли тау-телеутами (т. е. горными телеутами, в отличие от обских степных телеутов), между березками на волосяном шнуре подвешивалась обязательно шкурка белого (зимнего) зайца-самца. А среди многих алтайцев левобережья Қатуни вместо заячьей шкурки к такому шнуру подвязывали заменитель шкурки, вырезанный из белой материи, на котором можно было различить голову с ушами, лапки и хвост. Это изображение так и называлось — «заяц» (*којан*). Следовательно, приведенное выше сообщение С. П. Крашенинникова свидетельствует также о сходстве с телеутским своеобразного жертвенника, устанавливаемого тюльберами у жилища, несмотря на то что среди них в то время усиленно насаждалось христианство.

Необходимо отметить, что С. П. Крашенинников сумел в весьма короткий срок уловить еще и наиболее характерные

---

[37] Там же, стр. 50—51.

[38] Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. II, СПб., 1881, стр. 9; т. IV, СПб., 1883, стр. 94.

[39] А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, Л., 1924, стр. 13.

[40] Речь идет о Государственном музее этнографии народов СССР и Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, где хранятся шнуры с привязанными к ним ленточками и шкуркой зайца, снятые с жертвенных березок.

черты шаманского бубна у тюльберов. Он правильно записал его название (*тӱӱр*), как и название шамана (*кам*), и даже обратил внимание на весьма специфическую колотушку к шаманскому бубну тюльберов, обтянутую заячьей шкуркой. Мы изучали в свое время типы бубнов у племен Алтая[41] и можем удостоверить, что бубен тюльберов, кратко описанный С. П. Крашенинниковым, по всем упомянутым деталям (включая колотушку) относится к телеутскому типу[42]. Таким образом, все черты шаманского культа, подмеченные в приведенном выше описании, не оставляют сомнения в их полном тождестве с телеутскими, хорошо изученными и опубликованными в научной литературе.

Следовательно, опираясь на отраженные в дневнике С. П. Крашенинникова этнографические материалы, относящиеся к тюльберам, мы вправе утверждать следующее. Тюльберы, которые жили, судя по самым ранним русским письменным источникам, с начала XVII в. вместе с телеутами в бассейне р. Томи, составляли какую-то часть телеутов.

Такой же вывод сделал знаменитый участник академической экспедиции второй половины XVIII в. (1768—1774 гг.) И. Георги. Последний в своем известном сводном этнографическом труде коснулся описания тюльберов, совместно с кистимцами (ср. телеутскую группу, а по Радлову,— телеутское племя, «ак-киштимы»)[43]. О «кистимских» и «тюлюберских» татарах[44], которые, по его словам, «живут неподалеку от телеут на левом берегу р. Томи», он пишет, что они «во всем сообразны с телеутами так, что надобно почитать их отщепившимися телеутскими аймаками или коленами». И далее у него сказано: «Живут они в малых деревнях, сходных с телеутскими, и так же, как они упражняются в скотоводстве, землепашестве и зверином промысле». И. Георги также отметил, что «тулибертские бабы отменны косою, так как девки их многими косами, которых они носят от 20 до 30, и которые, выключая лицо, кругом всей головы висят...». Наконец, И. Георги подчеркивает, что тюльберы по религии ша-

---

[41] См.: L. P. P o t a p o v, Die Schamanen Trommel bei den altaische Völkerschaften. Glaubenswelt und Folklor der sibirischen Völker, Budapest, 1963. См. также.: L. P. P o t a p o v, Shamans' Drums of Altaic Ethnic Groups, Popular and Folklore Tradition in Siberia, Budapest, 1968.

[42] Л. П. П о т а п о в, Бубен телеутской шаманки и его рисунки,— «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР», т. X, М.—Л., 1949.

[43] См.: Л. П. П о т а п о в, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 34—35 и др.

[44] Татарами И. Георги называл народы, говорящие на тюркском языке.

манисты и «ныне еще держатся сего закона, и при том наблюдают обряды телеут, но по бедности своей скота не приносят в жертву» [45].

По данным XVII—XVIII вв. твердо устанавливается, что тюльберы жили по р. Томи, преимущественно по правобережью и ниже впадения в нее р. Кондомы, в устье которой находилась Абинская ясачная волость. В этой волости был сооружен Кузнецкий острог. Абинцы также находились в тесном контакте с телеутами и тюльберами; как нам уже приходилось указывать, они были родственны телеутам по происхождению, языку, культуре и быту [46].

Главным районом обитания тюльберов был бассейн трех правых притоков р. Томи, именуемых Терс (Нижний, Средний, Верхний), вытекающих с юго-западного склона Кузнецкого Алатау. В этих местах, где к р. Томи подходит Салтымаковский хребет, они значатся и на карте С. Ремезова, составленной по материалам XVII в.[47]. Верховья Верхнего и Среднего Терсов подходят к таежному району верховий Черного и Белого Июсов. В этих промысловых местах до настоящего времени сохранилось название речки и тайги Тюльбер, так как здесь находились в свое время охотничьи угодья тюльберов, которые, как и телеуты и абинцы, сочетали занятие скотоводством с охотой на зверя.

Таким образом, устанавливается этническая общность тюркоязычных тюльберов XVII—XVIII вв. с телеутами. Из этого вывода вытекает и другой. Мы вправе утверждать, что тюльберы XVII—XVIII вв. вполне могут рассматриваться этническими потомками кочевников-скотоводов *tÿlbäri*, упомянутых в уюктуранской рунической надписи, кочевавших в домонгольский период в степях Северной Тувы.

На основании всего изложенного можно также с уверенностью говорить и о том, что предложенный В. В. Радловым перевод термина *tÿlbäri* как название народа или племени находит подтверждение на историко-этнографическом материале. Перевод Х. Оркуна и А. Н. Бернштама, принявших этот термин за собственное имя какого-то хана, отпадает, так же как и перевод С. Е. Малова. По этому поводу хотелось бы сделать следующее замечание. Наш выдающийся тюрколог при переводах енисейских рунических текстов подходил к ним прежде всего как филолог. В частности, он не стремился выявить в текстах этнонимы, возражая против некоторых

---

[45] И. Г. Георги, Описание всех в Российской империи обитающих народов, ч. II, СПб., 1777, стр. 161.

[46] Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 168—169.

[47] С. Ремезов включил в район расселения тюльберов еще р. Тайдан.

отождествлений В. В. Радлова и С. В. Киселева. Напомним, что В. В. Радлов[48] выявил этноним *ач,* который сохранился вплоть до современности[49]. С. Е. Малов же заявлял: «Народ „Ач", встречающийся часто в переводах В. В. Радлова (в енисейских памятниках) и в сочинениях историков и археологов, для меня очень сомнителен»[50]. И далее: «В последующих надписях, где мои предшественники по чтению памятников видели слово ач, я везде буду указывать это и давать свое чтение»[51]. Вследствие такой позиции С. Е. Малов иногда испытывал столь большие трудности с термином *ач,* что переводил его (по собственному признанию) «за неимением ничего другого», как «милость» или «благодеяние», но исходя уже из монгольской лексики. Не признавая эти термины этнонимами, С. Е. Малов все же пытается их как-то перевести и этимологизировать[52].

Нам трудно уверенно говорить о термине *каным,* предшествующем в тексте Уюктуранской надписи слову *тӱlбäрі.* Но кажется, что вышеприведенный перевод В. В. Радлова вполне может быть принят. Вместе с этим хотелось бы обратить внимание и на то, что у одной из групп современных хакасов, именовавшейся раньше кызыльцами, термин *каным* означает «родина» (букв. 'государство, царство') [53]. Однако и при таком значении этого термина, если брать его неотделимо от *тӱlбäрі,* перевод последнего как названия народа или племени также не пострадает[54].

Поскольку мы считаем доказанным существование племени (или родо-племенной группы) под названием *тӱlбäрі* в период создания Уюктуранской надписи и считаем тюльберов

---

[48] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 351, 458.

[49] См.: Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957, стр. 146—147 и др.; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., стр. 96, 100, 102. Этноним *ач* фигурирует в русских исторических документах как Ачинская ясачная волость с первого десятилетия XVII в. (Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 324, 434; т. II, стр. 84, 492—493, 577).

[50] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 15.

[51] Там же, стр. 16.

[52] Ср. в связи с этим: П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина,— ЗВОРАО, 1900, т. XII, стр. 129, 131. Сравнительно недавно на несостоятельность попыток этимологизировать древнетюркские собственные имена указал Д. Клосон. См.: G. Clauson, A note on Qapqan,— JRAS, 1956, April.

[53] Н. Г. Доможаков, Нижнеиюсцы,— «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», Абакан, 1969, вып. VIII, стр. 192.

[54] Термин *каным* сохранился еще как название большой горы, находящейся в верховьях р. Верхний Терс и обозначенной на современных картах.

XVII—XVIII вв. их историческими потомками, мы хотели бы высказать наши соображения и об этнической принадлежности древних тюльберов.

Опираясь на этнографические признаки, можно утверждать, что тюльберы не могут быть отнесены к киргизам. На это указывают прежде всего описанные С. П. Крашенинниковым черты шаманского культа тюльберов. Религиозные представления и обычаи народов Саяно-Алтайского нагорья отличаются поразительной устойчивостью и консерватизмом. Это доказано в ряде работ, в которых сравниваются верования древних тюрков и современных алтайцев, хакасов, тувинцев и т. п.[55]. Поэтому, зная о характерных чертах шаманского культа тюльберов XVII—XVIII вв., мы вполне закономерно можем экстраполировать их на тюльберов периода IX—X вв. Далее, тюльберы XVII—XVIII вв. занимались наряду со скотоводством и звериным промыслом. Это очень типично для хозяйственного облика тюльберов, как и телеутов и других так называемых «лесных народов» Саяно-Алтайского нагорья. Енисейские кыргызы звериным промыслом не занимались и даже подчеркивали это. Их князья объясняли русскому посланнику в 1627 г.: «Живем в степи, а по лесу на лещнях не зверуем и соболей не добываем»[56]. В другом документе снова подчеркивается эта особенность и даже с объяснением: «Сами де они за соболями и за бобрами зверовать не умеют и не природа им». Не умели они, киргизы, и ходить на лыжах, без чего невозможен звериный промысел в тайге. Они сами в этом откровенно признавались: «а лыжный де нам ход не за обычай»[57]. Данная хозяйственно-бытовая особенность резко отличает киргизов от тюльберов, телеутов, тувинцев, алтайцев и других народностей Саяно-Алтая. Поэтому мы убеждены в том, что в тот период, к которому относится надпись, тюльберы также не принадлежали к енисейским кыргызам. Они относились к другой этнической группе, скорее всего к теленгутам — типичным представителям средневековых «лесных народов» Саяно-Алтайского нагорья, упомянутых в «Сокровенном Сказании» и Рашид ад-дином[58].

[55] См., например: Л. П. Потапов, Основные проблемы изучения народов Алтая в советской исторической науке,— «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов», М., 1964; его же, Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры,— «Доклады советской делегации на V Конгрессе антропологических и этнографических наук», М., 1956.

[56] Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, стр. 18—19.

[57] Там же, стр. 19. Ср.: «соболей не ловим, а емлем де за долг соболя у киштымов» (т. е. данников.— *Л. П.*),— заявляли русским служилым людям киргизские князья.

[58] Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием

Несмотря на то что енисейские кыргызы в период своего могущества (IX—X вв.) кочевали в Туве и распоряжались ее территориями, местные тюркоязычные племена (например, чики, теленгуты и др.), отличаясь по происхождению, культуре и быту от кыргызов, продолжали обитать здесь. Енисейская руническая письменность, будучи письменностью кыргызов, была доступна и аристократической верхушке местных кочевников, которая заказывала эпитафии для своих умерших. Об этом убедительно говорят некоторые эпитафии, высеченные на стелах, установленных на кургане, под которым умерший погребен по обряду трупоположения, а не по обряду трупосожжения, характерного для кыргызов.

Было бы, конечно, заманчиво установить, когда, в какое время, хотя бы примерно, тюльберы перекочевали из северной части Тувы в долину р. Томи. К сожалению, для этого мы не располагаем надежным историческим материалом. Можно с значительной долей вероятности сказать только о времени их обитания в Туве, опираясь на Уюктуранскую надпись, что связано с ее датировкой.

Как известно, уже В. В. Радлов датировал енисейские рунические надписи концом VII или началом VIII в., основываясь на определенных исторических фактах[59]. Теперь, исходя из того, что эти надписи сделаны далеко не одновременно, предлагается более гибкая и более протяженная во времени датировка, основанная на привлечении археологических памятников, представляющих собой погребения отдельных лиц, с которыми связывают те или иные эпитафии[60]. Нижней границей новой датировки енисейских надписей по-прежнему считают VII, верхней же — XII век. Наиболее ранние надписи, относящиеся к VII—VIII вв., обнаружены на различных предметах из раскопанных погребений под каменными курганами. Эти надписи хорошо датируются археологическим методом. Но твердо датируется концом VII в. и одна надпись на стеле с р. Уйбата, в которой упоминается имя одного из древне-

«юань чао би ши». Монгольский обыденный изборник, т. I, М.—Л., 1941, стр. 161, 174—175; Р а ш и д-а д-д и н, Сборник летописей, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 122—124. Здесь прямо говорится, что телеуты, как и куштеми (кештимы енисейских надписей.— *Л. П.*), обитают по лесам страны киргизов и кэм кемджиутов (т. е. на территории рек Хема и Хемчика в Туве.— *Л. П.*).

[59] W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 301—308.

[60] Л. Р. К ы з л а с о в, Новая датировка памятников енисейской письменности,— «Советская археология», 1960, № 3. Датировка С. Е. Малова (Енисейская письменность тюрков, стр. 7—8), относящая рунические надписи к V в., никем всерьез не принимается, и не только потому, что приводится без доказательств, но главным образом потому, что она резко противоречит большой серии хорошо установленных исторических фактов.

тюркских каганов[61]. Однако и в Минусинской котловине, несомненно, имеются памятники более позднего времени, например, надпись с Алтын-кёля (у Малова № 29), из которой видно, что умерший ходил послом к тибетскому хану[62]. Следовательно, посольство было перед 840 г.[63], когда енисейские кыргызы готовились уничтожить уйгурское ханство, и одной из его целей могло быть желание заручиться поддержкой тибетского хана, угрожавшего уйгурам с запада.

В настоящее время имеется попытка датировки многих енисейских надписей в отдельности[64]. В этой классификации интересующий нас памятник отнесен к середине IX в. По надписям устанавливается также, что умерший, которому была посвящена эпитафия на Уюктуранском камне, имел потомство. Его внук был захоронен на правобережье Улу-Хема, примерно в 15 *км* выше впадения в него притока Баян-Гола[65]. Эта эпитафия, получившая название «второго памятника из Кызыл-Чыраа», датируется началом X в. Таким образом, тюльберы кочевали в северной части Тувы в IX и начале X в., т. е. в период политического подъема государства енисейских кыргызов. По мнению Л. Р. Кызласова, основанному на сопоставлении тамг на стелах с эпитафиями, кочевая знать (принадлежащая, как мы думаем, к тюльберам) пришла на территорию современной Тувы из Минусинской котловины в связи с походами енисейских кыргызов на уйгуров. В этих походах принимал участие и погребенный, в память о котором составлена Уюктуранская надпись на камне[66]. Разумеется, вопрос о том, были ли тюльберы аборигенами на территории Тувы или оказались здесь пришельцами, на основании анализа одних только тамг решить невозможно. Но факт их обитания здесь, в период так называемого кыргызского великодержавия[67], сомнению не подлежит. У нас нет конкретных материалов, свидетельствующих о вре-

---

[61] W. R a d l o f f, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 302.

[62] С. Е. М а л о в, Енисейская письменность тюрков, стр. 58.

[63] История экспансии Тибета через его северные границы и выступление енисейских кыргызов против уйгуров и т. д. детально освещены в работе А. Стейна (A. Stein). См. его «Innermost Asia», Oxford, 1928, стр. 566—586.

[64] Л. Р. К ы з л а с о в, Новая датировка памятников енисейской письменности, см. приложение в виде таблицы.

[65] С. Е. М а л о в, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959; е г о ж е, Енисейская письменность тюрков, стр. 80; Л. Р. К ы з л а с о в, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 108—111.

[66] Л. Р. К ы з л а с о в, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 107—111.

[67] В. В. Б а р т о л ь д, Киргизы. (Исторический очерк),— Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1964, гл. III.

мени перекочевки тюльберов в бассейн р. Томи. Можно только предполагать, что они были вынуждены отступить на северную сторону Саян после покорения енисейских кыргызов и многих так называемых «лесных народов» Саяно-Алтайского нагорья войсками Чингиз-хана (в начале XIII в.). Мы не можем также сказать, вся ли группа тюльберов откочевала в бассейн р. Томи или часть ее осталась на месте, была ли захвачена она потоком этнических передвижений, как это случилось, например, с теленгутами (телеутами), которые оказались в результате этого и на юге в составе населения Ордоса, и на севере у г. Томска, и на западе, достигая Тянь-Шаня и Иртыша[68]. Вполне вероятно, что тюльберы продвинулись на север в составе теленгутов (телеутов), близость с которыми у них проявлялась так отчетливо еще в XVII—XVIII вв.

О выселении из области Хангайского и Саяно-Алтайского нагорий различных этнических групп, племен и народностей в так называемое монгольское время имеется много конкретных исторических данных, из которых следует, что с течением времени эти группы приняли участие в формировании киргизов, казахов, башкиров, кочевых узбеков, сибирских (тюменских, тобольских и др.) татар. Мы можем назвать здесь одну из таких групп, имя которой сохранила енисейская надпись, обнаруженная на скале на правом берегу р. Ак-юс[69]. Речь идет о племени или народе *терс* (в транскрипции Радлова — *тäрс*). Поскольку мы находим, что название этой народности или племени следует связать с изучением вопроса о тюльберах, стоит вкратце об этом сказать.

При первом переводе енисейских надписей В. В. Радлов прочитал в упомянутой надписи термин *тäрс* как название народа, хотя в словарь енисейских надписей внес это слово, сопроводив его вопросом[70]. В издании С. Е. Малова слово *тäрс* оставлено без перевода, так как автор не хотел принять его за этноним[71]. Но такой этноним, несомненно, существовал, иначе было бы трудно объяснить его наличие в XVI—XVII вв. в русских исторических документах. Мы узнаем его в названии терсяцких татар или Терсяцкой ясачной волости, упоминаемой уже с 1600 г.[72]. В XVI в. терс жили в окрест-

[68] Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 85—87, 160—162 и др. По летописям Рашид ад-дина известно, что часть теленгутов, кешдимов и других племен находилась в Туве и в монгольское время (см.: Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, стр. 122—124).

[69] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 344.

[70] Там же, стр. 344 и 370.

[71] Енисейская письменность тюрков, стр. 68.

[72] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I.

ностях Тюмени. Однако название трех правых притоков Томи, берущих начало вблизи истоков р. Ак-юса (совр. Белый Июс), именем Терс служит свидетельством пребывания здесь племени терс, которое со временем продвинулось на запад, через Барабинскую степь, к Тюмени, где стало известно русским служилым людям как терсяцкие татары (татарами тогда называли народности, говорящие по-тюркски). Группа терс вошла, видимо, в этнический состав башкир, сохранив свой этноним в названии аймака, или рода — терсатский (*терс* + *ат* — окончание множественного числа в монгольском языке) [73].

Изложенные данные об этнониме и народе терс имеют значение для изучения вопроса о тюльберах в том смысле, что позволяют сделать следующее заключение. Племя или народ терс, обитавший, судя по рунической надписи, в районе р. Белого Июса, по всей вероятности, появился в районе р. Томи раньше тюльберов, оставив следы своего пребывания в названии трех рек. Поселившиеся здесь позднее тюльберы сохранили эти названия, хотя промысловые угодья их в верховьях р. Томи получили собственное наименование Тюльбер-тайга (р. Тюльбер).

Анализ терминов *тюльбер, терс* и др. показывает, какую большую научную ценность представляют собой енисейские рунические надписи как исторический источник.

Позволим себе указать еще на один из терминов упомянутых надписей, в котором мы склонны видеть этноним, бытующий до наших дней. Речь пойдет о термине *jäті бӧрі*, который во всех имеющихся переводах дан в значении «семь волков». Он содержится в известной надписи на камне с р. Бегре (Тува)[75]. Этот термин читается в одной из строк надписи. От имени погребенного, в память о котором составлена эпитафия, говорится: *jäті бӧрі ӧlÿрдÿм а барсыҕ кӧкмäкіг ӧlÿрмäдім а* «Я убил семь волков. Я не убивал барсов и ланей»[76]. Уже А. Н. Бернштам, обративший внимание на эту строку, заподозрил в ней не сообщение об охотничьей добыче, а отражение тотемистических пережитков[77]. Названиями родов был склонен считать такого рода наименования и С. Е. Малов[78]. Мы также полагаем, что здесь говорится не об охотничьей добыче, а о борьбе с определенными

---

[73] С. И. Руденко, Башкиры, М.— Л., 1955, стр. 51, 57.

[75] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, стр. 317. Памятник датируется (по таблице Л. Р. Кызласова) концом X в.

[76] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 33.

[77] А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, стр. 162—163.

[78] Енисейская письменность тюрков, стр. 34.

родо-племенными группами, носящими названия зверей. Подтверждение этому мы видим в термине *jäті пöрі*, сохранившемся в качестве этнонима у телеутов[79].

В русских документах XVII в. часто упоминается Итиберская (Етиберская) телеутская ясачная волость[80]. Еще в первой половине XVII в. итиберы составляли значительную группу восточных телеутов, кочевавших по правобережью р. Томи, которая состояла из ряда улусов, называемых в ясачных книгах по именам князей (Улус Когудея, Улус Озылбая). В XVIII в. они делились на две ясачные волости, обе под названием Итиберской, одна из которых находилась на р. Кондоме, другая — на ее притоке Мондубаше. В XIX и в начале XX в. они назывались: первая — Кондомско-Итиберской, вторая — Итиберско-Шерагашевой (иногда — Каларской)[81]. Будучи в 1927 и 1934 гг. в районе бассейна р. Кондомы, мы работали с населением сеока *jäтібäр (йетибер),* название которого произносится также *чäдібäр* (*чедибер*). Многие представители этого сеока до сего времени относят себя к телеутам и лишь некоторые — к шорцам. Часть названного сеока вместе с некоторыми сеоками шорцев переселилась в XVIII в. в бассейн р. Абакана и вошла в состав сагайцев[82]. Любопытно, что там представителей этого сеока называют *четтибюри* (или *четтибюр*), т. е. «семь волков». Мы думаем, что название *йетибер* укрепилось с XVII в. из русского произношения слов *jäті бöрі* («семь волков»).

Следовательно, древние енисейские рунические надписи дают исследователю комплекс терминов-этнонимов, отражающих этнический состав населения в период раннего средневековья, главным образом в пределах современной Тувы и частично Минусинской котловины. Исследование показывает, что упомянутый комплекс этнонимов сохранился у далеких потомков тех племен или народов (или их родо-племенных групп) до нашего времени как обитающих непосредственно в Саяно-Алтайском нагорье, так и в прилегающих к нему районах. Изучение енисейских рунических текстов может дать еще много новых интересных историко-этнографических фактов, в частности для этнической истории Саяно-Алтайского края.

В заключение мы хотели бы сообщить вкратце о даль-

---

[79] См.: Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 85—86.

[80] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 126 и др.; т. II, стр. 370 и др.

[81] Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 132, 136.

[82] См.: Л. П. Потапов, Этнический состав сагайцев,— «Советская этнография», 1947, № 3.

нейшей судьбе тюльберов, исчезнувших из состава алтайских народностей в качестве самостоятельной этнической и административной единицы. Они по большей части смешались с окружающими их различными группами оседлых телеутов и русских крестьян и были включены после реформы 1822 г. в состав оседлых инородцев. Административно большинство их входило в Баянскую, или Паянскую, оседлую «инородческую волость». Напомним, что еще Г. Миллер обратил внимание на то, что Тюлюберская и Баянская волости в 30-х годах XVIII в. практически обозначались «общим именем Тюлюберды», а название баянских татар в обычной речи почти не употреблялось. В официальных списках XIX в. фигурирует уже только одна Баянская волость как оседлая, с местопребыванием ее жителей по берегам Томи[83], примерно в тех же местах, что в XVII—XVIII вв., где обитало население Баянской и Тюлюберской смежных волостей. Эта волость была переименована на основании Устава об инородцах 1822 г. в Баянскую инородную управу[84]. Вместе с этим в середине XIX в., по данным В. Вербицкого, существовала еще Баянская «кочевая волость» Кузнецкого уезда, выступавшая чаще под официальным названием Ближне-Каргинской, так как она включала часть сеока Карга. Это означало, конечно, что в составе данной волости находилась часть населения Баянской волости, переселившаяся на р. Мрассу. Так как Баянская волость еще с 30-х годов XVIII в. включила и население Тюлюберской волости, то мы можем полагать, что какая-то часть тюльберов числилась в составе Ближне-Каргинской волости в бассейне р. Мрассы и по образу жизни (с преобладанием уже охоты на зверя в хозяйственных занятиях) была «кочевой». В этой связи прояснить интересующий нас вопрос поможет материал о Каргинских волостях.

По официальным сведениям, опубликованным В. Вербицким, было три кочевых волости Кузнецкого уезда, носящих название «Каргинская»: Ближне-Каргинская, Дальне-Каргинская и Кызыл-Каргинская (или просто Кызыльская). Все эти три Каргинские волости значатся и в списке волостей Кузнецкого уезда, зафиксированных в 1734 г. Г. Миллером[85]. У него говорится о волости Ближняя Карга по р. Ортону, пра-

[83] К. Риттер, Землеведение Азии, т. IV. Дополнение к тому III. Алтае-Саянская горная система. Составили П. П. Семенов-Тян-Шанский и Г. Н. Потанин, СПб., 1877, стр. 471.

[84] С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II, СПб., 1912, стр. 277.

[85] Все данные В. Вербицкого и Г. Миллера о волостях Баянской и Каргинских подробно изложены нами в книге «Этнический состав и происхождение алтайцев», стр. 132, 136—137.

вому притоку Мрассы (самая большая — 43 плательщика ясака), затем о волости Кузешева Карга[86] по р. Мрассе, примерно близ впадения в нее р. Таяс (17 плательщиков), и, наконец, Кызыл-Карга по р. Пызасу, правому притоку Мрассы (15 плательщиков).

Отсюда следует, что в составе Ближне-Каргинской волости представители Баянской волости (куда входили и тюльберы) появляются только в XIX в., в связи с чем эту волость иногда именовали (видимо, неофициально) Баянской, как это следует из примечания В. Вербицкого[87]. Следовательно, тюльберы частично оказались на Мрассе и смешались с мрасскими каргинцами. Для подтверждения высказанных соображений обратимся теперь к полевому этнографическому материалу, собранному нами в бассейне рек Кондомы и Мрассы в 1927 и 1934 гг.

Изучая родовые охотничьи угодья у шорцев, мы зарегистрировали речку Тюльбер в составе охотничьей территории сеока Кызыл-гая[88]. В то время нам назвали как принадлежащие данному сеоку следующие промысловые места, находящиеся в обширном таежном районе самых верховьев Томи: «Шор-тайка», а именно угодья по речкам Кайтырык, Шорсуг, Палыктыг; «Сарыг-тайка» — угодья по речке Тюльбер, Ой-пажы и др.[89]. Эти «тайги» находились в общем-то по соседству. Речка Тюльбер, по рассказам промышлявших там стариков шорцев, протекает по типичной труднопроходимой горно-таежной местности, пригодной для промысла зверя, но не для постоянного жилья.

Таким образом, в среде современного населения шорцев известно название промысловой территории, связанной с именем тюльберов. Едва ли можно сомневаться в том, что эти охотничьи угодья принадлежали в свое время тюльберам. Данный факт может служить доказательством того, что тюльберы обитают здесь довольно давно, во всяком случае, раньше XVII в., когда их имя впервые появляется в русских исторических документах, ибо к тому времени они успели занять и освоить далекий и труднодоступный район для промысла зверя и дать ему свое имя, получившее признание у ряда шорских сеоков. Шорские сеоки стали промышлять здесь, видимо, после того, как тюльберы постепенно осели и

---

[86] Соответствует Дальне-Каргинской волости у В. Вербицкого.

[87] В. Вербицкий, Кочевья инородцев Кузнецкого округа по рр. Томи, Мрассе и Кондоме. Памятная книжка Томской губернии, Томск, 1871, стр. 242.

[88] Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 134.

[89] Сведения, сообщенные стариком Дмитрием Садучаковым, жителем урочища Уш-кайбук, относившим себя к сеоку Кызыл-гая.

забросили охотничий промысел, «освободив» эти угодья. В XVII да и в XVIII в., по свидетельству И. Георги, охотничий промысел представлял у тюльберов важную отрасль хозяйства. Сочетание кочевого скотоводства с охотой на зверя, кстати сказать, составляет характерную и древнюю черту хозяйства так называемых «лесных народов» раннего средневековья, к которым относятся телеуты — теленгуты и многие другие народности Саяно-Алтайского нагорья [90].

Почему же собственником оставленной тюльберами охотничьей территории стал сеок Кызыл-гая? Для этого необходимо сказать несколько слов о том, что он представляет собой в этническом отношении. Сеок Кызыл-гая (его называют на месте еще «Кызай») в существующей литературе со времен путешествия В. В. Радлова принято относить к шорцам. Заметим сразу же, что под обобщенным названием «шорцы» известна значительная группа сеоков различного происхождения, в том числе и телеутского (например, *јетибер* или *четибер, челей, калар* и др.). Во время нашей полевой работы среди шорцев было выяснено, что сеок Кызыл-гая входил раньше (XIX в.) в Кызыльскую кочевую ясачную волость Кузнецкого уезда. Эта волость, находившаяся по р. Пызасу [91], в списке волостей, зарегистрированных Г. Ф. Миллером в 1734 г., именуется Кызыл-Карга. Учитывая сказанное выше о каргинских ясачных волостях, современный шорский сеок Кызыл-гая можно считать законным «наследником» района промысловой территории, которая раньше составляла собственность тюльберов. Именно в каргинских волостях и сеоках растворилась какая-то часть тюльберов, не захотевших перейти после административной реформы 1822 г. «в оседлое состояние».

---

[90] Подробно об этом см. в нашей книге «Очерки народного быта тувинцев», М., 1969.

[91] Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 132. Во время нашей полевой работы (в 1927 и 1934 гг.) мы нашли представителей сеока Кызыл-гая именно по р. Пызасу (улус Усть-Пызас), где один из старейших жителей этого сеока Захар Адьяков (в возрасте 97 лет) рассказывал нам, что кызыл-гая раньше жили компактно по р. Пызасу и только в один из голодных годов разбрелись по р. Мрассе.

Г. Ф. Благова

ТЮРКСК. *чаḡатаj* — РУССК. *чагатай-/джагатай-* (Опыт сравнительного изучения старого заимствования)

Предлагаемая статья входит в наполовину осуществленную серию очерков о семантическом и лексико-семантическом развитии тюркских заимствований, относящихся к специфической области этнолингвистических понятий, в русском языке. На основе этих очерков автор надеется со временем проследить историю становления современной тюркской этнолингвистической терминологии в языке русской научной литературы.

I. Диахроническое, по возможности — фронтальное (т. е. в полном объеме дошедших до нас форм и значений), сопоставление семантического развития заимствуемого слова в языке-источнике и в заимствующем языке помогает, с одной стороны, реконструировать отдельные детали фонетического облика слова-оригинала, а иногда (благодаря ранним фиксациям в заимствующем языке) — восполнить недостающие звенья или оттенки смысловых изменений слова в языке-источнике. С другой стороны, такое изучение дает, как правило, наиболее полную и обоснованную картину семантического развития слова в заимствующем языке, в случае же терминологизирования заимствования—позволяет судить о правомерности присвоенного термину значения.

История слова *чагатай-/джагатай-* в русском языке представляет самостоятельный интерес тем более, что слово это почти совершенно не отражено в существующих словарях русского языка — можно сослаться, например, на Словарь Ожегова или даже на 17-томный Словарь современного русского литературного языка [1]; отсутствует оно и в некоторых

[1] Это тем удивительнее, что в БСЭ[1] и БСЭ[2] термины *чагатай-/джагатай-* представлены достаточно широко. В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (т. I, М., 1935, стлб. 703) слово *джагатайский* приведено без пояснений с отсылкой «См. чагатайский» — однако слова *чагатайский* в IV т. нет.

специальных справочных перечнях[2]. В этом, видимо, сказалось настороженное отношение части тюркологов к термину, который производится традицией непосредственно «от имени властителя»[3] и который в русском языке издавна характеризуется достаточно специфичной сферой употребления. Такое отношение к изучаемому термину в конечном счете обусловлено нежеланием принимать во внимание историю семантического развития слова как в тюркских языках, так и в русском. Между тем считать, что слово *чагатайский* непосредственно восходит к одному из «имен правителей минувших времен», столь же некорректно, как и возводить к подобному же «имени правителя» этнолингвистический термин *узбеки*[4].

Для того чтобы вполне постичь семантическую эволюцию тюркизма в русском языке, часто бывает важно — и особенно это касается случаев, когда такое слово в языке-источнике обязано своим происхождением имени собственному,— выяснить, первичной ли, вторичной или даже третичной ступенью смыслового развития слова в языке-источнике обусловлено то или иное значение этого заимствования в русском языке. Для слова, генетически связанного с антропонимом, особую важность обычно приобретает, помимо его «лексического значения и структурного значения», именно «социально-культурное значение»[5]— оно возникает в таком слове при особых исторических обстоятельствах как значение вторичное. Для изучения развития слова *чаҕатаj* немаловажно то, что для данного случая зафиксированы исторические обстоятельства, на основе которых происходили сдвиги в смысловом развитии антропонима *Чаҕатаj*.

В изучаемом случае назовем первичным значением слова

---

[2] Например, его нет ни в «Указателях терминов и этнических названий», ни в «Именных указателях», приложенных к «Избранным сочинениям» В. А. Гордлевского, хотя ученый в своих работах широко пользовался вариантом «джагатайский язык» (см.: Избранные сочинения, М., т. II — 1961, стр. 169, 171, 173; т. IV — 1968, стр. 375).

[3] М. Терентьев, Грамматика турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков, кн. I, СПб., 1875, стр. 160; примечательно, что, направляя свой полемический пыл против термина «чагатайский/джагатайский», М. Терентьев пользуется без каких бы то ни было возражений и оговорок однотипным термином «османский». Точно так же в «Указателях терминов и этнических названий» представлены «османы (османцы)» (см., например: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. II, стр. 550).

[4] Тем не менее оба термина именно в этом отношении были поставлены на одну доску Т. Салимовым (сб. «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1951, стр. 101).

[5] Ср.: Ч. Фриз, Значение и лингвистический анализ,— «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 114.

отнесение монгольского по происхождению антропонима *Чаҕатаj* ко второму сыну Чингиз-хана, которому в удел были выделены населенные по большей части тюркоязычными народами территории Мавераннахра (современные Узбекистан и отчасти Таджикистан), Семиречья (частично и Семипалатинская область) и Восточного Туркестана. Вся совокупность этих земель и в монгольской, и в тюркской традиции вместе с исторической реальностью, принявшей и освоившей этот монгольский антропоним, называлась «Чагатаевым улусом».

Проникновению этого слова в тюркские языки Средней Азии в немалой мере способствовало действие распространенного у тюркоязычных народов принципа наименования родового или племенного подразделения по имени его родоначальника (или предводителя)[6]. Так уже на тюркоязычной почве складывалось вторичное значение изучаемого слова: имя *чаҕатаj* в качестве объединяющего, «родового», принимают не только потомки, но и ближайшее окружение, сподвижники и придворные Чагатай-хана; таким образом, первоначально этим наименованием подчеркивалась привилегированность их положения в обществе[7]. Присоединение к лич-

---

[6] Этот принцип широко освещался в отечественной историографической и этнографической литературе, см., например: В. Н. Татищев, История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 131; В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб., 1893, стр. 70 (Приложение к LXXII тому «Записок имп. АН», № 2); Ч. Валиханов, Собрание сочинений, т. I, Алма-Ата, 1961, Приложение 1, стр. 539; Г. Н. Потанин, Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки,— ЖС, 1917, вып. II—III (1916), стр. 166—167; В. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 53; С. М. Абрамзон, К семантике киргизских этнонимов,— «Советская этнография», 1946, 3, стр. 124—125, 131; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.— Л., 1950, стр. 44, 47, 55, 57; В. П. Юдин, О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами,— «Известия АН КазССР. Серия обществ. наук», 1965, 3, стр. 53; В. В. Востров, М. С. Муканов, Родо-племенной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, стр. 73, 68, 69, 26, 27.

[7] См. об этом: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб., 1897, стр. 43—44, прим. (отд. отт. из «Живой старины», 1896, вып. III и IV): первоначально чагатаи «представляли собою в сущности не особый народ или племя, а только служащий при дворе, в управлении и войске джагатаидов (тимуридов) класс или сословие, образовавшееся отчасти из потомства настоящих монголов „полка“ Джагатая, главным же образом из местных и пришлых тюрков, таджиков, сартов и т. д., попадавших на службу ханскую и обративших ее в потомственное занятие». См. также: А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка,— сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 1 (со ссылкой на «Бабур-наме»). Об «особых льготах от царя» для этих чагатаев см.: Р. Г. де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями... под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 220.

ному имени слова *чаҕатај* как обычного родового названия засвидетельствовано более поздней традицией; см. на рубеже XV—XVI вв.: Ибраһім Чаҕатај[8], «Хасан Али, который известен среди туркмен под именем Чагатая» — BN 382а. Такой способ именования отразился в топонимии — в сохранявшемся еще в 20-е годы нашего столетия патронимическом названии населенного пункта *Авез-мат-чагатай* (Шаватский район округа Хорезм)[9]. Употребление слова *чаҕатај* как родового названия в составе личного имени близко подводило к использованию этого слова в этнонимической функции.

Владения Чагатая в рамках единой «чагатайской» государственности удержались недолго, «постепенный распад чагатайского улуса на две части: Мавераннахр и Могулистан (Семиречье и Кашгар) — окончательно оформился только в XIV в.»[10]. Название *Чаҕатај улусі* закрепилось за Мавераннахром. Здесь и в послемонгольский период на тюркской почве продолжала действовать традиция, которая связывала название правящей здесь династии с именем Чагатая. Сила действия традиции, стремление утвердить законность и неоспоримость своих прав на султанскую власть долго еще будут побуждать тимуридских властителей Мавераннахра, а вслед за ними и позднейших феодалов к возведению своей родословной к Чагатай-хану и через него — к самому Чингиз-хану[11]. Типичный образчик этого — родословная Захир ад-дина Мухаммеда Бабура (рубеж XV—XVI вв.). Говоря о своей матери Кутлук Нигар ханум, Бабур подчеркивал, что она «была вторая дочь Юнус-хана ...Юнус-хан — потомок [букв.: из поколения] второго сына Чингиз-хана, Чагатай-хана...»[12]. По

[8] «The Bābar-nāma», ed. by A. Beveridge, Leyden — London, 1905 (далее — BN), л. 175б. Отзвук такого способа именования зафиксирован в некоторых современных тюркских «фамилиях» — турецк. *Saadet Çağatay*, татарск. *Чагатай*.

[9] «Материалы по районированию Узбекистана», вып. II, кн. I, Самарканд, 1926, стр. 12.

[10] «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1967, стр. 431.

[11] Относительно распространившегося в Средней Азии «мнения о преимущественных правах чингизидов на верховную власть» и фактах «приглашения в ханы какого-нибудь чингизидского царевича в соседние государства» см.: П. А. Фалев, Введение в изучение тюркских литератур и наречий, Ташкент, 1922, стр. 8. В Мавераннахре до 1370 г. и позже (при Тимуре, например) еще некоторые потомки Чагатая возводились тюркскими эмирами на трон в качестве «подставных властителей» (W. Barthold, Čaghatāi-Khān,— «Enzyklopaedie des Islām», Bd I, Leiden — Leipzig, 1913, стр. 849). Ср. также акцентуацию титула «Крымского хана Чингизова рода» в грамоте султана Абдул Хамида I (1779 г.) к Шахин Гирей хану (С. Шапшал, О двух грамотах турецкого султана Абдуль Хамида I,— «Известия Таврич. ученой архивной комиссии», Симферополь, 1913, 26, № 49, стр. 147).

[12] «Бабер-намэ или Записки султана Бабера», изд. в подлинном тексте Н. И. [Ильминским], Казань, 1857 (далее—БН), стр. 11$_{21-23}$.

отцу родословная Бабура возводится к Тимуру (Омар Шейх «был четвертым сыном султана Абу Са'ид мирзы... Султан Абу Са'ид мирза был сыном Султан Мухаммед мирзы, Султан Мухаммед мирза был сыном Миран шах мирзы, Миран шах мирза был третьим сыном эмира Тимура...» — БН 8_{3-7}), а вследствие позднейшей официальной генеалогии — Тимура тоже к Чингиз-хану: «Как представитель монгольских традиций, Тимур придавал большое значение родству с домом Чингиз-хана»[13]. Тимуриды, таким образом, рассматривали себя как прямых преемников и непосредственных потомков Чагатаидов; не удивительно поэтому, что и после 1370 г., когда был убит последний собственно Чагатаид, и позднее, когда к власти пришел Тимур Лэнг, страна продолжала именоваться Чагатайским улусом[14].

Использование слова *чаҕатај* в качестве регионально-государственного обозначения, давшего жизнь и топонимическому употреблению этого слова (об этом см. ниже), в XIV в. и позже тесно связано с тем суммарным вторичным значени-

---

[13] В. В. Бартольд, Улугбек и его время,— ЗРАН, sér. VIII, 1918, т. XIII, № 5, стр. 22. Во времена Тимура, однако, эта его генеалогия не была столь бесспорной; во всяком случае, Тимуру пришлось назначить подставным ханом Чингизидов — сначала Суюргатмыша, потом его сына Султан-Махмуда (там же, стр. 48) для того, чтобы не идти против установленной традиции (а вовсе не потому только, что он «чувствовал пиетет к величию империи Чингиза» — «История Узбекской ССР», т. I, стр. 441). Наверное, поэтому так детально излагал Бабур свою родословную по линии матери — и в начале XVI в. и в последующие почти 200 лет и основатель династии Великих Моголов в Индии Бабур и его потомки придавали значение тому, чтобы называться монголами как потомки Тимура, т. е. в конечном счете — как потомки Чагатай-хана и Чингиз-хана. Вполне согласуется с этим и тот факт, что вне родового деления, которому был подчинен весь казахский народ, стоит „аксюйок" (белая кость), потомки Чингиз-хана. В свете подобных фактов по-иному можно истолковать упоминание Рабгузй («История пророков», XIV в.) о том, что князем у них был «Насиру-д-дин Ток-буга», «по происхождению монгол, а по религии — мусульманин» (С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 324/332 — противительный союз «а» введен в русский перевод С. Е. Маловым, в оригинале отсутствует).

С другой стороны, нельзя не отметить стремление представить Чингиз-хана тюрком («казаком», т. е. казахом) — оно нашло отражение в записанной Г. Н. Потаниным казахской легенде о Чингиз-хане, самое имя которого этимологизируется там на тюркской основе: «Чин-кыз-хан („шын-kыз-kан"), т. е. рожденный от истинной (непорочной) девицы» (Г. Н. Потанин, Казак-киргизские и алтайские предания..., стр. 47, 48). Характерно, что один из узбекских родов на территории «Самаркандского уезда» носил имя «чингиз-хан» (Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 150, прим. 5).

[14] В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11. См. также прим. 71 к кн.: «Хожение за три моря Афанасия Никитина», М.—Л., 1958, стр. 211.

ем, которое оно приобрело в ареале своего распространения благодаря специфическим условиям истории Мавераннахра и шире — Средней Азии. Мы имеем в виду употребление слова *čaġataj* для обозначения особого историко-культурного комплекса. Именно с названием этого комплекса связано появившееся в XV в. понятие «чагатайские тюрки», как стали именовать тюрков Мавераннахра («по имени Чагатайского улуса»)[15], а не одно только «кочевое население Мавераннахра, которое как военная каста пользовалось некоторыми привилегиями»[16].

Этот историко-культурный комплекс, помимо упоминавшихся историко-социальных факторов, формировали еще и такие признаки, как установившееся к середине XIV в. среднеазиатское ядро территорий Чагатаева улуса, все усиливающаяся общность быта, в котором с течением времени неуклонно нарастали явственные черты оседлости[17] (хотя при этом «чагатайские тюрки» продолжали бережно сохранять чисто внешние, церемониальные приметы прежних кочевых традиций[18]), известная культурная общность —здесь нелишне

---

[15] См. у Р. Г. де Клавихо (Дневник путешествия..., стр. 242): «...и многие жители Самаркандской земли, хоть они вовсе не Чакатаи (Chacatays), приняли теперь это имя, потому что Чакатаи стали теперь очень знамениты». См. также: А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, стр. 2; «История Узбекской ССР», т. I, стр. 501.

[16] W. Barthold, Čaghatāi-Khān, стр. 849. По свидетельству Р. Г. де Клавихо (Дневник путешествия..., стр. 220), и эти привилегированные чагатаи занимались не одним только скотоводством, но и земледелием.

[17] Во всяком случае, часть «тех кочевых групп монголов, которые ушли на территорию западных частей Средней Азии», уже «в XIV в. начинала переходить на оседлое состояние», а ее верхушку, владевшую крупной земельной собственностью в земледельческих районах, «можно было уже считать не только кочевыми, но и оседлыми феодалами» — А. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.,— «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской СССР», ч. I, Л., 1932, стр. 52. См. также: «История Узбекской ССР», т. I, стр. 431; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 93, 90; «Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана», пер. Г. С. Саблукова, Казань, 1906, стр. 131, 132, 138—141.

[18] См. В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11. Консервация кочевых традиций среди оседлого населения способствовала укоренению черт преемственности с Чагатаидами, которая постулировалась Тимуридами. Здесь помимо монгольской придворной и войсковой номенклатуры и титулатуры можно напомнить о том, что нерушимо блюлись многие монгольские церемониальные обычаи [см., например: А. Самойлович, Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков в начале XVI в.,— ЖС, вып. XX (1911), вып. III—IV, 1912] и в числе их — укоренившийся среди тюркоязычных народов того ареала обычай дарить предметы девятками (см. БН 99_{19-20}), обычай кланяться девять раз во

напомнить о «чагатайском языке»[19] и «чагатайской литературе» придворных поэтов из окружения тимуридских султанов. Вторичность такого наименования становится особенно наглядной, если напомнить, что сам Чагатай-хан был известен как ненавистник оседлого быта, связанной с ним культуры, городской жизни[20].

С вторичной ступенью семантического развития слова *чаꞑатај* (обозначение особого историко-культурного комплекса) в тюркских языках связана его следующая смысловая градация — употребление слова в значении, близком к этнонимическому (хотя такое употребление в известной мере вступало в противоречие с вторичной функцией этого слова, подразумевавшей, по мысли Н. А. Аристова, надплеменную и даже, можно сказать, «интернациональную» общность[21]), с одной стороны, и проникновение его в топонимию — с другой. По Н. А. Аристову, топонимическое использование слова *чаꞑатај* обусловлено его «этнонимической» функцией[22]. Только отправляясь от «чагатайского» историко-культурного комплекса, на протяжении многих веков сопрягавшегося в сознании местного населения Мавераннахра со всем укладом его жизни, можно объяснить достаточно глубокое внедрение слова *чаꞑатај* в этнонимию и топонимию, равно как и истолковать

время церемонии представления (прощания) вассала или посланника хану (БН 126$_{15-17}$ и сл.). О соответствующих монгольских обычаях, «введенных Чингиз-ханом», см.: Ph. I. Strahlenberg, Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730, стр. 77; правильнее, видимо, относить эти обычаи к более раннему времени хотя бы на основе показаний енисейских надписей (ср.: *токуз тезгинип* «пройдя девять раз вокруг» — И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 74). Страленберг, засвидетельствовавший эту церемонию при дворе современных ему «правителей китайских татар», отметил, что ее называли там «чагатайская аудиенция» («die Zagataische Audience» — Das Nord- und Ostliche Theil..., стр. 77).

[19] Приложение слова *чаꞑатај* к языку тюркского населения Мавераннахра А. К. Боровков датирует XIV веком (А. К. Боровков, «Бада̄'и' ал-луғат», М., 1961, стр. 5). О *чаꞑатај тӱркісі* (у Г. С. Саблукова — «наречии тюркско-джагатайском») как явлении письменно-литературном, продолжавшем (по словам А. А. Шахматова) свою отдельную от народного языка жизнь, см. упоминание, относящееся к XVII в. у Абу-л-Гази («Родословное древо тюрков», стр. 33).

[20] См. об этом: И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., — «Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук», 1949, вып. 1, стр. 111.

[21] Остро ощущая противоречивость таких использований слова *чаꞑатај*, Н. А. Аристов искал чисто терминологический выход, пытаясь стимулировать лексико-семантическое обособление вариантов заимствования *чагатай-/джагатай-* в русском книжном языке (см. об этом ниже).

[22] Во всяком случае, наименование одного «из хивинских городов» «Джагатай» он трактует как производное от «имени узбекских родов» (Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 151, прим. 1).

то казавшееся В. В. Бартольду замечательным обстоятельство, что «термин „джагатай", для обозначения кочевого и сохранившего кочевые традиции (разрядка наша.— *Г. Б.*) населения, удержался в Мавераннахре, когда там давно уже не было ханов из потомков Джагатая, и потом был перенесен изгнанной из Мавераннахра династией Тимуридов в Индию, тогда как в восточной части бывшего джагатайского государства, несмотря на существование ханской династии, производившей себя от Джагатая, термина „джагатай" не было...» [23]. Кстати, это обстоятельство прямым образом свидетельствует о том, что изучаемое смысловое развитие слова *чаҕатаj* произошло именно на тюркской почве. Даже и впоследствии, когда разгром войсками Шейбани-хана последних осколков тимуридского государства подорвал всякую социальную основу наименования *чаҕатаj* и с этого времени страна перестала именоваться «Чагатаевым улусом», оседлое население — и тюрки, и таджики, оказывавшие «сильное сопротивление» «узбекам-завоевателям», продолжали «называть себя, в противоположность узбекам, „чагатайским народом"...» [24] — именно так в начале XVI в. употреблял сочетание *чаҕатаj ili* Мухаммед Салих [25]. Долго остававшееся актуальным противопоставление оседлого населения кочевникам, по-видимому, стало тем фактором, благодаря которому наименование *чаҕатаj* еще продолжает свою жизнь у ряда среднеазиатских народов и некоторых их южных соседей, обнаруживая разные степени проникновения в их этнонимию.

В Хивинском ханстве, например, «чагатаи в первой половине XVII в. были еще самостоятельной этнической едини-

---

[23] В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11. См. также его сообщение о том, что хотя «в современном китайском Туркестане... еще в конце XVII в. имелся княжеский дом, который, как утверждали, восходит к Чагатаю, однако подданные этих князей называли себя не чагатаями, а обозначались только как монголы — Mog͟hul» (W. Barthold, Čag͟hatāi-K͟hān, стр. 849).

[24] Н. Г. Маллицкий, Учебное пособие по географии Таджикистана, [ч. I], Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 63. Перечень чагатайских племен и родов со ссылками на сочинения Навои и на словарь «Al-luɣat-an-Navaija» см.: А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка,— сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 103. Как известно, «признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевников важнее, чем признак национальности и языка...» (В. В. Бартольд, Таджики,— сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 103).

[25] Мухаммед Салих, Шейбани-намэ. Посмертное издание П. М. Мелиоранского, СПб., 1908, стр. 211. Ср. упоминание о *чаҕатаj ili* «чагатайском иле (т. е. народе или племенном союзе)» «в Хорасане и Ираке» у Абу-л-Гази (А. Н. Кононов, Родословная туркмен, М.— Л., 1958, стр. 46 и сл.).

цей»[26]. Среди «тридцати двух главных таифе» узбеков А. Вамбери называл «Джагатай»[27]. Характерно, что до 30-х годов XX в. чагатаи, даже и живущие в одном кишлаке (к. Дашнобод Сурхандарьинской обл.) с узбеками другого рода (барлас — примечательно, что этот последний тоже «монгольского» происхождения), строго блюли свою особность, заключая браки «только внутри своих групп», а сам кишлак Дашнобод «разделялся на чагатайскую и барласскую части»; причем чагатаи до настоящего времени «значительно отличаются от своих односельчан антропологически и более высокой культурой быта, хозяйства»[28]. Вообще чагатаями и поныне называют себя узбеки и таджики южных и западных районов Узбекистана[29], причем в понимании местного населения это самоназвание продолжает «обозначать не столько этническую единицу, сколько историко-культурный комплекс, независимо от языка его носителей»[30].

Есть таджики-чагатаи и в Северном Афганистане[31]. Одно из племен тюркского происхождения, проживающих в юго-западных районах Ирана, носит наименование Jag̔hatā'i (<Chag̔hatay)[32]. В Индии, по сообщениям Н. А. Аристова и Н. Г. Маллицкого, до сих пор несколько десятков тысяч человек в окрестностях Агры и Дели причисляют себя «к племени чагатай»; видимо, это потомки «бабуридских чагатаев»[33], т. е. выходцев из Мавераннахра (начало XVI в.), принявших участие в завоевании Индии и в создании там империи Великих Моголов. Одно из родовых подразделений туркмен — «ча-

---

[26] «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, стр. 49.

[27] А. Вамбери, Путешествие в Среднюю Азию, СПб., 1865, прим. к стр. 171.

[28] М. Х. Султанов, Этнографические наблюдения в Сурхандарьинской области,— «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 72, 73.

[29] И. Магидович, Население Бухары,— «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, ч. I, Ташкент, 1926, стр. 221—222, 231—232; Н. А. Кисляков, Кулябские таджики,— «Сообщения Таджикского ФАН СССР», Сталинабад, 1949, вып. XI, стр. 35; Б. Х. Кармышева, Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана,— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1957, т. XXVII, стр. 14, 17, 18. О чагатаях («чиҕатой») в районах верхнего течения Кашка-дарьи см.: Б. Жўраев, Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари, Тошкент, 1969, стр. 165.

[30] Б. Х. Кармышева, Некоторые данные..., стр. 14; см. также Н. А. Кисляков, Кулябские таджики, стр. 35, 34.

[31] См.: G. Jarring, On the distribution of Turk-tribes in Afghanistan,— «Lunds universitets årsskrift», N. F., 1939, Bd 35, Avd. I, № 4, стр. 67—68.

[32] P. Oberling, The Turkic tribes of Southwestern Persia,— UAJb, 1964, Bd 35, fasc. B, стр. 176 и сл.

[33] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 43, прим.

гатай-куллар» — «происходило от поселившегося среди туркмен в эпоху Тимуридов (XV в.) беглеца из чагатайского племени арлат»[34]; добавим, что до настоящего времени в разных племенах были роды *чагатай*. «По спискам алатавского окружного управления 1865 г.», казахский род ботпай имел в своем составе отдел *чагатай*, насчитывавший 1722 кибитки[35]. Сеок (род) «Чебодаевы» (<*Чобадай*) имеется у хакасов[36].

Собранные сведения о семантическом развитии слова *чаҕатај*, которое происходило на собственно тюркской почве, как и имеющиеся в литературе данные об этнографических подразделениях, носящих это наименование, не позволяют рассматривать «джагатай (чагатай)» как «монгольское родоплеменное название», которым якобы обозначались «потомки монголов времен Чингис-хана XIII в.»[37]. Точно так же нельзя объяснять «третичное», этнонимическое использование «собирательного названия» *чаҕатај* исходя из воззрений на «род» чагатай как на «обломок» «монгольской старины»[38]. В решении этого вопроса нельзя основываться на авторитетах; во всяком случае, когда В. В. Бартольд говорил о том, что «в начале XIV в. ... слово „джагатай“ сделалось официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского (разрядка наша.— *Г. Б.*) государства»[39]. Реа-

[34] В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа,— Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 594. См. рассказ о происхождении чагатай-куллар у Абу-л-Гази (А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 76—77).

[35] Н. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов,— ЖС, 1894, вып. III—IV, стр. 395, прим. 3. «Одну из главных причин вступления бывших джагатаидских родов в состав киргиз-казачьего союза» Н. Аристов видел в «желании найти защиту и опору против сильных родов» (там же, стр. 401)

[36] См.: М. И. Боргояков, Хакасские этнонимы тюркского и нетюркского происхождения,— в кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1969, стр. 11.

[37] Ц. Д. Номинханов, Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР,— «Записки Калмыцк. НИИЯЛИ», Элиста, 1962, вып. 2, стр. 273, 268. Отметим, что в подтверждение этого взгляда Ц. Д. Номинханов не привел новых исторических данных и не назвал ни одного действительно монгольского родового или племенного подразделения, которое бы носило имя *чаҕатај*, ни одного одноименного топонима, который бы относился к территориям с монголоязычным населением.

[38] И. Магидович, Население Бухары, стр. 181.

[39] В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 88. Здесь необходимо учитывать также «большое значение политической тенденции своего рода монголофильства» в монгольскую (а отчасти — и в послемонгольскую) эпоху (см.: А. К. Боровков, Очерки истории узбекского языка, III,— «Уч. зап. ИВАН СССР», М.—Л., 1958, т. XVI, стр. 218). В. В. Бартольд в то же время отмечал, что «название монгол или „могол“... дольше всего держалось в Средней Азии» — даже «и тогда, когда в этой стране уже не было следов монгольского языка» (В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов,

листический взгляд на этнолингвистическую ассимиляцию монгольского меньшинства некогда завоеванными народами приписывался Чингизиду Газан-хану: «Со времени прибытия сюда из Монголии моего деда, Гулагу-хана, прошло два или три рода [букв.: поколения. — *Г. Б.*], монголы, которые после нас родятся, забудут язык, слова, земли, поколения свои и не будут знать» [40].

Закрепление слова *чаҕатај* в среднеазиатской топонимии происходило также на основе приобретенной им функции регионально-государственного обозначения, а иногда — на основе «этнонимической» функции. Названия населенных пунктов *Чагатай* отмечены в Узбекистане в Ташкентской области в Янгиюльском районе, в Самаркандской области в районе Митан, в Южном Хорезме (Кыят-Шаватский район), в округе Бухары в районе Каракуль два населенных пункта под таким названием, как и в округе Урта-Зеравшан (в районах Хатырчи и Кара-дарья) [41]. В районе Митан Самаркандской области зафиксированы также населенные пункты *Дам-Чагатай, Юкары-Чагатай, Чагатай-бони* [42]. В микротопонимии старого Ташкента имелись названия кварталов *Чагатай-тепа, Чагатай-чакар, Чагатай-Янги-шаар,* городских ворот — *Чагатай-дарваза,* местностей — *Чагатай Биль-тепа, Чагатай Кара-камыш, Чагатай Сор-кичар* [43].

Чем дальше от исторического эпицентра традиции, в соответствии с которой слово *чаҕатај* распространялось как регионально-государственное и историко-культурное обозначение, тем реже и разрозненнее встречается топонимическое ис-

---

Ташкент, 1928, стр. 17), и специально акцентировал внимание на том, что «монгольские завоевания имели больше влияния на судьбы турок, чем на судьбы монголов. Языком государств, образованных монголами к западу от Монголии, постепенно сделался турецкий... везде в монгольскую эпоху замечается усиление турецкого элемента» и что «название „Чагатай“ осталось за западной частью, где преобладал турецкий элемент» (там же).

[40] «Родословное древо тюрков», стр. 32. Об отюреченных калмыках-мусульманах, которые тем не менее «сохранили калмыцкие родовые имена», см.: А. Самойлович, [рец. на:] Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар»,— ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. IV, стр. 0161. Ср.: «Чагатай (Джагатай) тюрко-монгольские племена» («История народов Узбекистана», т. 2, стр. 485).

[41] Х. Бабаниязов, Фонетико-морфологические особенности кипчакских говоров Южного Хорезма. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 5; «Материалы по районированию Узбекистана», Самарканд, 1926, вып. II, кн. V, стр. 7, 8; кн. IV, стр. 4; кн. II, стр. 43, 47; кн. III, стр. 11.

[42] Там же, вып. II, кн. IV, стр. 4.

[43] См.: Н. Г. Маллицкий, Ташкентские махалля и мауза,— сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр 118, 110 и 116, прим. 2 (ср. стр. 552), 119. Эти сведения оказались за пределами внимания Ц. Д. Номинханова — в узбекской топонимии он насчитывал только восемь кишлаков под названием «Чигатай» (Монгольские элементы в этнонимике..., стр. 273).

пользование его. Так, топонимы *Джагату, Джагатай* (невзирая на давнюю неразложимость личного имени *Чагатай,* они рассматриваются в составе «группы названий на -тай») наблюдены в северо-западной части Ирана[44]. На северо-западе от исторического «Чагатаева улуса» зафиксировано селение «*Чагадай* в Бугульминском уезде Самарской губернии»[45]. В Тандинском районе Тувы находится озеро *Чагытай*[46]. Изолированно изучая эти разрозненные топонимы, встречающиеся на весьма отдаленных территориях, вне исторического контекста и без учета подобных же топонимов в Средней Азии, исследователи возводят собранные ими названия к монгольской старине, к «личному имени» Чагатай-хана[47], хотя здесь, безусловно, представлена вторичная или даже третичная градация смыслового развития этого антропонима. Мишарский топоним *Чагадай* скорее всего опирается на этнонимическое употребление бывшего антропонима, давно уже отошедшего от своего первоначального узкого значения.

Многозначность бывшего антропонима *чаҕатаj*, таким образом, исторически складывалась не сразу, но постепенно. Отрываясь от первоначального использования в сфере единичного наименования, слово *чаҕатаj* сделалось знаком для определенного отрезка истории Средней Азии[48]. Отталкиваясь от условности такого обозначения, слово *чаҕатаj* приобретало все бóльшую и более живую многозначность[49]: оно проникало более или менее глубоко в этнонимию и топонимию, а хронологическая отдаленность краха «Чагатаева улуса» и его преемника — тимуридского государства — стирала идеологическую окраску слова *чаҕатаj,* благодаря чему всякая обусловленность его полисемантичности постепенно забывалась.

---

[44] В. И. Савинна, О типах словообразования топонимов Ирана,— «Топонимика Востока», М., 1964, стр. 151.

[45] Г. Ахмаров, Мещера и мещеряки,— «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском ун-те», 1903, XX, вып. 2, стр. 134.

[46] См.: Тувинско-русский словарь, М., 1968, стр. 644.

[47] См.: В. И. Савинна, О типах словообразования топонимов Ирана, стр. 151; Г. Ахмаров (Мещера и мещеряки, стр. 134) усматривает в топониме *Чагадай* даже «историческое (времен Золотой Орды [?—*Г. Б.*]) личное имя».

[48] О противопоставлении «монгольской эпохи» в истории Мавераннахра «чагатайской эпохе» см.: А. Ҡ. Боровков, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., М., 1963, стр. 13.

[49] Подобные процессы замечены для русских имен в более ограниченной сфере «связанных словосочетаний», см.: Т. Н. Кондратьева, Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX — начала XX в.,— сб. «Памяти В. А. Богородицкого», [Казань], 1961.

II. В условиях достаточно тесных, веками длящихся многообразных контактов между русским и тюркскими народами слово *чаҕатај* проникало в русский язык неоднократно и прежде всего — изустным путем. А это, с одной стороны, не могло не сказаться на характере фонетического освоения слова русскими, с другой же стороны — определило неоднозначность заимствования на разных этапах его жизни в русском языке, в чем отразилась полисемантичность слова-оригинала.

На первых порах существование этого заимствования в русском языке представлено целым рядом фонетических вариантов, с большей или меньшей степенью приближения отражавших звуковой облик слова-оригинала; даже в записи одного и того же лица (XV в.) слово это варьируется: «ис *Чеготаньскыя* земли»/«ис *Чеботайские* земли», «...на *Чеготай* пути нет» [50]. В «басне» о происхождении Темир-Аксака, «внесенной в некоторые из сих [русских.— *Г. Б.*] летописей», среди перечня его владений записано: «...а се имена тем землям: *Чагадай,* Хорусани...» [51]. В архивных документах Троицко-Сергиевской лавры середины XV в. отмечено прозвище *Чегодай/Чеадай* [52]. Таким образом, фонетические изменения, которыми сопровождалось изустное освоение этого заимствования в русском языке, охватывали и консонантизм, и вокализм слова, не затрагивая лишь начальный согласный: во всех ранних русских передачах в начале слова звучит *ч-*. Изустный характер русско-тюркских контактов в XV в. (и ранее) подтверждает, что русская передача этого заимствования с начальным *ч-* достаточно точно отражала произношение тюркских языков; к тому же она поддерживалась византийской передачей — Τξακατάϊδες, Τξαγατάη [53].

Варианты с несвойственной русскому языку звонкой переднеязычной аффрикатой *дж-* появились здесь много позднее: они проникали в русский язык, несомненно, книжным

[50] «Хожение за три моря Афанасия Никитина», 2-е изд., М.—Л., 1958, стр. 14, 36, 25 и сл. Примечательно, что *Чеготаньская земля* (со всеми вариантами) отмечена в «Географическом указателе», приложенном к этому изданию. Вариант *Чеботайские* поддерживался языковым источником заимствования — ср. хакасск. *Чобадай, Чебодаевы.*

[51] См.: Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. V, СПб., 1819, стр. 94—95, прим. 150. Изустные вариации этого слова — Чагатай, Чагодай и даже Чигатай — отражены в «Полной истории Чингис-хана, составленной из татарских летописей и других достоверных источников» Н. Горлова (СПб., 1840, стр. 87, 93, 112).

[52] См.: С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории,— «Исторические записки», [М.], 1945, 17, стр. 30.

[53] См.: Gy. Németh, A honfoglaló Magyarság kialakulása, Budapest, 1930, стр. 341.

путем с Востока, а отчасти и с Запада[54]. Форма *джагатай-*, обязанная своим происхождением не только условностям арабской графики, зачастую не различавшей посредством соответствующей диакритики букв «джим» и «чим», но и самой арабской (а отчасти и персидской) традиции[55], в русском языке с самого начала отмечена печатью книжности и как бы противопоставлена изустным формам с начальной глухой переднеязычной аффрикатой *ч-*.

Наиболее раннее значение, с которым изучаемое заимствование проникло в русский язык,—это регионально-государственное обозначение, близко смыкавшееся с топонимической функцией. Помимо уже приводившихся примеров из «Хожения...» Афанасия Никитина и русской летописи, для иллюстрации распространенности этого значения можно привлечь западноевропейские карты XVI—XVII вв., хранящиеся в Историческом музее. Так, на карте «Tartaria», составленной в 1595—1596 гг. Иодокусом Хондуисом (Iodocus Honduis), в составе «Великой Тартарии» особо отмечена «la Tartarie Zagataye», «Sagatai Tart.»; на карте «Tartaria sive magni Chami imperium» (per Ioannem Blaeu, A°. 1668 г.) также имеется «Zagatay tart.», а на «Lant Kaarte van 't Oost Tartarie» Н. Витсена (1705) Zagathay выступает как самостоятельное название, без определяемого «Tartarie». Ср. в русском: «*Чеготаи* другие именуют *Чегоды*, у европейцев *Загатаи*, область или королевство..., в котором главный город Самарканда»[56].

---

[54] Под влиянием западноевропейской книжности в русском книжном языке возникали недолговечные варианты вроде *Дзагатай, Загатай, Хыаадай, Таадай* («Собрание путешествий к татарам», СПб., 1825, стр. 271, 290), *сегодайский* [В. Татищев, Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нуждно (1749),— в кн.: П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, СПб., 1867, стр. 165], фонетические искажения в которых очевидны. Здесь же отметим, что Р. Г. де Клавихо, лично побывавший в тимуридской столице, предложил довольно точную фонетическую передачу этого слова — *Chacatay/Checatay* (Дневник путешествия..., стр. 202, 217 и сл./4, 131 и сл.), где во всяком случае начальная глухая аффриката слова-оригинала осталась без изменения.

[55] Арабская передача *дж͡аҕатаj* вместо *чаҕатаj* никогда не стояла особняком; ср. у арабского автора конца первой половины IX в. Ибн Хордадбеха *бадж͡нак* вместо *печенег*, *дж͡егир/дж͡икир* вместо *чегыр* (см.: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 38 и прим. 1 к стр. 38). Ср. также: Gy. Németh, A honfoglaló Magyarság kialakulása, стр. 341. Нельзя не отметить, впрочем, что соответствие *ч~дж* свойственно некоторым диалектам и говорам тюркских языков Средней Азии. См., например: Т. Кудратов, Переходные говоры узбекского языка. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1968, стр. 16, 17; Г. Менглиева, Сакарский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1964, стр. 12.

[56] В. Татищев, Напомнение на присланное описание народов..., стр. 166.

Такое употребление названия *Джагатай* задержалось в русском языке вплоть до первой четверти XIX в., см., например: «Ета полоса земли, обитаемая татарами, называется *Азиятскою Татариею* или *Джагатаем*, и разделяется на 1) северный Джагатай..., 2) южный Джагатай... и 3) восточный Джагатай или Малую Бухарию...»[57]. Топонимическое использование слова *Джагатай/Чагатай* было, однако, уже не характерно для живого русского словоупотребления — во всяком случае, сохранившиеся от делопроизводства Посольского приказа документы XVI—XVII вв., наиболее близко следовавшие за словоупотреблением среднеазиатских народов, не дают примеров такого использования[58].

На карте Иодокуса Хондуиса зафиксировано также и название людей по их принадлежности к указанному регионально-государственному комплексу — «Les Tartares Zagatayes». Эта же сторона смыслового развития слова-оригинала отражена и в русском «прозвище Чегодай или Чеадай», которое носил в середине XV в. Василий сын Василия Матвеева[59]. На законных основаниях проникнув в русскую антропонимию[60], слово это прочно закрепилось там: в «Грамоте царя Федора Ивановича от 10 июня 1589 г.» упоминалось об «Ыване Чеадаеве»[61], одном из представителей «известной фамилии..., из которой вышел писатель-философ Петр Яковлевич Чаада-

---

[57] Примечания Д. Языкова к «Историческому сочинению И. д. Плано-Карпини» в кн.: «Собрание путешествий к татарам», стр. 279, прим. 62.

[58] См., например: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1932, целиком построенные на документах Посольского приказа. Нет этого «топонима» и в «Указателе географических названий», приложенном к этой книге. Ср., однако: А. В. Панков, К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.,— сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1924, стр. 25.

[59] См.: С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, стр. 30. Любопытно, что в конце XV в. тюркский этноним *кыпчак*, который также «...во владениях потомков Джучи... продолжал употребляться в качестве географического и политического термина» (В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 88), подобным же образом использовался в качестве прозвища русского человека — «Ивашко *Кипчак*, крестьянин Новгор. обл. (1495 г.)» (А. М. Селищев, Избранные труды, М., 1968, стр. 114; Селищев рассматривает это прозвище среди «татарских имен», а не среди «имен народа»).

[60] *Чагатай* представлено также в «фамилиях мишарей» — вряд ли только в них «слышатся имена монгольско-татарских ханов» (Г. Ахмаров, Мещера и мещеряки, стр. 142, прим. 3): естественнее связывать их с вторичным, неантропонимическим значением *чаӷатаj-*. То же самое следует сказать и о русской фамилии *Чаадаев*, которую В. Ф. Минорский считал образованной «непосредственно от имени Чагатай» (В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 36, прим. 43).

[61] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, стр. 105.

ев»[62]; кстати, еще в 20-е годы прошлого столетия фамилия *Чаадаев* имела разночтения *Чадаев/Чедаев*[63]. Ср. также современную фамилию *Чаадаевская*. В начале XX в. в Пензенской губернии встречалась фамилия *Чагадаев*. Литературно фиксируемый вариант этих разночтений — фамилия *Чагатаев* (А. Платонов, Джан, 2). Современные русские фамилии — *Чегодаев, Чигодайкин*.

В отечественной историографии и тюркологии изучаемое заимствование законсервировалось в том вторичном значении, которое стало архаическим для новых тюркских языков, а именно для обозначения определенного периода (XIII в.— начало XVI в.) в истории Мавераннахра и соответствующего периода в развитии среднеазиатского письменного языка тюркй. Явная принадлежность слова *чагатай-/джагатай-* языку научной литературы (если не считать производных от него антропонимов, рано обособившихся в русском языке благодаря своей специфической индивидуальности), небольшой удельный вес для современной русской действительности того исторического понятия, которое обозначается этим словом, обусловили ограниченность словообразовательных возможностей для этого слова в русском языке. Гнездо производных этого слова всегда было малочисленным: помимо антропонима *Чагатай/Джагатай* оно состоит из прилагательных *чагатайский/джагатайский*, реже *чагатаидский/джагатаидский*[64], мало употребляемых чисто книжных существительных *чагатаец/джагатаец* (П. М. Мелиоранский; А. Н. Самойлович; БСЭ[1]), *чагатаизм* (Ф. Е. Корш; БСЭ[1]), *чагатаистика* (А. К. Боровков) и, наконец, устарелых окказиональных образований 20—30-х годов XX в. *чагатаисты, чагатаистский*.

Терминологизация подразумевала фонетическую унификацию этого вариантного заимствования. Между тем вариант *джагатай-*, утвердившийся в русском книжном языке XIX в., в трудах востоковедов перемежался с вариантом *чагатай-* — чаще всего в тех случаях, когда необходимо было отразить

---

[62] С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, стр. 30.

[63] См.: П. Я. Черных, Заметка о фамилиях в «Горе от ума»,— «Доклады и сообщения филологич. фак-та МГУ», 1948, вып. 6, стр. 47.

[64] Малоупотребительность производного *чагатаидский* объясняется привычностью эквивалентного использования слов *чаӻатај* в тюркских языках и *чагатайский* в русском в их вторичной функции; например, «чагатайские царевичи», «чагатайские монголы» рядом с «хулагуидскими монголами» — И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., стр. 104, 105, 106, 107, 108, 113 и сл. См. «чагатайские племена Мавераннахра» — В. П. Юдин, О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии..., стр. 56; «чагатаиды», но «чагатайский престол» — «История Узбекской ССР», т. I, стр. 430, 431. Ср. также довольно обычное употребление *сельджуки* вместо *сельджукиды*.

реальное тюркское произношение[65]. Дополнительное воздействие устной русской традиции приводило к тому, что варианты *чагатай-/джатагай-* стали безразлично употребляться в сочинениях одного и того же ученого буквально рядом[66]. Ученые стремились различными путями разрешить проблему явно избыточной вариантности термина. В. В. Бартольд, например, хотя и признавал «правописание „чагатай“» «соответствующим произношению», тем не менее призывал русских тюркологов пользоваться вариантом «Джагатай» (и его производными), который, как он указывал, «в русской литературе прочно утвердился»[67]. Одним из первых в пользу чтения *чагатайский* решительно и бесповоротно высказался Ф. Е. Корш, проявлявший большой интерес к этническим и культурным терминам, которые имели существенное значение для тюркологии[68]. Между тем в русской тюркологии конца XIX в. можно выявить попытки искусственным путем произвести лексико-семантическое обособление вариантов *чагатай-/джагатай-*. Явным образом нигде не сформулированные, попытки эти в наиболее последовательном виде можно проследить в работах Н. А. Аристова. Ученый стремился закрепить форму «Джагатай» за первичным значением заимствования (мон-

---

[65] См., например: О. И. Сенковский, Джагатай, или чагатай,— «Энциклопедический лексикон», т. 16, СПб., 1839, стр. 232; В. В. Радлов, Средняя Зерафшанская долина,— «Записки РГО», 1880, VI, стр. 56. Подобным же образом в переводе «Дневника путешествия...» Р. Г. де Клавихо повсюду дается точная транслитерация испанск. Chacatay — «Чакатай», а в приложенных к нему «Объяснительном указателе» (стр. 417) и Оглавлении (стр. 450) читаем: «Джагатай», «Джагатаи».

[66] См., например: Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историею Средней Азии, СПб., 1898, стр. 89 (прим. 5), 91 (прим. 1), 94— «Джагатаиды», «Джагатаев», «джагатайцы», но стр. 35, прим. 5— «Чаадай»; А. Крымский, [добавление к статье «Турецкие наречия и литературы»],— «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 168— «чагатайцев» и «джагатайцев»; Г. Ахмаров, Мещера и мещеряки, стр. 142, прим. 3— «Чагатай», стр. 143— «Чагатаев», но стр. 140— «на джагатайском наречии»; Б. Владимирцов, А. Самойлович, Турецкий народец хотоны,— ЗВОРАО, 1916, т. XXIII, вып. III—IV, стр. 272—277 — «джагатайский» (у Владимирцова), стр. 283 — «чагатайский» (у Самойловича). Компромиссная форма *Чжагатай* (ср. также «чжалаир» вместо «джелаир» и «Чжучи» вместо «Джучи») употреблялась в единичных случаях, например, в примечаниях Н. Н. Козьмина к его переводу фрагмента «Aus Sibirien» В. В. Радлова — «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии», Иркутск, 1929, стр. 26, прим. 12.

[67] В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11, прим. 2. Тогда ему еще представлялся «спорным» «вопрос о том, можно ли изменять такие термины из соображений лингвистического пуризма» (там же).

[68] См.: Ф. Е. Корш, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве»,— «Изв. ОРЯС АН», 1906, т. XI, кн. 1, стр. 297. См. также: Н. К. Дмитриев, Федор Евгеньевич Корш, [М.], 1962, стр. 20.

гольское личное имя) и за вторичным его значением («Джагатаев улус», «джагатайцы», «джагатайский» [диалект]) — здесь можно было не опасаться расхождений русской передачи с реальным тюркским произношением: подобное словоупотребление практически являлось уже редким архаизмом для современных тюркских языков; в то же время звонкая аффриката в анлауте поддерживалась исключительно книжной традицией. Чтение же *чагатай* Н. А. Аристов оставлял для третичных функций этого слова — этнонимической и топонимической [69], т. е. для тех случаев, в которых необходимо было передать живое произношение тюркоязычных народов, продолжавших использовать это слово в наиболее далеких от первоначального его значения смысловых градациях. Наиболее последовательным продолжателем этой попытки Н. А. Аристова в 20-е годы XX в. был И. Магидович [70].

Объективно же эти попытки способствовали сохранению на долгое время в русском книжном языке обоих вариантов — чаще всего уже без всякого смыслового различия их (тем более что противопоставление *дж* — *ч* никогда не было релевантным для русского языка). Достаточно назвать заглавия статей в обоих изданиях БСЭ: «Джагатайская литература», «см. Чагатайская литература», «Чагатайский язык, или джагатайский язык», «Чагатайцы, или джагатайцы» [71] и «Джагатайский (чагатайский) улус», «Чагатай (Джагатай)», «см. Джагатайский (Чагатайский) язык» [72].

И, наконец, третье направление в развитии этого термина в отечественной тюркологии — исходя из «лингвистического пуризма», оно ориентируется на максимальное сближение фонетического обличья заимствованного термина с его произношением в тюркских языках, а также с традиционной для живого русского языка передачей: в качестве унифицированного термина избран вариант *чагатай-* (не исключено также влияние стабилизирующейся западноевропейской, особенно немецкой, терминологии, утвердившей в правах гражданства

[69] См.: Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен..., стр. 39, прим. 1 на стр. 42—44, стр. 178; его же, Опыт выяснения этнического состава..., стр. 395, прим. 3 и 401.

[70] И. Магидович, Население Бухары, стр. 221— «джагатаидских монголов», «джагатаев улус», «джагатаевский улус», но как «этноним» — «чагатай».

[71] БСЭ [1], М., 21, 1931, стлб. 727; 61, 1934, стлб. 19, 20.

[72] БСЭ [2], М., 14, 1952, стр. 199; 47, 1957, стр. 17. См. также: «Бабур-наме», перевод М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 15, 19, 490 и 509; «Миниатюры рукописи „Бабур-наме“», М., 1960, стр. 9 и 10; Ц. Д. Номинханов, Монгольские элементы в этнонимике и топонимике..., стр. 268, 269 и сл.; его же, Исследования по тюркским и монгольским языкам, Алма-Ата, 1966, стр. 6, 12 и сл.; А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 424.

тот же вариант *Čaghatai*[73]). Одним из застрельщиков этого направления, который уже с 1914 г.[74] последовательно стал пользоваться вариантом *чагатай-*, был А. Н. Самойлович[75] — ученый всегда очень чутко относился к процессам упорядочения этнолингвистической терминологии в тюркологии, особенно активизировавшимся с начала XX в., и при этом чаще всего угадывал прогрессивную тенденцию в этом процессе, находя в себе силы отказаться от привычного термина в пользу его более перспективной замены (так обстояло не только с термином *чагатай-*[76], но и с терминами *турецкий, тюркский, османский*). В языке отечественной тюркологии и алтаистики 20—30-х годов можно наблюдать постепенное вытеснение варианта *джагатай-* стабилизирующимся термином *чагатай-*[77]. Современная тюркология давно уже пользуется только вариантом *чагатай-*, однако самая употребляемость этого термина, возможность применения его по отношению к языку, способы, ареальные и хронологические рамки такой применимости, как и смысловая емкость термина, до сих пор остаются проблематичными, не получив единообразного истолкования и решения в работах различных ученых.

[73] См. об этом: В. В. Бартольд, Улугбек и его время, стр. 11, прим. 2.

[74] Ср.: А. Самойлович, [рец. на:] Н. А. Караулов, Краткий очерк грамматики горского языка «болкар»,— ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. IV, стр. 0157 — «джагатайское»; его же, Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. II—III,— там же, 1914, т. XXII, вып. I—II, стр. 136, прим. 1 — «в известном чагат.-осм. словаре Шейха Сулеймана Бухарского».

[75] Более чем через десятилетие все еще будет необходимо обоснование для давно уже сделанного выбора: «Так как искусственная, книжная транскрипция этого имени „Джагатай" не является в русской научной литературе общепризнанной и так как при постоянном живом общении со среднеазиатскими турками я привык к живому произношению „Чагатай" (по-казацки „Шагатай"), усвоенному и западноевропейской литературой, то я вслед за Коршем пишу не „Джагатай", а „Чагатай"» (А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, стр. 1, прим. 1).

[76] Даже с введением обобщающего термина «литературный среднеазиатско-турецкий язык» А. Н. Самойлович продолжал пользоваться термином «чагатайский» (см.: А. Н. Самойлович, Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии,— сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934, стр. 169, 174; его же, Памяти великого тюрколога акад. В. В. Радлова,— «Революция и национальности», 1937, 1 (83), стр. 81).

[77] Ср., например: Н. Н. Поппе, К консонантизму алтайских языков,— ДАН, [серия] В, 1924, апрель — июнь, стр. 43 — «джаг[атайский]»; ср.: его же, К вопросу об отношении алтайских языков к уральским,— «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1926, 3, стр. 103 — «чагатайский»; В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 90 — «Джагатай (собственно Чагатай)», стр. 93 и сл.— «джагатайский»; но: его же, История турецко-монгольских народов, стр. 17 и сл.— «Чагатай», «чагатайский».

Термин «чагатайский язык», таким образом, «не придуман учеными, он всего лишь подхвачен ими»[78]. С давних пор тюркологи подчеркивали «неопределенность» и «расплывчатость» этого термина[79], а также условный[80] и временный характер его. П. М. Мелиоранский, например, хотя и отчетливо видел все эти отрицательные аспекты термина «джагатайский» (условность которого он почти всякий раз отмечал употреблением его в кавычках), тем не менее признавал, что термин этот «пока (разрядка наша.— *Г. Б.*) удобен и потому весьма распространен», и называл «джагатайскими» «все вообще среднеазиатские турецкие сочинения с XIII—XVIII вв., происхождение и язык которых не поддаются пока точному определению»[81]. Таким образом, П. М. Мелиоранский, видимо, по-

---

[78] В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959, стр. 16, прим. 3.

[79] См., например: П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы,— «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. XXXIV, СПб., 1902, стр. 161.

[80] Если учесть изложенную выше семантическую эволюцию слова *чаҕатаj*, то, очевидно, условность термина *чагатайский язык* следует понимать совсем иначе, нежели делал это, например, М. Терентьев, который писал: «Производить название языка от имени властителя, конечно, менее основательно, чем от имени народа или даже от имени страны. Народа джагатайского теперь нет, страны джагатайской нет — и вот самое слово почти забыто в Азии. Если бы мы французский язык назвали, положим, „бонапартовским", то это было бы столько же основательно, как узбекский называть джагатайским. Поэтому, я предпочитаю этнографическое и даже географическое название...» (М. Терентьев, Грамматика турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков, кн. I, СПб., 1875, стр. 160). Не принимает во внимание смысловое развитие слова *чаҕатаj* на собственно тюркской почве В. В. Решетов, когда он выражает опасения, что термин «чагатайский язык» «дает формальный повод выводить современных узбеков из Монголии или усматривать предков в выходцах из монгол, явившихся на территорию нынешнего Узбекистана чагатаидами, что в корне неверно и идет вразрез с показаниями гражданской истории» (Узбекский язык, ч. I, стр. 16, прим. 3; см. также: В. В. Решетов, Узбекский национальный язык,— «Труды Ин-та языкознания АН СССР», М., 1960, X, стр. 123, прим. 4).

[81] П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161; ср. ограничение «чагатайского» языка периодом XV—XVII вв.— П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894, стр. 4, прим. 1. Хронологические рамки «чагатайского» языка истолковываются по-разному. Зачастую к «чагатайскому» относили огромный период в развитии письменных тюркских языков Средней Азии начиная с XII в. по XIX в. или даже по начало XX в.; естественно, что при этом в разряд «джагатайских» попадали и памятники, например, туркменского языка — так, описанный З. Б. Мухамедовой «Джагатайский сборник» включает в себя ряд песен Махтумкули (см.: З. Б. Мухамедова, Описание туркменских рукописей, хранящихся в Ленинградских собраниях,— «Труды Ин-та литературы АН ТуркмССР», 1960, IV, стр. 213, 236). В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович справедливо ограничивали этот период XV—XVI (иногда XVII) вв.

лагал, что термин «джагатайский», которым можно пользоваться как своего рода предварительным научным приемом, станет ненужным лишь «со временем, когда все „джагатайские“ рукописи будут изданы и обследованы, их удастся привести в более научную систему» [82].

В наше время, когда проделана значительная работа в области истории тюркских языков Средней Азии, «выяснилась очень сложная картина в отношении текстов поэтов и писателей Средней Азии XV в.» и «проясняются диалектальные взаимоотношения в текстах XV в.» [83]. Тем не менее научное систематизирование и систематический языковой анализ всех «джагатайских» рукописей все же еще далеки от своего окончательного завершения: не составлен, например, полный каталог грамматических форм, встречающихся в этих письменных памятниках, не отражен и их словарный состав.

Между тем вне какой бы то ни было зависимости от состояния разработки этих важнейших проблем истории тюркских языков и их исторической диалектологии часть ученых еще в начале 30-х годов решительно отказалась от термина «чагатайский». Отказ от этого термина явился своего рода реакцией на ту, уже вторичную идеологическую окраску, которую слово *чагатайский* приобрело в связи с буржуазно-шовинистической деятельностью националистической группы «Чагатай гурунги» [84]. Давно рассыпались в прах провозглашенные этой группой идеи «чагатаизма» и прежде всего — возврата к мертвому «чагатайскому языку» [85]. В условиях, когда бурно развивается новый узбекский литературный язык, самый призрак «чагатаизма» не составляет никакой реальной опасности. Не только у молодого, но и у среднего поколения тюркологов термин *чагатайский* не вызывает никаких ассоциаций с давно отмершей и забытой «Чагатай гурунги». Вторичная идеологическая окраска этого термина утрачена — и на этот раз, надо думать, навсегда.

Обратной стороной категорического отказа от термина «чагатайский язык» явилось широкое распространение тер-

---

[82] П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161.

[83] А. К. Боровков, Изучение тюркских языков в СССР,— ВЯ, 1961, 5, стр. 14.

[84] См. об этом подробнее: А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Ташкент, 1940, стр. 8, 55 и сл.; «Язык и письменность народов СССР. Стенографический отчет I Всесоюзного пленума научного совета ВЦК НА. 15—19 февраля 1933 г.», М., 1933, стр. 231—234; «Литература Узбекистана»,— «Революция и национальности», 1934, 11, стр. 75.

[85] А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., стр. 55.

мина «узбекский/староузбекский язык», причем оказалась принятой ретроспективная часть некогда подвергнутой критике «чагатаистской» точки зрения, в соответствии с которой «современный узбекский литературный язык является непосредственным продолжением чагатайского языка, классической чагатайской литературы XIV—XVI ст. ст.»[86]. Термин «староузбекский язык» стал теперь прямолинейно проецироваться в глубь сложнейшей этнолингвистической истории Средней Азии — иногда с оговорками (как, например, «...независимо от происхождения слова „узбек", значение его в XV—XVI вв. нельзя смешивать с тем, которое оно имеет в наше время»[87]). Делаются попытки соединить противоположные точки зрения на «чагатайский язык» как на «господствующий литературный язык на территории всей Средней Азии»[88] и на «староузбекский язык» как на «базу для образования современного узбекского языка», а на основе такого соединения — синонимизировать оба термина[89]. А. К. Боровков, в последнее десятилетие своей жизни приветствовавший самую постановку проблемы «чагатайского языка», для средневекового периода стремился употреблять термин «староузбекский язык» в соположении с термином «чагатайский»: «староузбекский язык „чагатайской" эпохи (XI—XVI вв.)»[90]. Видимо, учет этих точек зрения породил компромиссную, отождествляюще-

[86] А. К. Боровков, Узбекский литературный язык,— сб. «Язык и мышление», II, 1934, стр. 78; там же см. критику этой точки зрения как «ориентации и возврата к традициям классического чагатайского языка и литературы». Ср., однако: его же, Узбекский язык,— БСЭ[1], 55, М., 1947, стлб. 697. «Непосредственным преемником» «литературного языка улуса Чагатая» староузбекский признается в работах Н. А. Баскакова «Тюркские языки» (М., 1960, стр. 178) и «Введение в изучение тюркских языков» (М., 1962, стр. 264).

[87] «История Узбекской ССР», т. I, стр. 501. Д. Ш. Шукуров, например, наблюдая одно и то же грамматическое явление «не только в современном разговорном узбекском языке, но и в старом письменном, чагатайском», тут же поясняет: «Под узбеками я здесь разумею ту часть современного узбекского народа, которая в языковом отношении представлена так наз. „чагатайской" группой узбекских говоров (Джамбул, Чимкент, Ташкент, Ферганская долина)...» (Д. Ш. Шукуров, Из истории киргизского языка,— «Труды ИЯЛИ КирФАН СССР», 1952, вып. III, стр. 70, прим. 1).

[88] А. К. Боровков, Узбекский литературный язык, стр. 78.

[89] См., например: «И в качестве такого общего языка (здесь и ниже разрядка наша.— *Г. Б.)* был избран чагатайский язык или староузбекский, который отражал особенности живой речи XV и XVIII вв. ряда тюркоязычных племен Средней Азии и впоследствии послужил базой для образования современного узбекского языка» (И. А. Батманов, Вопросы формирования киргизского литературного языка,— «Труды ИЯЛИ КирФАН СССР», вып. III, стр. 16; ср.: его же, Краткое введение в изучение киргизского языка, Фрунзе, 1947, стр. 44).

[90] А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., стр. 13 и сл. Ср.: его же, «Бада̄'и' ал-лугат», стр. 5 и сл.

объединяющую по своему значению композиту «узбекско-чагатайский (язык)» [91], ср. более раннюю композиту такого же характера: «тюркско-узбекская (Средняя Азия)» [92].

Экстенсивное укоренение термина «староузбекский язык» и в хронологическом, и в ареальном отношении, как в зеркале, отражает самое широкое толкование «чагатайского языка» [93], тем самым сильно затрудняя периодизацию истории тюркских языков [94]. Такая экстенсивность термина «староузбекский язык» игнорирует, по сути дела, принцип, сформу-

---

[91] И. В. Кормушин, Категория каузатива в алтайских языках. Автореф. канд. дисс., Л., 1968, стр. 9. Другая отождествляющая композита — «чагатайско-тюркский» — носит совсем иной характер, представляя собой кальку с употребленного Абу-л-Гази сочетания *чаɣатаj тӱркісі* (см.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 115). Ср. у Ж. Доскараева: «древний среднеазиатский тюркский (чагатайский) язык» (Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка,— «Изв. АН КазССР. Серия филол.», 1946, вып. 4(29), стр. 58).

[92] Б. Н. Заходер, Алишер Навои (Опыт исторической характеристики),— в кн.: Айбек, Навои, М., 1948, стр. 391.

[93] Ср. определение «старого чагатайского языка» как «официально-канцелярского языка Золотой орды в период ее разложения» (Д. Г. Киекбаев, Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов,— сб. «Памяти В. А. Богородицкого», [Казань], 1961, стр. 361), с одной стороны, и определение «золотоордынского» языка как «раннего староузбекского» (А. М. Щербак, Огуз-нāме. Мухаббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности, М., 1959, стр. 113) и соответственно — отнесение к «староузбекскому языку» «хорезмийских памятников XIV в.» (Э. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в., Ташкент, 1966) — с другой, подвергнутое критике А. Зайончковским, который выделяет самостоятельную «хорезмийско-золотоордынскую» группу средневековых памятников тюркской письменности (см. его статью «К изучению средневековых памятников тюркской письменности»,— ВЯ, 1967, 6, стр. 84 и прим. 20 к ней; иную точку зрения см.: Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс., М., 1965). См. также «о памятниках тюркских литературных языков Средней Азии, известных под династийным названием караханидских... (XI—XIII вв.), и золотоордынских (XIII—XVI вв.)» в рецензии А. Н. Кононова на указанную книгу А. М. Щербака (ВЯ, 1963, 5, стр. 131). Э. Н. Наджип считает «Мухаббат-наме» памятником «литературного языка Золотой Орды» (Хорезми, Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э. Н. Наджипа, М., 1961, стр. 17). Ср. в то же время отнесение «Кутадгу билиг» к «чагатайской» литературе (А. Саъдий, Чағатай ва ўзбек адабиёти ва шоирлари,— «Инкилоб», 1923, № 9—10, стр. 181), с одной стороны, и к «узбекской классической литературе» (Э. Эргашев, Лутфий ғазаллари вазнидан материал,— «Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари», Тошкент, 1961, 2, стр. 168) — с другой. Гораздо более реалистично мнение о том, что изучение языка «Кутадгу билиг», как и Словаря Махмуда Кашгарского, «должно пролить свет на историю тюркских языков и прежде всего узбекского, уйгурского, туркменского, казахского и киргизского» (Г. А. Абдурахманов, Исследование по старотюркскому синтаксису, М., 1967, стр. 3).

[94] Для того чтобы показать, сколь широко введен термин «староузбекский язык» в глубь веков, можно сослаться хотя бы на то, что

лированный на X съезде КП(б) Узбекистана: «Глубоко ошибочными и чуждыми духу марксизма-ленинизма являются также попытки возвысить историю узбекского народа ценой умаления исторических заслуг других братских народов Средней Азии, или наоборот, особенно, если иметь в виду то несомненное обстоятельство, что история развития народов Средней Азии переплеталась и находилась в тесном взаимодействии»[95]. Во всяком случае, экстенсивное применение термина «староузбекский язык» вызывает ответную реакцию лингвистов братских тюркоязычных республик Средней Азии — в качестве примера можно указать на попытку рассматривать «Бабур-наме» как произведение, которое «по языку ближе к казахскому, чем к современному узбекскому языку»[96]. Сходные ситуации не являются исключительными в развитии культур близкородственных народов, тесно соприкасавшихся в своем историческом развитии; достаточно со-

---

«в основном, произведениями узбекской классической литературы» признаются и «такие, как „Тафсир" (среднеазиатский толковник корана), „Кысас ал-анбия" Рабгузи...» [Ш. Шукуров, Настоящие и будущие времена глагола в письменных памятниках староузбекского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1960, стр. 4; в его книге «История развития глагольных форм узбекского языка» (Ташкент, 1966, стр. 11) говорится без конкретизации вообще о «письменных памятниках узбекского языка XII—XIX вв.»], хотя в литературе высказывались, например, веские соображения против отнесения хотя бы «Кысас ал-анбия» к «чагатайскому языку». Более того, памятники древнетюркской письменности (енисейско-орхонские, древнеуйгурские и др.) рассматриваются теперь в русле истории узбекского языка (см.: Э. Фозилов, Ўзбек тилининг тарихий морфологияси, Тошкент, 1965). Такая трактовка истории узбекского языка делает обоснованным упрек Я. Экмана в адрес тех тюркологов, которые желают «видеть в узбекском непосредственное продолжение древнетюркского» («Philologiae turcicae fundamenta», I, 1959, стр. 141). Ср. подобное же отнесение орхонских надписей, «Дивана» Махмуда Кашгарского к турецкому, туркменскому языкам (см., например: С. Ахаллы, Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык. Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1958, стр. 3).

[95] Цит. по: «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», стр. 52—53; ср. также стр. 67.

[96] Г. Г. Мусабаев, Современный казахский язык. I. Лексика, Алма-Ата, 1959, стр. 115. Такое утверждение сделано на основе сопоставления с современным казахским языком фрагментов текста «Бабур-наме», вольно транслитерированных посредством современной казахской графики, причем в этом тексте автор заметил «только некоторые фонетические отклонения от современной орфографии» (там же, стр. 85). Впрочем, точно такая же методика в отношении перевода текстов «Бабур-наме» и других произведений средневековой литературы на современные орфографические и орфоэпические нормы практикуется и в Узбекистане. Ср. подобное же отнесение, например, «„Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сараи (XIV в.) к «староузбекскому языку» (Э. Фазылов, Староузбекский язык..., стр. 6 и сл.), хотя более обоснованно этот памятник относят к «кыпчакско-огузскому литературному языку мамлюкского Египта» (Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 4 и сл.).

слаться на спор украинских и белорусских языковедов, пытающихся разграничить украинское и белорусское наследие среди памятников, написанных «общим украинско-белорусским койне» (или «западнорусским») [97], который, по определению П. И. Житецкого, «не есть цельный язык с основными чертами одного какого-нибудь наречия, а диалектологическая смесь особенностей южно-русских и белорусских...» [98].

В тюркологических работах последних лет все чаще обращаются к традиционной точке зрения на средневековый «общий письменно-литературный язык не одного или двух племен, а многих тюркоязычных народностей» Средней Азии [99]— «это был прежде всего литературный язык, и потому замыкание в узкие племенные рамки не позволило бы ему выполнить свое назначение» [100]. При классификации средневековых памятников тюркской письменности стремятся выделять наряду с другими «чагатайскую (восточно-тюркскую)» группу их «по принципу регионально-государственных структур» [101].

В самом деле, в силу исторических обстоятельств к XV веку, к концу которого приурочивается «„золотой век" джагатайской литературы», Среднюю Азию населяло «весьма пестрое этнографически турецкое [т. е. тюркское.— *Г. Б.*] население, несомненно говорившее на различных диалектах, которые, смешиваясь друг с другом и всячески влияя друг на друга, не могли не внести и в тогдашнюю турецкую письменность значительной диалектической пестроты» [102]. Эта «диалектиче-

---

[97] См. об этом, например: Л. Л. Гумецкая, Вопросы украинско-белорусских языковых связей древнего периода,— ВЯ, 1965, 2; ср. также: ВЯ, 1969, 5, стр. 149.

[98] П. И. Житецкий, Очерк звуковой истории малорусского наречия, Киев, 1876, стр. 279—280.

[99] Т. Р. Кордабаев, Синтаксис казахского языка на материале XVI—XX вв. Доклад... на соискание уч. степени д-ра филол. наук, Алма-Ата, 1967, стр. 10, 11. См. также: Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 91; А. Аманжолов, «Шағатай» тіліне шалағай қарамайық,— газ. «Қазақ әдебиеті», 7.I.1968, № 2 (884). Ср. определение П. М. Мелиоранского: «Этот литературный „джагатайский" язык, как и многие литературные языки, не является представителем какого-нибудь одного наречия в его чистом виде [разрядка наша.— *Г. Б.*], а есть продукт смешения двух или даже нескольких диалектов...» (П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161).

[100] Е. Э. Бертельс, Навои и литература Востока,— Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 433.

[101] А. Зайончковский, К изучению средневековых памятников тюркской письменности, стр. 84. Ср.: Э. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 88—91.

[102] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. III. См. также: В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, стр. 2 (отд. отт. из: ЗВОРАО, 1889, т. III).

ская пестрота» усугублялась издавна отмечаемыми территориальными несовпадениями географических пределов бывшего «Чагатаева улуса» и ареала распространения «чагатайского языка» [103].

В период средневековья, когда «выработка фиксированных норм письменно-литературного языка» далеко опережала «устно-языковое объединение народа» [104] и «...пока в образованные классы не проникло сознание, что писать можно на том самом языке, которым говорят, книжный язык продолжал свою отдельную жизнь, питаясь в своей искусственности и архаичности... подражанием старым образцам» [105]. Сквозь стремление «многих „джагатайских" писателей» «подражать в своих произведениях языку более старых памятников, вводить старинные вышедшие уже из употребления слова и формы и придавать таким образом своему языку искусственно некоторую архаичность» [106] исследователи видели подпочву (или «основание») чагатайского языка в письменном древнеуйгурском языке [107] (иначе — «караханидско-тюркском», «карлукско-уйгурском литературном языке»), а другим его источником считают «более ранний кыпчакско-огузский язык хикматов Ахмада Есеви» [108]. А. Н. Кононов полагает, что «ча-

---

[103] См. об этом, например: П. М. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы, стр. 161. В частности, здесь в качестве «одного из главных центров „джагатайской" литературы наряду с Самаркандом, Бухарою и Андиджаном» назван также и Герат; «„джагатайскими" произведениями считаются и происходящие из теперешнего Хивинского ханства, северной части Афганистана и северо-восточной Персии». А. К. Боровков, рассматривавший поэтов, названных Навои в «Маджалис ан-нафа'ис», с точки зрения их языковой и территориальной принадлежности, отметил, что тюркоязычные (türkigoj, по Навои) поэты происходили также из Балха, Хорасана, Андхоя (А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 94).

[104] Е. Д. Поливанов, Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935, стр. 7. Ср., однако, мнение о том, что «староузбекский язык — литературный язык, возникший в эпоху формирования узбекской народности (XV в.) на базе общенародного языка (разрядка наша.— *Г. Б.)* и более древних среднеазиатских литературных языков...» (Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 178; его же, Введение... стр. 264).

[105] А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, М., 1941, стр. 69.

[106] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III.

[107] В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга, стр. 1.

[108] Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык..., стр. 90; см. также: В. Д. Артамошина, Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои,— сб. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 7. Ср.: А. К. Боровков, Очерки по истории узбекского языка (Определение языка хикматов Ахмада Ясеви),— «Советское востоковедение», V, М.— Л., 1948, стр. 250.

гатайский язык» «восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоордынского (XIII—XV вв., низовья Сыр-Дарьи и Хорезм)...»[109]. Иными словами, обнаруживаются неоднозначные ретроспективные соотношения «чагатайского» языка.

Типологическое сходство ситуаций как в самом развитии донациональных литературных языков разных групп — тюркских и славянских, так и в научных дискуссиях по поводу характера этого развития делает правомерным пристальное внимание тюрколога к выдвигаемым славистами предложениям в этой области. Для периодизации истории узбекского литературного языка, как и для прояснения отношений между «чагатайским» и современным узбекским литературным языком оказывается небезынтересно учесть опыт рассмотрения на разных уровнях абстракции понятия «литературный язык как историко-культурное явление» и понятия «конкретная манифестация этого явления» («языковой орган») в тот или иной исторический период[110].

При таком подходе становится возможным объяснить, почему в разные периоды развития узбекской народности в качестве инструмента культурного общения (с учетом исторической изменчивости потребностей такого общения) использовались разные «языковые органы» (которые не являлись полностью идентичными ни с одной из существовавших до тех пор единиц и которые, по-видимому, носили чаще всего наддиалектный характер). К осознанию этого положения приближались отдельные ученые. Так, например, «старые литературные языки Средней Азии» — «караханидский... и золотоордынский» именуются «предшественниками староузбекского»[111]; предлагается также выделять «чагатайский язык» наряду со «староузбекским языком (XV в.)»[112]. Особенно близко к этому подходил Т. Салимов, утверждая: «Язык, который является государственным языком нашей республики, по историческим обстоятельствам и условиям на протяжении веков несколько раз менял свое название — тюркский, уйгурский, чагатайский, кыпчакский, узбекский»[113]. Добавим к

[109] А. Н. Кононов, Ценный труд по грамматике староузбекского языка,— «Общественные науки в Узбекистане», 1953, 8, стр. 64.

[110] См.: Е. И. Демина, «Начало» современного болгарского литературного языка в свете общей периодизации истории литературного языка в Болгарии,— ВЯ, 1969, 6.

[111] Аннотация к кн.: А. М. Щербак, Огуз-нāме. Мухаббат-нāме, стр. 5.

[112] См.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, стр. 181; его же, Введение..., стр. 267.

[113] См. сб. «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», стр. 101.

этому, что вместе с названием языка безусловно менялся и языковой орган, т. е. менялся инструмент культурного общения в целом, использовавшийся узбекской народностью на том или ином этапе ее исторического развития. Такой подход реалистичен, при нем становится ненужным, как подчеркивал Е. Э. Бертельс, «деятелям прошлого вкладывать в уста то, чего они не говорили, да и говорить не могли» [114].

Сообщенный Т. Салимовым перечень «языковых органов», которыми как своими манифестациями пользовалось историко-культурное явление «узбекский литературный язык» на пути своего развития, должен быть пополнен еще персидским и таджикским языками. О том, что культура ряда тюркоязычных народов Средней Азии на определенном этапе своей истории была двуязычной, имеется известное свидетельство Навои в «Мухакамат ал-лугатайн»: «У тюрок от мала до велика, от нукера до бека — все знакомы с языком сартов [т. е. таджиков и персов.— *Г. Б.*] так, что они могут говорить о своих повседневных делах, а некоторые даже разговаривают красноречиво и изящно. Тюркские поэты даже слагают на персидском языке яркие стихи и сладостные притчи» [115]. Во всяком случае, 90% всех поэтов, которых упомянул Навои в «Маджалис ан-нафа'ис», «писало по-персидски и даже и те из них, кто писал на тюркй, зачастую писали на обоих языках» [116],— как, кстати, и сам Навои, которого еще в молодости прозвали «обладателем двух языков» и который, по предположению Е. Э. Бертельса, «начал писать на персидском языке» [117]. Позднее «персидский литературный язык по-прежнему остается официальным языком узбекских ханств в Средней Азии (исключая Хиву, где тем не менее официальным языком казийского судопроизводства таджикский язык оставался до середины XIX в.). На персидском языке пишут свои произведения придворные поэты и историки бухарских ханов XVI и последующих веков» [118].

Таким образом, принятие излагаемого здесь подхода к узбекскому литературному языку как к историко-культурному явлению расширяет круг материалов, с которыми должен иметь дело исследователь истории узбекского литературного языка. Перед ним встает проблема изучения персидского (тад-

---

[114] Речь шла о том, что «проф. Саади заставляет Навои говорить об узбекском или, что еще более странно, староузбекском языке» (Е. Э. Бертельс, Отзыв на диссертацию проф. А. Г. Саади «Творчество Навои как высший этап в развитии узбекской классической литературы»,— Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 455).

[115] Цит. по: Е. Э. Бертельс, Навои,— там же, стр. 190.

[116] Там же, стр. 27.

[117] Там же, стр. 85; также стр. 52, 433.

[118] «История народов Узбекистана», т. 2, стр. 49.

жикского) языка произведений двуязычных тюркских поэтов с точки зрения тюркологической; результаты такого изучения могут быть включены в периодизацию истории литературного языка узбекского народа — разумеется, с сохранением существующей терминологии.

Это тем более важно, что, по мнению П. М. Мелиоранского, и сам «чагатайский язык создался не без участия иранских элементов» [119]. Такое участие было естественно в условиях длившегося веками иранско-тюркского двуязычия, в условиях, когда «тюркское население мирно жило бок о бок с населением иранского происхождения уже по крайней мере две тысячи лет тому назад, почему культура и история этих народов и сплетены так тесно» [120].

Арабский язык «в широких массах... распространялся, главным образом, как язык религии и в тех пределах, в каких он нужен для отправления религиозных обязанностей мусульманина» [121]. Георги, отмечая, что, например, «бухарцы сами имеют изрядных священнослужителей», подчеркивал особо: «а купцы их говорят арабским языком проворно» [122]. Арабский язык был «основой всей научной литературы» средневековья, без владения им было немыслимо само понятие «мусульманской образованности» [123]. Между тем довольно рано среди неарабов — деятелей науки и культуры, «не только воспринимавших с успехом арабско-мусульманскую культуру, но и содействовавших ее развитию, появились и турки» [124] (т. е. тюрки). Широкому внедрению арабизмов в «чагатайский язык» способствовали не только эти факторы непосредственного освоения тюрками арабского языка, но и фактор, так сказать, косвенный — насыщенность арабизмами персидского языка [125]. Достаточно сказать, что лексикографическое обследование языка Навои, в чьих произведениях, по мнению его современников (Бабур) и позднейших авторитетов восточной лингвистики (Мирза Мехди-хан Астрабади, Сулайман Бухари), язык тюркй «представлен в своей наиболее чистой

---

[119] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III. В частности, о том, что «язык бухарцев», «походит нарочито на персидской», писал еще И. Георги (Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. 2, СПб., 1776, стр. 64).

[120] Е. Э. Бертельс, История персидско-таджикской литературы,— Избранные труды, М., 1960, стр. 72.

[121] Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре, М.— Л., 1935, стр. 11.

[122] [Георги], Описание..., ч. 2, стр. 64.

[123] Е. Э. Бертельс, Низами, М., 1956, стр. 70.

[124] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. VI.

[125] Об исторических корнях этого явления см.: Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре, стр. 14 и сл.

форме»[126], требует участия иранистов и арабистов наряду с тюркологами. Начато изучение доли участия персидского, таджикского и арабского языков пока в грамматике языка одного лишь Навои[127].

Благодаря тому, что в «чагатайском языке», с одной стороны, могли сочетаться, по выражению П. М. Мелиоранского, «разноместные и разновременные слова и формы»[128], а с другой стороны — своеобразно преломлялся язык «мусульманской образованности» (арабский, отчасти персидский), возникали предпосылки использования этого языка в целях культурного общения многих тюркоязычных народностей в донациональный период[129].

Любопытное определение чагатайского языка как инструмента культурного общения ряда тюркоязычных народностей, имеющего своеобразную языковую субстанцию, дал, основываясь на свидетельствах ученых, происходящих из этих народностей, русский историк середины XVIII в. В. Н. Татищев: «Бухары и другие ученые сего народа в Астрахани и Казани чегодайский язык почитают за начало и главнейший в татарских [т. е. тюркских.— *Г. Б.*] диалектах и оной за нуждно почитают ученому совершенно разуметь, и он так от простого татарского разный, что не учась разуметь не можно, хотя слов подобных в татарском множество»[130].

Во всяком случае, тот «чагатайский», или язык тюрки́, который был утвержден в правах стандартного языка культурного общения Алишером Навои в XV в., без каких бы то ни было заметных изменений был принят для тех же целей в начале XVI в. узбеками Шейбани-хана[131] (последним этниче-

---

[126] Е. Э. Бертельс, Навои и литература Востока, стр. 434.

[127] См.: А. Рустамов, Некоторые грамматические особенности языка «Махбубул-кулуб» Алишера Навои. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1958; его же, Фонетико-морфологические особенности языка Алишера Навои. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1966. Более широко вопрос о роли «внешнего толчка со стороны мощного литературного языка: арабского» в развитии грамматических категорий тюркских языков ставил Н. К. Дмитриев (Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 171).

[128] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III.

[129] П. М. Мелиоранский определял «чагатайский» как «язык, на котором написаны сочинения разноплеменными тюрками Средней Азии...» (Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, стр. 4, прим. 1).

[130] В. Н. Татищев, История Российская, т. I, стр. 240. Замечание В. Н. Татищева о своеобразии языковой субстанции «чегодайского языка» может быть сопоставлено с известным противопоставлением «чагатайско-тюркского» и «тюркского» у Абу-л-Гази.

[131] Б. Н. Заходер несколько произвольно сместил из XV в. на XV—XVI вв. «сложение среднеазиатского тюркского литературного языка» для того, чтобы связать это явление с «периодом формирования узбекского государства» (Б. Н. Заходер, Алишер Навои..., стр. 388).

ским компонентом, который дал свое имя складывавшейся узбекской народности): Мухаммед Салих, поэт, как он сам отмечает, из «чагатайского племени» (чаҕатај ili), перешедший на службу к Шейбани-хану, пишет «Шейбани-на̄ме» тем же самым языком, каким пользовались Навои и Бабур.

Бесспорно, что «чагатайский язык», использовавшийся в средневековый период, а в ряде случаев — и в более поздний период[132], «оказывал большое влияние на формирование литературных языков народов Средней Азии и на татарский»[133]; по мнению М. Мансуроглу, староанатолийско-турецкий литературный язык также сохранял вплоть до XV в. живые связи с «чагатайским языком»[134]. Даже и на этом только основании «чагатайский язык», для которого к тому же — при всей невозможности проникнуть в реальные языковые отношения тюркского средневековья — бесспорны многоместные соотношения в диахронической перспективе, вполне возможно соотносить не только с современным узбекским языком в его литературной и многочисленных диалектных репрезентациях (в том числе и с говором «тюрков» Узбекистана[135]). В некоторых своих деталях этот язык может быть сопоставляем и с другими тюркскими языками и диалектами Средней Азии[136], как и с «синь-цзянско-уйгурским литературным языком... нового периода XIV—XX вв.»[137].

---

[132] Еще в конце прошлого века казахам, обучавшимся грамоте у татар, внушалось, что «их язык есть язык испорченный, нечистый (за норму при этом принимается нередко... джагатайский язык)» (П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, стр. 4). В результате для культурного общения возник «письменный, так сказать, „джагатайско-татарско-киргизский“ язык», существенно отличавшийся от живой речи казахов (там же).

[133] И. А. Батманов, Краткое введение..., стр. 103. Ср. также: С. Е. Малов, К истории казахского языка,— ИАН ОЛЯ, 1941, 3, стр. 100; Т. Р. Кордабаев, Синтаксис казахского языка..., стр. 10, 11; С. Ахаллы, Словарь Махмуда Кашгарского и туркменский язык, стр. 3.

[134] См. об этом: M. Mansuroğlu, Das Altosmanische,— «Philologiae turcicae fundamenta», I (см. рецензию: ВЯ, 1962, 1, стр. 108).

[135] См.: Г. Ф. Благова, Х. Д. Данияров, Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы,— ВЯ, 1966, 6.

[136] См.: З. Б. Мухамедова, Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. по данным арабоязычных филологических сочинений. Автореф. докт. дисс., М., 1969, стр. 3; Г. Ф. Благова, Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка,— ВЯ, 1965, 1; ее же, Из истории межтюркских языковых контактов,— «Народы Азии и Африки», 1969, 2; ее же, Использование достижений современной узбекской диалектологии при освещении фактов истории узбекского языка,— «Вопросы диалектологии тюркских языков», IV, Баку, 1966; Д. Ш. Шукуров, Из истории киргизского языка, стр. 70.

[137] А. К. Боровков, Учебник уйгурского языка, Л., 1935, стр. 205. См. также: А. Кайдаров, Уйгурский литературный язык и вопросы

Прежде всего, именно эти многоместные диахронические соотношения «чагатайского» языка как в перспективе его развития, так и в ретроспективе не позволяют однозначно истолковывать его как только «староузбекский» литературный язык, который, «естественно подвергаясь некоторым изменениям на протяжении пяти веков, представляет единую линию развития»[138], или трактовать «чагатайский» как «язык, доживший до наших дней и теперь называемый узбекским»[139].

Признавая бесспорной важную роль «чагатайского языка» в развитии историко-культурного явления «узбекский литературный язык» и имея в виду безусловную преемственную связь между «чагатайским» и современным узбекским литературным языком, которая возникла в результате взаимодействия этих двух типов письменного языка, нельзя тем не менее согласиться с таким полным и безоговорочным отождествлением «староузбекского» и «чагатайского» уже пото-

---

разработки научных принципов терминотворчества,— «Исследования по уйгурскому языку», Алма-Ата, 1965, стр. 6; Н. Катанов, Приметы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы,— «Сборник статей учеников проф. В. Р. Розена», СПб., 1897, стр. 30.

[138] А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, стр. 120. См. также о староузбекском языке как «непосредственном предшественнике современного узбекского литературного языка»: Е. Э. Бертельс, Навои,— Избранные труды. Навои и Джами, М., 1965, стр. 46. С этой точки зрения не удивительны дефиниции вроде «литературный узбекский язык XV в.» (А. Рустамов, Некоторые грамматические особенности языка «Махбубул-кулуб»..., стр. 15).

Ср. противоположную тенденцию в русском языкознании: веские и обоснованные возражения В. В. Виноградова вызвал тезис Б. О. Унбегауна о «непрерывном развитии, без какого бы то ни было разрыва, русского литерáтурного языка с киевского периода до наших дней. Это положение неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося» (Б. О. Унбегаун, Язык русской литературы и проблемы его развития,— «VI-e Congrès international des slavists. Communications de la délégation française et de la délégation suisse», Paris, 1968, стр. 129). В. В. Виноградов показал, что обратной стороной этого тезиса является признание того, что русский литературный язык «свободен от глубоких связей с русской народно-речевой почвой и всеми „сокровищами родного слова“ обязан языку церковнославянскому» (В. В. Виноградов, О новых исследованиях по истории русского литературного языка,— ВЯ, 1969, 2, стр. 9).

[139] С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии,— ИАН ОЛЯ, 1947, 6, стр. 475. Однако там же (стр. 476) С. Е. Малов недвусмысленно высказался за сохранение исторически сложившейся терминологии: «У нас нет особых оснований менять эту историческую терминологию, если мы не хотим смазывать и затушевывать ее наполненную своим специальным содержанием специфичность и если нет у нас к этому достаточных и уважительных причин. Конечно, делать это можно и это делают, но причин для этого в данном случае, кроме воображаемых, нет».

му, что «чагатайский язык» — понятие гораздо более поливалентное, нежели «староузбекский язык». Будучи по самому своему содержанию значительно у́же понятия «чагатайский язык», понятие «староузбекский язык» не покрывает всего того содержания, которое входит в понятие «чагатайский язык». Вытекающее из такого полного отождествления признание современного узбекского литературного языка «стадиальным продолжением» «чагатайского языка»[140] совершенно не учитывает, что «при установлении начального момента развития литературного национального языка следует иметь в виду два критерия: 1) осознание данного языка в качестве национального; 2) конкретное проявление его национальной формы», причем эти критерии, как правило, хронологически не совпадают[141].

При упрощенной трактовке как «узбекского языка XII—XIX вв.»[142] ряда стандартных письменных языков, которыми в качестве инструмента культурного общения пользовалась складывающаяся узбекская народность в разные периоды своей истории, искусственно сужается сложнейшая проблема. Так, если А. Н. Кононов еще и еще раз напоминает «о преемственности литератур и литературных языков государства Караханидов — Золотой Орды — Чагатаева улуса», о том, что «под „чагатайским" (равно как и „староузбекским") языком всегда понимался письменный (книжный) литературный язык, который явился не „мастерской" переработкой какого-то одного диалекта, а восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоордынского (XIII—XV вв., низовья Сыр-Дарьи и Хорезм)...»[143]; если на Е. Э. Бертельса язык «Хибат ал-хакайик», в частности, производил «впечатление

---

[140] И. А. Батманов, Краткое введение.., стр. 44.

[141] L. Todorov, În legătură cu inele probleme ale limbii literare terare bulgare, «Romanoslavica», Bucureşti, 1963, стр. 127 (цит. по: Е. И. Демина, «Начало» современного болгарского литературного языка..., стр. 86).

[142] Ш. Шукуров, История развития глагольных форм узбекского языка, Ташкент, 1966, стр. 11.

[143] А. Н. Кононов, Ценный труд по грамматике староузбекского языка, стр. 65, 64. Смешение понятий литературного языка как историко-культурного явления и «языковых органов», которыми это явление на разных этапах развития пользовалось для своего выражения, проглядывает в той терминологической непоследовательности, которую можно отметить в книге А. М. Щербака «Огуз-нāме. Мухаббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности» (разрядка наша.— *Г. Б.*). С одной стороны, в аннотации к книге (стр. 5) «среди старых литературных языков Средней Азии» выделяются «караханидский или карлукско-уйгурский (XI—XIII вв.) и золотоордынский (XIII—XV вв.)», которые справедливо называются «предшественниками староузбекского»; в соответствии с этим «Огуз-нāме» определен как

перехода от „уйгурского“ к „староузбекскому“» [144], то в исследованиях узбекских языковедов исчезает уже и самый термин «древнеуйгурский», или «караханидский», «золотоордынский». Например, язык «Хибат ал-хакайик» объявляется теперь «переходным этапом от древнеузбекского к староузбекскому и узбекскому языку. Надо сказать, что он во многом близок и к современному узбекскому языку» [145]. При таком подходе остается без внимания «специфический для советского языкознания вопрос о национальном языке как исторической категории, о разных социально-исторических и историколингвистических путях и условиях его формирования», а между тем именно «на этой почве в новом свете предстали и проблемы литературных языков и специфика их формирования и развития» [146].

При трактовке узбекского литературного языка как «единой линии развития», без какого бы то ни было разрыва, на протяжении пяти веков (а при теперешнем понимании, с включением в «древнеузбекский» языка енисейско-орхонских надписей,— на протяжении почти что десяти веков) не придается значения собственно структурным отличиям современного узбекского литературного языка от «чагатайского» — тем самым, о которых вполне категорически заявлял А. Қ. Боровков в работе 1933 г.[147]. По-видимому, именно эти «многие актуальные вопросы и проблемы, касающиеся выявления общей специфики и индивидуальных лексико-грамматических черт», имел в виду В. В. Решетов, когда писал, что нерешенность этих проблем «сплошь и рядом приводит к неверной оценке староузбекского языка в целом» [148]. Точно так же при

«карлукско-уйгурский», а «Мухаббат-нāме» — как «золотоордынский». Но, с другой стороны, тут же подчеркнуто, что «эти тексты дают представление о природе староузбекского литературного языка» (стр. 5).

[144] Е. Э. Бертельс, Хибат ал-хакаик Ахмада Югнаки,— «Труды САГУ». Нов. серия, 1945, вып. 3, Гуманитарные науки, кн. I, стр. 45.

[145] Қ. Махмудов, О произведении Ахмеда Югнекского «Хибатулхакайик» и его языке,— «Общественные науки в Узбекистане», 7, 1963, стр. 56.

[146] «Развитие языкознания в Советском Союзе за 50 лет»,— ВЯ, 1967, 5, стр. 12.

[147] «Современный узбекский язык нельзя включить в синтаксические и морфологические рамки чагатайского языка»; речь идет и «об абсолютной семантической неадэкватности средневекового чагатайского литературного языка и современного литературного узбекского языка» (А. Қ. Боровков, Узбекский литературный язык, стр. 85, 84). А. Қ. Боровков считал тогда, что «с точки зрения науки позволительно говорить об элементах воздействия чагатайского языка на современный литературный узбекский язык,— это и есть тема научного исследования, иная постановка абстрактна и не научна» (там же, стр. 84).

[148] В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, стр. 21.

изучении истории узбекского литературного языка не принимается во внимание общепризнанный факт существования глубоких различий в литературном языке донационального и национального периодов[149].

Игнорируются коренные различия в объеме и характере общественных функций, с одной стороны, «чагатайского» языка, который при минимальной грамотности народа в средние века до формирования узбекской национальности, естественно, не мог быть общенародным[150], и, с другой стороны, современного узбекского общенационального литературного языка. Социальные ограничения, налагаемые на функциональную сферу распространения «чагатайского» языка, выразились в том, например, что «чагатайский» зачастую или вовсе не использовался «в качестве языка официального делопроизводства и исторической литературы», или «предпочтение отдавали все-таки персидскому языку»[151]. Своеобразие литературы на «чагатайском» языке, которую по ее направлению в целом, конечно, нельзя считать реалистической, ее канонический характер на фоне преобладания поэтических жанров с их чуждой тюркским языкам метрической системой были одной из важных причин консервации языковых и стилистических норм[152]. Консервацию стиля можно усмотреть и

---

[149] Е. И. Демина, «Начало» современного болгарского литературного языка..., стр. 88—89 и сл.; А. В. Исаченко, Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских языков,— ВЯ, 1958, 3, стр. 42.

[150] «Трудно допустить,— пишет В. В. Решетов,— что письменный язык XV и смежных с ним веков, отличаясь „высоким стилем", был доступен широким массам...» (В. В. Решетов, Узбекский национальный язык, стр. 126). Быть может, в связи с этим обстоятельством следует рассматривать и сообщения о том, что уже «в эпоху Навā'ӣ „чагатайский" язык... оторвался от той или иной конкретной диалектной базы»: «в произведениях классиков староузбекской литературы, исключая предшественников Навā'ӣ, формы и фонетические особенности с ярко выраженной диалектной принадлежностью почти не встречаются» (А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 13). Ср. характерное для древнеславянского литературного языка XIV—XV вв. и XVI—XVII вв. «стремление отграничить письменный язык от языка разговорного, языка субстратно-диалектного, стремление придать ему книжный, интерславянский характер» (Н. И. Толстой, Роль кирило-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности,— «Исторические связи славянских народов. Доклады к V Международному конгрессу славистов», М., 1963, стр. 31).

[151] Так было, например, в Бухарском и Кокандском ханствах — см. об этом: А. Н. Кононов, Родословная туркмен, стр. 116.

[152] Намечающийся разрыв между традицией, продолжающей использовать «чагатайский язык» в качестве инструмента культурного общения, и живым восприятием этого языка как явления уже архаического можно усмотреть в известных словах Абу-л-Гази о том, что в своей летописи он «не прибавил ни одного выражения из чагатайско-тюркского».

в средневековой научной литературе со свойственным ей преобладанием языка мусульманской образованности и велеречивости, с отсутствием научной логики рассуждений. Широчайшее же функциональное развитие современного узбекского литературного языка как языка социалистической национальности — языка государственных решений и делопроизводства, языка радио, телевидения и газет, языка науки и самых разнообразных жанров реалистической литературы — подразумевает формирование совершенно новой, четко дифференцированной стилистической системы. Мощный фактор массовой коммуникации — книгопечатание — развился в полную свою силу только в национальный период истории узбекского литературного языка.

Не учтенным остается и другой важный фактор — принципиально иная графическая система «чагатайского» языка, нежели у современного литературного узбекского языка. Как писал П. М. Мелиоранский, «...теперь стало уже общим местом, что арабский алфавит весьма мало пригоден для изображения звуков турецкого языка [т. е. тюркских языков.— *Г. Б.*], и это обстоятельство всегда было и будет большой помехой для лингвистического исследования дошедших до нас памятников турецкого языка [т. е. тюркских языков.— *Г. Б.*], особенно со стороны фонетики...» [153]. В то же время благодаря именно тому факту, что орфография «чагатайских» рукописей «все-таки, по-видимому, не „фонетична“, а чисто условна» [154], близкородственным тюркским языкам предоставлялась уникальная возможность для фонетически неоднозначного чтения одного и того же текста. А это, при довольно ранней консервации «чагатайского» литературного языка [155], в свою очередь, усиливало впечатление его «всеобщности» как «орудия межтюркской культуры» довольно широкого ареала.

В добавление к вышесказанному надо принять во внима-

---

[153] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III. Н. И. Ильминский в письме от 3 мая 1876 г., отмечая, что арабский алфавит очень неудобен для тюркских языков, подчеркивал особо последствия, которыми, по его мнению, чревато применение этого алфавита к казахскому (по старой терминологии — киргизскому) языку: «Сравнивая языки татарский и киргизский, можно сказать, что арабско-татарское письмо еще мало-мальски идет к татарскому языку, но уже совершенно не годится для киргизского. Оно делает даже то, что, стушевывая и скрывая фонетические особенности киргизского языка, для последнего существенно важные, влечет его к поглощению языком татарским и следовательно к уничтожению» (Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам, Казань, 1883, стр. 19).

[154] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. III.

[155] А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, стр. 16.

ние еще произошедшую на глазах наших современников смену поколений («старого» поколения и «нашей узбекской молодежи», на что обращал внимание еще С. Е. Малов), между которыми — пропасть в самом характере их образованности, в характере используемых систем письменности, наконец, в самом восприятии классической «чагатайской» литературы.

Если учесть все вышеизложенное и к тому же вспомнить о происходившей в конце 20-х — начале 30-х годов нашего столетия острейшей борьбе против попыток «чагатаизации» современного узбекского литературного языка (а причиной этой борьбы было как раз то, что узбекская нация к моменту своего формирования не располагала достаточно развитым вариантом литературного языка на народной основе), станет очевидной методическая неоправданность и неисторичность одномерной трактовки современного узбекского литературного языка с его обширнейшей функциональной сферой и сильно развитой системой функциональных стилей всего лишь как прямого и непосредственного продолжателя «чагатайского», resp. «староузбекского» языка, «единая линия развития» которого не прерывается, по крайней мере, на протяжении пяти веков.

Высказанные в самое недавнее время концепции периодизации исторического развития тюркских языков (Э. Н. Наджип, А. Зайончковский), в которых возрождены традиционные попытки проследить многоместные диахронические соотношения для зафиксированных средневековых письменных тюркских языков, все еще не получили отклика в трудах историков тюркских языков.

Между тем насущной задачей изучения истории тюркских языков является широкое и критическое обсуждение всех существующих концепций периодизации их истории и классификации памятников средневековой тюркской письменности. При этом необходимо принять во внимание наметившееся научное движение в новом направлении при разработке истории славянских литературных языков [156]. Это тем бо-

[156] «Обсуждение вопросов формирования и развития национальных литературных славянских языков, в первую очередь, восточно- и южнославянских, показало также необходимость построения истории древнеславянского языка как единого литературного (культурного) языка славянства»; актуальными остаются «опыты создания общей истории древнеславянского языка... в тех или иных локальных ареалах (восточно- или южнославянском или у́же — русском, украинско-белорусском...)» — Н. И. Толстой, Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода,— «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», М., 1963, стр. 230.

лее необходимо, что в развитии старописьменных литературных языков, даже и принадлежащих к разным языковым группам, выявляется целый ряд общих или сходных моментов,— игнорировать их нежелательно: учет того, как сходные ситуации решаются русистами или славистами, может способствовать более широкому подходу к проблеме.

При решении этих сложных и важных задач неминуемо должны встать отнюдь не второстепенные по своей важности проблемы терминологического порядка. Получив, наконец, в отечественной тюркологии вполне удовлетворительное решение для сферы современной тюркской этнолингвистической номенклатуры, терминологические проблемы давно уже дожидаются не менее реалистического разрешения и в области истории тюркских языков. Для историков тюркских языков Средней Азии, например, при прогрессирующей условности термина «староузбекский язык» становится все более существенным вопрос: как именовать тот стандартный книжный тюркский язык, который использовался в качестве инструмента культурного общения многими тюркоязычными народами не только в XIV—XVII вв., но и позже,— «чагатайским» [157] ли, среднеазиатским письменным тюркским или же средневековым тюркй, среднеазиатским тюркй [158]?

Расширение хронологических и территориальных границ, в пределах которых этот стандартный язык функционировал как инструмент культурного общения, делает название «чагатайский язык» совершенно условным [159]. Думается, что при решении этой актуальной терминологической задачи нельзя забывать о тенденции, которая достаточно наглядно выявилась на протяжении развития тюркской этнолингвистической номенклатуры в отечественной тюркологии и в соответствии с

---

[157] В перечне обсуждаемых к принятию терминов «чагатайский» присутствует по праву. Дело в том, что, несмотря на всю свою неопределенность, расплывчатость и условность, термин «чагатайский» все еще живуч в тюркологии — вопреки многочисленным декларациям о том, что термин этот «в настоящее время почти не употребляется» (из самых последних работ см.: С. Н. Иванов, Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк, Ташкент, 1969, стр. 5).

[158] О «среднеазиатском „тюркй" и „тюркй" Поволжья и Урала» см.: Хорезми, Мухаббат-наме. Издание текста... Э. Н. Наджипа, стр. 7. Противопоставление двух терминов — *тюркй* и *чагатайский* (см., например: С. Аманжолов, К истории изучения казахских диалектов,— «Изв. АН КазССР», № 77, Серия лингв., 1948, вып. 5, стр. 44) — при таком уточнении оказывается излишним.

[159] Ср. *староджагатайский* (П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II, СПб., 1897, стр. 91) и «*новоджагатайские* диалекты» (его же, Документ уйгурского письма Султана Омар-шейха, СПб., 1904, стр. 05); «*предчагатайский* (уйгурский) период» (И. А. Батманов, Краткое введение..., стр. 103).

которой происходило постепенное, но неуклонное сближение любого такого термина с распространенным историческим самоназванием тюркского народа (resp. языка). Высказываясь, таким образом, за использование термина «язык тюркѝ» [160], который с легкостью может принимать географические или временны́е уточнители-определения, подчеркнем, что с точки зрения современной русской тюркологической терминологии, где полностью сложилось противопоставление: обобщающе-родовой термин *тюрки* — конкретно-видовой термин *турки*, обобщающее значение термина «язык тюркѝ» ныне не подлежит сомнению [161].

Итак, изучение термина *чагатайский* в историко-лингвистическом аспекте с неизбежностью привело к жгучим вопросам истории узбекского литературного языка и шире — к проблеме общего исторического процесса функционирования литературного языка в Средней Азии. Естественно, что в пределах одной статьи нет возможности сколько-нибудь детально рассмотреть все эти вопросы [162]. Их научное разрешение появится только в результате комплексных целенаправленных исследований.

---

160 Л. Лигети предложил термин *туркийский* (хотя и подчеркнул сам, что это термин «иноязычный и неудобопонятный») — см.: Л. Лигети, О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана,— «Acta Orient. Hung.», Budapest, 1954, IV, 1—3, стр. 97.

161 Критику точки зрения «узбеки не тюрки», которая была сформулирована в пылу борьбы против пантюркизма, см.: «О марксистско-ленинском освещении истории и истории культуры народов Узбекистана», стр. 76 (ср. стр. 26, 39).

162 В заключение автор пользуется случаем поблагодарить всех, кто прочитал эту статью в рукописи и помог автору критическими замечаниями и советами,— А. Н. Кононова, С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака, Э. Р. Тенишева, Э. Н. Наджипа, В. М. Насилова, Э. А. Грунину, В. Д. Артамошину, Ю. В. Рождественского, Н. И. Толстого, Ю. Э. Брегеля.

И. В. Стеблева

СИНКОПИРОВАНИЕ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ «ДИВАН ЛУГАТ АТ-ТУРК» МАХМУДА АЛ-КАШГАРИ

Появление в XI в. поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» положило начало истории классической тюркоязычной поэзии, которая складывалась на основе арабо-персидской теории метров, рифмы и поэтических фигур. С этого времени (а возможно, и несколько раньше) начинается процесс развития тюркского аруза, употребление которого отмечено в творчестве отдельных авторов вплоть до наших дней.

Тюркский аруз представляет собой самостоятельную область стиховедения, так же как арабский и персидский, и следует признать, что проблема тюркского аруза в настоящее время недостаточно изучена. Традиционное мнение, господствующее в тюркологии, сводится к тому, что аруз как система (по происхождению — квантитативное стихосложение) абсолютно чужд тюркским языкам. Главным доводом здесь обычно служит отсутствие в тюркских языках долгот, которые могли бы стать фонологической базой ритма. Однако история средневековой тюркоязычной поэзии демонстрирует достаточно яркий факт безраздельного господства аруза. Поэтому создается впечатление, что вывод о чуждости аруза, вытекающий из чисто лингвистического аспекта проблемы, не ставится ни в какую связь с противоречащим ему фактом внедрения аруза в тюркскую языковую среду и с пышным расцветом поэзии, созданной на основе аруза. Между тем из поэтической практики других народов известно, что в языке утверждается обычно та система стихосложения, которая в общем соответствует фонетическим законам данного языка. Понятно, что здесь необходимо учитывать и возможное влияние поэтической традиции, которая, будучи привнесена из иноязычной поэзии, может диктовать свои условия, вызывающие на первых порах сопротивление языка новой поэтической форме. В дальнейшем, как правило, новая поэтическая фор-

ма вживается в язык, отыскивая в нем любые возможности для своего существования на лексическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Одновременно с этим язык предъявляет новой поэтической форме свои требования, видоизменяя последнюю или, во всяком случае, принимая в ней те элементы, которые способствуют созданию компромисса, равновесия между природными свойствами языка и нормами поэтики, выработанными на основе иноязычной поэзии. Кажется вполне очевидным, что в таком случае задача исследования тюркского аруза сводится к тому, чтобы выявить пути приспособления аруза к тюркским языкам, потому что только в этом случае станет ясной подлинная картина развития классической тюркоязычной поэзии.

Как известно, главную роль в приспособлении аруза к тюркским языкам сыграло постепенное создание поэтического словаря. Усвоение тематики, характерной для арабской и персидской поэзии, а также связанной с исламом, неизбежно сопровождалось обогащением тюркского поэтического словаря лексикой арабского и персидского происхождения. Е. Э. Бертельс, сравнивая метры поэм «Кутадгу билиг» (XI в.) и «Хибат ал-хака'ик» Ахмада Югнаки (XII в.), писал, что в последней метр ровнее потому, что ее автор прибегает к гораздо большему числу арабо-персидских лексических заимствований, чем это делал Юсуф Баласагунский[1]. В дальнейшем, в эпоху расцвета классической тюркоязычной литературы (конец XV — начало XVI в.), арабо-персидские заимствования в поэтической речи как в Средней, так и в Малой Азии достигали 90%[2].

Однако создание новой поэтической формы в тюркоязычной поэзии естественно не могло ограничиться только изменениями в области лексики. Если исходить из того, что для тюркской поэзии, так же как и для любой другой, действителен закон преемственности поэтических форм, то, по-видимому, следует допустить, что новая поэтическая форма должна была наложиться на старую и должным образом преобразовать ее. Анализ произведений классической тюркоязычной поэзии в разные периоды ее существования позволяет убедиться в том, что для трансформации древнетюркской поэтической формы в новую, вырабатывавшуюся на основе арабо-персидской поэтики, существовал ряд благоприятных условий. В частности, помимо правила тюркского аруза считать

---

[1] Е. Э. Бертельс, «Хибат ал-хакаик» Ахмада Югнаки,— «Труды САГУ», Новая серия, Ташкент, 1945, вып. 3, кн. I, стр. 29—46.

[2] О заимствованиях в старотурецкой поэзии см.: S. Rymkiewicz, Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur,— RO, t. XXVII, z. 1, стр. 65.

в тюркских словах закрытые слоги долгими и открытые — краткими и долгими прослеживается тенденция совместить расположение ударных слогов в тюркских словах с расположением долгих слогов в схемах метров[3].

Важное значение имело также совпадение стихотворного и музыкального ритмов, т. е. соотнесенность музыкальных ритмов с теми или иными метрами аруза[4]. По-видимому, существовало также представление о соотношении относительно более долгих и менее долгих гласных, возникающем в потоке речи.

Для выявления путей приспособления аруза к тюркским языкам чрезвычайно интересны ранние попытки использования аруза, к которым относятся поэтические тексты из «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари (XI в.)[5]. Цель данной статьи—показать зафиксированное арабской графикой выпадение узких гласных в тюркских словах, которое было продиктовано ритмической схемой того или иного метра аруза.

1. *kämšib*<*kämišib* (от глагола *kämiš-*):

◡— — —|◡— — —

atyɣ kämšib urylady (I, 10)[6]

«Он кричал, понукая коня».

Текст написан метром ***хазадж-и мурабба'-и са̄лим*** по формуле ***мафа̄'ӣлун мафа̄'ӣлун***. В слове ***kämšib*** синкопирован узкий гласный *i*, поэтому образовался закрытый и, следовательно, долгий слог ***käm***, необходимый здесь по схеме хазаджа.

— — ◡ —|— ◡ —

kämšib atyɣ täkdimiz (II, 3)

«Погнав коней, мы настигли [их]».

[3] См. подробно: И. В. Стеблева, О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию,— сб. «Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока», М., 1964, стр. 285—303; ее же, Поэтика «Кутадгу билиг»,— «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 94—97.

[4] Более подробно см.: И. В. Стеблева, О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию, стр. 302—303; ее же, Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии,— «Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 128—129.

[5] Подробный анализ метров аруза, усматриваемых нами в текстах «Диван лугат ат-турк», дан в кн.: И. В. Стеблева, Развитие тюркских поэтических форм в XI веке, М., 1971, гл. 2.

[6] Римские и арабские цифры в скобках после примеров соответствуют нумерации текстов в вышеуказанной книге. Там же см. арабское написание текстов.

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфӯ'* по формуле *мустаф'илун фā'илун*. Здесь употребление слова *kämšib* с синкопированным гласным *i* дало начало схемы раджаза. Благодаря инверсии *kämšib atyɣ* образовалась первая стопа раджаза (— — ◡ —); в приведенном ранее примере при сохранении нормального порядка слов — *atyɣ kämšib* сочетание тех же слов формирует стопу хазаджа (◡— — —).

2. *ulšyb<ulyšyb* (от глагола *ulyš-*):

— — ◡ —|— ◡ —

ulšyb ärän börläjü (XIII, 7)
«Мужи воют, как волки».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфӯ'* по формуле *мустаф'илун фā'илун*. В слове *ulšyb* синкопирован узкий гласный *у*, поэтому первый слог слова (*ul*) закрытый и, следовательно, долгий, что соответствует схеме раджаза.

3. *ötnür<ötünür* (от глагола *ötün-*):

— — ◡ —|◡ — —|— — ◡ —|◡ —

ajɣyl sizin̡ tabuɣčy ötnür jän̡i tabuɣ (XV, 1)
«Скажи: „Ваш слуга испрашивает новую службу"».

Текст написан метром *мунсарих̣-и мусамман-и мах̮бӯн-и макшӯф-и мах̱з̱ӯф* по формуле *мустаф'илун фа'ӯлун мустаф'илун фа'ал*. Выпадение узкого гласного *ü* делает первый слог слова *ötnür* закрытым (*öt*), т. е. долгим в соответствии со схемой метра мунсарих̣. В связи с требованиями данного метра и рифмы приведенная строка, как и весь текст, инверсирована.

4. *jüknüb<jükünüb* (от глагола *jükün-*):

— — ◡ —|— ◡ —

jüknüb man̡a imlädi (XVII, 2)
«Поклонившись, она сделала мне знак».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфӯ'* по формуле *мустаф'илун фā'илун*. В слове *jüknüb* синкопирован узкий гласный *ü*, благодаря этому образовался закрытый слог *jük* — долгий по схеме метра.

5. *äštür<äšitür*, *äštib<äšitib* (от глагола *äšit-*):

— ◡ — —|— ◡ —

kim ajyb äštür qulaq (XXVI, 2)
«[Если [кто-то скажет, услышит ухо [всякого]».

Текст написан метром *рамал-и мурабба‘-и маḳçӯр* по формуле *фā‘илāтун фā‘илāн.* В слове *äštür* синкопирован узкий гласный *i*, в результате чего образовался закрытый слог *äš* — необходимый по схеме метра долгий слог первой стопы рамаля.

— — ⌣ — | ⌣ — — — | — — ⌣ — | ⌣ — —
äštib ata anaŋnyŋ savlaryny qadyrma (XLIX, 1)
«Слушая речи своих родителей, не отвергай [их]».

Текст написан метром *мунсарих̣-и муçамман-и махбӯн-и макшӯф* по формуле *мустаф‘илун фа‘ӯлун мустаф‘илун фа‘ӯлун.* Благодаря выпадению узкого гласного *i* в слове *äštib* образуется закрытый слог *äš* — долгий слог в начале первой стопы мунсарих̣а.

6. *qaγrulur*<*qaγurulur* (от глагола *qaγurul-*):
— — ⌣ — | — ⌣ —
öpkä jüräk qaγrulur (XXVII, 2)
«Легкие [и] сердце пылают».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба‘-и марфӯ‘* по формуле *мустаф‘илун фā‘илун.* В слове *qaγrulur* синкопирован узкий гласный *u*, вследствие чего образовался закрытый и, следовательно, долгий, слог *qaγ*, необходимый по схеме метра.

7. *sävnälim*<*sävinälim* (от глагола *sävin-*):
— — ⌣ — | — ⌣ —
tün kün bilä sävnälim (XXIX, 2)
«Будем радоваться ночью [и] днем».
— — ⌣ — | — ⌣ —
qačty saqynč sävnälim (XXIX, 3)
«Печаль бежала прочь, будем радоваться».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба‘-и марфӯ‘* по формуле *мустаф‘илун фā‘илун.* Выпадение узкого гласного *i* и образование закрытого слога *säv* в слове *sävnälim* обеспечивает правильность второй стопы раджаза, начинающейся с долгого слога.

8. *avnalym*<*avynalym* (от глагола *avyn-*):
— — ⌣ — | — ⌣ —
bäzräm qylyb avnalym (XXIX, 4)
«Устроив празднество, будем развлекаться».

Как было указано выше, текст написан четырехстопным раджазом, вторая стопа которого изменена *зиḫāфом раф'*. Выпадение узкого гласного *у* делает первый слог слова *avnalym* закрытым, т. е. долгим, в соответствии со схемой метра.

9. *umnalym<umynalym* (от глагола *umyn-*):

— — ⌣ — | — ⌣ —

tutmyš sany umnalym (XXIX, 5)

«Будем считать, что она [его] схватила».

Синкопирование узкого гласного *у* делает первый слог слова *umnalym* закрытым, т. е. долгим (парадигму метра см. выше).

10. *öglälim<ögülälim* (от глагола *ögül-*):

— — ⌣ — | — ⌣ —

ärdäm bilä öglälim (XXIX, 6)

«Похвалимся [своими] доблестями».

Здесь наблюдается выпадение узкого гласного *ü*, в результате чего в слове *öglälim* образуется закрытый слог *ög* — первый слог второй стопы раджаза, начинающейся с долгого слога (парадигму метра см. выше).

11. *qučšub<qučušub* (от глагола *qučuš-*):

— — ⌣ — | ⌣ — —

qučšub taqy qavuštum (XXX, 7)

«Обнимался [и] сошелся (сдружился) [с ним]».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и муḫалла'* по формуле *мустаф'илун фа'ӯлун*. Выпадение узкого гласного *u* дало в слове *qučšub* закрытый первый слог *quč*, соответствующий необходимому здесь долгому слогу метра.

12. *sačlub<sačylub* (от глагола *sačyl-*):

— — ⌣ — | — ⌣ —

sačlub suvy äŋrāšür (XXXV, 13)

«Разливаясь, ревут воды».

Текст написан метром *раджаз-и мурабба'-и марфӯ'* по формуле *мустаф'илун фā'илун*. В слове *sačlub* синкопирован узкий гласный *у*, вследствие чего образовался закрытый слог *sač* — долгий слог в начале первой стопы раджаза.

13. *qaršyb*<*qaryšyb* (от глагола *qaryš-*):
— — ⏑ — | ⏑ — — | — — ⏑ — | ⏑ — —
qoldaš bilä jarašɣyl qaršyb adyn ödürmä (XLIX, 2)
«Будь в ладах с товарищем, не выбирай взамен [него] другого».

Текст написан метром *мунсарих̣-и мус̣амман-и мах̮бӯн-и макшӯф* по формуле *мустафʻилун фаʻӯлун мустафʻилун фаʻӯлун*. Вследствие выпадения узкого гласного *у* в слове *qaršyb* образуется закрытый слог *qar* — долгий слог в начале третьей стопы мунсарих̣а.

Явление синкопирования узких гласных в поэтических текстах «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари свидетельствует о факте регулирующего влияния метров аруза. Синкопированные гласные являются лишними в схеме метров, употребленных в том или ином тексте, и поэтому при скандировании по метру они опускаются, что в данном случае нашло свое графическое отражение. Подобная практика синкопирования, по-видимому, существовала и в эпоху древнетюркской поэзии в качестве средства темпорального выравнивания разносложных строк. Важно отметить, что если бы в приведенных выше примерах узкие гласные были сохранены, нарушений в метрах аруза не было бы, потому что два кратких слога могли считаться за один долгий. Однако необходимости в обязательном сохранении узких гласных, вероятно, не было, поэтому поэтическая форма воспользовалась здесь неустойчивостью тюркских узких гласных в целях оптимально простого способа построения необходимых ритмических схем.

И. В. Стеблева

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В данной статье делается попытка реконструкции и описания религиозно-мифологической системы древних тюрков[1] на основании текстов рунического письма — Большой и Малой надписей в честь Кюль-тегина, Надписи в честь Тоньюкука, некоторых енисейских эпитафий и гадательной книги.

По имеющимся немногочисленным данным к религиозной системе древних тюрков представляется возможным отнести следующие элементы.

1. К высшему уровню древнетюркской мифологии относится один объект — Täŋri, что означает «небо» и «бог». В древнетюркских текстах, как и в некоторых других восточных традициях, такое сочетание значений характерно для названия высшего бога, который воспринимается как обожествляемое небо. Данный объект характеризуется связью со следующими атрибутами: а) указание на верх: «Вверху небо тюрков, тюркская священная земля-вода вот так сказали: „Да не

---

[1] Общие принципы описания см.: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период), М., 1965; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, К описанию некоторых кетских семиотических систем,— «Труды по знаковым системам», Тарту, 1965, II («Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 181); В. Н. Топоров, О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов,— «Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты», М., 1969; Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Комментарий к описанию кетской мифологии,— там же; Вяч. Вс. Иванов, Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии,— «Труды по знаковым системам», Тарту, 1965, IV («Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 236). См. также: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, К семиотической интерпретации коровая и коровайных обрядов у белоруссов,— «Труды по знаковым системам», Тарту, 1967, III («Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 198); В. Н. Топоров, К реконструкции мифа о мировом яйце (На материале русских сказок),— там же.

исчезнет тюркский народ! Да будет он народом!“» (Большая надпись в честь Кюль-тегина, 77—80[2]— далее КТБ; см. также 83, 166 и др.); б) созидательная функция: «Говоря: „Имя и слава тюркского народа да не погибнут!“— моего отца-кагана, мою мать-катун возвысившее небо, небо, дающее государства,— „Имя и слава тюркского народа да не погибнут!“— говоря, надо думать, посадило [и меня] каганом» (КТБ, 188—195, см. также 61—80); в) покровительствующая функция: «Так как небо дало [им] силу, войско моего отца кагана было подобно волку, враги его были подобны овцам» (КТБ, 89—91), «Небо оказало [нам] милость — мы рассеяли [их] (т. е. врагов)» (Надпись в честь Тоньюкука, 81 — далее Тон.); г) функция распорядителя человеческих судеб: «Время распределяет небо, сыны человеческие родились, чтобы все умереть» (КТБ, 390); д) карающая функция: «...небо [тебя] (т. е. тюркский народ) погубило» (Тон., 9); «Небо, Умай, священная земля-вода покарают нас...» (Тон., 221—222); е) связь с мужским началом, о чем можно заключить по постоянному эпитету кагана — небоподобный (Малая надпись в честь Кюль-тегина, 1 — далее КТМ) при отсутствии указания на антропоморфный облик.

Таким образом, высшее божество — небо в древнетюркских текстах характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека.

Культ неба зафиксирован китайскими историческими хрониками у хунну последних столетий до нашей эры[3] и у ряда тюрко-монгольских народов, игравших важную роль в истории Центральной и Средней Азии в первые века нашей эры: ухуань, сяньби, жуань жуань, хойху и тугю[4]. У тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья — бельтиров (группа хакасов) и качинцев культ неба сохранился вплоть до наших дней в качестве родового и дошаманистского культа; ритуал поклонения небу совершается без шамана[5].

---

[2] Нумерация строк Большой и Малой надписей в честь Кюль-тегина и Надписи в честь Тоньюкука дана по изданию текстов и их переводов в кн.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1965.

[3] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.— Л., 1950, стр. 49, 65 (сноска).

[4] Там же, стр. соответственно 144, 177, 197, 214, 231.

[5] С. Д. Майнагашев, Жертвоприношение Небу у бельтиров,— «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. III, Пг., 1916; Л. П. Потапов, К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья,— «Филология и история монгольских народов», М., 1958, стр. 317—319. О культе неба см. также: J. P. Roux, Tängri. Essais sur le ciel-Dieu des peuples altaïques,— «Revue de l'histoire des réligions», t. CXLIX, 1—2, 1956; t. CL, 1—2, 1956; его же, Notes additionnelles à Tängri,— там же, t. CLLV, 1958; его же, La réligion des Turcs de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siècles,— там же, t. CLXI, 1962, 1, стр. 19—24; по поводу других

2. Ко второму уровню относится божество Umaj, характеризующееся: а) чертами женского существа: «...на радость моей матери-катун, подобной Умай» (КТБ, 233). Богиня Умай, которая иногда квалифицируется как богиня плодородия, олицетворяет родящее, женское начало, что подтверждается параллелью сравнений: отец-каган, подобный небу,— мать-катун, подобная Умай[6]; б) карающая функция Умай в древнетюркских текстах находит свое выражение в следующих строках: «Небо, Умай... покарают нас...» (Тон., 221—222).

Культ Умай сохранился у народов Саяно-Алтайского нагорья, а также у узбеков и киргизов, где Умай несет функции покровительницы детей и хранительницы домашнего очага[7]. По одним версиям, бытующим у тюрков Саяно-Алтайского нагорья, Умай обитает в окрестностях озера *сÿттÿгköl* 'молочное озеро' (шорцы, сагайцы) или *сÿт ак köl* 'молочное белое озеро' (телеуты), которое Л. П. Потапов отождествляет с озером Сутхоль на территории Тувы. По другим версиям, ее местоположение на горе Сумер[8].

Отношения между объектами первого и второго уровней выражаются в том, что Täŋri соотносится с верхом, небом, Umaj — с низом, землей.

3. К третьему уровню относится Yduq jär sub (священная земля-вода). На основании орхонских текстов можно характеризовать данный объект следующими атрибутами: а) благодетельная функция: «...тюркская священная земля-вода вот так сказали: „Да не исчезнет тюркский народ! Да будет он народом!"» (КТБ, 78—80); б) карающая функция: «Небо, Умай, священная земля-вода покарают нас...» (Тон., 221—222).

Древность культа Yduq jär sub подтверждается китайскими династийными хрониками, где сообщается о поклонении земле у хунну в последние века до нашей эры[9]. Культ *йер-су*, т. е. духов земли и воды, существовал до сравнительно не-

культов см.: t. CLXI, 2; среди других работ зарубежных авторов, посвященных вопросам религии домусульманских тюрков, см.: U. Harva, Die Religiösen Vorstellungen der altaischen Völker, Helsinki, 1938; A. v. Gabain, Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften,— «Anthropos», 48, 1953.

[6] Ср. «умай» в значении 'послед, детское место' в «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари, т. I, стр. 123 по изд. Б. Аталая.

[7] См.: Н. П. Дыренкова, Умай в культе турецких племен,— сб. «Культура и письменность Востока», III, Баку, 1928, стр. 134; см. также: L. Bazin La déesse-mère chez les Turcs pré-islamiques,— «Bulletin de Société E. Renan», 1953, 2.

[8] Н. П. Дыренкова, Умай в культе турецких племен, стр. 136; Л. П. Потапов, К изучению шаманизма, стр. 321—322.

[9] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 49; о культе земли у народа ухуань см. стр. 114.

давнего времени у киргизов и в наиболее отчетливой форме у алтайцев. Согласно поверьям алтайцев, каждый род имеет в качестве родового покровителя ту или иную гору, скалу, реку, озеро, которые он почитает как чистых духов (*арӯ нӓмӓ* — букв. 'нечто чистое'). При этом общее количество таких родовых духов у алтайцев довольно велико и места их обитания выходят далеко за пределы Алтая — в Монголию и к северу по Енисею[10]. К культу *йер-су* относится и поклонение горам, отмеченное у ряда тюркских народов Саяно-Алтайского нагорья в виде обособившегося ритуала — моления родовым горам. Поклонение духам земли (гор) и воды является древним родовым культом, предшествовавшим шаманизму, но затем вошедшим в шаманскую религиозную традицию; обряд поклонения мог выполняться без участия шамана, но также и с помощью последнего[11]. Небезынтересно отметить, что та генетическая связь культа родовых гор с коренными территориями обитания рода или племени, которая наблюдается у тюрков Саяно-Алтайского нагорья[12], явственно прослеживается в орхонских текстах: «Та, что держали наши предки, земля-вода без владыки да не будет!» (КТБ, 143—144); «Да не останется без властителя Кёгменская земля-вода!» (КТБ, 151), где *йер-су* употребляется в значении родины, как места исконного обитания того или иного тюркского народа.

Необходимо отметить, что духи земли-воды связываются не с нижним, подземным миром, а с той сферой, в которой живет сам человек[13].

Отношения между объектами первого и третьего уровней таковы же, как и первого и второго: верх — низ, небо — земля.

4. К четвертому уровню, по-видимому, можно отнести

---

[10] А. В. Анохин, Материалы по шаманству у алтайцев, Л., 1924 («Сборник Музея антропологии и этнографии», т. IV, 2), стр. 14—17. В. В. Бартольд полагал, что «йер суб» в орхонских текстах представляет собой единое божество, а не совокупность духов земли и воды, хотя и не указывал оснований для такого вывода (В. В. Бартольд, Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии,— Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 27; ср. также утверждение Л. П. Потапова о том, что «Иер-су»— это женское божество, «покровительница земли и вод» — К изучению шаманизма, стр. 321). Однако сведения А. В. Анохина, конкретно зафиксировавшего у алтайцев культ *йер-су* в качестве духов земли и воды, показывают, что здесь нет оснований видеть единое божество. Что касается мнения Л. П. Потапова, следует отметить, что орхоно-енисейские тексты не содержат указаний на какое-либо другое женское божество, кроме Умай.

[11] Л. П. Потапов, К изучению шаманизма, стр. 319, 320—321.

[12] Там же, стр. 321.

[13] См.: А. В. Анохин, Материалы по шаманству, стр. 15.

культ предков, который, как отмечают китайские династийные хроники, существовал у всех тюрко-монгольских народов, начиная с хунну последних столетий до нашей эры и вплоть до интересующей нас непосредственно эпохи Восточнотюркского каганата, и который хорошо известен у тюркских народов позднейшего времени. Следует уточнить, однако, что прямых свидетельств о культе предков в исследуемых нами текстах не обнаруживается. В качестве же косвенных можно указать на те строки надписей, в которых говорится о необходимости сохранять верность идеалам предков, следовать установлениям и законам предков (КТБ, 34—43; 94—98). Кроме этого, некоторым отражением культа предков может служить и то, что в начале Большой надписи в честь Кюль-тегина, где рисуется время идеализируемого прошлого тюркского народа, упоминание предков Бумын-кагана и Истеми-кагана следует сразу за временем сотворения (или возникновения) неба и земли, т. е. за временем мифологического прошлого (КТБ, 1—33).

К этому списку объектов древнетюркской мифологии, который можно установить на основании орхонских текстов, следует добавить еще ряд объектов, упоминаемых в рунической гадательной книге. При этом нужно учесть, что идентификация их весьма гипотетична.

1. Ala atlyɣjol täŋri — предположительно переводится как «бог судеб (букв. 'путей') на пегом коне». Данный объект характеризуется связью со следующими атрибутами: а) обладание пегим конем; б) нахождение в постоянном движении: «...утром и вечером я скачу» (Книга гаданий, II[14] — далее КГ); в) возможность непосредственных отношений с человеком: «Перед собой двух месяцев человеческого сына он встретил» (КГ, II); г) благожелательное отношение к человеку: «„Не бойся! ... Я дам тебе счастье!“ — он сказал» (КГ, II).

Для определения характера данного объекта, по-видимому, небесполезно привести сведения, которые можно извлечь из текстов-призываний алтайских шаманов. В частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что эпитет пегий встречается только при молениях кровным чистым духам и Каршыту, который является старшим сыном светлого, доброго бога Ульгеня и пользуется среди алтайцев большой популярностью как самостоятельное божество, отделившееся от Ульгеня[15].

2. В Книге гаданий мы находим упоминание божества, но-

[14] Текст см. в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951, стр. 80—85.

[15] См. тексты и перевод в кн.: А. В. Анохин, Материалы по шаманству, стр. 66, 77, 104, 105; о Каршыте см. стр. 12.

сящего название Täŋri, но, по-видимому, не являющегося высшим богом — небом. Его атрибуты таковы: а) возможность непосредственных отношений с человеком: «Человек (муж) передвигался ползком (смиренно?) [и] встретился с божеством» (КГ, XLVII); б) благожелательное отношение к человеку: «„Да будет в твоем загоне скот! Да будешь ты сам долголетен"— оно сказало» (КГ, XLVII).

Указанные признаки данного объекта можно в известной степени соотнести с отличительными чертами алтайского божества Яйика, который представляется алтайцам частью Ульгеня, посланной им на землю, чтобы охранять людей от всего дурного и давать всему жизнь. Таким образом, Яйик является духом-посредником между высшим богом алтайцев Ульгенем и человеком [16].

3. Qara jol täŋri, что может быть переведено «черный бог судеб (букв. 'путей')» или «бог черного пути». Данный объект характеризуется связью со следующими атрибутами: а) черный цвет или хозяин черного пути; б) медицинская функция: «То, что у тебя сломано, я соединяю, то, что у тебя разорвано, я связываю» (КГ, XLVIII); в) созидательная функция: «Я создал народ (или государство?)» (КГ, XLVIII).

Перечисленные атрибуты данного объекта весьма интересно сопоставить с характерными чертами черного, злого бога алтайцев — Эрлика, которого они называют *кара нӓмӓ* (букв. 'нечто черное'). Из текстов-призываний алтайских шаманов к Эрлику представляется возможным установить, что к Эрлику ведет черная дорога с семью препятствиями, которые на основании этих же текстов вернее было бы назвать семью фазами пути, все более трудными. При этом каждая фаза пути шамана к Эрлику описывается с неоднократным повторением эптитета черный [17]. Эрлик насылает на людей болезни, но от него зависит и их выздоровление. По одним алтайским версиям, Эрлик является создателем части людей (другую часть создал Ульгень), по другим версиям, Эрлику приписывается создание человеческих душ [18].

При всей гипотетичности предложенных сопоставлений кажется возможным с достаточной уверенностью утверждать, что Книга гаданий содержит указание на существование у тюрков двух противоположных богов — светлого, доброго и черного, злого. Остается не совсем ясным, в каком отношении находятся добрые божества Книги гаданий, о которых речь шла выше, к высшему богу древних тюрков — небу. Самое общее предположение здесь может быть сведено к

[16] Там же, стр. 12—13.
[17] См. тексты и перевод там же, стр. 85—87.
[18] Там же, стр. 18—19.

тому, что, поскольку в Книге гаданий имеются также упоминания неба: «Снова по милости неба...» (XV); «Силою неба...»(XVII); «Вверху небо услышало...» (LIV, LX); «Та, к которой небо не было милостиво...» (XXXVIII), причем в отчетливо выраженном абстрактном контексте (ср. с аналогичным характером упоминания неба в орхонских текстах), то, по-видимому, добрые божества Книги гаданий, непосредственно вступающие в контакты с человеком и, следовательно, соотнесенные со сферой существования самого человека, относятся к некоторым низшим уровням системы. Таким образом, отношения между объектами могут быть выражены в оппозициях: верх — низ, небо — земля, а также, если считать, что Qara joltäŋri является черным, злым богом, живущим в нижнем, подземном мире, как Эрлик у алтайцев[19], то отношения между объектами будут выражаться в оппозициях: верхний мир (небо) — нижний (подземный) мир и средний мир (земля) — нижний (подземный) мир.

При анализе бинарных оппозиций[20] в текстах рунического письма представляется возможным выделить противопоставления универсального характера, не связанные с конкретными предметами. Одновременно с этим обнаруживается сумма конкретных классификаторов, часть которых также является универсальной. Основным противопоставлением, характерным не только для древнетюркской традиции, является различение положительного и отрицательного. Реализация этого противопоставления осуществляется в ряде частных противопоставлений, которые можно объединить в группы.

[19] Там же, стр. 3.

[20] В настоящее время бинарные системы символической классификации обнаружены при изучении архаических культурных традиций ряда европейских народов и значительного числа народов Азии, Африки, Океании и других частей света. Было установлено, что бинарная символическая классификация связана с дуальной организацией общества. Каждая из двух экзогамных половин племени соотносится с одним из рядов бинарной классификации (см.: А. М. З о л о т а р е в, Родовой строй и первобытная мифология, М., 1964; A. M. H o c a r t, Kings and Councillors, Cairo, 1936; C. L e v i - S t r a u s s, Anthropologie structurale, Paris, 1958). При дальнейшем развитии общества, ведущем к созданию государства, бинарные символы, имеющие в архаических обществах ритуальный и социальный смысл, могут сохраняться в качестве пережитков более ранних общественных структур и с течением времени приобрести исключительно орнаментальный характер. В настоящее время обнаружено также, что набор основных бинарных оппозиций (семантических противопоставлений) оказывается совпадающим в главных чертах не только для культурных традиций древних славян, финно-угорских, сибирских и некоторых тюркских народов, но и для народов, не относящихся к евразийскому ареалу (см.: В я ч. В с. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в, Славянские языковые моделирующие семиотические системы; В я ч. В с. И в а н о в, Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях,— «Народы Азии и Африки», 1969, № 5).

I. абстрактные характеристики, без учета пространственного, временнóго и социального планов: 1) счастье — несчастье (удача — неудача), 2) жизнь — смерть (здоровье — болезнь);

II. пространственные характеристики: 1) верх — низ, связанные с ориентацией по вертикали, оппозиция верх — низ может конкретизироваться в противопоставлении: 1а) небо — земля, 2) вперед (восток) — назад (запад), 3) вправо (юг) — влево (север), связанные с ориентацией по горизонтали;

III. характеристики — временнáя, цветовая и связанная с природой: 1) утро — вечер, 2) полдень — полнóчь, 3) восход — закат, 4) полдень — полночь, рассматриваемые в пространственном плане как выражение оппозиций: восток — запад, юг — север, 5) огонь — вода, 6) солнце — луна, 7) светлый — темный, конкретизируемое в противопоставлениях: 7а) белый — черный, 7б) пегий (пестро-белый) — черный, 7в) желтый (соловый) — черный, 7г) красный — черный, 7д) голубой — бурый;

IV. социальные характеристики, понимаемые в широком плане: 1) мужской — женский, 2) старший — младший, конкретизируемое в противопоставлениях: 2а) предки — потомки, 2б) отцы — сыновья, 3) каган — народ, 4) беки — народ;

V. сакральный — мирской.

Оппозиции счастье — несчастье (удача — неудача), жизнь — смерть (здоровье — болезнь) последовательно выявляются в Книге гаданий. Как известно, Книга гаданий содержит ряд миниатюрных сцен из жизни людей и животных, а также посвященных мифологическим событиям, которые оканчиваются выводом: «хорошо» или «плохо, дурно». Например, «хорошо», когда «бог судеб (букв. 'путей') на пегом коне» обещает «человеческому сыну» счастье (КГ, II). Этот эпизод содержит ряд положительных характеристик: пегий, мужской, счáстье, что все вместе, по-видимому, соотносится со светлым, добрым божеством. «Хорошо», когда у бека белая кобыла приносит жеребенка, белая верблюдица — верблюжонка, а жена родит сына (КГ, V). Здесь также собраны признаки положительного ряда бинарной системы: белый, мужской, жизнь. «Хорошо», когда белая пятнистая корова приносит белого пятнистого бычка, годного для священнодействия[21], а сама при этом остается жива (КГ, XLI). В этом

[21] Небезынтересно сопоставить это с обычаем у качинцев при молениях небу приносить в жертву ягнят белой масти с черными головами (см.: Л. П. Потапов, К изучению шаманизма, стр. 318—319). Такой же обычай был отмечен С. Д. Майнагашевым у бельтиров: в жертву приносились семь или девять баранов, причем один из них был белый с черной головой (см.: С. Д. Майнагашев, Жертвоприношение Небу у бельтиров, стр. 94).

эпизоде содержится несколько характеристик положительного ряда: пестро-белый, мужской, жизнь, сакральный. «Хорошо», когда «небесная старуха»[22] спасается от смерти (КГ, XIII), когда «вестник на желтом (соловом) коне»[23] доставляет «хорошие вести» (КГ, XI) и т. д.

С отрицательным рядом бинарной символической классификации связан ряд сцен, оканчивающихся выводом «плохо, дурно». Например, «плохо», когда столкнулись медведь с кабаном, и у медведя брюхо распорото, а у кабана клыки сломаны (КГ, V), когда брюхо змеи рассекли мечом (КГ, VIII), когда женщина уронила свое зеркало в озеро (КГ, XXII), когда коня спутали неправильно (КГ, XXXIX), когда сокол схватил зайца и терзал его шкуру (КГ, XLIV). Указанные разделы Книги гаданий содержат характеристики отрицательного ряда: несчастье, неудача, смерть, женский, вода.

Бинарная система прослеживается и внутри каждого раздела Книги гаданий, давая примеры более конкретных противопоставлений. Например, пространственная характеристика, связанная с ориентацией по вертикали, выражена противопоставлением верх — низ, которое конкретизировано противопоставлением небо — земля: «Вверху она (белая пена верблюда.— *И. С.*) достигает неба, внизу она уходит в землю» (КГ,

---

[22] Образ небесной старухи, по-видимому, можно связать с казахским поверьем о радуге, которая представляет собой старухин *косаг* (веревку с петлями по обе стороны, к которым привязывают овец). По свидетельству Чокана Валиханова, у казахов есть поверье о том, что на небе живут люди казахского образа жизни и среди них одна очень богатая старуха, косаг которой является радугой (см.: Ч. Валиханов, Следы шаманства у киргизов,— ЗИРГО, отд. этнографии, СПб., 1904, т. XXIX, стр. 20—21). Известно также туркменское поверье о бабушке-громовнице. Когда старуха рвет свой *санач* (кожаный мешок, бурдюк), гремит гром (см.: М. А. Сакали, Туркменский сказочный эпос, Ашхабад, 1956, стр. 64). Представление о небесных людях имеется также у некоторых тунгусо-маньчжурских народов (см.: Л. Я. Штернберг, Религиозные воззрения орочей Татарского пролива,— «Первобытная религия в свете этнографии», Л., 1936, стр. 22—23) и кетов (т. е. к северу по Енисею) (см. текст и перевод в ст.: Е. А. Крейнович, Обряд кормления «дорожной старухи» у кетов,— «Кетский сборник», стр. 239—240).

[23] В туркменской сказке «Дүе Бахаветдиниң оглы» («Сын Бахаветдина-Верблюда») фигурирует загадочный всадник на светло-желтом (соловом) коне, который появляется ночью неизвестно откуда и помогает герою сказки в одно мгновение преодолеть путь, на который ему нужно было бы потратить сто лет. Обычно в туркменских сказках герой быстро перемещается в пространстве с помощью дэвов, пери, мифических птиц Симург и Зумруд и летающих ковров. Образ всадника на соловом коне в туркменской сказке указывает на существование какого-то поверья, относящегося к домусульманскому времени («Түркмен халк эртекилери», Ашгабат, 1959, стр. 218). Ср. роль рыжего коня в связи с восточными тэнгриями у бурят (см.: А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, стр. 236).

XX). Оппозиция верх — низ иногда входит в более общее противопоставление сакральный — мирской: «Речь раба обращается с просьбой к беку, речь ворона обращается с мольбой к небу [24]. Вверху небо услышало, внизу человек узнал...» (КГ, LIV).

К временно́й характеристике относятся оппозиции: утро — вечер, полдень — полночь. Например, женщина, уронившая свое зеркало в озеро, утром тихонько плачет, а вечером рыдает (КГ, XXII), жеребенок в полдень измучен, а в полночь — весь в крови (КГ, XXIV).

Сопоставление древнетюркской Книги гаданий с поверьями некоторых тюркских, монгольских, угорских и тунгусо-маньчжурских народов показывает, что животные, упоминаемые в Книге гаданий, так или иначе связаны с дошаманистскими и шаманистскими культами этих народов; это — беркут (орел), сокол, медведь, дикий кабан, змея, тигр, ворон, удод, конь, верблюд, кукушка, бык, овца, корова, волк, лебедь, муравей, заяц, лиса, олень-марал, журавль, «яргун» (предположительно — пантера [25]). Данное обстоятельство является весьма важным, если учесть, что о религиозно-культурной принадлежности Книги гаданий нет единого мнения. Хорошо известно, что В. Томсен и А. фон Габен считают текст Книги гаданий манихейским. Такой вывод естествен, если принять во внимание заключительные строки, в которых говорится, что Книга гаданий написана для младшего динтара, бурвагуру (титулы в манихейской общине) и «наших слушателей» (т. е. рядовых членов манихейской общины). Однако С. Е. Малов, несмотря на это неоспоримое свидетельство, определил Книгу гаданий как сочинение шаманского содержания, хотя и не привел никаких соображений в пользу такого вывода [26].

Определяя текст Книги гаданий как шаманский, С. Е. Малов, по-видимому, исходил из самого его содержания, в котором не упоминаются имена божеств манихейского пантео-

---

[24] Эпизод с вороном в Книге гаданий небесполезно сопоставить с алтайской легендой о сотворении мира, в которой ворон выступает в качестве помощника Ульгеня, в частности испрашивает для людей души (см.: А. В. Анохин, Материалы по шаманству, стр. 18). Ср. также значение ворона как помощника творца при сотворении мира и культурного героя у ряда народов Северо-Восточной Азии (см.: А. М. Золотарев, Родовой строй и первобытная мифология, стр. 258—259).

[25] Ср.: jarga — пантера, может быть, барс — зооморфный медицинский онгон у амурских гольдов (см.: Д. К. Зеленин, Культ онгонов в Сибири, М.—Л., 1936, стр. 19); jarga (пантера) — дух-помощник гольдского шамана (см.: Л. Я. Штернберг, Избранничество в религии,— «Первобытная религия», стр. 144).

[26] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 13.

на и не содержится каких-либо очевидных трактовок положений манихейской религии и манихейской морали. Между тем если принять предложенную выше реконструкцию и считать, что Книга гаданий содержит указание на двух богов — светлого, доброго и черного, злого, о существовании которых у тюрков мы знаем из шаманизма, то в таком случае следует признать, что Книга гаданий отражает дуализм, свойственный также манихейской религии: наличие доброго и злого начал, света и тьмы, богов и демонов[27]. Можно также предположить, что божество, носящее в Книге гаданий название Ala atlyγ jol täŋri [бог судеб (букв. 'путей') на пегом коне], одним из установленных атрибутов которого является нахождение в постоянном движении, имеет нечто общее с верховным манихейским божеством Зерваном, которое в среде иранских манихейцев считается божеством вечно текущего, бесконечного времени. Другой атрибут данного объекта из Книги гаданий — обладание пегим конем подтверждает возможность такой идентификации. Из литератур Передней и Средней Азии мы знаем, что быстроскачущий пегий конь является аллегорией быстротечности времени. Чередование светлых и темных пятен в масти коня уподобляется смене дня ночью (ср.: «Я — бог судеб (букв. 'путей') на пегом коне, утром и вечером я скачу» (КГ, II).

Начиная с III в. манихейство распространилось на территории от Египта до Индии, появилось в Средней и Центральной Азии и к концу VII в. нашло своих почитателей в Китае. Известно, что в разных странах манихейство было разным. Где бы оно ни находило распространение — в Иране, Месопотамии, Северной Индии, Риме или Египте,— всюду оно приобретало многие черты господствовавших там религиозных и философских систем, что в значительной степени помогало и его распространению и его популярности. Естественно, что, попав в тюркскую среду, манихейство должно было ассимилировать наиболее существенные и характерные особенности религиозных представлений тюрков. Кажется достаточно очевидным, что древнетюркская Книга гаданий отразила процесс креолизации — наложение разных моделей друг на друга, сопровождаемое выявлением в них отождествляемых элементов. Кроме этого, ряд элементов дошаманистских и шаманистского культов, по-видимому, вошли в некоторые низшие уровни манихейской религии у тюрков.

---

[27] См. текст и перевод покаянной молитвы манихейцев: Л. В. Дмитриева, Хуастуанифт (Введение, текст, перевод),— сб. «Тюркологические исследования», М.— Л., 1963, стр. 217—232. См. также: А. Л. Кац, Манихейство в Римской империи по данным Acta Archelai,— «Вестник древней истории», 1955, № 3, стр. 170—171, 172—173.

Следы бинарной символической классификации отчетливо заметны и в других текстах рунического письма. Пространственная характеристика, связанная с ориентацией по вертикали, представлена в оппозиции верх — низ, которая конкретизируется оппозицией небо — земля: «Когда вверху голубое небо, а внизу бурая земля возникли (или были сотворены)...» (КТБ, 1—2). Здесь пространственная характеристика сопровождается цветовой: голубой — бурый. Другой пример: «Если небо сверху не давило [и] земля внизу не разверзалась...» (КТБ, 166—167). Пространственные характеристики, связанные с ориентацией по горизонтали, представлены в противопоставлениях: вперед (восток) — назад (запад), вправо (юг) — влево (север). Так как горизонтальная ориентация следует за движением солнца, то параллелями оппозиций вперед (восток) — назад (запад), вправо (юг) — влево (север) являются оппозиции восход (восток) — закат (запад), полдень (юг) — полночь (север): «Вперед, вплоть до солнечного восхода, справа, вплоть до полудня, назад, к солнечному закату, слева, до полуночи — в пределах этих все мне подвластны!» (КТМ, 12—16; см. также: КТБ, 14—15, 57—58, 101—102, 127—129, 155—157, 178—179); «Вперед — на киданей, вправо — на табгачей, назад — на курданов (?), влево — на огузов...» (Тон., 69—70). В Надписи в честь Тоньюкука имеется нарушение правильного порядка перечисления направлений, например: «направо», «спереди», налево» (Тон., 31—33, 53—54), что вызвано стремлением автора Надписи сохранить междустиховую аллитерацию. Слово «bärijä» (направо) через строку аллитерирует со словом «bilig» в первом примере; во втором примере аллитерируют слова «tabɣač» — «türk».

Ориентация тюрков лицом на восток известна с древнейших времен. Движение по солнцу соблюдалось при различных ритуальных и социальных действиях. Например, у древних тюрков церемония избрания правителя заключалась в том, что его усаживали на войлок, важные сановники поднимали этот войлок вверх и девять раз проносили кругом по солнцу [28]. То же движение по солнцу соблюдается и при молениях небу у тюрков Саяно-Алтайского нагорья [29].

Цветовые характеристики отражены в противопоставлениях: голубой — бурый (голубое небо — бурая земля, КТБ, 1—2), красный — черный (красная кровь — черный пот, Тон., 274—275).

---

[28] Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 229.

[29] См.: С. Д. Майнагашев, Жертвоприношение Небу у бельтиров, стр. 97; Л. П. Потапов, К изучению шаманизма, стр. 318.

К социальным характеристикам относятся противопоставления: старший — младший, конкретизируемое в противопоставлениях предки — потомки, отцы — сыновья; например: старшие братья — младшие братья (КТМ, 36), старшие родственницы — младшие родственницы (КТБ, 379—380), отцы — сыновья (КТБ, 38); каган — народ, являющееся социальным выражением оппозиции небо — земля, что подтверждается эпитетами кагана «небоподобный», «неборожденный», о народе же говорится *qara budun* — букв. 'черный народ' (обычно переводится как «масса народа»); беки — народ (КТБ, 48 и др.).

В орхоно-енисейских текстах наблюдается также употребление противоположных символов в парных сочетаниях, например: «...небо и земля пришли в смятение...» (КТБ, 343); «...я не делал огнем и водой (т. е. не уничтожал)» (КТБ, 207); «солнце и луну... я перестал ощущать (т. е. умер)» (Енисейские эпитафии). Кроме этого в рунических текстах обнаруживается набор бинарных символов, употреблявшихся в качестве стилистического приема, например: головы — колени (конкретизация оппозиции верх — низ): «Имевших головы они заставили склонить [головы], имевших колени они заставили преклонить [колени]» (КТБ, 12—13, 113—114, 135—136); день — ночь: «Ради тюркского народа я не спал ночей [и] днем не сидел [без дела]» (КТБ, 202—203); «Ночью не имея сна [и] днем не имея покоя...» (Тон., 272—273); многочисленный — немногочисленный, богатый — бедный (неимущий): «...неимущий народ я сделал богатым, малочисленный народ я сделал многочисленным» (КТМ, 77—78, см. также КТБ, 123—124); жирный — тощий (жирные быки — тощие быки, Тон., 22—25); сытый — голодный (КТМ, 63—65, КГ, XVI—XVII); толстое — тонкое, крепкое — слабое (Тон., 65—68); растения — камни (Тон., 12); всадники — пехота (Тон., 14—15); летовка — зимовка (КГ, LI); злаки — травы (КГ, LIII); люди — скот (КГ, LIII).

Следы бинарной символической классификации в рунических текстах позволяют сделать вывод, что она, по-видимому, была унаследована от более древних времен.

Важно отметить, что в орхонских текстах существенными оказываются не только понятия верха и низа, образующие самостоятельное бинарное противопоставление, но и пространства между ними, например: «Когда вверху голубое небо, [а] внизу бурая земля возникли (или были сотворены), между ними возникли (или были сотворены) сыны человеческие» (КТБ, 1—3). В данном случае можно говорить об отражении тернарной пространственной структуры, которая в качестве структуры мифологического пространства обнаружена

15 Зак. 927

в самых разных религиозных системах, в частности в шаманизме и в буддийской традиции[30]. Как известно, существование человека связывается с серединой мирового дерева, символизирующего разделение пространства на Верхний, Средний и Нижний миры. Точно так же самостоятельное бинарное противопоставление правый — левый при соотношении с центром образует более сложную тернарную структуру, нашедшую свое выражение в Малой надписи в честь Кюль-тегина, где каган, занимающий центральное положение, обращается к подданным: «...беки шад и апа, [стоящие] справа, тарканы и приказные [стоящие] слева...» (КТМ, 6—7), причем справа оказываются военачальники, слева — чиновники. В свою очередь бинарные оппозиции каган — народ, беки — народ образуют путем наложения друг на друга тернарную структуру каган — беки — народ[31].

Модель религиозно-мифологической системы древних тюрков, нашедшая свое отражение в текстах различного характера, позволяет установить типологическое сходство с моделями религиозно-мифологических систем других народов, как азиатских, так и европейских. Выявление универсального характера основных семантических противопоставлений при анализе древнетюркской системы является одной из частных задач установления общечеловеческой картины мира.

[30] См., например: В. Н. Топоров, К реконструкции некоторых мифологических представлений (На материале буддийского изобразительного искусства),— «Народы Азии и Африки», 1964, № 3; его же, Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических представлений,— «Труды по знаковым системам», Тарту, 1965, II («Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 181).

[31] О соотношении между бинарными и тернарными структурами см.: C. Levi-Strauss, Les organisations dualistes existent-elles?,— «Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde», Deel 112, 2 afl., 1956.

В. Г. Гузев

О ЯРЛЫКЕ МЕХМЕДА II

Одной из важных проблем истории турецкого языка является вопрос о формировании анатолийско-тюркской письменности[1]. М. Мансуроглу, отстаивающий точку зрения, согласно которой в анатолийской письменности перекрещиваются две традиции, уйгурская и арабо-персидская, в подтверждение своей гипотезы о влиянии уйгурской графики на анатолийскую, пишет, что малоазийские тюрки пользовались уйгурским шрифтом до XV в.[2]. Как на одно из свидетельств этого он ссылается на ярлык турецкого султана Мехмеда Завоевателя (1451—1481), написанный уйгурским и арабским шрифтом[3]. Эта ссылка крупного турецкого тюрколога заставляет обратиться к ярлыку Мехмеда II с тем, чтобы выяснить, какое отношение может он иметь к вопросу о влиянии уйгурской графики на анатолийскую. Как будет показано ниже, ярлык представляет интерес также в свете наших знаний об уйгурографичных текстах, происходящих из Турции.

Кроме того, настоящая заметка преследует цель привлечь внимание советских тюркологов к статье Р. Р. Арата об этом ярлыке[4], интересном с точки зрения вопроса о ярлыках, которому у нас всегда уделялось значительное внимание. Упомянутая статья, к сожалению, еще не вызвала откликов у отечественных тюркологов.

Ярлык был составлен 30 августа 1473 г. в Кара-Хисаре

---

[1] См. об этом: T. Banguoğlu, Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar, Breslau, 1938, стр. 22—25; его же, Das Altosmanische,— PhTF, I, стр. 162; В. Г. Гузев, К вопросу об использовании данных ранних анатолийских тюркских памятников для изучения фонетики языка тюрок Малой Азии XIII—XV вв.,— сб. «Исследования по филологии стран Азии и Африки», изд. ЛГУ, 1966, стр. 38—42.

[2] M. Mansuroğlu, Anadoluda Türk yazı dilinin başlaması ve gelişmesi,— TDED, İstanbul, 1951, IV, 3, стр. 221.

[3] Arat (см. список сокращений на стр. 242—243).

[4] Arat.

по поводу победоносного завершения похода Мехмеда II против предводителя государства Ак-Коюнлу Узун-Хасана[5].

В статье Р. Р. Арата, отметившего большое историческое значение этого документа, имеются его подробное описание, транскрипция, перевод на современный турецкий язык, словарь («индекс») и примечания к тексту, фотокопия памятника. Р. Арат приводит также описание графических особенностей текста и очень кратко излагает особенности языка, которым написан ярлык и который он определяет как «среднеазиатский литературный язык»[6].

Здесь нет смысла пересказывать содержание статьи Арата, но представляется целесообразным описать подробнее особенности языка памятника, поскольку в статье турецкого ученого они излагаются очень сжато.

ФОНОЛОГИЯ

§ 1. Судить о фонологии языка на основании данных уйгурской графики вообще, а в том ее виде, в каком она представлена в памятнике, в особенности — весьма рискованное предприятие: в письменности ярлыка практически отсутствует разница в графической передаче ряда фонем. В частности, невозможно различать: /a/—/ä/ (многозубчатым в начале слова может быть как знак, передающий /a/, так и знак, передающий /ä/); /o/, /u/—/ö/, /ü/ (не используется диграф *вав*+*йод*[7] в начале слова); /q/—/ġ/—/h/ (две точки над *хетом* используются беспорядочно, одна точка вообще не встречается); беспорядочно используются знаки, передающие /t/ и /d/, /s/ и /z/; точка над *нуном* и двоеточие под *шином* встречаются нерегулярно.

В силу этих причин ограничимся только указанием на состояние гармонии гласных в языке ярлыка.

§ 2. Небная гармония. Судя по употреблению в тексте букв *хет* и *каф*, единственных букв уйгурского алфавита, по которым можно судить о лингвальных признаках гласных слова, в языке ярлыка небная гармония действовала так же регулярно, как в среднеазиатском литературном языке[8]. Это следует из: 1) употребления буквы *хет* (ġ, q) только в тех

[5] Там же, стр. 288.

[6] Там же, стр. 285.

[7] Названия знаков уйгурского алфавита взяты из работы: Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр. 69.

[8] Ср.: Eckmann I, стр. 119; Eckmann II, стр. 145.

словах, которые в среднеазиатском литературном языке имели задние гласные, а буквы *каф* — в словах, имевших передние гласные: *taqï* (26)[9] 'а, и, также' (частица), *qarluq* (11) (этноним), *čoq* (9) 'много', *bašlïğ* (28) 'под предводительством', *käldilär* (32) 'они пришли', *kötäl* (34) 'перевал'; 2) такого же использования каждой из этих букв в написаниях аффиксов (имеющих g или k) в зависимости от лингвального ряда гласных слова, к которому аффикс присоединяется (см. §§ 4, 13, 14, 23, 27).

§ 3. Губная гармония. Наряду с основами, состав гласных в которых подтверждает действие небной гармонии — например: *oyun* (38) 'игра', *uzun* (15, 36 и др.) 'длинный',— встречаются основы, в которых эта гармония не действовала: *ilgärü* (41) 'вперед', *qaršu* (22) 'против'.

Отношение аффиксов к губной гармонии в языке памятника то же, что и в среднеазиатском литературном языке[10].

Употребление деепричастного аффикса *-ïp*/*-up* во всех случаях свидетельствует о действии губной гармонии: *barïp* (29) 'пойдя', *savašïp basïp* (30) 'разгромив', *tutup* (32, 152) 'взяв', *qošup* (92) 'преследуя', *bilip* (26) 'узнав', *köčüp* (45) 'перейдя'.

Возможно, что действию этой гармонии подчинялся аффикс *-lïğ*/*-luğ* (*-lig*/*-lüg*) (см. § 7).

Не подчинялись действию губной гармонии и использовались только с негубными гласными следующие аффиксы: аффиксы принадлежности 3-го лица ед. числа -(*s*)*i* и 1-го лица мн. числа *-imiz* (см. §§ 5, 12); аффикс исходного падежа *-dïn*/*-din*, *-dan*/*-dän* (см. § 4); глагольный аффикс прошедшего категорического времени 3-го лица (см. § 13); именной словообразовательный аффикс *-čï*/*-či*:*suči* (15) 'продавец воды', *burguči* (131) 'трубач'.

Только губные гласные имели: глагольный аффикс 1-го лица мн. числа прошедшего категорического времени: *-duq*/*-dük* (см. § 13); аффикс повелительного наклонения *-sun*/*-sün* (см. § 20); деепричастный аффикс -(*y*)*u* (см. § 25); каузативный аффикс *-dur*/*-dür*: *yandurduq* (168) 'мы сожгли', *bär ğay kältürsünlär* (156) 'пусть исполняют'; каузативный аффикс (*-ğur*/*-gür*), *-qur*/*-kür*: *yitkürdilär* (112) 'они оттеснили'; именной словообразовательный аффикс *-lu*/*-lü*: *qaramanlu* (98, 149) 'житель Карамана'.

---

[9] В скобках приводится номер строки в тексте ярлыка по изданию Р. Арата, из которого взят пример. Транскрипция примеров ориентирована на среднеазиатский литературный язык.

[10] Ср.: Eckmann I, стр. 119; Eckmann II, стр. 146.

Таким образом, губная гармония в языке ярлыка предстает перед нами в неустойчивом виде, что характерно для среднеазиатского тюркского литературного языка[11].

МОРФОЛОГИЯ

Имя существительное

§ 4. Склонение.

Род. падеж — *-nïŋ/-niŋ*: *aq qoyunnïŋ* (56) 'народа ак коюнлу'; *kent kentniŋ* (14) 'разных городов'.

Дат. падеж — *-ġa/-gä*, *-qa/-kä*: *bazïrġanlarġa* (13) 'купцам'; *rumġa* (47) 'в Рум'; *kämäčilärgä* (15) 'ладейщикам'[12]; *bägkä* (93) 'бею'.

Вин. падеж — *-nï/-ni*: *sinan bäg bašlïġlarnï* (103) 'тех, кто (был) под командованием Синан бея'; *qalïn adamnï* (157) 'много человек'; *kišini* (30, 40) 'человека'; *Mansur bägni* (92) 'Мансур бея'.

Местный падеж — *-da/-dä* (*-ta/-tä*): *yazïda* (154, 163) 'на равнине'; *uluġ qolda* (48) 'в большом отряде';

Исходный падеж — *-dïn/-din* (*-tïn/-tin*), *-dan/-dän* (вариант с широким гласным совпадает с османской формой): *allā ta'ālā 'ināyetidin* (2) 'милостью всевышнего аллаха'; *aq qoyun* (*ḫ*)*alqïdïn*[13] (158) 'из народа ак коюнлу'; *qaraman ḫ*(*a*)*lqïdïn* (158—159) 'из караманского народа'; *ḫalāyïqtan* (39) 'из (числа) солдат'; *därädän* (116) 'из низины'.

§ 5. Аффиксы принадлежности[14].

1-е лицо ед. числа — *-um/-üm*: *oġlum* (89 и др.) 'мой сын'; *sözüm* (3) 'мое слово'.

3-е лицо ед. числа — *-*(*s*)*ï/-*(*s*)*i*: *oġlï* (27, 58, 67 и др.) 'сын'; *anadolï ḫalqï* (106) 'население Анатолии'; *naġarasï* (50, 52 и др.) 'музыка'.

1-е лицо мн. числа *-ïmïz/-imiz*: *öŋimiz*(*gä*) (88) 'перед собой (нами)'; *adamïmïzdan* (183—184) 'из числа наших людей'.

§ 6. В дательном, местном и исходном падежах имен существительных с аффиксом принадлежности 3-го лица нахо-

---

[11] Ср.: Eckmann I, стр. 119; Eckmann II, стр. 146; Щербак, Грамматика, стр. 74—75.

[12] Ср.: Радлов, Ярлыки, стр. 25.

[13] Заключение фонемы или морфемы в скобки означает, что этот элемент отсутствует или графически нечетко выражен в уйгурографичном тексте ярлыка.

[14] Ср.: Eckmann I, стр. 122; Eckmann II, стр. 149.

дим формы без конечного /n/ аффикса принадлежности, употребляющиеся, как и в среднеазиатском литературном языке, наряду с формами с конечным /n/[15]: *aniŋ manġlay bäglärigä* (107—108) 'его беям, бывшим в авангарде'; *daruġalarïġa* (8) 'начальникам (вилайетов)'; *aniŋ ḫïyālïda käčmiš* (146) 'он подумал...'; *baranġġar* (*baraŋġar*) *alayïda* (58) 'в правофланговом алае' (*alay* 'полк, строй, отряд'); *rabīʿ-al-ävväl ayïnïŋ on altïsïda* (76) 'шестнадцатого рабӣʿ-ал-эвveля'; *Ṣāḥibqïrān Tämür bäg oġlanlarïdan* (68) 'из сыновей Сахибкырана[16] Тимура'.

Винительный падеж имен с аффиксом принадлежности 3-го лица зафиксирован в двух формах: -(*s*)*ïnï*[17]: *sanǧaqlarïnï* (31) 'их знамена'; *ärsinkkän kötälini* (34) 'Эрзинджанский перевал'; *bašïnï käsip* (148) 'отрезав ему голову'; -(*s*)*ïn*[18]: *aniŋ qarasïn körüp* (42) 'завидя его войско'.

§ 7. Имя прилагательное. В языке памятника мы видим словообразовательный аффикс -*lïġ*/-*luġ*[19]: *olturušluġ* (19) 'обитающие'; *bašlïġ* (24, 28 и др.) 'под командованием'; *čaqlïġ* (28 и др.) 'около' (послелог); *qara qoyunluġ* (161) 'кара коюнлу' (этноним).

Имя числительное

§ 8. Поскольку большинство количественных числительных языка памятника в их уйгурском написании могут быть прочитаны по-разному (*tört*/*dört* (154) 'четыре'; *yäti*/*yädi* (155) 'семь'), отметим только те из них, которые, как правило, отличаясь от анатолийско-тюркских, совпадают со среднеазиатскими[20]: *ällik* (3) 'пятьдесят'; *miŋ* (24, 28, 30 и др.) 'тысяча'; *yigirmi* (171) 'двадцать' (последнее использовалось и в анатолийско-тюркском)[21].

Заметим, что в арабографичном тексте памятника тысяча пишется как *biŋ* (بنك) (см. 28, 30 и др.).

---

[15] Eckmann I, стр. 148; Кононов, Родословная туркмен, стр. 134, § 45.

[16] Сахибкыран, т. е. обладатель счастливого сочетания небесных светил — распространенный на Востоке эпитет Тимура.

[17] Ср.: Eckmann I, стр. 121; Eckmann II, стр. 148.

[18] Ср. там же.

[19] Ср.: Щербак, Грамматика, стр. 120 и сл.

[20] Ср.: Eckmann I, стр. 123; Eckmann II, стр. 149.

[21] См.: M. Ergin, Türk dil bilgisi, Sofya, 1967, стр. 237, § 367.

§ 9. Неопределенно-количественные числительные: *köp* (75, 152 и др.) 'много'; *barïnï* (132) 'всех' (вин. падеж); *qalïn* (157) 'много'; *bir näčä* (39, 43) 'несколько'[22].

§ 10. Количественные числительные с аффиксом *-čä* (иногда с послелогом *čaqlïġ* 'около') обозначают приблизительное количество[23]: *biš miŋčä čaqlïġ kiši yibärdük* (28) 'мы послали около пяти тысяч человек'; *ällikčä kišisini tutup* (31—32) 'взяв в плен из их числа около пятидесяти человек'; *miŋčä čaqlïġ kiši tuttïlar* (129—130) 'взяли в плен около тысячи человек'.

Местоимение

§ 11. Склонение личных и указательных местоимений[24].

Осн. пад.	*biz* (26 и др.) 'мы'		*ol* (29, 41) 'он, тот'	
род. пад.	*biziŋ* (104 и др.)		*anïŋ* (42 и др.)	
вин. пад.	—	—	*anï* (26, 38)	
дат. пад.	*bizgä* (22 и др.)		—	—
местн. пад.	—	—	—	—
исх. пад.	*bizdin* (44)		*andan*	(32 и др.)
Осн. пад.	(*olar* 'они')		*bular*	(111) 'эти, они'
род. пад.	—		—	—
вин. пад.	*olarnï* (179)		*bularï*	(110)
дат. пад.	—	—	—	—
местн. пад.	—	—	—	—
исх. пад.	—	—	—	—

Форма *bularï*, очевидно, анатолийско-тюркская[25]. Среднеазиатская форма должна была бы быть: *bularnï*, *mularnï*[26].

§ 12. Выделительное местоимение.
öz (48, 54, 151) 'собственный, сам'[27]; *özi* (23) 'он сам'; *özigä* (33) (дат. пад.); *özimiz* (86) 'мы сами'.

Глагол

Изъявительное наклонение

§ 13. Прошедшее категорическое время[28]

Аффикс 3-го лица обоих чисел имел всегда узкий негубной гласный *-dï(lar)/-di(lär)*: *kälmädi* (23) 'не пришел'; *tündi*

---

[22] Ср.: Eckmann I, стр. 123; Eckmann II, стр. 149.
[23] Ср.: Щербак, Грамматика, стр. 109—110.
[24] Ср.: Eckmann I, стр. 123, 124; Eckmann II, стр. 150.
[25] M. Mansuroğlu, Das Altosmanische, стр. 170—171.
[26] Eckmann I, стр. 124; Eckmann II, стр. 150.
[27] Ср.: Eckmann I, стр. 124; Eckmann II, стр. 151.
[28] Ср.: Eckmann I, стр. 130; Eckmann II, стр. 155.

(46) 'возвратился'; *öldi* (164) 'умер'; *käldilär* (32) 'они пришли'; *tägdilär* (108) 'они достигли'; *yitgürdilär* (112) 'они оттеснили'; *tuttïlar* (130) 'они пленили'.

Написание аффикса 1-го лица мн. числа свидетельствует о том, что он всегда имел губной гласный — *-duq/-dük*: *qoyduq* (103) 'мы поместили'; *alduq* (166) 'мы взяли'; *yibärdük* (29, 41, 86) 'мы послали', *yürüdük* (45, 88) 'мы шли'; *öldürmädük* (162) 'мы не убили'.

§ 14. Будущее «неопределенное»[29], или «будущее-желательное»[30] — *-ġay/-gäy*: *köz tutar ärdük kim ärsinkkändä bizgä qaršu kälgäy* (21—22) 'мы ожидали, что он нападет на нас в Эрзинджане'.

§ 15. Настоящее-будущее I, аорист[31]: *anïŋ ḫïyālïda käčmiš kim tündi rumġa barur* (46—47) 'он подумал, что (я) повернул назад и иду в Рум'.

§ 16. Настоящее-будущее II[32]: *tutsaq qïlïp alïp kälätürbiz* (162—163) 'мы взяли их в плен (и теперь) возвращаемся'; *özgä ispāhī ḫalqïnï köčürüp alïp kälätürbiz* (185—186) 'мы возвращаемся, ведя с собой другую часть войска'; *qïšlay istambulġa kälätürbiz* (188) 'направляемся в Стамбул, чтобы (там) зазимовать'.

§ 17. Перфект[33]: *qaravul yibärüptür* (25) 'он выслал сторожевой отряд'; *mahmūd-i paša bägkä yalbarïpturlar* (177—178) 'они обратились с мольбой к Махмуд-бею'.

§ 18. Неопределенный имперфект[34]: *köz tutar ärdük* (21) 'мы ожидали...' (см. пример в § 14).

§ 19. Давнопрошедшее время[35]: *uġrašmaqqa kälip ärdük* (18—19) 'мы пришли сражаться'.

---

[29] Щербак, Грамматика, стр. 166.
[30] Ср.: Eckmann I, стр. 133; Eckmann II, стр. 156.
[31] Ср.: Eckmann I, стр. 132; Eckmann II, стр. 156.
[32] Кононов, Родословная туркмен, стр. 144; Ср.: Eckmann I, стр. 134; Eckmann II, стр. 157.
[33] Ср.: Иванов, Родословное древо тюрок, стр. 143; Eckmann I, стр. 134; Eckmann II, стр. 158.
[34] Ср.: Иванов, Родословное древо тюрок, стр. 145; Eckmann I, стр. 133; Eckmann II, стр. 156.
[35] Ср.: Иванов, Родословное древо тюрок, стр. 148; Eckmann I, стр. 135; Eckmann II, стр. 158.

Повелительное наклонение

§ 20. В тексте находим только форму 3-го лица мн. числа *-sunlar/-sünlär*[36]: *dīvān išini osal qïlmasunlar* (191) 'пусть они не ведут нерадиво дела дивана'; *tängri ämrini bär ğay kältürsünlär* (196) 'пусть исполняют повеление божье'.

Желательное наклонение

§ 21. Форма 1-го лица мн. числа — *-alï*[37]: *özikä uğrašalï tep ärsinkkän kötälini aštuq isä* (33—34) 'когда мы, решив с ним сразиться, преодолели Эрзинджанский перевал...'

Причастия

§ 22. Причастие на *-ar/-är*, *-ur/-ür* и т. д.[38]: (*nä*) *kim* (*aq*) *qoyunnïŋ savašqa yarar yigitlärni yïqnaq qïlïp* (56—57) 'собрав всех годных к войне джигитов из народа ак-коюнлу'; *qara ḥiṣārda irürdä bitildi* (200—201) '(ярлык) был написан во время нашего пребывания в Кара-Хисаре'.

§ 23. Причастие на *-ġan/-gän*, *-qan/-kän*[39]: *taš känt tegän yerdä* (78) 'в местности, которую называют Таш Кент'; *nä kim aq qoyun ḫalqïdïn qaraman ḫalqïdïn tüškän adamnï qïrġun eyläp* (157—159) 'истребив каждого из попавших в плен караманцев и тех, кто был из народа ак коюнлу'; *yazïda ölgän ḥisābï bilä galäbä köp adamï öldi* (163—164) 'вместе с теми, кто погиб на равнине, в битве погибло много народа'; *uzun ḥasan bäg toqat šährini yaqqan üčün* (15—17) 'по причине того, что Узун Хасан-бей сжег город Токат...'; *yazïda ölgändin bašqa* (153—154) 'кроме тех, кто погиб на равнине...'.

Деепричастия

§ 24. Общетюркское деепричастие на *-ïp/-up* (см. примеры в § 3) после гласных основ получает аффикс *-p*[40]: *tep* (22 и др.) от *te-* 'говорить, сказать'; *tiläp* (177) от *tilä-* 'желать' и др.

---

[36] Ср.: Eckmann I, стр. 130; Eckmann II, стр. 154.
[37] Ср.: Eckmann II, стр. 154.
[38] Ср.: Eckmann I, стр. 127; Eckmann II, стр. 152.
[39] Ср.: Eckmann I, стр. 126; Eckmann II, стр. 152.
[40] Ср.: Eckmann I, стр. 128; Eckmann II, стр. 152.

§ 25. Деепричастие на *-y*, *-yu*[41]: *aman tiläy* (177) 'прося пощады'; *šäfā'at tiläy* (180) 'прося заступничества'; *qïšlay* (188) 'чтобы зазимовать'[42]; *anï istäyü* (18) 'желая того'.

§ 26. Деепричастие на *-mayïn* (*-mäyin*)[43]: *qara ḥiṣārnïŋ qadīmī rā'iyät älini ḥiṣārdan čïqarmayïn*... (181—182) 'не заставляя прежде подвластное нам население Кара-Хисара покинуть крепость...' (см. также пример в § 27).

§ 27. Деепричастие на *-ġač*/*-gäč*[44]: *ḥasan·bäg biziŋ uluġ qol alayïnï körgäč turuš bermäyin salïp qačtï* (117—119) 'как только Хасан-бей увидел наше большое войско, он, не выдержав, обратился в бегство'; *gal'anïŋ tival säfillärini*(?)[45] *yïqa bašlaġač*...[46] (174—175) 'как только мы начали рушить основы (?) стен крепости...'.

Наречия

§ 28. В ярлыке использованы характерные для среднеазиатского литературного языка наречия[47]: *taš* (9) 'снаружи'[48]; *ilgärü* (41) 'вперед'; *bäri* (110) 'сюда'; *narï* (112) 'туда'; *yaqïn* (104) 'близко'; *emdi* (187) 'сейчас'.

Послелоги

§ 29. Послелоги-частицы[49].

Послелоги, управляющие основным падежом: *bilä*(*n*) (50 и др.) 'с, вместе с'; *čaqlïġ* (28, 129) 'около'; *sarï* (45) 'по направлению к...'; *täk* (*däg*) (40) 'как бы, подобно'; *üčün* (17 и др.) 'для'.

---

[41] Ср.: Eckmann I, стр. 128; Eckmann II, стр. 153.

[42] Более развернутый пример см. в § 16 (третий пример). Об употреблении этого деепричастия в значении супина см.: Иванов, Родословное древо тюрок, стр. 156.

[43] Ср.: Eckmann I, стр. 129; Eckmann II, стр. 154.

[44] Ср. там же.

[45] Р. Р. Арат считает, что *tival* = *divar*, значение слова *säfil* оставляет под вопросом. См.: Arat, стр. 310.

[46] *yïqa bašla-* — характерная для среднеазиатского литературного языка сложновербальная конструкция, состоящая из деепричастия и глагола *bašla-* 'начинать'. Ср.: Eckmann I, стр. 128; Eckmann II, стр. 153.

[47] Ср.: Eckmann I, стр. 123; Eckmann II, стр. 150; Боровков, Лексика.

[48] Боровков, Словарь, стр. 152.

[49] Ср.: Eckmann I, стр. 123; Eckmann II, стр. 150.

Послелоги, управляющие дательным падежом: *qaršu* (22, 37) 'против'; *tägind* (153) 'до'.

Послелоги, управляющие исходным падежом: *bašqa* (154) 'кроме'[50]; *soŋ* (33, 34) 'после'.

§ 30. Послелоги-имена[51]: *öŋ* : *öz* *öŋidä* (48) 'перед ним самим'; *öŋimiz(gä) salïp* (88) 'пустив перед собой'[52]; *üst: qara ḥiṣār üstigä käldük* (172—173) 'мы двинулись на Кара-Хисар'; *(h)är kiši išläri üsti(dä) sädīd bolup dīvān išini osal qïlmasunlar* (190—191) 'пусть каждый ведет свои дела как подобает и не относится нерадиво к делам дивана'.

Союзы

§ 31. Наиболее употребителен в тексте ярлыка подчинительный союз *kim*, который входит также в состав ряда других союзов[53], таких, как *qačan kim* 'когда'[54], *nä kim* 'что бы ни, сколько бы ни...', *hämin kim* 'как только': *qačan kim ärsinkkän vilāyatïga kirdük isä* (20) 'когда мы вступили в Эрзинджанскую провинцию'; *hämin kim toplarnï qurup* (173—174) 'как только мы установили пушки'. См. также примеры в §§ 14, 15, 22.

Частицы

§ 32. Многократно употреблена в тексте частица *taqï*[55]: *biz taqï anï bilip...* (26) 'мы же, узнав об этом'.

Лексика

§ 33. Стр. 318—322 статьи Р. Р. Арата занимает «индекс», представляющий собой словарь (с переводом каждого слова на современный турецкий язык), в котором собрана лексика памятника с указанием строки текста, где употреблено слово. Ниже приводятся главным образом такие слова, которые, как представляется, наиболее убедительно свидетельствуют о том, что мы имеем дело со среднеазиатским литературным языком.

---

[50] Щербак, Грамматика, стр. 198.
[51] Ср.: Eckmann I, стр. 123; Eckmann II, стр. 150.
[52] Ср.: Боровков, Лексика, стр. 246.
[53] Ср.: Щербак, Грамматика, стр. 207.
[54] Ср.: Боровков, Лексика, стр. 206 (2-й пример в статье «качан»).
[55] Ср.: Eckmann I, стр. 135; Eckmann II, стр. 158.

alay строй, отряд [Будагов I, стр. 80]
bar имеющийся [Фазылов, стр. 182]
bar- отправляться, идти [Фазылов, стр. 183]
„baranggar“ (Arat)[56], *brangar barungar* (монг.) правое крыло войска [Будагов I, стр. 251]
basa после, затем [Боровков, Лексика, стр. 92]
bašlïġ во главе с... [Будагов I, стр. 226] (В этом значении особенно в ярлыках и летописях)
ber- давать [Фазылов, стр. 233]
bitil- быть написанным [Боровков, Лексика, стр. 105; Фазылов, стр. 252]
burġu, *burqu* труба [Боровков, Лексика, стр. 111]
„dẑonggar“ (Arat), *ğovanġar*, *ğonġar* (Будагов) (монг.) левое крыло армии [Будагов I, стр. 444]
daruġa (монг.) начальник области, уезда [ср.: Будагов I, стр. 547]
emdi сейчас [Будагов I, стр. 209; Фазылов, стр. 170]
ġol, *qol* отряд, крыло, фланг (ср.: Будагов II, стр. 87: «*дж.* центр армии...»)
qara войско (ср.: Будагов II, стр. 44: «чернота, предмет черный, виднеющийся вдали; скот, толпа, войско и пр.»)
qatala раз [Будагов II, стр. 4]
kältür- приводить, приносить [Будагов II, стр. 180; Фазылов, стр. 580].
kičig маленький [Боровков, Лексика, стр. 181; Фазылов, стр. 609].
qïrġun резня, истребление [Будагов II, стр. 51]
köp много [Будагов II, стр. 141]
kötäl перевал, горный хребет [Будагов II, стр. 144]
qur оружие [Будагов II, стр. 73]
manġlay авангард [Будагов II, стр. 198]
olturušluġ «имеющие поселение, обитающие» [Будагов I, стр. 113]
osal «*дж. ад*... откладывающий, медлящий (по лености, нерадению...)» [Будагов I, стр. 135].
özgä другой [Будагов I, стр. 132]
tart- «тянуть, тащить, водить, привести» [Будагов I, стр. 722. Ср. также: Боровков, Лексика, стр. 288].
taš далекий [Боровков, Словарь, стр. 152]
tegür- привести, нанести [Будагов I, стр. 420; Боровков, Лексика, стр. 294]
tis ловушка, западня [в «Опыте словаря тюркских наречий»

[56] Слово транскрибировано так, как это делает называемый в скобках автор.

В. В. Радлова (т. III, стлб. 1394) это слово приводится как сагайское, т. е. хакасское]
tuġ знамя [Будагов I, стр. 398]
turuš bertmä- «не выдержать натиск, атаку» [Будагов I, стр. 745]
tūp центр [ср.: Будагов I, стр. 383]
tūšmäl, *tūšūmäl* (монг.) «mutemet, nedim» (т. е. доверенное лицо, компаньон) (Arat, стр. 322), «финансовый чиновник» [Мелиоранский, Документ, стр. 05, 010; ср.: Будагов I, стр. 396]
uluġ большой [Будагов I, стр. 157]
uruġ «царская палатка, ставка» [Будагов I, стр. 128]
yasa- (<монг. *yasa*) «сделать, устроить...» [Будагов II, стр. 330. Ср.: Боровков, Лексика, стр. 147; Боровков, Словарь, стр. 260]
yanġġï новый [Будагов II, стр. 343; Боровков, Лексика, стр. 151]
yïġnaq qïl- «собирать, созывать народ» [Будагов II, стр. 357]
yibär- послать [Будагов II, стр. 348]
yitkür- оттеснить (ср.: Будагов II, стр. 349)
yosun правило, обычай, порядок [Будагов II, стр. 376]

Итак, всесторонний анализ языка, которым написан ярлык Мехмеда II, подтверждает мнение Р. Р. Арата о том, что мы имеем дело с литературным среднеазиатским тюркским языком. Но почему высочайший указ турецкого султана составлен именно на этом языке? Ответить на этот вопрос помогает обращение к другим известным науке ярлыкам.

О языке ярлыка золотоордынского хана Тохтамыша литовскому великому князю Ягайлу (датирован 1392-93 г.) В. В. Радлов писал: «...ярлык Токтамыша писан западным татарином, знавшим хорошо официальный язык ханских канцелярий [разрядка моя.— *В. Г.*], но тем не менее писавшим с сохранением большей части особенностей родного своего говора»[57]. К этому выводу В. В. Радлов пришел после тщательного анализа «лексического и грамматического материала языка ярлыка»[58], поэтому утверждение А. Н. Самойловича о том, что рассматриваемый ярлык написан «на местном кыпчакском языке»[59], выглядит некоторым огрублением точки зрения В. В. Радлова.

[57] Радлов, Ярлыки, стр. 39.
[58] Там же.
[59] А. Н. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана,— «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», Симферополь, 1927, т. I (58), стр. 141.

Ярлык Тохтамыша на имя Бик-Хаджи (датирован 1382 г.) написан, по мнению А. Н. Самойловича, «на среднеазиатско-турецком литературном языке XIV века»[60].

Копия ярлыка Тимур-Кутлуга (датирован 1397-98 г.) написана на «литературном чагатайском языке»[61].

О языке трех перечисленных ярлыков А. Н. Курат пишет: «Язык всех трех ярлыков — литературный язык, употреблявшийся в Золотой Орде»[62]. Битиг золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (датирован 14 марта 1428 г.), по словам А. Н. Курата, тоже написан на золотоордынском литературном языке, «который, хотя это не совсем правильно, вообще называют чагатайским»[63].

Этот же автор устанавливает, что и крымские ярлыки, в частности тарханный ярлык первого крымского хана Хаджи-Гирея (датирован 1453 г.), написаны тем же языком, что и золотоордынские ярлыки. «В этом отношении, — пишет он, — между всеми ярлыками мы видим большое сходство. Даже манера изложения (yazılış tarzı) ярко свидетельствует о том, что продолжали поддерживаться золотоордынские канцелярские традиции»[64].

Хорошим объяснением этих наблюдений А. Н. Курата могут служить следующие слова А. Н. Самойловича: «Татаристан и Крым имеют общий единый источник своих литературных языков — литературный язык Джучиева улуса...»[65]. А литературным языком Джучиева улуса, т. е. Золотой Орды, был среднеазиатский литературный тюркский язык[66].

В книге А. Н. Курата имеется битиг (датирован 1468 г.) Тимурида султана Абу-Саида (1427—1469), правившего в Туркестане и Иране, Узун-Хасану, тому самому, о победе над которым извещает в своем ярлыке Мехмед Завоеватель[67]. Этот битиг тоже, разумеется, написан на среднеазиатском литературном языке.

Итак, мы видим, что официальные высочайшие указы (ярлыки) и послания (битиги), принадлежавшие правителям различных и удаленных друг от друга тюркских государств XIV—XV вв., писались, как правило, на среднеазиатском литературном языке, хотя допускались некоторые отклонения

---

60 Там же.

61 Радлов, Ярлыки, стр. 40.

62 Kurat, стр. 3.

63 Там же, стр. 7.

64 Там же, стр. 63.

65 А. Н. Самойлович, К истории крымско-татарского литературного языка,— «Вестник научного татароведения», 1927, № 7, стр. 27.

66 Eckmann I, стр. 113; Eckmann II, стр. 138.

67 Kurat, стр. 116—134.

от него, как мы это видим на примере ярлыка Тохтамыша Ягайлу[68].

Ярлыки сходны между собой не только по языковому признаку. Известно, что существовали традиции и каноны, в соответствии с которыми составлялись эти документы[69]. Интересующий нас документ и в этом отношении сходен с другими ярлыками[70].

Одной из важнейших особенностей исследуемого ярлыка является то, что он написан уйгурскими и арабскими буквами. Уйгурскими буквами написаны также: ярлык Тохтамыша Ягайлу[71], нишан сына вышеупомянутого Абу-Саида и отца знаменитого Бабура султана Омар-Шейха[72], копия ярлыка Тимур-Кутлуга[73], битиг Абу-Саида Узун-Хасану. Последние два документа, как и ярлык Мехмеда II, снабжены арабской транскрипцией каждого слова.

Уйгурская письменность была долгое время официальной в канцеляриях тюркских правителей и «продолжала в них употребляться даже и в то время, когда эти ханы вполне стали тюрками и даже в тех местах, где ни народ, ни ученые не знали ее»[74]. Она употреблялась в золотоордынских канцеляриях[75] и в канцеляриях Тимуридов[76]. Последнее подтверждается еще и битигом султана Абу-Саида Узун-Хасану.

Сказанное выше убеждает в том, что ярлык Мехмеда II и в отношении языка, и в отношении формы и письменности составлен в соответствии с действовавшими канонами в угоду сложившимся в тюркском мире традициям. Тем более что в XV в. битиги и ярлыки были, очевидно, обычными для османских султанов формами официальных документов. В книге А. Н. Курата приводится битиг золотоордынского хана турецкому султану Мураду II (1421—1451), два битига золотоордынских ханов Мехмеду II, четыре битига, направленные ему же крымскими ханами, один битиг Менгли-Гирея кому-то из высокопоставленных сановников Османской империи. Если османские султаны получали такие документы, являвшие-

---

[68] Ср. следующие слова А. К. Боровкова: «По всем данным, подлинные ярлыки русским митрополитам писались на книжном тюркском языке золотоордынской эпохи уйгурскими или арабскими литерами — последнее вероятнее». См.: Боровков, Опыт, стр. 18.

[69] См.: Боровков, Опыт, стр. 13—16; Самойлович, Тимур-Кутлуг, стр. 1110—1121.

[70] Arat, стр. 286—287.

[71] Радлов, Ярлыки, стр. 3—17.

[72] Мелиоранский, Документ, стр. 01—012.

[73] Радлов, Ярлыки, стр. 17—38; Самойлович, Тимур-Кутлуг, стр. 1110—1124.

[74] Радлов, Ярлыки, стр. 3.

[75] Там же.

[76] Мелиоранский, Документ, стр. 05.

ся, по всей вероятности, обычными в тюркском мире атрибутами межгосударственных сношений, то естественно полагать, что они сами также их составляли.

А. Н. Курат сообщает, что термин «ярлык» долгое время употреблялся в османском канцелярском языке, особенно часто — в XV, XVI и XVII вв. По его мнению, можно предположить, что османские султаны сами издавали тарханные ярлыки и что в турецких библиотеках и архивах, после того как они будут тщательно обработаны, будут найдены документы такого рода [77].

Р. Арат пишет, что в первые века существования Османской империи ее отношения с другими тюркскими государствами были более тесными, нежели в последующие эпохи, и что для поддержания официальной переписки с ними в империи существовали особые канцелярии, чиновники которых, носившие титул бахши, были, вероятно, выходцами из этих стран [78]. Во времена Мехмеда II одним из таких бахши был Шейх-заде Абду-р-Реззак, рукой которого, по мнению Р. Арата, и был написан исследуемый ярлык, предназначенный, по-видимому, для рассылки в среднеазиатские государства [79].

В свете сказанного представляется неправомерным ссылаться на ярлык Мехмеда II как на факт, свидетельствующий о том, что малоазийские тюрки до XV в. пользовались уйгурским письмом (см. выше). Для такого утверждения необходимы уйгурографичные документы на анатолийско-тюркском, староосманском языке.

Известно, что имеются другие не османские по языку уйгурографичные тексты, происходящие из Малой Азии конца XV — начала XVI в. Это — упоминавшаяся выше известная копия ярлыка Тимур-Кутлуга [80], которая в 1813 г. попала в руки переводчика австрийского посольства в Стамбуле Рааба и затем была передана для исследования И. фон Хаммеру [81]. Рукой бахши Шейх-заде Абду-р-Реззака написаны: один из двух стамбульских списков (датирован 1480 г.) поэмы Ахмеда Югнекского «Атебет ул-хакаик» («Врата истин») или «Хибат ул-хакаик» («Подарок истин»), в котором текст поэмы представлен, как и в ярлыках Мехмеда II, Тимур-Кутлуга

---

[77] Kurat, стр. 4.

[78] Reşid Rahmeti Arat, Kutadgu bilig. I. Metin, İstanbul, 1947, стр. XXXV.

[79] Там же, стр. XXXV—XXXVI.

[80] По мнению А. Н. Самойловича, родина копии — столица Турции, время возникновения — конец XV — начало XVI в. См.: Самойлович, Тимур-Кутлуг, стр. 1121—1122.

[81] Kurat, стр. 3.

и в битиге Абу-Саида, двумя параллельными вариантами — уйгурскими и арабскими буквами[82], а также пятистрофная газель в конце уйгурографичного гератского списка «Кутадгу билиг»[83].

Из этого списка видно, что уйгурское письмо в Малой Азии имело очень специфическое применение и находилось за пределами собственно османских литературных и письменных традиций.

В интересах большего прояснения вопроса об уйгурографичных документах, происходящих из Турции конца XV в., следует иметь в виду, что ярлык Мехмеда II, как и копия ярлыка Тимур-Кутлуга, не имеет султанской печати и, возможно, является лишь копией[84]. Подтверждением мнения Р. Арата о том, что непосредственным изготовителем ярлыка был Абду-р-Реззак, является то, что в этом документе мы находим все те графические особенности, которые, как подметил А. Н. Самойлович, объединяют ярлык Тимур-Кутлуга с названными текстами, написанными рукой этого бахши[85]. Особенности уйгурографичных текстов: 1) передача передних губных гласных в первом слоге через *вав,* а не диграфом *вав* + *йод*[86]; 2) использование точки над *нуном;* 3) использование двоеточия над *хетом;* 4) спорадические двоеточия под *шином.* Особенности арабографичных текстов: 1) почерк насталик (по Самойловичу); 2) троеточие под *сином;* 3) использование *джима* для передачи /č/[87]. Принимая во внимание сходство интересующих нас текстов по перечисленным графическим признакам и мнение Р. Р. Арата о том, что ярлык Мехмеда II написан рукой Абду-р-Реззака, нельзя исключать вероятности того, что и копия ярлыка Тимур-Кутлуга была изготовлена этим же лицом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Боровков, Лексика.— А. К. Боровков, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., М., 1963.

---

[82] Edib Ahmed b. Mahmud Yukneki, Atebetu 'l-ḫakajik, изд. Reşid Rahmeti Arat, İstanbul, 1951, стр. 27—30.

[83] В. В. Радлов, Кудатку-билик. Факсимиле уйгурской рукописи императорской и королевской придворной библиотеки в Вене, СПб., 1890, стр. XII, 190.

[84] Arat, стр. 287—288.

[85] Самойлович, Тимур-Кутлуг, стр. 1121—1122.

[86] А. Н. Самойлович объяснял эту особенность уйгурографичных документов влиянием «мусульманской письменности» (см.: Самойлович, Тимур-Кутлуг, стр. 1121).

[87] Ср. § 1 наст. работы; Arat, стр. 289—292 и факсимиле.

Боровков, Опыт.— А. К. Боровков, Опыт филологического анализа тарханных ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам,— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, т. XXV, вып. 1, стр. 13—24.

Боровков, Словарь.—А. К. Боровков «Бада̄'и' ал-луг̣ат». Словарь Т̣а̄ли' Има̄нӣ Гератского к сочинениям Алишера Навои, М., 1961.

Будагов I, II.— Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий..., т. I, СПб., 1869; т. II, СПб., 1871.

Иванов, Родословное древо тюрок.— С. Н. Иванов, Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории), Ташкент, 1969.

Кононов, Родословная туркмен.— А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, М.— Л., 1958.

Малов, Изучение.— С. Е. Малов, Изучение ярлыков и восточных грамот,— сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953, стр. 187—195.

Мелиоранский, Документ.— П. М. Мелиоранский, Документ уйгурского письма султана Омар-Шейха,— ЗВОРАО, 1904, т. XVI, стр. 01—012.

Радлов, Ярлыки.— В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, 1889, т. III, вып. 1, стр. 1—40.

Самойлович, Тимур-Кутлуг.— А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга (Посвящается памяти В. В. Григорьева),— «Известия Российской Академии Наук. 1918», Пг., 1918, стр. 1109—1124.

Фазылов.— Э. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, т. I, Ташкент, 1966.

Щербак, Грамматика.—А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962.

Arat.— R. Rahmeti Arat, Fatih Sultan Mehmed'in yarlığı,— «Türkiyat mecmuası», c. VI, 1936—1939, İstanbul, 1939, стр. 285—322 (+20 стр. факсимиле).

Eckmann I.— J. Eckmann, Das Chwarezmtürkische,— PhTF, т. I, 1959, стр. 113—137.

Eckmann II.— J. Eckmann, Das Tschaghataische,— PhTF, т. I, 1959, стр. 138—160.

Ḳurat.— Akdes Nimet Ḳurat, Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan ḫanlarına ait yarlık ve bitikler, İstanbul, 1940.

Л. Ю. Тугушева

ЯРЛЫКИ УЙГУРСКИХ КНЯЗЕЙ ИЗ РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ ЛО ИВАН СССР

В рукописном собрании ЛО ИВАН под шифрами SI 2 Kr 17 и SI Kr IV 256 хранятся две уйгурские рукописи, написанные размашистым и небрежным полукурсивом на обороте свитков с китайским текстом сутры Saddharmapuṇḍarīka, датируемых концом X — началом XI в.[1]

Ознакомление с содержанием показало, что тексты этих рукописей в некоторой своей части совпадают: небольшая и фрагментарная рукопись SI Kr IV 256 (29×52,5 *см*) повторяет часть текста более обширной по объему рукописи SI 2Kr 17 (30×217 *см*); но во второй рукописи в отличие от первой отдельные слова и целые строки выписаны повторно по два и большее число раз. Отбросив эти многочисленные повторения, можно выделить «чистый» текст, содержание которого не оставляет сомнения в том, что перед нами черновые записи трех посланий-ярлыков.

Ярлыки написаны на классическом уйгурском («древнеуйгурском») языке и различны по своему назначению: один из них адресован Арслану Уге (arslan ögägä) в связи с его прошением о двух пленниках согдийцах; второй представляет собой распоряжение, по всей видимости, сюзерена об охране дорог перед возможным нашествием басмылов; третий — ультимативное обращение князя (el ögäsi bilgä bäg) к Арслану Таг Тутуку (arslan taγ tutuq-qa) с требованием не беспокоить окрестных жителей города набегами.

Помимо указанных выше имен упомянуто также имя некоего беглеца от басмылов tägän (tägrä?) aba ït qja.

Упомянуты топонимы: ïla (река Или), jultuz (плоскогорье?), город (balïq) qan ögri (qan ögni, qar ögri, qar ögni) и этнонимы: basmïl 'басмылы', soγtu 'согдийцы'.

[1] Идентификация и датировка китайского текста на оборотной стороне свитка принадлежат старшему научному сотруднику ЛО ИВАН Л. Н. Меньшикову.

По языку текста, по характеру упоминаемых топонимов и этнонимов, по собственным именам и пр. можно предполагать, что ярлыки эти принадлежат гаочанским (турфанским) уйгурам, местом жительства которых как раз были области, прилегающие к восточным отрогам Тянь-Шаня[2].

Лица, от имени которых написаны ярлыки, так же как и лица, которым они направлены, не имеют титулов хана, илиг-хана или идуккута[3] и называют себя bäg 'бек', 'князь' и ögä 'правитель' (МК I 310). Наряду с этим они достаточно самостоятельны, чтобы предпринимать военные действия против соседних народов. Из этого можно заключить, что речь идет об эпохе, когда вместе с ослаблением государства Арслан-ханов стала увеличиваться автономия отдельных областей и возникли автономные общины, управляемые «племенными князьками»[4], беками и уге, вошедшие позднее в состав более могущественного караханидского государства. Об актуальности для некоторых тюркских племен Восточного Туркестана вопроса о взаимоотношениях с басмылами в этот период (предположительно конец X — начало XI в.) можно судить по некоторым стихотворным отрывкам из «Дивана» Махмуда Кашгарского[5].

---

[2] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку Билика), СПб., 1893, стр. 120.

[3] По данным, собранным Р. Р. Аратом, в полном виде титул правителя Турфанского (Гаочанского) уйгурского княжества, например, звучал так: Arslan bilge teŋri ilig [имя собств. правителя] īduq qut (R. R. Arat, Der Herrschertitel Iduq-qut,— UAJb, 1964, t. 35, fasc. B, стр. 155.

[4] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, стр. 120.

[5] Ср., например:

basmīl süsin qomïttï
barǯa kelip jumīttī
arslan taba emitti
qorqup bašī tezginür

Басмылы подняли свое войско,
И все, собравшись,
Двинулись на Арслана,
[Но] голова [у них] от страха кружится.

(МК II 312)

taŋ ata jortalīm
buδruč qanīn irtelim
basmīl begin örtelim
emdi jigit juvulsun

На рассвете выйдем в путь,
Возжаждем крови Будруча;
Распалим предводителя басмылов,
Пусть собираются джигиты!

(МК III 356)

Ярлыки, таким образом, относятся к одной из наиболее «темных» эпох, о которой весьма скудны сведения у летописцев и историков соседних народов, а от самих уйгуров сохранились сочинения по преимуществу такого характера, что в них не находят отражения конкретные факты истории.

Сравнение с ярлыками более позднего времени (Тохтамыша, Темир Кутлуга и др.) свидетельствует о том, что в форме подобного рода документов существовала преемственность. Искусственность выражений такого типа, как начальное обращение в ярлыке Тохтамыша: «Токтамыш сӧзӱм Јаҕаilҕа»[6], с точки зрения золотоордынского литературного языка очевидна, и в силу этого В. В. Радлов трактует его как «сокращенное предложение вместо Токтамышның мӓнің сӧзӱм бу дыр»[7]. Аналогичные выражения являются лишь сохранившимися по традиции трафаретными формами, принятыми в подобного рода документах в более раннюю эпоху (ср.: apa tāmür söz-üm torï baqšï-qa USP 24, 'мое — Апа Темюра — слово к Торы Бакшы'; в данном случае: el ogäsi bilgä bäg bitigimiz arslan taγ tutuq-qa 'наше — правителя страны Бильге бека — послание Арслану Таг Тутуку', II, стк. 55—57) и выработанные, по-видимому, в полном соответствии с нормами того языка, на основе которого эти штампы создавались.

Об этом же свидетельствует совпадение некоторых оборотов в настоящих документах с оборотами речи в орхонских надписях: ol sub qodï bardïmïz 'мы пошли вниз по этой реке' (Тон., 27) и: ïla qodï bartï 'спустились вниз по реке Или' (стк. 30—31).

Из графических особенностей текста наиболее показательной является своеобразное, весьма редкое в уйгурском письме, написание i, j в середине слов (см., например, стк. 36: äšid-, ajd-).

Рукопись написана на светло-желтой бумаге; верже — 4 линии в 1 *см*. Почерк—ранний полукурсив.

Хотя записи эти не являются официально утвержденными документами, они, безусловно, интересны тем, что знакомят нас с формой дипломатических документов в турфанско-уйгурскую эпоху; воспроизведение этого текста в двух вариантах является к тому же некоторым свидетельством его подлинности.

В предлагаемой транскрипции приводится 71 строка текста SI 2Kr 17 с изъятием имеющихся в тексте повторов и 16 строк текста SI Kr IV 256.

---

[6] В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, 1889, т. 3, стр. 6.

[7] Там же, стр. 6.

Чтение и перевод текстов затрудняются тем, что они имеют отрывочный, незавершенный характер и выполнены с небрежностью, свойственной всякой черновой записи.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

USP — W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928.
МК — Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, I—III, Ankara, 1939—1941.
ДТС — Древнетюркский словарь, Л., 1969.
КТб — Памятник в честь Кюль-тегина (большая надпись). (Atlas der Alterthümer der Mongolei. Hrsg. von Dr. W. Radloff, Lfg. III, St.-Pbg., 1896, табл. XCVIII—XCIX, CII—CIV).
Тон — Памятник в честь Тоньюкука (Atlas..., Lfg. IV, St.-Pbg., 1899, табл. CVI—CXVI).
[...?] — слово оставлено без перевода.
[ ] — дополнения для удобства перевода.
( ) — вариант чтения.
( ) — с указанием номера строки при слове — вариант написания слова, встречающийся в опущенных повторяющихся строках.
( ) — графически не отраженный, восстанавливаемый звук.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТА

I

1. ičtinki (ictiki — 1) j(a)rl(ï)γ arslan ögä (ögägä Kr IV 256 15—16)
3. bitigdä
4. nä (?) üküš j(a)rl(ï)γ j(a)rlïqaju äjdälim
7. siz j(ä)mä iki soγtu tutqun-ïγ (tutun-ïγ — 7) oγlan-
8. tïn (oγlan-ïŋïz — 6) ötünü äjdmiš-siz käl(i)p
10. köz-ünti bitig ötügüŋüz-täki
12. soγtu-lar tilin-täki qaju oγurluγ
14. sav söz ärti ärsär barča
15. uqa j(a)rlïq(a)d(ï)m(ï)z

II

16. basmïl-ïγ jultuz-qa
18. önär tisär anï üz-ä ol jol-
20. lar-ïγ tutut(u)ruŋ tip j(a)rl(ï)γ äjdü
22. j(a)rlïqad(ï)m(ï)z ärti basmïl-tïn küräk
24. j(ä)mä kälti
25. tägän (tägrä) aba ït qja

27. ölär (ular — 26) til j(ä)mä alïp kälti
29. basmïl-ïγ ögüz bögüz-tin
30. (bögüz-)intin köčüp ïla qodï
31. bartï (bardï — 32) tisär
33. muntïn taqï bir til
34. jïŋaγ bulup basmïl-ïγ bärü
36. jandï tip äšidilsär j(a)rl(ï)γ äjdü
38. j(a)rlïqaγaj-bïz jol-uγ jana tututurγaj-sïz (tuturγaj-sïz — 39, tututruγaj-sïz — 38, tututurγaj-sïz Kr IV 256, 14)
41. jana bir til jïŋaγ äšidilginčä
42. jol-qa kiši nä äŋdmäŋ ärsär
44. j(ä)mä kidin öŋdün balïq-lar(ï)γ
45. av-čï-ïγ tarïγ-čï-ïγ anï-n qodünu
47. jïčïnu saql(a)nu turγu qïl-ïŋ anïn
49. j(a)rl(ï)γ j(a)rlïqaju äjdtim(i)z j(a)rlïγïm(ï)z
52. bišinč aj j(i)g(i)rmigä

III

55. el ögäsi bilgä bäg bitigim(i)z
56. arslan taγ tutuq-qa
57. biz-iŋ sav inčä bilgil
58. sän j(ä)mä qanögri (qanögni, qarögri, qarögni) balïq arqa-sïntaqï
60. iš küč oγrïntaqï bodun-qa
62. küč kötgi qïlur ärmiš-sän bükün
64. tä mïnča bodun-qa küč tägürsär
66. birtür(ü)p
69. aj küŋ
71. balïq-tïn kitärip

ПЕРЕВОД

I

1. Внутренний ярлык Арслану Уге*. В письме мы даем [...?] распоряжение*. Вы ходатайствовали перед огланом* о двух пленниках-согдийцах*. Все [...?]* согдийские слова, имеющиеся в предъявленном* вами письменном прошении, мы соизволили понять (уразуметь)...

II

16. ...мы распорядились на тот случай, если басмылы пойдут в направлении Юлтуза*, чтобы вы охраняли* дороги. Но от басмылов прибыл беглец, Теген Аба Ыт

Кыя*, и принес [...?]* весть* о том, что басмылы, откочевав от (своих) рек*, пошли вниз по [реке] Или*.

33. Но пришло еще одно известие* о том, что басмылы приближаются сюда. По этому поводу мы изволим распорядиться: — Охраняйте дороги. Впредь до поступления известий к дороге никого не подпускайте*,

44. а также смотрите за тем (позаботьтесь о том), чтобы города, находящиеся позади и впереди (на западе и на востоке), [а также] охотники и землепашцы остерегались. По этому поводу мы дали распоряжение. Наше распоряжение пятого месяца двадцатого...

III

55. Наше — правителя* страны Бильге бека — послание Арслану Таг Тутуку. Наше слово таково — знай! Ты в период работ совершил набег (букв. 'причинил насилие') на народ, живущий за городом Ханогри (?)*. Если ты впредь таким образом будешь чинить насилие, отдавая в рабство (букв. 'отдавая [в качестве] рабов и служанок'),

71. изгоняя из города...

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

aba: tägän aba ït qja *см.* tägän
aj: aj küŋ *парн.* рабы и слуги 69
aj *календ.* месяц 52
al-: alïp käl- приносить
    alïp kälti 27
anï: anï üz-ä поэтому 18
anïn поэтому 45, 47
arqa: arqasïntaqï находящийся за (кем-л., чем-л.) 58
arslan: arslan taγ tutuq; *имя собств.*, *титул*(?): arslan ögä 1
    arslan taγ tutuq-qa 57
    arslan ögägä Kr IV 256, 15—16
avčï охотник;
    av-čï-ïγ 45
äjd- говорить, сказать
    äjdälim 5
    äjdmiš-siz 8
    äjdtim(i)z 49
    äjdü 20, 36
äŋd- (ägd-) подпускать, допускать (?)
    äŋdmäŋ 42

är- 1. быть; 2. *в служ. знач.*
ärmiš-sän 62
ärsär 14, 42
ärti 14, 22
äšidil- *страд. от* äšid- быть слышным, услышанным
äšidilginčä 41
äšidilsär 36
balïq город 58
balïq-lar(ï)γ 44
balïq-tïn 71
bar- идти, отправляться
bardï 32
bartï 31
barča весь 14
basmïl *этн. название народа*
basmïl-ïγ 16, 29, 34
basmïl-tïn 22
bäg бек, князь 55
bärü сюда 34
bil- знать
bilgil 56
bilgä мудрый 55
bir один 33, 41
birtür- *побуд. от* bir-: заставить отдать
birtür(ü)p 66
bišinč пятый 52
bitig письмо
bitigim(i)z 55
bitigdä 3
bitig ötüg прошение (письменное)
bitig ötügüŋüz-täki 10
biz-iŋ наш 56
bodun народ
bodun-qa 60, 64
bögüz: ögüz bögüz *см.* ögüz
bul- находить, получать
bulup 34
bükün сегодня 62
el эль, народ, государство 55
ičtinki (ičtiki) внутренний 1
iki два 7
inčä так, таким образом 56
iš: iš küč труды, работы 60
ïla *геогр. название реки* Или (?) 30
ït *см.* tägän

jan- приближаться (?), возвращаться
    jandї 36
jana снова, опять 38, 41
jarlїγ ярлык, указ 1, 5, 20, 36, 49
    j(a)rlїγїm(ї)z 49
jarlїqa- издавать указ, повелевать
    j(a)rlїq(a)d(ї)m(ї)z 15, 22
    j(a)rlїqaγaj-bїz 38
    j(a)rlїqaju 5, 49
j(ä)mä и, также 7, 24, 27, 44, 58
j(i)g(i)rmi двадцать
    j(i)g(i)rmigä 52
jїčїn- остерегаться
    jїčїnu 47
jїŋaγ: til jїŋaγ 33—34, 41
jol дорога
    jol-lar-їγ 18
    jol-qa 42
    jol-uγ 38
jultuz *геогр. плоскогорье* (?)
    jultuz-qa 16
käl- приходить, прибывать
    käl(i)p 8
    kälti 24
    alїp käl- *см.* al-
kidin позади, на западе 44
kiši человек 42
kitär- устранять, удалять
    kitärip 71
köč- кочевать
    köčüp 30
kötgi *см.* küč
köz-ünti предъявленный 10
küč: küč tägür- оказывать насилие, совершать набег
    küč tägürsär 64
    küč kötgi насилие 62
iš küč *см.* iš
küŋ *см.* aj
küräk беглец 22
mїnča так, таким образом 64
muntїn отсюда 33
nä что (?) 42
oγlan оглан, мальчик, принц
    oγlan-tїn 7
    oγlan-їŋїz 6

oγ(u)r время
    oγrïntaqï 60
oγurluγ (?) 12
ol это 18
ögä уге (*титул*)
    ögäsi 55
    arslan ögä *см.* arslan
ögüz: ögüz böğüz *собир.* реки
    ögüz bögüz-tin 29
ölär опровержимый (об известии) (?) 27
ön- подниматься, идти в направлении (чего-л.)
    önär 18
öŋdün впереди, на востоке 44
ötün- обращаться с просьбой
    ötünü 8
ötüg: bitig ötüg *см.* bitig
qaju какой 12
qanögri (?) *геогр. название города* 58
qïl- делать, совершать
    qïl-ïŋ 47
    qïlur 62
qja *см.* tägän
qodï вниз 30
qodun- остерегаться
    qodunu 45
saql(a)n- остерегаться
    saql(a)nu 47
sav слово, речь 14, 56
sän ты 58
siz вы 7
soγtu *этн. название народа*, согдийцы (?) 7
    soγtu-lar 12
söz слово 14
taγ *см.* arslan
taqï и, еще 33
tarïγčï земледелец
    tarïγ-čï-ïγ 45
tägän: tägän aba ït qja *имя собств.* 25
ti- говорить, сказать
    tip 20, 36
    tisär 18, 32
til 1. язык (как средство общения) 12; 2. весть, известие 27, 33, 41
    tilin-täki 12
tur- *в служ. знач.*, *длительность действия*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

-ip *см.* -p
-ju *см.* -a
-ma- *гл., отрицательн.* 42
-miš *прошедш. результ.* 8, 62
-mïz *сказуемост. 1-го л. мн. ч.* 15, 22, 49; -biz 38
-(n)ïŋ *род. п. 56*
-ŋ *см.* -ïŋ
-p *деепр.* 36, 20; -ïp 27; -ip 8, 71; -up 34; -üp 30, 66
-qa *дат. п.* 16, 42, 57, 60, 64; -kä 52; -gä IV Kr. 256, 1
-sar *гл., условн.* 14, 18, 32, 36, 42, 64
-sän *сказуемост. 2-го л. ед. ч.* 62
-siz *сказуемост. 2-го л. ед. ч.* 8, 38
-sï *см.* -ï
-sin- *принадл. с косв. пад.* 58
-taqï *прил.* 58, 60; -täki 10, 12
-tä *см.* -dä
-täki *см.* -taqï
-ti *см.* -tï
-ti *прил.* 10
-tin *см.* -tïn
-tï *гл., прошедш. категорическ.* 31, 49; -ti 14, 22, 24, 27; -dï 15, 22, 32, 36
-tïn *исх. п.* 7, 22, 33, 71; -tin 29, 30
-u *см.* -a
-uγ *см.* -ïγ
-uŋ *см.* -ïŋ
-up *см.* -p
-ur *см.* -är
-ü *см.* -a
-üp *см.* -p
-ür *см.* -ar
-üŋüz *см.* -ïŋïz

КОММЕНТАРИИ

1. Под именем Арслана Уге (или Кара Араслана Уге) известен также в исторических документах один из приближенных уйгурского идикута, перешедший на службу к Чингиз-хану (см.: B. Ögel, Çingiz han ve Çindeki hanedanının türk müşavirleri, Taipei, 1964, стр. 75). Однако не представляется возможным идентифицировать с ним Арслана Уге, упомянутого в настоящих документах, которые, судя по многим признакам (см. предисловие), относятся к более раннему времени.

5. äjt- 'говорить, сказать' (см. также стк. 8, 20, 36, 49). Значение и употребление этого глагола в настоящем тексте свидетельствует о том,

что процесс стирания каузативного значения этой основы, который в современных языках можно рассматривать как завершенный (ср.: *айту* 'сказать, говорить'— Казахско-русск. сл., Алма-Ата, 1954, стр. 21а; *айт-* 'говорить, сказать'— Киргизско-русск. сл., М., 1965, стр. 34б и др.), зашел довольно далеко уже в древнеуйгурском языке. Во всех указанных случаях в начале этого слова выписан переднерядный Ӑ (один зубец). В транскрипции сохранен этот переднерядный характер слова, который мог явиться не только фактором графическим, но и в какой-то мере отражением произношения (ср.: тат. *әйтү* 'говорить, сказать...'— Татарско-русск. сл., М., 1966, стр. 728б).

7. soγtu 'согдийцы, согдийский' (см. также стк. 12). В древнетюркских текстах в значении 'страна и народ согдийцев' встречаются формы soγd (КТб$_{52}$, МК I 30) и soγdaq (Тон$_{46}$, КТб$_{31}$, КТб$_{39}$, МК I 471). В настоящем тексте использована сходная, но несколько необычная форма этого слова soγtu. Что касается употребления сильного (глухого) T вместо слабого (звонкого) D, то чередование этих двух графем в уйгурских текстах — не только в аффиксах, но и в корнях слов — явление довольно типическое (ср.: ödül-/ötül- 'кашлять'; qod-//qɔt- 'ставить, класть' и др.), но происхождение замыкающего гласного U остается неясным. Контекст же не оставляет сомнения в том, что речь идет об этнониме.

7. oγlan 'оглан' помимо своего основного значения 'мальчик, юноша' может выступать в значении 'принц, князь, потомок или родственник царствующего дома' (см.: В. В. Радлов, Ярлыки Toктамыша и Темир Кутлуга,— ЗВОРАО, 1889, т. III, стр. 9; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, 1023).

10. Слово közünti отчетливо выписано дважды — в 9-й и 10-й строках. По всей видимости, является отглагольным прилагательным на -ti от основы közün- в значении 'предъявленный, представленный' (об этом типе образования см.: Э. В. Севортян, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 287—288), сходным по значению с образованным от того же корня közünür 'настоящий' (ДТС, 321б).

12. oγurluγ/oγurluq в древнетюркских текстах встречается в значении: 1) своевременный, удачный; 2) ответный дар (см. ДТС, 365а). В данном сочетании — oγurluγ sav söz — оба эти значения в одинаковой мере малодопустимы и вопрос о значении слова oγurluγ в этом случае остается открытым.

16. Вероятнее всего, речь идет о плоскогорье Юлдуз, по которому протекает река Хайдык-гол (см.: A. Stein, On ancient Central-Asian tracks, London, 1933, стр. 277). Но не исключено, что этот топоним обозначает водоем. Ср.: Julduz köl — название озера (МК III 135).

20. tutu t(u)run (встречается также в стк. 38, 39)—аналитическая форма глагола tutu tur- со значением длительности действия.

25. Титул (или родовую кличку) qja//qɔja, по свидетельству некоторых авторов, носили по преимуществу бешбалыкские уйгуры (см.: B. Ögel, Çingiz han ve Çindeki hanedanının türk müşavirleri, стр. 75).

26. til здесь 'известие, весть' (ср.: В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир Кутлуга, — ЗВОРАО, 1889, т. III, стр. 10; Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, т. II, 1935). В пользу такой трактовки говорит также сочетание til jīaγ äšidilgïnčä 'пока не будет получено (букв. услышано) известие' (41).

27. ölär в сочетании со словом til в вышеуказанном значении можно трактовать как 'опровержимое, опровергнутое известие' (ср.: *мин кiнi тылын öлöрдÿм* 'я его слова опроверг' — Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, т. II, 1935), однако значение этого слова остается неясным, если читать его как твердорядное ular (стк. 26).

29. Можно допускать, что сочетание ögüz bögüz представляет собой парное словосочетание, в котором второй элемент является отзвуком первого, и словосочетание в целом имеет значение коллективности и неопределенного множества; в данном случае — 'всякие реки'.

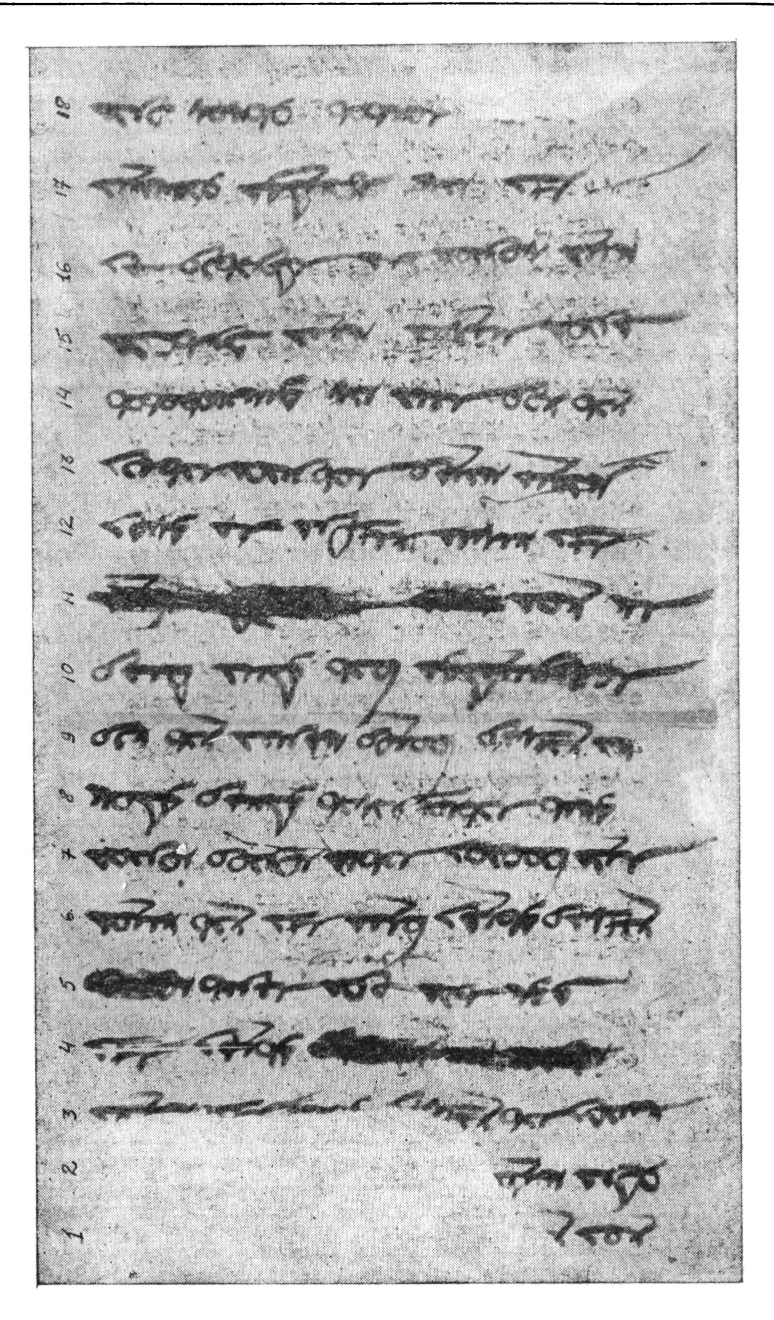
30. О реке Или см.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 433.

33. Сочетание til jīaγ 'весть, известие' в тексте употреблено дважды — в стк. 32—34 и 40—41. По типу оно является парным словосочетанием с синонимичным значением двух компонентов, хотя слово jīaγ в указанном значении не зафиксировано.

42. ä(i)dmä 'не подпускайте'. Вероятнее всего, основа äid- с указанным значением является производной от ä- 'гнуть, сгибать'. Но данное значение основы ä(i)d- пока не зарегистрировано и остается проблематичным до подтверждения его другими примерами.

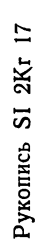
55. ögä 'правитель'. См. МК I 310.

58. Название города, идентификации пока не поддается.

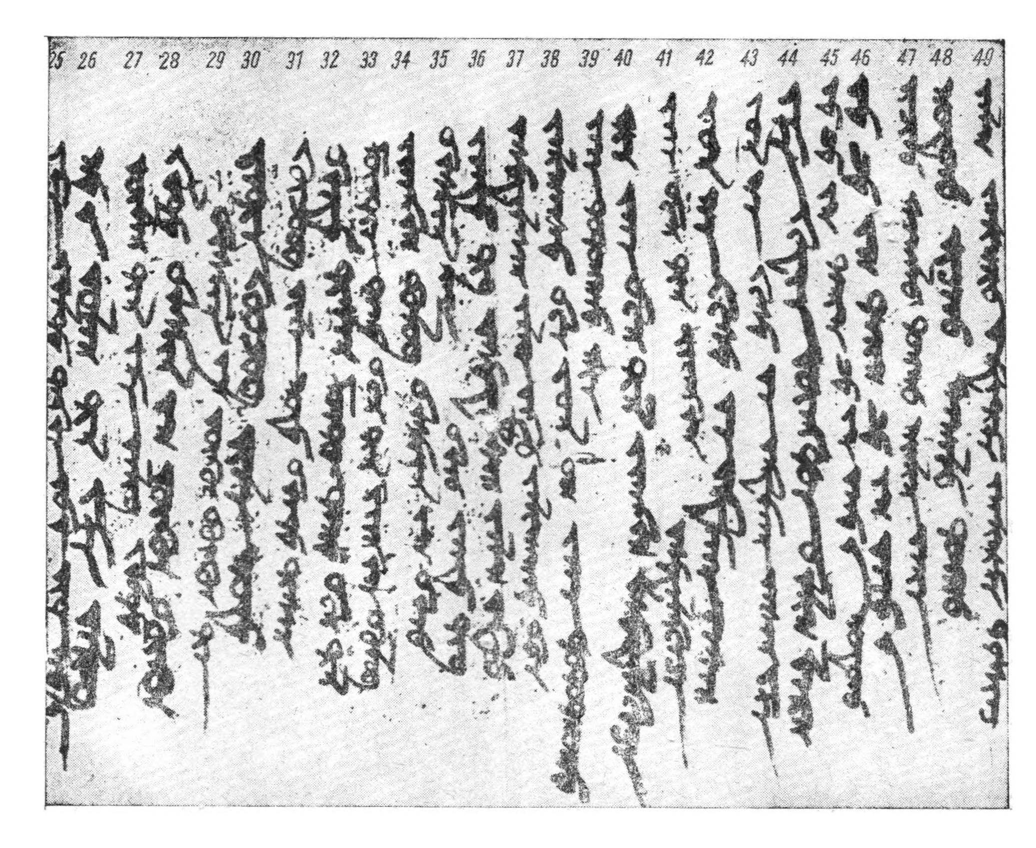

Рукопись SI Kr IV 256

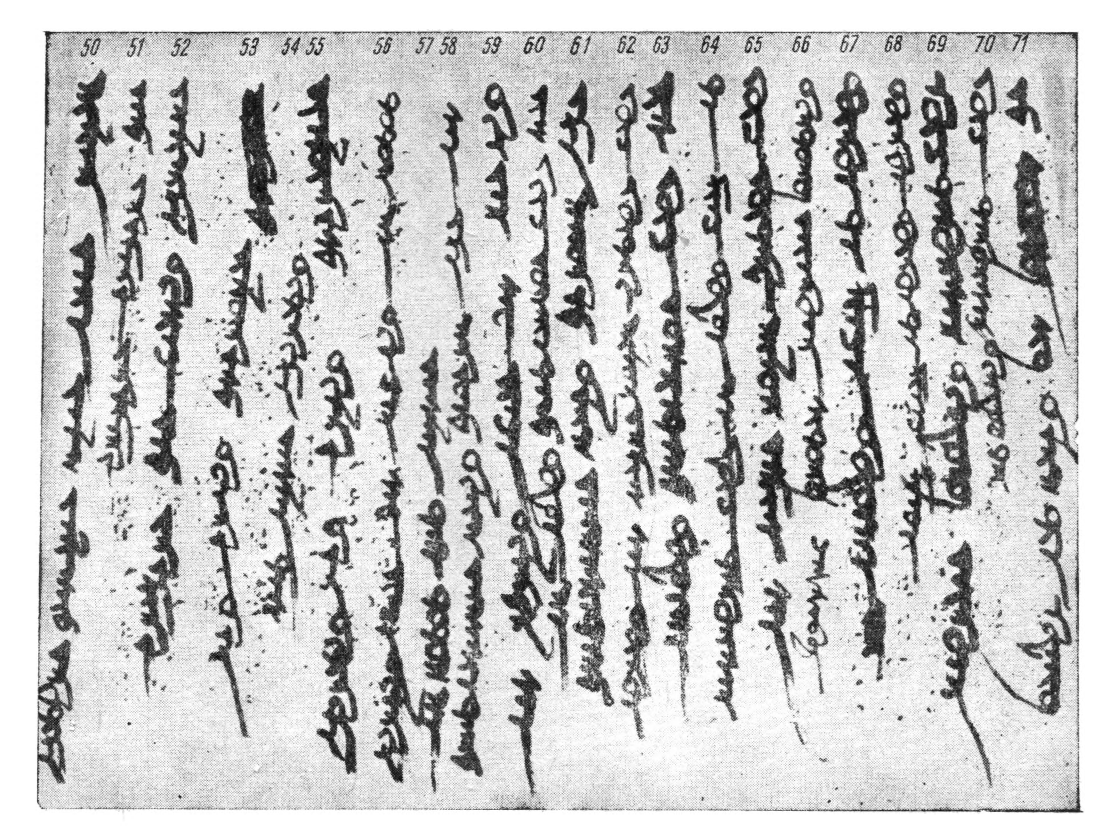
17 Зак. 927

Рукопись SI 2Kr 17

Рукопись SI 2Kr 17 (продолжение)

Рукопись SI 2Kr 17 (продолжение)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВ В. В. РАДЛОВА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ *

Составила Н. А. Дулина

I. ТРУДЫ В. В. РАДЛОВА

Über den Einfluss der Religion auf die Völker Asiens. Dissertation, [Jena, 1858?].

Briefe aus dem Altai. 1—3,— AWKR, XX, 1861, стр. 556—597; 4—5,— AWKR, XXI, 1862, стр. 179—223; 6—7,— AWKR, XXI, стр. 641—662; 7—9,— AWKR, XXII, 1863, стр. 1—46, 1 табл., 1 карта. [Рец.: G. Helmersen, Bemerkungen zu Herrn Radloffs Briefen aus dem Altai,— AWKR, XXIV, 1865, стр. 515—526].

Kurzer Bericht über eine auf Kosten des Kabinets Sr. Kaiserlichen Majestät unternommene Reise in den Altai im Sommer des Jahres 1861 von Dr. Wilhelm Radloff. (Lu le 12. déc. 1862),— BAIS, 1863, V, стлб. 534—537 = MélR, 1863, IV, 3, стр. 333—338 = MélR, 1872, IV, стр. 333—338. [Рец.: MPGA, 1863, стр. 235—237].

Kurzer Bericht über eine im Sommer 1862 unternommene Reise in die östliche Kirgisen-Steppe. (Lu le 28 août 1863),— BAIS, 1863, VI, стлб. 415—420 = MélR, 1863, IV, 3, стр. 359—367 = MélR, 1872, IV, стр. 359—367.

Observations sur les Kirghis,— JA, sér. 6, 1863, II, стр. 309—328. [Рец.: MPGA, 1864, стр. 280].

---

* В основу данной библиографии положены ранее опубликованные библиографии трудов В. В. Радлова: составленные К. Г. Залеманом (в книгах: «Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова», СПб., 1907, стр. 3—25; «75-летний юбилей дня рождения академика В. В. Радлова», СПб., 1912, стр. 5—8), а также список его трудов в кн.: «Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук», II, Пг., 1917, стр. 121—136; и библиография, составленная Ахмедом Темиром (см.: «Oriens», 1955, VIII, 1, стр. 51—93).

Beobachtungen über die Kirgisen,— MPGA, 1864, стр. 163—168.

Bericht über eine im Sommer 1863 unternommene Reise in den östlichen Altai. (Lu le 25 août 1864),— BAIS, 1865, VIII, стлб. 25—32 = MélR, 1865, IV, 4, стр. 453—462 = MélR, 1872, IV, стр. 453—462.

Reise durch den Altai, nach dem Telezker See und dem Abakan,— AWKR, XXIII, 1865, стр. 1—55, 218—316.

Über die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren,— ZVS, 1866, IV, стр. 85—114.

Das Ili-Thal in Hoch-Asien und seine Bewohner,— MPGA, 1866, стр. 88—97, 250—264.

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым, ч. I. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев, СПб., 1866, XXIV, [I], 418 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe, von Dr. W. Radloff, I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. I. Die Dialecte des eigentlichen Altai: der Altajer, Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen, St.-Pbg., 1866, XVI, 434 стр. [Рец.: R h o. K[ö h l e r],— LZ, 1867, стлб. 634—636; F. L i e b r e c h t,— GGA, 1868, стр. 105—117; W. B a n g, Altaische Streiflichter? Louvain, 1910; B. J ü l g,— ZDMG, 1869, XXIII, стр. 321—326; В е р б и ц к и й,— ТГВ, 1867, №№ 18—20, 22, 23].

Die Bergnomaden des Altai,— «Globus», 1867, XI (1: стр. 248—250; 2: стр. 276—279).

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым, ч. II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик), СПб., 1868, XXI, 712 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abteilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. II. Die Abakan-Dialecte (der Sagaische, Koibalische, Katschinzische), der Kysyl-Dialect und der Tscholym-Dialect (Küärik), St.-Pbg., 1868, XII, [1], 720, [1] стр. [См.: С. Е. М а л о в,

Ф. А. Фиельструп, К изучению турецких абаканских наречий,— ЗКВ, 1928, III, стр. 289—304; F. Köprülü, Abakan Türkleri,— «Türk Amaci», I, İstanbul, 1942, стр. 204—208. Рец.: Rho. Kö[hler],— LZ, 1869, стлб. 73—74; F. Liebrecht,— GGA, 1868, стр. 1653—1663; о I и II: B. Jülg,— ZDMG, 1869, XXIII, стр. 321—326; K. H. Menges,— CAJ, 1970, XIV, 1—3, стр. 237—240].

Письма г-на Радлова в Географическое общество во время поездки его в Туркестанский край, — ИРГО, 1868, IV, отд. 2, стр. 324—327.

Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г.,— ИРГО, 1870, VI, стр. 96—100.

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым, ч. III. Киргизское наречие, СПб., 1870, XXVI, 776, [2] стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. III. Kirgisische Mundarten, St.-Pbg., 1870, XXVII, 856 стр. [Рец.: Pho. K[öhler],— LZ, 1870, стлб. 1397—1399; A. Inan, Radloff'un Proben'leri üzerine bazı düzeltmeler,— DTCFD, 1944, II, стр. 488—490].

Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность,— ЗРГО по отд. статистики, 1871, II, стр. 593—637.

Die Hausthiere der Kirgisen,— ZE, 1871, III, стр. 285—313.

Das mittlere Serafschanthal — ZGE, 1871, VI, стр. 401—439, 497—526. [Рец.: MPGA, 1872, XVIII, стр. 235].

Skizzen aus Sibirien,— KZ, 18.I и 30.I.1872.

Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым, ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар, СПб., 1872, XV, [1], 411 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. IV. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler

und Tümenischen Tataren, St.-Pbg., 1872, XVI, [1], 512 стр. [Рец.: A. Pavet de Courteille,— JA, sér. 7, 1874, IV, стр. 259—295; M. B.,— MLA, 1872, LXXXI, стр. 528—529; W. Bang, Turkologische Epikrisen, Heidelberg, 1910].

Учебник немецкого языка по методе Лувье, составленный В. Радловым. Элементарный курс. Год первый, СПб., 1872, 43 стр.; Год второй, СПб., 1872, 59 стр.

Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России, ч. I, Этимология, Казань, 1873, [3], III, 114 стр. [Рец.: Н. Ильминский,— ЖМНП, 1873, CLXVII, май, отд. 2, стр. 370—374; В. Смирнов,— там же, 1877, CLXXXIX, янв., отд. 2, стр. 1—25].

Nachrichten über den Aufstand in der Iliprovinz in den Jahren 1863—1866,— RR, 1873, II, стр. 209—230.

Очерки Сибири,— НВ, 1874, № 2, [2(14).I.] и № 8 [9(21).I].

Анализ болгарских числительных имен,— в кн.: А. Куник и В. Розен, Известия аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1, СПб., 1878 (ЗАН, XXXII, прил. 2), стр. 138—146.

Средняя Зерафшанская долина,— ЗРГО по отд. этногр., 1880, VI, стр. 1—92, 1 карта.

Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen,— «Verhandlungen des V. Internationalen Orientalisten-Congresses, gehalten zu Berlin im September, 1881», Berlin, 1882, II, 2. (IV. Ostasiatische Sektion), стр. 54—70. [Рец.: W. Bang, Turkologische Epikrisen, Heidelberg, 1910, стр. 5].

Die alten Gräber in Sibirien. (Vortrag 17.VI.1882),— ZE, 1882, XIV, стр. 430—432.

Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1883, XL, 318 стр. (H. 1. Vocale, XX, 99 стр., Leipzig, 1882; H. 2. Consonanten, стр. XXI—XL, 101—318, Leipzig, 1883). [Рец.: F. Techmer,— IZ, I, 1, 1884, стр. 481—484; W. Bang, Turkologische Epikrisen, стр. 20, 24, 29; его же, Altaische Streiflichter? Louvain, 1910; В. Д. Смирнов,— ЖМНП, 1884, CCXXXVI, нояб., отд. 2, стр. 76—106; П. Мелиоранский, Турецкие наречия и литературы,— ЭСБЕ, 67, стр. 159—168; W. Kotwicz, Travaux de W. Radloff relatifs à la langue mandchoue,— RO, 1938, XIV, стр. 103—112].

Ethnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883, 29 стр. Отд. отт. из: Phonetik der nördlichen Türksprachen, стр. XXI—XL. [Рец.:

Ed. Sachau,— VGE, 1884, XI, стр. 61—64; Virchow,— ZE, 1884, XVI, стр. 101; «Tijdschrift van het Könink. Nederlandsch Aardrijkskundig Genootschap», sér. 2, Amsterdam, 1884, I, стр. 228—230].

Lesen und Lesenlernen,— IZ, I, 2, 1884, стр. 355—376.

Aus Sibirien. Löse Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Erster Band mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationstafeln; anderer Band mit einer Karte und 16 Illustrationstafeln, Leipzig, 1884, Bd I: VI, 536 стр. и Bd II: II, 488 стр. [Рец.: Kirchhoff,— MPGA, XXXI, 1885, стр. 148—149, № 134; W. Tomaschek,— DLZ, 1885, VI, стлб. 687—688; G. Gerland,— GJb., 1887, XI, стр. 477—478; PRGS, NS, 1885, VII, стр. 196].

О языке куманов по поводу издания Куманского словаря. (Читано 13 сентября 1883 г.), СПб., 1884 (ЗАН, XLVIII, прил. № 4), 53 стр.

Пер. с татарск. яз.: «Очерк истории Болгарского и Казанского царств» муллы Шихаб-уд-дина Бага-уд-динова,— «Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года», I, Казань, 1884, отд. II, стр. 40—50, 51—58. То же, в подлиннике на татарск. яз. (См. также: «Известия о занятиях Четвертого археологического съезда в Казани», Казань, 1877, стр. 157).

Zur Sprache der Komanen,— IZ, I, 1, 1884, стр. 377—382; II, 1, 1885, стр. 13—42.

Das Schamanenthum und sein Kultus, eine Untersuchung von Dr. W. Radloff, Leipzig, 1885, 67 стр. Отд. отт. из: Aus Sibirien, II, стр. 1—76.

Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. V. Наречие дикокаменных киргизов, СПб., 1885, [5], XXVI, 599 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der nördlichen türkischen Stämme von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. V. Der Dialect der Kara-Kirgisen, St.-Pbg., 1885, [5], XXVIII, 603 стр. [Рец.: В. Р[озен],— ЗВОРАО, 1887, I, стр. 230—236; Pavet de Courteille,— JA, sér. 8, 1887, X, стр. 350—362; Techmer,—IZ, 1887, III, 1, стр. 365; E. Kuhn,—LBOPh, 1886, III, стр. 113—116].

Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus. (Lu le 25.II/9.III. 1886),— MélA, 1886, IX, 2, стр. 87—92 = BAIS, 1887, XXXI, стлб. 121—124 = MélA, 1888, IX, стр. 87—92.

Vorbemerkung zu: Castrén's koibalisch-deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben des koibalischen Dialects. Neu transcribiert von N. Katanoff. (Lu le 11/23.III.1886),— MélA, 1886, IX, 2, стр. 97—99 = BAIS, 1887, XXXI, стлб. 138—140 = MélA, 1888, IX, стр. 97—99.

Bericht über die kurdischen Sprachsammlungen des Prof. Albert Socin. (Lu le 1/13.IV.1886),— BAIS, 1886, XXX, стлб. 523—525 = MélA, 1886, IX, 2, стр. 93—96 = MélA, 1888, IX, стр. 93—96.

Beiträge und Bemerkungen,— в кн.: «Syrische Grabinschriften aus Semiretschie», hrsg. u. erkl. von D. Chwolson. Mit einer Tafel. (Présenté le 1.IV.1886), St.-Pbg., 1886 (MA, sér. VII, XXXIV, № 4), стр. 5—19.

Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. VI. Наречие таранчей, СПб., 1886, [3], VI, [2], 211 стр. То же. Пер. на нем. яз.: Die Sprachen der nördlichen türkischen Stämme von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff, T. VI. Der Dialect der Tarantschi, St.-Pbg., 1886, [3], VI, [2], 272 стр. [Рец.: Techmer,— IZ, IV, 1, 1889, стр. 291—292; о V и VI: W. Sch[ott],— DLZ, 1887, VIII, стлб. 784—785; о I и VI: W. Bang, Altaische Streiflichter? Louvain, 1910; его же, Zur Geschichte der Gutturale im Osttürkischen, Berlin, 1915; W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien,— AKGW, XIII, 1, 1914, стр. 276].

Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. (Lu le 3/15.III.1887),— BAIS, 1887, XXXI, стлб. 544—550 = MélA, 1887, IX, 3, стр. 261—270 = MélA, 1888, IX, стр. 216—270.

Bericht über zwei von N. Katanoff eingereichte Beiträge zur Erforschung des Sagai-Dialectes. (Lu le 3/15.III.1887),— BAIS, 1887, XXXI, стлб. 550—554 = MélA, 1887, IX, 3, стр. 271—275 = MélA, 1888, IX, стр. 271—275.

Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Пер. с нем., Томск, 1887, 26 стр.

Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest, 1880). (Lu le 25.II.1886), St.-Pbg., 1887 (MA, sér. VII, XXXV, № 6), [9], 132 стр. [Рец.: Kuun,— SAIG, 1889, III, стр. 192—199; 1890, IV, стр. 236—251; W. Bang, Schriften,— UJb, 1934, XIV, стр. 7—8].

Отзыв о рукописи Н. П. Припузова: «Сведения для изучения

этнографии Якутского округа, собранные по программе имп. Русского Географического общества»,— ИРГО, 1888, XXIII, стр. 767—769.

Bericht über eine Reise zu den Karaimen der Westlichen Gouvernements. (Lu le 18/30.VIII.1887),— BAIS, 1888, XXXII, стлб. 173—182 = MélA, 1888, IX, 4, стр. 403—416 = MélA, 1888, XI, стр. 403—416.

Der Bericht des Herrn Professor Chwolson über die in dem Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. (Lu le 8/20.III.1888),— BAIS, 1888, XXXII, стлб. 464—465 = MélA, 1888, IX, 4, стр. 595—597 = MélA, 1888, IX, стр. 595—597.

В. В. Радлов, А. А. Куник, Отзыв о работе П. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв.», Киев, 1884,— «Отчет о двадцать девятом присуждении наград графа Уварова», СПб., 1888 (ЗАН, LIX, прил. № 1), стр. 31—36.

В. Радлов, В. Васильев, К. Залеман, Записка об общелингвистической азбуке, составленной по образцу «осетинской азбуки» акад. А. Шёгрена, на основании русских букв, СПб., 1888, 39, [37] стр. [Напечатано в кол-ве 100 экз.].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 1, СПб., 1888, XVIII стр., 320 стлб. [Предисловие на рус. и нем. яз.].

Сибирские древности, I, вып. 1, СПб., 1888 (МАР, № 3), [3], IV, 40, 19 стр. с илл., 1 карта, 6 л. табл. [Рец.: S—y—z,— IAE, II, 1889, стр. 239—240; Д. Клеменц,— ИВСО РГО, 1890, XXI, 2, стр. 69—71].

Предложение о командировке Н. Ф. Катанова,— ИРГО, 1889, XXIV, стр. 422, 468—469.

Разбор надписей надгробных камней, найденных в 1886 году внутри текии Шах Али Хана в Касимове,— ЗАН, 1889, LXI, стр. 1—8, 2 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 2, 3, СПб., 1889, стлб. 321—640, 641—960.

Ярлыки Toктамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, 1889, III, стр. 1—40, 1 табл.

Рец.: В. Вербицкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884, IV, 494 стр.,— ЗВОРАО, 1889, III, стр. 138—141.

W. Radloff und C. Salemann, Bericht über die Abhandlung des Herrn Nik. Anderson «Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen, ein Beitrag

zur ugrofinnischen Lautlehre». (Lu le 18/30.IV.1889),— BAIS, NS, 1890, I (XXXIII), стр. 197—199 = MélA, 1890, X, 1, стр. 1—3.

Über alttürkische Dialekte, 1. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâmeh. (Lu le 22.VIII.1889),— BAIS, NS, 1890, I (XXXIII), стр. 291—351 = MélA, 1890, X, 1, стр. 17—77.

Das türkische Sprachmaterial des im Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften, стр. 138—157. Прил. к: Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semiretschie, hrsg. u. erkl. von D. Chwolson. (Lu le 8.III. 1888), СПб., 1890 (MA, sér. VII, XXXVII, № 8).

Кудатку Билик. **Факсимиле уйгурской рукописи императорской и королевской придворной библиотеки в Вене.** Изд. по поручению имп. С.-Петербургской Академии наук В. В. Радловым. Kudatku Bilik. Facsimile der uigurischen Handschrift der K. K. Hofbibliothek in Wien. Im Auftrage der K. Ak. d. W. hrsg. von Dr. W. Radloff, СПб., 1890, III, XIII, 200, I стр. [Предисловие на нем. и рус. яз.].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 4, СПб., 1890, стлб. 961—1280.

Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. I. Der Text in Transcription hrsg. von Dr. W. Radloff, St.-Pbg., 1891, I, XCIII, 252 стр., 2 л. табл.

Сибирские древности, I, вып. 2, СПб., 1891 (MAP, № 5), III, 41—80 стр. с илл., прил.— стр. 21—52, 8 л. табл.

Титулы и имена уйгурских ханов,— ЗВОРАО, 1891, V, стр. 265—270.

Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen von Steininschriften. (Lu le 18.II.1892),— MélA, 1892, X, 2, стр. 257—270 = BAIS, NS, 1894, III (XXXV), стр. 153—166.

Über eine neu aufgefundene uigurische Inschrift. (Lu le 15.IV. 1892),— MélA, 1892, X, 2, стр. 387—389 = BAIS, NS, 1894, III (XXXV), стр. 327—329.

Предварительный отчет о результатах снаряженной с высочайшего соизволения Императорскою Академиею Наук экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона. С приложениями, СПб., 1892 (СТОЭ, I), стр. 1—12, прил.— стр. 13—113.

Dr. W. Radloff's Vorläufiger Bericht über die Resultate der mit allerhöchster Genehmigung von der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften ausgerüsteten Expedition zur archäologischen Erforschung des Orchon-Beckens. Aus dem Russischen übers. von O. Haller. (Lu le 29.IV.1892),— MélA, 1892, X, 2, стр. 392—406 = BAIS, NS, 1894, III (XXXV), стр. 353—398. (См.: Radloffs Untersuchung des Orchon-Beckens,— «Globus», 1893, LXIV, 5, стр. 69—72). [Рец.:

Heger,— MAG, 1892, XXII, стр. 222—224 (здесь же и об «Атласе»)].

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению имп. Академии наук В. В. Радловым, СПб., 1892 («Труды Орхонской экспедиции», [вып. 1]), [2, 8, 3, 8] стр., 70 л. табл. [Рец.: К. Grotenfeld,— «Valvoja», Helsingfors, 1892, стр. 631—638; «Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским Археологическим обществом», М., 1893, I, стр. 131—133].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 5, СПб., 1892, стлб. 1281—1600.

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению имп. Академии наук В. В. Радловым, СПб., 1893 («Труды Орхонской экспедиции», вып. 2), [12, 1, 12] стр., 18 л. табл., 2 карты.

Aus Sibirien. Löse Blätter aus meinem Tagebuche, 2. Ausgabe, Bd I—II, Leipzig, 1893, VII, 536, 489 стр., 31 л. илл.

К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (ЗАН, 1893, LXXII, прил. № 2), I, 130 стр.

О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях,— ЗВОРАО, 1893, VII, стр. 169—181.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, т. I. Гласные, СПб., 1893, XVIII стр., 1914 стлб., 1, 66 стр. [Рец.: вып. 1—8: H. W[inkle]r,— LZ, 1898, XLIX, стр. 96—97; W. Bang, Turkologische Epikrisen, Heidelberg, 1910; вып. 2—3: Катанов,— ИВСО РГО, 1892, XXIII, № 3, стр. 83—86].

Сибирские древности, I, вып. 3, СПб., 1894 (МАР, № 15), [3], 81—132 стр. с илл., прил.— стр. 53—146, стр. [1], XIX, 8 л. табл.

Note préliminaire sur l'inscription de Kiu-Yong Koan. (Suite) Troisième partie. Les inscriptions ouigours,— JA, sér. 9, 1894, IV, стр. 546—550.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Text, Transcription und Übersetzung, St.-Pbg., 1894, стр. 1—83; II. Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Glossar, Index und die chinesischen Inschriften, übers. von W. P. Wassilijew, St.-Pbg., 1894, стр. 83—174, [2] стр. [Рец.: Н. Веселовский, Орхонские открытия,— ЖМНП, 1894, CCXCII, апр., отд. IV, стр. 59—72; V. Thomsen, Dechifrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Ienissei, notice préliminaire, Copenhague, 1894].

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, III. Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und

die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei, St.-Pbg., 1895, стр. 175—460.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St.-Pbg., 1895, XI, 460 стр. [Рец.: K. Grotenfeld,— «Valvoja», Helsingfors, 1896, стр. 240—248; G. Schlegel,— TP, VI, 1895, стр. 516—525].

Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов степного генерал-губернаторства, СПб., 1895, 10 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 7 (1), СПб., 1895, 320 стлб.

Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. А. А. Бобринского, СПб., 1896, 70 стр., XI л. табл.

Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Собраны В. В. Радловым, ч. VII. Наречия Крымского полуострова, СПб., 1896, XVIII, 408, 527 стр. [Рец.: А. Самойлович, О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов,— ЗКОЕЛП, VI, 1916, стр. 1—7].

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению имп. Академии наук В. В. Радловым, СПб., 1896 («Труды Орхонской экспедиции», вып. 3), [1, 4] стр., 22 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 8(2), СПб., 1896, стлб. 321—640.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, St.-Pbg., 1897, VII, 181, 1 стр. Anhang: 1—36 стр. [Рец.: H. W[inkle]r,— LZ, 1898, стлб. 159—161; W. Bang, Köktürkisches,— WZKM, 1897, XI, стр. 198—200; J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898, VII, 112 стр.; W. Bang,— TP, VIII, 1897, стр. 533—539; его же, Zu den köktürkischen Inschriften,— TP, IX, 1898, стр. 117—141; его же, Zur Erklärung der köktürkischen Inschriften,— WZKM, 1898, XII, стр. 34—54].

В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб., 1897 (СТОЭ, IV), III, 45 стр., 7 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 9 (3), СПб., 1897, 641—960 стлб.

Eine neu aufgefundene alttürkische Inschrift. Vorläufiger Bericht. (Vorgelegt am 12.XI.1897),— ИАН, сер. V, 1898, VIII, № 1, стр. 71—76.

Zum Kudatku Bilik,— ZDMG, 1898, LII, стр. 152.

Zum Kudatku Bilik. Aus einem Brief des Herrn W. Radloff in St.-Petersburg,— ZDMG, 1898, LII, стр. 289.

Über eine in Kairo aufgefundene zweite Handschrift des Kudatku-Bilik. (Vorgelegt am 26.VIII.1898),— ИАН, сер. V, 1898, IX, № 4, стр. 309—319.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 10(4), 11(5), СПб., 1898, стлб. 961—1280, 1281—1600.

Разбор древне-тюркской надписи на камне, найденном на урочище Аиртам-ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда,— ЗВОРАО, 1899, XI, стр. 85—86.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge: W. Radloff, Die Inschrift des Tonjukuk; E. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk; W. Barthold,

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge: St.-Pbg., 1899, (Radloff): VI, XXIV, 122; (Hirth): 1—140; (Barthold): 1—29, 1 стр. [Рец.: E. H. Parker,— EHR, 1901, XV, стр. 149—152; L. N[ocentini],— SAIG, 1899, XII, стр. 242; E. H. Parker, Progress in Old Turkish discoveries,— Ch. R., 1899, XXIV, стр. 21—38; В. Бартольд, Новые исследования об орхонских надписях,— ЖМНП, 1899, CCCXXV, окт., отд. I, стр. 231—250].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, т. II. Согласные: k, к, к̊, ҕ, г, (г̊), **х**, **h**, *ћ*, СПб., 1899, 1814 стлб., 64 стр. [Рец.: R. N. Cust,— JRAS, NS, 1891, XXII, стр. 342; W. Bang, Turkologische Epikrisen, Heidelberg, 1910].

Altuigurische Sprachproben aus Turfan,— в кн.: «Nachrichten über die von der Kaiserl. Akademie der Wiss. zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan», H. 1. St.-Pbg., 1899: D. Klementz, Turfan und seine Alterthümer, стр. 1—53; W. Radloff, Altuigurische... стр. 55—83.

Наречия тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. VIII. Наречия османские. Тексты собраны И. Куношем, СПб., 1899, [3], XLII, 588 стр. [Рец.: LOL, 1900, XI, стр. 125].

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению имп. Академии наук В. В. Радловым, СПб., 1899 («Труды Орхонской экспедиции», вып. 4), [2, 2] стр., 14 л. табл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 13(1), СПб., 1900, 320 стлб.

Реферат: Исследование д-ра Гирта о родословной Аттилы,— ЗВОРАО, 1901, XIII, стр. XX—XXI.

Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. (Vorgelegt am

29.XI.1900),— ИАН, сер. V, 1901, XIV, № 4, стр. 425—462.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 14(2), СПб., 1901, стлб. 321—640.

Türkisch, II,— в кн.: «Marksteine aus der Weltliteratur in Originalschriften», hrsg. von Joh. Baensch-Drugulin, Leipzig, 1902 (из «Kudatku Bilik»), стр. 94—108.

Сибирские древности, II, вып. 1, СПб., 1902 (МАР, № 24), III, 38 стр., 6 л. табл., 11 л. илл.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 15(3), СПб., 1902, стлб. 641—960.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 16, 17 (4, 5), СПб., 1903, стлб. 961—1280, 1281—1600.

Наречия тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. X. Наречия бессарабских гагаузов. Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями), СПб., 1904, X, XXXII, 343, 23, 114 стр. То же. Пер. на рус. яз., СПб., 1904, X, 346 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, т. III, СПб., 1905, 2203 стлб., 98 стр. [Рец.: Э. А. Умаров, К истории одного фразеологизма из словаря В. В. Радлова,— СТ, 1970, № 1, стр. 84—86].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 19(1), СПб., 1905, стлб. 1—320.

Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen, СПб., 1906 (ЗАН, сер. VIII, VII, № 7), 35 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 20(2), СПб., 1906, стлб. 321—639.

Ein uigurischer Text aus dem XII. Jahrhundert,— ИАН, сер. VI, 1907, I, № 11, стр. 377—394. [Рец.: В. И.,— ЖС, 1907, XVI, 3, стр. 41].

Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Тексты, СПб., 1907, VI, XXXII, 668, XLVIII стр. То же. Пер. на рус. яз., СПб., 1907, XXV, 659 стр. [Рец.: С[амойлович],— ЖС, 1908, XVII, 2, стр. 252—253; Э. П[екарский],— ЭО, 1907, № 4, стр. 138; Э. П[екарский],— «Сибирские вопросы», СПб., 1908, № 17—18, стр. 87—88].

Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев. (Доложено на заседании истор.-филол. отд-ния 31.X.1907),— ИАН, сер. VI, 1907, I, № 17, стр. 743—748.

Рец.: Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, состав-

ленный (1882—1907) при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова, вып. I, СПб., 1907,— ЖС, 1907, XVI, 4, стр. 63—65.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 21(3), СПб., 1907, стлб. 641—960.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 22(4), СПб., 1908, стлб. 961—1280.

Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. (Lu le 15/28.XI.1906), St.-Pbg., 1908 (ЗАН, сер. VIII, VIII, № 7), 86 стр. [Рец.: С[амойлович],— ЖС, 1908, XVII, 2, стр. 254—255].

Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben,— ИАН, сер. VI, 1908, II, № 10, стр. 834—856.

В. Радлов, К. Залеман, С. Ольденбург, [Записка об ученых трудах Ч. Р. Лэнмана],— ИАН, сер. VI, 1908, II, № 1, стр. 34—35.

В. Радлов, К. Залеман, С. Ольденбург, [Записка об ученых трудах А. Грюнведеля],— ИАН, сер. VI, 1909, III, № 2, стр. 122.

В. Радлов и другие, Записка об ученых трудах проф. Николая Яковлевича Марра,— ИАН, сер. VI, 1909, III, № 11, стр. 721—732.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 23(5), СПб., 1909, стлб. 1281—1600.

Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung. Anhang,— в кн.: «Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903 von A. Grünwedel»,— ABAW, 1909, XXIV, 1, стр. 181—195.

Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer. Hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1909, VI, 51 стр., facs. [Рец.: E. C[havannes],— TP, X, 1909, стр. 718—719; А. С[амойлови]ч,— ЖС, 1910, XIX, 1—2, стр. 167—170].

Alttürkische Studien (I),— ИАН, сер. VI, 1909, III, № 18, стр. 1213—1220. [Рец.: A. Le Coq, Köktürkisches aus Turfan,— SPAW, 1909, стр. 1047—1064, 4 л. табл.; A. Le Coq, Ein christiches und ein manichäisches Manuscriptfragment in türkischer Sprache aus Turfan,— SPAW, 1909, стр. 1202—1218, 2 л. табл.].

Alttürkische Studien, II,— ИАН, сер. VI, 1910, IV, № 3, стр. 217—228.

Alttürkische Studien, III. Ein Fragment in türkischer Runenschrift,— ИАН, сер. VI, 1910, IV, № 13, стр. 1025—1036.

Ţišastvustik, ein in türkischer Sprache bearbeitetes budd-

histisches Sūtra, I. Transscription und Übersetzung von W. Radloff; II. Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Ṭišastvustik-Manuscripts (Mus. As. Kr. VII) von Staël-Holstein, St.-Pbg., 1910 (Bibliotheca Buddhica, XII), (II), VIII, 143 стр., 2 л. табл. [Рец.: F. W. K. Müller, Uigurica, II, Berlin, 1910, стр. 96—99; A. С[амойлови]ч,— ЖС, 1910, XIX, 1—2, стр. 170—171].

П. К. Коковцов, П. Никитин, В. Радлов, К. Залеман, Н. Марр, [Записка об ученых трудах проф. Гвиди],— ИАН, сер. VI, 1910, IV, № 1, стр. 37—40.

Уйгурские фрагменты, открытые в Восточном Туркестане,— ЗВОРАО, 1910, XIX, стр. XIX—XX.

Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo hrsg. von Dr. W. Radloff, St.-Pbg., 1910, XXIV, 560 стр.

Kuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapuṇḍarika. Hrsg. und übers. von W. Radloff. Mit vier Beilagen und zwei Tafeln, St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca Buddhica, XIV), (2), VIII, 119 стр., 2 л. табл. [Рец.: F. W. K. Müller, Uigurica, II, Berlin, 1910, стр. 99].

Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer),— ИАН, сер. VI, 1911, V, № 12, стр. 867—896. [Рец.: A. Le Coq, Türkische Manichaica aus Chotscho, I,— APAW, 1912, 61 стр.].

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, вып. 24(6), СПб., 1911, стлб. 1601—2230, 107 стр.

Опыт словаря тюркских наречий. Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, т. IV. ų, ц, ȝ, с, з, ш, ж, ж̓, п, б, ф, в, м, СПб., 1911, 2230 стлб., [1], 107, [1] стр.

Alttürkische Studien, IV. Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte (mit einer Schrifttafel),— ИАН, сер. VI, 1911, V, № 5, стр. 305—326.

Alttürkische Studien, V. Die alttürkischen Dialekte,— ИАН, сер. VI, 1911, (V), № 6, стр. 427—452.

Alttürkische Studien, VI,— ИАН, сер. VI, 1912, [VI], № 12, стр. 747—778.

Турфанские тексты в лингвистическом отношении,— ЗВОРАО, 1913, XXI, стр. XIV—XVI.

Suvarṇaprabhāsa (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, СПб. — Пг., 1913—1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII), XV, 723 стр.

Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des

Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg. Памятники уйгурского языка. Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова, Leningrad, 1928, VIII, 305 стр., 3 л. табл.

Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. Н. Н. Козьмина, Иркутск, 1929.

Suvarṇaprabhāsa. (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov hrsg., I—III, Leningrad, 1930 (Bibliotheca Buddhica, XXVII), II, 256 стр.

Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, Bd 1—4, Gravenhage, 1960.

Опыт словаря тюркских наречий, т. 1—4, М., 1963 (перепечатано с изд.: СПб., 1893—1911).

II. ЛИТЕРАТУРА О В. В. РАДЛОВЕ

Русский энциклопедический словарь, изд. И. Н. Березиным. Отд. 4, т. I, СПб., 1875, стр. 32.

Meyers Konversations-Lexikon, 4. Aufl., XIII, Leipzig, 1889, стр. 543.

История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества. 1845—1895. Составил по поручению Совета имп. Русского Географического общества вице-председатель общества П. П. Семенов при содействии действ. члена А. А. Достоевского, ч. I, отд. 1—3, СПб., 1896, стр. 166, 179, 263, 294, 295—298, 464, 485, 551, 966, 968, 1189, 1190, 1262.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, XXVI (51), 1899, стр. 92—93.

Энциклопедический словарь, под ред. М. М. Филиппова, III, СПб., 1901, стлб. 2810—2811.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, III, СПб., 1902, стлб. 893.

Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат, XXXV, М., [б. г.], стлб. 444—446.

Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова, XVI, СПб., 1904, стр. 98.

Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова, СПб., 1907, 111 стр. с илл. (стр. 3—25: К. Г. Залеман, Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке).

Музей антропологии и этнографии имп. Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова. 1894—1906.

Сост. Л. Я. Штернбергом, С. Ф. Ольденбургом, Б. Ф. Адлером, Е. Л. Петри, Ю. В. Людевигом, Е. М. Романовой,— в кн.: «Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова», СПб., 1907, стр. 27—109 с илл.

Шесть адресов, поднесенных В. В. Радлову в день пятидесятилетия его ученой деятельности,— ЖС, 1909, XVIII, вып. 2—3, стр. XXVI—XXXIII.

Л. Я. Штернберг, Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды),— ЖС, 1909, XVIII, вып. 2—3, стр. I—XXV, портр.

V. Gordlevski, Radloff,— «Türk Derneği», İstanbul, 1909, № 3, стр. 76—80.

Vasili Radlof,— «Çukiç», Orenburg, 1909.

75-летний юбилей дня рождения акад. Василия Васильевича Радлова. 1837 г. 5 января — января 5 1912 г., СПб., 1912, 35 стр. с илл., 1 портр. (стр. 5—8: К. Г. Залеман, Труды В. В. Радлова в хронологическом порядке).

С. Е. Малов, Юбилей академика В. В. Радлова,— «Камско-Волжская речь», Казань, 5.I.1912, № 4.

А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог,— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО», 1912, XV, I, стр. 23—33.

Türkologlardan V. V. Radlof ve Wilhelm Tomsen,— «Türk Yurdu», İstanbul, 1912, № 6, стр. 171—177.

Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук, ч. 2. М — Я, Пг., 1917, стр. 121—136 (список трудов).

Ко дню восьмидесятилетия академика В. В. Радлова (1837—1917),— «Сборник Музея антропологии и этнографии», V, 1, Пг., 1918, X, 400 стр.

В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918,— ИРГО, 1918, LIV, 1, стр. 164—189.

С. Ф. Ольденбург, Василий Васильевич Радлов. 5 января 1837—1918 29 апреля/12 мая. Некролог,— «Азиатский сборник. Из «Известий Российской Академии наук». Новая серия, Пг., 1918, [I], стр. 1233—1236, 1 портр.

То же,— ИРАН, сер. VI, 1918, XII, стр. 1233—1236.

B. Munkácsi, Radloff Vilmos (1837—1918),— «Budapesti Szemle», 1918, № 176, стр. 425—461.

А. Н. Самойлович, Радлов как турколог. (Речь, произнесенная в публичном заседании РАН 12 мая 1919 г.),— «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 707—712.

Enciclopedia Italiana, XXVIII, Roma, 1935, стр. 731—732.

Памяти великого тюрколога академика В. В. Радлова

(К столетию со дня рождения: 1837—1937),— «Революция и национальности», 1937, № 2, стр. 79—81.
W. Kotwicz, Travaux de W. Radloff relatifs à la langue manchoue,— RO, 1939, XIV, стр. 103—112.
Большая Советская энциклопедия, XLVIII, М., 1941, стлб. 81—82.
Şükrü Akkaya, Radloffun hayatı ve eserleri, Ankara, 1952.
Ahmet Temir, Leben und Schaffen von Friedrich Wilhelm Radloff (1837—1918). Ein Beitrag zur Geschichte der Türkologie,— «Oriens», Leiden, 1955, VIII, № 1, стр. 51—93. (Библиография трудов В. В. Радлова — стр. 71—87, литература о нем — стр. 70—71).
О. Э. Ливотова, Основная литература об Азиатском музее — Институте востоковедения АН СССР (1776—1954),— ОИРВ, сб. 2, М., 1956, стр. 502—503.
История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография, М., 1965, стр. 616—617.
О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль, Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография, М., 1966, №№ 1338—1386.
В. А. Гордлевский, Памяти В. В. Радлова (1837—1918),— Избранные сочинения, т. IV, М., 1968, стр. 371—372.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел», СПб.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЖС — «Живая старина», СПб.
ЗАН — «Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Classe des sciences historico-philologiques», sér. VIII, СПб.— Пг., 1897—1918, т. I—XIII. В 1862—1895 гг.— без указания серии.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», СПб.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗКОЕЛП — «Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы», Симферополь.
ЗРГО — «Записки Русского географического общества», СПб.
ИАН — «Известия имп. Академии наук. Bulletin de l'Académie des Sciences de St.-Pétersbourg», СПб.
ИВСО РГО — «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», Иркутск.
ИРГО — «Известия Русского географического общества», СПб.
МАР — Материалы по археологии России.
НВ — «Новое время» (газета), СПб.

ОИРВ — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 1—6, М., 1953—1963.
СТ — «Советская тюркология», Баку.
СТОЭ — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. I—VI, СПб., 1892—1903.
ТГВ — «Томские губернские ведомости» (газета), Томск.
ЭО — «Этнографическое обозрение», М.
ЭСБЕ — Энциклопедический словарь. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (СПб.), т. 1—82, 1/д—4/д, СПб., 1890—1907.

ABAW — «Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse», München.
AKGW — «Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse». Neue Folge, Göttingen.
APAW — «Abhandlungen der Königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
AWKR — «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», hrsg. von A. Erman, Berlin.
BAIS — «Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg», I—XXXII, 1860—1888; то же, NS, I (XXXIII) — XXV (XLVIII), 1890—1906.
CAJ — «Central Asiatic Journal», Wiesbaden.
Ch.R. — «The China Review or Notes and Queries on the Far East», Hongkong.
DLZ — «Deutsche Literaturzeitung», Berlin.
DTCFD — «Ankara Üniversitesi Dil, Tarih ve Coğrafya Fakültesi Dergisi», Ankara.
EHR — «English Historical Review», London.
GGA — «Göttingische Gelehrte Anzeigen».
GJb — «Geographisches Jahrbuch», Gotha.
IAE — «Internationales Archiv für Ethnographie», Leiden.
IZ — «Internationale Zeitschrift für Allgemeine Sprachwissenschaft», hrsg. von F. Techmer, Bd I—V, Leipzig.
JA — «Journal asiatique», Paris.
JRAS — «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
KZ — «Kölnische Zeitung», Köln.
LBOPh — «Literatur Blatt für orientalische Philologie», Leipzig.
LOL — «Luzac's Oriental List and Book Review», London.
LZ — «Literarisches Zentralblatt für Deutschland», Leipzig.
MA — «Mémoires de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg», St.-Pbg.
MAG — «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien».
MLA — «Magazin für die Literatur des Auslandes», hrsg. von J. Lehmann, Berlin.
MPGA — «Dr. A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthe's geographischer Anstalt», Gotha.
MélA — «Mélanges asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St-Pétersbourg».
MélR — «Mélanges russes, tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».
PRGS — «Proceedings of the Royal geographical society», London.
RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów (Kraków).

RR — «Russische Revue. Monatsschrift für die Kunde Russlands», St.-Pbg.
SAIG — «Società Asiatica Italiana Giornale», Florence.
SBAW — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. Philosophisch-philologische und historische Klasse».
SPAW — «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
TP — «T'oung Pao», Paris — Leiden.
UJb — «Ungarische Jahrbücher», Berlin — Leipzig.
VGE — «Verhandlungen des Gesellschaft für Erdkunde», Berlin.
WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.
ZE — «Zeitschrift für Ethnologie und ihre Hülfswissenschaften», Berlin.
ZGE — «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin».
ZVS — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Berlin.

ХРОНИКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ В. В. РАДЛОВА

С 11 по 14 июня 1968 г. в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР состоялась Тюркологическая конференция. Она была посвящена памяти акад. В. В. Радлова (1837—1918), крупнейшего русского востоковеда конца XIX — начала XX в., одного из основоположников филологической школы отечественной тюркологии.

Как и в Тюркологической конференции 1967 г.[1], в ней приняли участие не только ленинградские тюркологи, китаисты и монголисты, но и широкий круг гостей — ученые Москвы, Казани, Баку, Тбилиси, Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе, Кызыла, Тарту, Будапешта. Приветствия конференции прислали: проф. В. В. Решетов (Ташкент); акад. АН КиргССР проф. К. К. Юдахин (Фрунзе); директор Института истории и филологии СО АН СССР, Председатель Объединенного Совета по гуманитарным наукам СО АН СССР, член-корр. АН СССР А. П. Окладников; директор Института этнографии АН СССР, член-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей; и. о. заместителя директора Института этнографии АН СССР А. М. Сабурова; акад. АН КазССР А. Х. Маргулан.

На двух пленарных заседаниях — 11 и 14 июня — было заслушано восемь докладов, в которых раскрывалась многолетняя плодотворная деятельность В. В. Радлова в самых различных областях тюркологии.

Первое пленарное заседание открыл член-корр. АН СССР, проф. А. Н. Кононов, который подчеркнул, что настоящая встреча тюркологов — скромная дань уважения заслугам В. В. Радлова, чье имя золотыми буквами вписано в историю тюркологии.

Научные заслуги В. В. Радлова и значение его трудов в разработке различных областей тюркологии, а также в накоплении лингвистических и фольклорных материалов по многим тюркским языкам были раскрыты в докладе А. Н. Ко-

[1] См.: «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, стр. 241—244.

нонова «В. В. Радлов и отечественная тюркология». Докладчик отметил, что благодаря трудам В. В. Радлова наша тюркологическая наука поднялась на новую ступень и что по сей день исследования по истории, этнографии, культуре и языкам тюркских народов не могут быть успешными без творческого использования богатого наследия ученого.

Доклад акад. АН КазССР М. С. Сильченко (Алма-Ата) «В. В. Радлов и изучение тюркского фольклора» был посвящен монументальным трудам ученого — «Образцы народной литературы...», «Aus Sibirien» и «Сибирские древности». Докладчик раскрыл основополагающее значение этих работ для исследования фольклора ряда тюркских народностей; в них, по его словам, содержится богатый материал, по которому можно воссоздать структурный и жанровый состав тюркского фольклора, а также заложены основы комплексного исследования тюркского народного стиха.

В связи с докладом М. С. Сильченко выступил также акад. В. М. Жирмунский. Он отметил непреходящее значение труда В. В. Радлова «Aus Sibirien» для изучения этнографии и фольклора тюркских народов Сибири. Оратор внес предложение об издании этого классического труда на русском языке. Оценивая вклад В. В. Радлова в изучение тюркского стихосложения, В. М. Жирмунский подчеркнул, что именно В. В. Радлов дал науке богатейший тюркский фольклорный материал в точной записи и с высококвалифицированными переводами, которые и поныне служат источником для исследований многих ученых-нетюркологов, в том числе и зарубежных.

Э. Р. Тенишев (Москва) посвятил свой доклад «В. В. Радлов — фонетист и грамматист» истории формирования лингвистических взглядов В. В. Радлова (роль немецких языковедческих школ и казанской школы, в частности И. А. Бодуэна де Куртенэ), раскрытию его фонетической и грамматической концепций. Он подчеркнул, что в трудах ученого нашли свое отражение идеи компаративизма и представление о фонетике как об исторически изменяющейся, динамической системе языка.

В докладе С. И. Вайнштейна (Москва) и С. Г. Кляшторного (Ленинград) «В. В. Радлов— историк, этнограф и археолог» была раскрыта деятельность ученого в области исследования истории и культуры народов Центральной и Средней Азии, Южной Сибири, археологии Сибири и Алтая, его организационная деятельность в области создания первого этнографического центра в России (Музей антропологии и этнографии Академии наук), были рассмотрены гипотезы В. В. Радлова, объясняющие специфику исторического разви-

тия охотничьих и кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири. Докладчики отметили, что В. В. Радлов ввел в научный оборот большое количество достоверных сведений о быте и культуре тюрков Сибири, которые до него либо совсем не были известны в ученом мире, либо были известны в искаженном виде.

На следующем пленарном заседании А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «В. В. Радлов и изучение рунических памятников» говорил о деятельности В. В. Радлова по изучению древних тюркских письменных памятников; об организации им академической экспедиции в Монголию, обследовавшей памятники на местах; об их издании; о роли В. В. Радлова в первом прочтении и переводах крупнейших из них, а также о последующем лингвистическом изучении не только орхонских, но и многочисленных енисейских памятников; о трудах В. В. Радлова, подводящих итоги его исследовательской работы в этой области.

Новый этап научной деятельности В. В. Радлова, связанный с изучением им древнейших тюркских памятников из Восточного Туркестана, нашел свое отражение в докладе Д. М. Насилова (Ленинград) «В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников». Докладчик рассказал о принципах издания В. В. Радловым древнеуйгурских текстов и дал характеристику взглядов ученого на язык этих памятников и на место этого языка среди других древних и современных языков.

О значении известных лексикографических трудов ученого шла речь в докладе Л. Ю. Тугушевой «В. В. Радлов — лексикограф и лексиколог».

Доклад Г. Ф. Благовой (Москва) «В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии» был посвящен выявлению топонимического богатства, сосредоточенного в трудах ученого. На материалах двух томов «Aus Sibirien» прослеживалась методика полевого сбора топонимии, не уступающая современной, и приемы топонимического анализа. Работа исследователя над «Образцами народной литературы тюркских племен» позволила ему ввести в научный обиход топонимию многих других ареалов, а в «Опыте словаря тюркских наречий» сделана первая попытка собрать топонимию всего тюркоязычного региона.

12 и 13 июня были проведены симпозиумы по двум темам — лингвистической и историко-культурной,— разработка которых была начата в свое время в трудах В. В. Радлова «Фонетическая и морфологическая структура слова в тюрк-

ских языках» и «Уйгуры и их роль в этнической и культурной истории Центральной Азии и Южной Сибири».

На заседаниях симпозиума 12 июня было заслушано 16 выступлений. Симпозиум открыл Э. В. Севортян (Москва). Он отметил, что вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках впервые был выдвинут и принципиально освещен именно В. В. Радловым в его широко известной работе «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen». И хотя со времени появления в свет названной работы В. В. Радлова прошло 65 лет, ученые и поныне пользуются ею как теоретической базой в своих исследованиях, так или иначе соприкасающихся с вопросом о строении слова в тюркских языках.

Секрет живучести этой небольшой работы В. В. Радлова — в проницательном отборе наиболее существенных особенностей строения тюркского слова, в тонком моделировании — как мы сказали бы сейчас — структуры слова в языках тюркской генеалогической общности.

В самые последние годы тюркское языкознание начинает вновь возвращаться к теме о строении слова. Попытки такого рода наметились еще несколько десятилетий тому назад в исследовании покойного К. Грёнбека «Der türkische Sprachbau» (København, 1936), но последовавшие затем работы зарубежных тюркологов ничего существенного к соображениям К. Грёнбека не добавили.

После лингвистической дискуссии 1950 г. в советском языкознании вопрос о морфологическом строении слова занял прочное место в ряду теоретических проблем, привлекающих к себе неослабевающее внимание языковедов.

Строению слова в различных языковых семьях — помимо целого ряда книг и многих статей — была посвящена специальная дискуссия, состоявшаяся в Ленинграде. В ней приняли участие также тюркологи.

С начала 60-х годов весьма заметно продвинулась разработка соответствующих разделов грамматик по тюркским языкам, касающихся структуры слова. Последовала серия кандидатских и докторских диссертаций на данную тему.

Если в одних из них суть дела свелась к детализации и конкретизации уже известных положений В. В. Радлова, то в других, как, например, в докторской диссертации С. У. Усманова, была сделана попытка к разграничению в живом слове, как коммуникативной единице, речевых и структурных элементов.

В последние годы стали появляться специальные разделы о морфологическом строении слова в расширенных грамматических описаниях.

Накопились новые наблюдения, выработались или вырабатываются новые точки зрения, наметились новые направления исследований.

Все эти факты говорят об актуальности и своевременности темы настоящего симпозиума, говорят о полезности взаимной информации и обмена мнениями по классической «радловской» теме морфологического строения слова в тюркских языках.

Затем выступил А. М. Щербак (Ленинград). Он отметил важное значение изучения фонетических особенностей слога в тюркских языках как комплексной фонологической единицы, изложил некоторые результаты своих исследований в этой области, остановился на ряде спорных вопросов структуры древнетюркского слога. А. М. Щербак высказал мнение, что в тюркском праязыке слоги имели ту же структуру и организацию, что и в современных тюркских языках.

Ф. А. Ганиев (Казань) посвятил свое выступление явлениям конверсии в татарском языке, заключающимся в том, что «одно и то же слово в одной и той же форме в зависимости от контекста может относиться к разным частям речи». Он сопоставил это явление с аналогичными явлениями в романских и германских языках. По его мнению, «конверсия в татарском языке является одним из основных способов словообразования».

Некоторые вопросы фонетической структуры отдельных слов в монгольских языках на основе этимологических сопоставлений их с соответствующими тюркскими словами были затронуты в выступлении Т. А. Бертагаева (Москва).

В сообщении Г. П. Мельникова (Москва) была предпринята попытка показать взаимосвязь между морфологической и фонологической структурой слова в тюркских языках с позиций системного подхода, при котором равное внимание уделяется как структуре, так и субстанции языка. Строй тюркских языков рассматривается Г. П. Мельниковым как система, определяющей чертой (детерминантой) которой является «принцип экономии аффиксов», обусловливающий важнейшие особенности языка на всех уровнях.

Следует ряд очевидных выводов, вытекающих из формулировки детерминанты тюркского строя.

При тенденции к экономии аффиксов чистый корень должен в определенных контекстах функционировать как самостоятельное слово. Экономия в оформлении корней ведет к необходимости выражения части грамматической информации с помощью корней и, следовательно, к увеличению числа корней во фразе. Возрастает роль строгого порядка слов, общего контекста, опоры на «логику вещей». Эффективность

выражения грамматической информации позиционными средствами делает не только излишней, но и вредной специализацию слов по частям речи. Это в свою очередь предполагает сведение всех типов синтаксических отношений к возможному минимуму: уточняемое — уточнение и тема — рема. Требование членораздельного произношения корневых цепочек приводит к необходимости наличия гласных и согласных в корне, а увеличенный (по сравнению, например, с русским) состав корней во фразе ведет к укорачиванию длины корней. Отсюда — тенденция к их односложности. Аффиксы, которые хотя и экономно, но добавляются к корням, также должны быть членораздельными и, следовательно, по рассмотренным причинам тяготеть к односложности. Потребность исключения из слова любого грамматического значения, выраженного аффиксами, если соответствующая информация стала очевидной из контекста, приводит к необходимости закрепления за аффиксами минимума грамматических значений, а сами аффиксы должны легко вычленяться из любого места цепочки морфем и легко объединяться в цельнооформленное слово. Для легкости вычленения аффиксов в языке развиваются средства, обеспечивающие прозрачность морфемного стыка, отсутствие фузии согласных, а нагрузка по обеспечению цельнооформленности падает на гласные, и в связи с этим развивается гармония гласных. Функциональная роль чередования гласных делает необходимой ясность акустической противопоставленности гласных, что приводит к развитию богатых по составу симметричных систем гласных. Корень как обязательный компонент слова должен быть максимально распознаваем и потому акустически максимально стабилен; сингармонически варьироваться могут лишь гласные аффиксов. Но состав согласных в аффиксах не должен препятствовать варьированию гласных, поэтому в аффиксах должны легко закрепляться акустически «податливые» согласные, такие, как сонорные. Наоборот, сингармоническая независимость корня должна сопровождаться очевидностью его сингармонической принадлежности как ведущего звена в цепи, поэтому согласный первого слога должен сам помогать первому гласному задавать нужный сингармонический тембр. Сонорные в этой роли выступать не могут, и в процессе эволюции тюркского строя они должны были в начале корня исчезнуть или превратиться в несонорный согласный. Второй согласный корня находится в противоречивом положении, поэтому здесь лишь в определенных случаях наблюдаются переходы сонантов в несонанты, например, *р* в *з* или *л* в *ш*.

Детерминантный анализ позволяет объяснить и другие особенности строя тюркских языков. Так, если учесть, что

семантически рема высказывания является конкретизированной темой, а конкретизация, при экономии аффиксов, должна выражаться в форме атрибутивных цепочек, то становится понятно, почему так часто в тюркском предложении подлежащее прямо или косвенно повторяется в сказуемом. При этом вычленимость фразы в потоке фраз наиболее эффективна в тех случаях, когда совпадающие или соотносимые части темы и ремы охватывают предложение как скобками. Поэтому желательно, чтобы уточняющие элементы ремы стояли перед уточняемыми, а необходимость однотипности синтаксических структур распространяет это правило на любые атрибутивные цепи. Отсюда же вытекают тенденция к однотипности интонационного рисунка тюркской фразы, стремление вложить сложную мысль в рамки унифицированной структуры атрибутивной ремы и все другие характерные черты тюркского строя.

Таким образом, знание детерминанты и учет как структурной, так и субстантной информации позволяют убедиться в том, что все в языке системно взаимообусловлено, и изолированное рассмотрение только одного яруса языка в настоящее время уже недостаточно эффективно.

Д. Кара (Будапешт) говорил о структуре монгольского слова в сравнении со структурой слова в тюркских языках. Он указал при этом на некоторые фонетические и морфологические явления (флексия, префиксация, парные слова), которые мало привлекались для типологических исследований, и подчеркнул необходимость прослеживать историю каждого отдельного слова.

Содержательное сообщение Э. В. Севортяна (Москва) было посвящено ряду проблем морфологической структуры тюркского слова. Речь шла об автономности и определяющем грамматическом статусе основы, с одной стороны, и подчиненном характере изменяемой части слова — с другой; о неизменности основы слова в синхронном плане; о закономерностях последовательности морфем в словах разной морфологической структуры и семантическом строении грамматической части слова в парадигматическом плане (моно- и полисемантичность аффиксов, эллипсис аффиксов в случаях грамматической избыточности и т. д.), а также о типах морфологического членения слова на лексическую и грамматическую части. Э. В. Севортян подчеркнул, что для выяснения морфологического строя слова необходимо обращение не к истории языка, а к изучению продуктивного функционирования аффиксов.

В. И. Цинциус (Ленинград) показала необходимость использования сравнительно-исторических данных и приема

внутренней реконструкции для изучения структуры слова в языках агглютинативного строя.

С. А. Атамирзаева (Ташкент) посвятила свое выступление некоторым нехарактерным для других тюркских языков фонетическим особенностям структуры узбекского слова.

Оценка отдельных фактов фонетики и морфологии различных тюркских языков в свете «принципа экономии аффиксов», изложенного Г. П. Мельниковым, содержалась в выступлениях Г. Ф. Благовой (Москва), Л. А. Покровской (Москва), А. Н. Кононова (Ленинград), В. И. Асланова (Баку), В. Г. Гузева (Ленинград), А. М. Щербака (Ленинград).

Подводя итоги дискуссии, председательствующий, Э. В. Севортян, сказал, что обмен мнениями на настоящем симпозиуме был плодотворным и полезным. Важно, что участники симпозиума получили представление о ведущихся исследованиях в данной области или же по темам, так или иначе соприкасающимся с темой о строении слова в тюркских языках.

На симпозиуме были высказаны некоторые ценные пожелания. Первое среди этих пожеланий — оно разделяется всеми — это регулярность тюркологических собраний. Хотя языковедные проблемы разрешаются не на симпозиумах или конференциях, периодическая взаимная информация и обмен мнениями важны как способ координации и консолидации научных исследований. Второе пожелание, высказанное рядом участников, касается актуальности вопросов, которые будут выноситься для обсуждения на будущих собраниях.

В заключение Э. В. Севортян выразил свою признательность за проведенный симпозиум и от имени всех участников поблагодарил А. Н. Кононова за проделанную под его руководством большую работу по организации симпозиума о строении слова в тюркских языках.

На заседаниях симпозиума 13 июня выступили 15 участников конференции.

В сообщении С. И. Вайнштейна (Москва) на основании археологического, этнографического, исторического и лингвистического материала была показана сложность вопроса о происхождении тувинского народа. Несомненно участие древних уйгуров в этногенезе как западных, так и восточных тувинцев.

Э. Р. Тенишев (Москва) согласился с выводами С. И. Вайнштейна. В своем выступлении он коснулся роли древних уйгуров в этнических процессах Южной Сибири и Центральной Азии. Для решения этой проблемы Э. Р. Тенишев предложил исследовать следующие взаимосвязи: древние уйгуры — тувинцы, древние уйгуры — якуты, древние

уйгуры — современные уйгуры, древние уйгуры — желтые уйгуры, древние уйгуры — дунгане, древние уйгуры — монголы.

Б. С. Сулейменов (Алма-Ата) подчеркнул роль В. В. Радлова как просветителя и предложил издать его избранные труды в переводе на русский язык и научную биографию ученого.

А. А. Гаврилова (Ленинград) высказала предположение о том, что «сросткинскую» культуру, которую раньше связывали с кыргызами, можно отнести к уйгурам. На это указывает появление новой культуры и нового антропологического типа в конце VIII в. Найденная докладчицей на Енисее серебряная чаша (чарка) с уйгурской надписью согласуется с бытованием на Саяно-Алтае сросткинского типа поясов. Те и другие сходны с уйгурскими изображениями чаш и поясов из Турфана.

Г. В. Исхаков (Алма-Ата) остановился на вопросе об этнических и культурных связях древних и современных уйгуров.

А. М. Щербак в своем выступлении указал на необходимость выделения и различения нескольких аспектов проблемы уйгуров: культурно-исторического, этнического и языкового. В языковом отношении уйгурская проблема должна решаться на основе разделяемого многими тюркологами положения о наибольшей близости к древнеуйгурскому языку языков юго-восточной («уйгуро-карлукской») и южной («огузской») групп.

Г. П. Супруненко (Фрунзе) рассказала о новых китайских материалах, свидетельствующих о намеренном разжигании китайцами вражды между уйгурами и кыргызами в IX в., после поражения уйгуров в 840 г.

Д. Кара (Будапешт) в своем выступлении коснулся той роли, которую сыграли уйгуры в развитии культуры и языка монголов. В первый — если не считать уйгуро-киданьских связей — период этого влияния, в XIII—XIV вв., монголы через посредство уйгуров заимствовали алфавит, книгопечатание и буддийскую культуру, создали письменность. Монгольский язык этого периода является важным источником для изучения лексики уйгурского языка. Второй период — XV—XVI вв.— связан с усилением приверженности монголов к буддийской культуре, которая сопровождалась обновлением их культурной жизни. Фрагменты монгольской коллекции С. Е. Малова, хранящиеся в ИВАН СССР, относятся к этому периоду (монгольский текст фрагментов снабжен уйгурскими колофонами). Докладчик заметил, что выявление тюркских народностей, которые были носителями уйгурского литературного языка, представляет значительный интерес.

Об уйгуро-тангутских исторических и культурных связях рассказал Е. И. Кычанов (Ленинград), который отметил значительное влияние уйгуров на распространение буддизма среди тангутов и на формирование тангутской иконописи. Уйгуры, пришедшие после разгрома их кыргызами в район Ганьчжоу (пров. Ганьсу), столкнулись с местным населением: китайцами, тибетцами и, видимо, согдийцами. Позднее, в XI в., на этой территории происходили военные столкновения уйгуров с тангутами, в результате которых уйгуры Ганьчжоу попали под власть тангутов.

С. М. Абрамзон (Ленинград) в выступлении, касавшемся киргизо-уйгурских связей, отметил, что уйгурский элемент принимал участие в этногенезе народов Средней Азии, в том числе и киргизов, предки которых в X—XII вв. имели этнические контакты с уйгурами и карлуками. Уйгуры сыграли определенную роль и в этногенезе киргизов Синьцзяна. Историко-культурные связи уйгуров и киргизов проявляются и в материальной, и в духовной культуре, хотя в языке подобных связей не наблюдается.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) коснулся в своем выступлении наиболее важных проблем, стоящих перед уйгуроведами. К таким проблемам относятся: периодизация истории уйгуров, исследование и публикация источников, выявление роли уйгурской культуры и ее влияния на культуры других народов.

Вне основной программы конференции были заслушаны информационные сообщения Н. А. Баскакова (Москва) и В. И. Цинциус (Ленинград) об очередной сессии «Постоянной международной алтаистической конференции» (PIAC), проходившей 2—6 июня 1968 г. в Копенгагене, и доклад А. С. Тверитиновой (Москва), посвященный некоторым нерешенным проблемам турецкого феодализма.

А. С. Тверитинова обратила внимание присутствующих на три аспекта ленной системы в Османской империи: 1) характер и объем владетельных прав сипахиев; 2) состав тимарного владения; 3) хозяйственная деятельность ленных владельцев. Докладчица пришла к выводу, что турецкие ленники не только вели войны и получали доходы с владений, но сами активно и постоянно занимались хозяйственной деятельностью в своих имениях. Бóльшую часть своих земель они обязаны были сдавать в аренду райятам, но при этом следили за состоянием их хозяйства, посевами, доходами и пр. Их личный чифтлик носил название хассá. На его землях феодал содержал скот и обрабатывал его с помощью отработочной ренты крестьян. А. С. Тверитинова отметила, что военноленная система в Османской империи не препятствовала раз-

витию феодализма, как утверждают турецкие и некоторые другие исследователи.

Выступавший в порядке обсуждения доклада А. С. Тверитиновой А. Д. Новичев (Ленинград) отметил, что, несмотря на давнюю и активную в наши дни разработку проблемы феодализма в Османской империи, нерешенных вопросов по этой проблеме больше, чем решенных, причем юридическая сторона вопроса изучена лучше, чем фактическая. А. Д. Новичев предложил обратить особое внимание на исследование османских дефтеров и статистического материала, чтобы получить реальное представление о формах проявления издольщины, о хозяйственной деятельности сипахиев в тесной связи с городской жизнью, о проблеме оседлого и кочевого населения и др.

В. П. Курылев (Ленинград) высказал предположение, что в Турции в феодальный период существовала сельская община. Он подчеркнул, что в современной турецкой деревне есть явления, свидетельствующие в пользу этой гипотезы.

Н. А. Дулина (Ленинград) в своем выступлении отметила чрезвычайную важность вывода о хозяйственной деятельности турецких феодалов, сделанного А. С. Тверитиновой, для выяснения сущности проблемы османского феодализма и ее дальнейшего исследования.

Председательствующий А. Н. Кононов (Ленинград) предложил организовать семинар по проблеме турецкого феодализма.

На конференции было принято решение обратиться к издательству «Советская энциклопедия» и Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» с просьбой ускорить публикацию двух лексикографических трудов Э. Н. Наджипа: «Уйгурско-русский словарь» и «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в.».

В резолюции, принятой участниками конференции, подчеркивается «чрезвычайная важность объединения усилий в разработке кардинальных научных проблем тюркологии и периодических встреч ученых для их обсуждения». В ней также говорится: «Конференция считает необходимым провести в будущем году 3-ю Тюркологическую конференцию в Ленинграде, посвященную столетию со дня рождения П. М. Мелиоранского. Конференция вновь подтверждает мнение о необходимости создания Ассоциации тюркологов и проведения Всесоюзного тюркологического съезда».

14 июня участники конференции возложили венки на могилу В. В. Радлова на Лютеранском кладбище Ленинграда.

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Д. М. Насилов

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
74	16 сн.	ثوـوُد تغوخى	ثوقوُتغوچى
108	5 св.	*Akkыс-cuк*	*Akkыс-cyк*
111	5 св.	*Торгӱн-чăр*	*Тŏргӱн-чăр*
113	2-3 св.	*Saldschas bashy*	*Saldschar bashy*
117	5 сн.	в одно целое,	в одно целое»,
118	8 св.	*Künzäs*	*Küṅzäs*
122	25 св.	*Yылдыс köl*	*Jылдыс kŏl*
176	23 св.	государства» 39.	государства» 39, он имел в виду, что это государство возглавлялось династией монгольского происхождения.
188	5-6 св.	чагатайского языка, классической чагатайской литературы	чагатайского языка классической чагатайской литературы
199	17 сн.	terare bulgare,	bulgare, –
217	24 св.	atlyɣjol	atlyɣ jol
219	13 св.	joltäŋri	jol täŋri
227	9 сн.	его же,	M. Mansuroǧlu,
229	9 сн.	*ǧay*	*ǧay*
266	15 сн.	216	261
267	7 св.	XI	IX
271	15 св.	der Mongolei. Zweite Folge:	und die arabischen Çuellen,

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК, 1971

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Л. С. Ефимова*
Младший редактор *И. И. Исаева*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 31/VIII 1971 г.
Подписано к печати 31/XII 1971 г.
А-11320. Формат 60 × 90[1]/16. Бумага № 2
Печ. л. 18,25 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 18,69
Тираж 2000 экз. Изд. № 2833. Зак. 927
Цена 1 р. 57 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

1р.57к.